

УДК 94(47+57)(4)“654”;(093)930.25
ББК 63.3(2Рос-Евр)79.3
А87

Издание подготовлено при содействии
Rothschild Foundation Europe

Архив еврейской истории / Международный исследовательский
А87 центр российского и восточноевропейского еврейства / Гл. ред.
О. В. Будницкий. Т. 6. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. — 350 с. : ил.

ISBN 978-5-8243-1559-2

В шестом томе «Архива еврейской истории» публикуются различные материалы и исследования, посвященные истории российского еврейства и охватывающие период с конца XVIII до середины XX в. Открывает том дневник сержанта Б. Г. Комского за 1943–1945 гг., первые записи в котором относятся к периоду битвы на Курской дуге, последние сделаны в Восточной Пруссии. Читатели найдут в книге исследования о роли евреев в основании овцеводства в Белоруссии и реформировании розничной торговли в Великобритании, деятелях сионистского движения в СССР в 1920-е гг. В том включены исследования о «Дер Фрайнд» — первой ежедневной газете на идише в России и позиции американской идишской газеты «Форвертс» по отношению к России и Германии во время Первой мировой войны. Среди документальных публикаций — проект преобразования еврейской жизни, составленный во второй четверти XIX в., переписка о попытках М. А. Алданова войти на книжный рынок Израиля, письма еврея-солдата русской армии во время Первой мировой войны. Представленные в 6 томе «Архива» материалы извлечены из архивохранилищ Москвы, Санкт-Петербурга, Иерусалима и Нью-Йорка. Среди авторов и публикаторов — исследователи из России, Великобритании, Израиля и США.

УДК 94(47+57)(4)“654”;(093)930.25
ББК 63.3(2Рос-Евр)79.3

ISBN 978-5-8243-0741-5 (т. 5)
ISBN 978-5-8243-1559-2

© Международный исследовательский
центр российского и восточноевропейского еврейства, 2011
© Российская политическая
энциклопедия, 2011

ОТ РЕДАКТОРА

Шестой том «Архива еврейской истории» открывается, как обычно, разделом «Дневники. Воспоминания». На сей раз в этом разделе публикуется фронтовой дневник сержанта Бориса Комского за июль 1943 — январь 1945 г. Ко многим материалам, опубликованным на страницах «Архива» можно применить прилагательное «уникальный», но к этому — в особенности. Во-первых, потому что дневники на фронте было вести запрещено, во-вторых, поскольку подавляющему большинству советских солдат было не до этого, в-третьих, потому что первые записи в дневнике относятся к периоду битвы на Курской дуге. Можете себе представить, что минометчик, ставший, после того как его миномет был уничтожен, пехотинцем, успевал записывать по горячим следам только что закончившегося боя? Записи лапидарны, но они такого рода, что о них с полным правом можно сказать — «на них запеклась кровь событий». В том числе кровь автора дневника, раненного в бою 5 августа 1943 г. Это тот редкий случай, когда о ранении можно сказать — к счастью. Получивший слепое осколочное ранение и эвакуированный в тыл, сержант Комский остался жив. Почти все его товарищи погибли в одном из самых кровавых сражений в истории человечества. Последняя из записей этой части дневника сделана в январе 1945 г. на территории Восточной Пруссии.

Военным сюжетам посвящены еще два текста, публикуемые в этом томе «Архива». Правда, они о другой войне — Первой мировой. В статье профессора Университета Нью-Йорка Геннадия Эстрайха «За русских или за немцев?» речь идет о позиции крупнейшей идишской нью-йоркской газеты «Форвертс»

по отношению к событиям на Восточном фронте: ведь боевые действия разворачивались на территории Черты еврейской оседлости, на которой проживали миллионы единоверцев, а то и родственников американских евреев. В статье прослеживается эволюция взглядов Кагана, поначалу безоговорочно, как, по-видимому, и большинство читателей газеты, поддерживавшего Германию. В отличие от американских евреев, до вступления в войну США на стороне союзников, испытывавших симпатии скорее к Германии, нежели к России, русские евреи заняли в своем большинстве патриотическую позицию. Более 400 тыс. евреев сражались в рядах русской армии; многие из них отдали жизнь за свою не слишком ласковую родину. Одним из них был Самуил Систрин, чьи письма с фронта подготовил к печати Виктор Кельнер (Санкт-Петербург).

В статье Дмитрия Фельдмана рассказывается о предпринимательской деятельности могилевского купца Якова Гирша, более известного своими проектами в области еврейского образования. Но если образовательные проекты Якова Гирша остались проектами, то его овцеводческое предприятие оказалось делом вполне успешным, что и было отмечено в 1783 г. золотой медалью Вольного экономического общества. Наиболее обширный текст, публикуемый в настоящем томе, — «Проект о благоустройстве расстроенного положения народа еврейского, до миллиона людей обоего пола, в России обитающего, с некоторыми по сему предмету изъяснениями, со времени присоединения от Польши с разными провинциями к России», подготовленный к печати Вениамином Лукиным (Иерусалим) и Ольгой Минкиной (Санкт-Петербург). Проект, представленный «по начальству» в 1829 г., принадлежал, по предположению публикаторов, Йехуде-Лейбу Неваховичу, первому русско-еврейскому публицисту и одному из первых еврейских просветителей. В основательной вступительной статье публикаторы обосновывают свою гипотезу и «вписывают» этот проект в историю русско-еврейской общественной мысли. Вероятно, не многим известно, что знаменитый русский ученый, лауреат Нобелевской премии (1908) И. И. Мечников — внук Неваховича.

Как обычно, на страницах «Архива» материал, посвященный истории еврейской эмиграции. На сей раз это статья Андрея Рогачевского (Глазго), смешанное англо-русское название

которой «Marks, not Marx: Марксизм на службе капитализма, или о восточноевропейском вкладе в формирование британской розничной торговли и системы социального обеспечения и здравоохранения» совсем не случайно: ибо как вы по-русски обозначите разницу между двумя Марксами: Карлом, основоположником научного социализма, и Майклом, основателем торговой сети «Маркс и Спенсер»? Причем если научный социализм, скорее, мертв чем жив, то сеть «Маркс и Спенсер» поживает очень даже неплохо и добралась (кто бы мог подумать!) до Москвы. Надо ли говорить, что Майкл Маркс был выходцем из Российской империи, так же как уроженка Пинска Флора Солломон, создавшая в компании отдел социального обеспечения, послуживший впоследствии моделью для системы социального обеспечения Британской империи.

Статья Александра Френкеля (Санкт-Петербург) посвящена драматичной истории газеты «Дер фрайнд» (СПб., 1903—1909; Варшава, 1909—1914). Появление этой газеты в январе 1903 г. прервало многолетний запрет на еврейскую (на идише) периодическую печать в Российской империи и знаменовало собой начало быстрого роста еврейской прессы. Появление «Дер фрайнд», как и других еврейских газет, было вызвано расцветом еврейской секулярной культуры, появлением еврейских политических партий и массовых общественных движений.

В статье Ури Миллера (Иерусалим) предпринята попытка создания коллективного портрета российских сионистов 1920-х гг. на основе анализа 347 анкет, хранящихся в фонде Льва Ценципера (Арье Рефаэли) в Центральном Сионистском архиве в Иерусалиме. Наряду с обобщениями автор рисует и портреты отдельных видных деятелей российского сионистского движения, по счастью (как мы теперь понимаем), высланных из СССР.

И, конечно, на страницах «Архива» представлена история литературы. Постоянный автор нашего издания Владимир Хазан (Иерусалим) совместно с Андреем Чернышевым (Москва) публикуют переписку Марка Алданова с четой А. И. и М. Ф. Погребецких. Речь шла о планах перевода и издания произведений Алданова на иврите, а также о поездке писателя в Израиль. Увы, планы не осуществились, в значительной степени ввиду безвременной кончины А. И. Погребецкого. Тем

не менее переписка содержит важную историко-культурную информацию. А для автора этих строк, написавшего книгу о судьбе «золота Колчака» и деньгах русской эмиграции, была в особенности интересна судьба Погребецкого, некогда видного финансового деятеля эпохи Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, а потом и в эмиграции.

В общем, читайте — скучно не будет!

О. В. Будницкий

ДНЕВНИКИ

ДНЕВНИК 1943–1945 гг.*

*Вступительная статья, публикация,
примечания О. В. Будницкого*

Фронтовые дневники периода Великой Отечественной войны встречаются крайне редко. Вести их было запрещено под страхом сурового наказания. Что вполне понятно: попади текст к врагу — он мог бы стать источником сведений для разведки противника или послужить материалом для пропаганды. Тем не менее дневники некоторыми бойцами и командирами Красной армии велись. Почему? Трудно вывести какие-то обобщения; мотивы могли быть различными — стремление запечатлеть исторические события, участниками которых были авторы, оставить о себе в случае гибели (очень вероятной) память, иногда люди, не лишенные литературной жилки и литературного тщеславия, рассматривали дневники в качестве заготовок к будущей советской «Войне и миру». Иногда — возможно, это наиболее частый случай — побудительным мотивом была потребность в рефлексии, внутренняя необходимость дать себе отчет в происходящем, в своем собственном поведении. Эта потребность в рефлексии обострялась в пограничных ситуациях, ведь речь шла едва ли не каждый день о жизни и смерти.

С точки зрения историка, дневники — наиболее важный и достоверный источник по сравнению с другими источниками «личного происхождения» — письмами и воспоминаниями. Письма писались с оглядкой на цензора, а если что и просачивалось в текст, то тем же цензором беспощадно вымарывалось. Впоследствии при публикации в советское время многочисленных сборников фронтовых писем даже эти тексты, прошедшие двойную цензуру — внутреннюю и внешнюю, — цензуровались еще раз. Воспоминания, точнее их авторы, кроме неизбежных

---

* Публикация подготовлена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ — ВШЭ в 2011 г.

ошибок памяти подвергались воздействию прочитанного, услышанного, увиденного.

Дневники писались без оглядки на цензора. Или почти без оглядки — ведь откровенную крамолу заносить на бумагу было небезопасно. Писались «здесь и сейчас», под свежим впечатлением от событий. Без давления возникшей впоследствии традиции, невольно заставлявшей многих людей к ней приспособливаться.

Среди авторов немногих дошедших до нас дневников на удивление много евреев. Статистически это вполне объяснимо. В Красной армии и военно-морском флоте в годы войны служили, по разным данным, от 430 до 450 тыс. евреев. 142 500 из них погибли¹. Согласно данным переписи 1939 г., евреи составляли 1,78 % населения СССР. В то же время они составляли 15,5 % *всех* советских граждан с высшим образованием (в абсолютных цифрах [171 000] они уступали только русским [620 209], опережая украинцев [147 645]). 26,5 % евреев имели среднее образование². Эти категории и составляли большую часть контингента евреев-красноармейцев. Понятно, что ведут дневники, как правило, люди образованные.

Повторим еще раз, что вести дневники на фронте запрещалось. Комиссар роты, которой командовал Зиновий Черниловский, увидев у него записную книжку, отобрал ее и бросил в печурку: «Помни, комроты, товарищ Сталин приказал: всех, кто будет вести дневники, — расстреливать». «Не знаю, был ли такой приказ, но дневников я больше не вел. Как и все», — писал Черниловский более полувека спустя³.

Однако же нет таких приказов, которые бы в СССР — в данном случае к счастью для историков — не нарушались. Впрочем, формального приказа, запрещающего ведение дневников, как будто издано не было. Ведение дневников запрещалось в рамках общих правил соблюдения секретности, и, как мы увидим ниже, трактовались эти правила достаточно широко.

В настоящей статье, предвещающей публикацию фронтового дневника Б. Г. Комского, мы попытаемся ответить на вопрос, кто, почему и как вел дневники на фронте, чтобы понять значение и место этого текста среди других, подчеркнем еще раз, весьма немногочисленных источников такого рода.

Рядовой Марк Шумелишский вел записи на отдельных листках, иногда не проставляя даты. Он понимал, что записывать свои впечатления, а в особенности мнения опасно. «Очень многое из того, что хотелось бы записать и осмыслить потом на конкретных примерах, нельзя. ...Все записывать нельзя. Запись, попавшая гадине, может причинить зло». Дело не в том, что Шумелишский опасался доноса. Он боялся, что враг может использовать его критические записи в своих целях. Критика, считал он, для будущего. «Это как бы потенциальная критика»⁴.

Напротив, сержант, затем лейтенант Владимир Гельфанд вел дневник совершенно открыто и читал иногда его фрагменты своим товарищам. Его непосредственный начальник даже советовал ему использовать простой карандаш для записей, нежели химический — для лучшей сохранности⁵. В другой раз Гельфанд получил инструкции от политрука: «Политрук рассказал мне, как вести дневник. После того случая, когда он обнаружил случайно увиденные в дневнике разные глупости, я пишу теперь так, как подсказал мне политрук. Он говорит, что в дневнике надо писать только о работе роты, о ходе боев, об умелом руководстве ротной команды, о беседах с воинами, проводимых политруком, о выступлениях по поводу его бесед красноармейцев и т. д. Так именно я и буду писать впредь»⁶.

Через два дня в дневнике появляется еще более удивительная запись:

«Ночью спал у меня политрук. Сегодня днем тоже. Я теперь выбрался на площадку для миномета из своего окопа. Это, пожалуй, даже удобней для меня. Я в восторге! Ведь если бы не политрук, кто бы руководил моими действиями?»⁷

Можно было бы подумать, что у Гельфанда что-то случилось с головой, однако причину резкого изменения содержания и тональности дневника проясняет запись, сделанная им две недели спустя:

«Впервые здесь я открыто записал, ибо избавился от политрука, когда-то указавшего мне, как писать дневник и что писать в нем!»⁸

Надо ли говорить, что Гельфанд вновь стал записывать «глупости» (иногда — без кавычек), которые и составляют на самом деле главную ценность этого обширного текста.

С военной переводчицей, младшим лейтенантом Ириной Дунаевской, по поводу ее дневника беседовали сотрудники военной контрразведки СМЕРШ (сокращение от «Смерть шпионам!»). Убедившись, однако, что ее едва ли не стенографические заметки не содержат номеров частей или сведений об их дислокации, ее строго предупредили о сохранении военной тайны, но вести записи не запретили⁹.

Большинство «писателей» были не без литературных претензий и, возможно, намеревались использовать дневники при подготовке будущих книг: выпускник средней школы Владимир Гельфанд сочинял стихи и мечтал о литературной карьере. «Литературную работу-учебу не прекращу ни при каких обстоятельствах, это моя жизнь», — записал Гельфанд 6 июня 1942 г. Рядовой Давид Кауфман был студентом московского Института философии, литературы и истории (ИФЛИ), готовился стать профессиональным литератором и уже опубликовал первое стихотворение в «толстом» журнале. Впоследствии Кауфман стал известным поэтом. Публиковался под псевдонимом Давид Самойлов¹⁰.

Инженер Марк Шумелишский «снова и снова» задавал себе вопрос: «?На кой черт я все время пытаюсь вести какие-то записи?» Все время преследует идея собрать материал и со временем написать хорошую правдивую книгу, которая отобразила бы истинные настроения определенных групп людей в тылу в это великое время. Книгу, конечно, можно будет написать много лет спустя, когда все будет пережито, передумано и оценено. Но сейчас необходимо записывать много мелочей¹¹.

Старший лейтенант Борис Сурис выписывает фамилии немцев из попавшего к нему списка личного состава одного взвода — Ниттель, Либольд, Вагнер, Винклер, Вольф, — чтобы «не пришлось себе ломать голову над фрицевскими фамилиями, когда буду писать роман»¹². Ироничный одессит подтрунивает над собственными литературными амбициями и пишет «роман» через три «р». Однако же намерения были вполне серьезными, позднее в тексте дневника появляются записи о стилистических особенностях произведений Пристли, Дос Пассоса, Хемингуэя (Сурис читал их в переводах). Ближе всего ему был — конечно же! — Хемингуэй. Романа будущий искусствовед не написал, но на несколько рассказов, увидевших свет уже в XXI в., двадцать лет спустя после его смерти, — сподобился.

Разумеется, чтобы строить литературные планы, не обязательно было быть евреем. Писательские амбиции были свойственны и автору обширного дневника сержанту Николаю Иноземцеву — будущему советскому академику-экономисту и спичрайтеру Леонида Брежнева¹³, и рядовому, в прошлом преподавателю литературы в Ейском педагогическом училище, Василию Цымбалу. Цымбал еще до войны посылал свои литературные опыты Горькому, но тот их не одобрил¹⁴.

Ирина Дунаевская вела дневник с детства (уничтожила его в связи с уходом в ополчение в июле 1941 г.). Из ополчения ее, как и других женщин, довольно быстро отправили домой, в Ленинград. Она возобновила дневник, ставший блокадным. Но и его уничтожила в апреле 1942 г. в связи со вторичным уходом — на сей раз всерьез и надолго, на фронт. В армии снова, по укоренившейся привычке, стала записывать впечатления о своих «трудах и днях», переживаниях, окружающих¹⁵. Впрочем, и ей не были чужды литературные амбиции: «Если меня покалечат и я не смогу работать, напишу книгу о себе — обыкновенной девчонке, выросшей между войнами и участвовавшей в Отечественной войне. Я знаю — я смогу это сделать». «Девчонка», однако, была не совсем обыкновенной: вряд ли кто-нибудь еще на всех фронтах Великой Отечественной читал, подобно студентке филологического факультета Ленинградского университета Ирине Дунаевской, на сон грядущий Шатобриана и досадовал, что читать приходится по-русски, ибо «где же его по-французски найдешь»¹⁶.

Сержант Павел Элькинсон романов писать не собирался. Он начал вести дневник по совершенно конкретной причине. 28 августа 1944 г. Элькинсон записал:

«Наконец долгожданный день полного изгнания немцев с нашей земли на нашем участке фронта настал. Вот он Прут, вот она граница. Всего 6 дней прошло с того времени, как мы наступаем, а как много сделано. Полностью очищена Бессарабия. Заключен мир с Румынией. Завтра перейдем границу. Разве думал я когда-нибудь, что придется побывать за границей. Оказывается, пришлось. Как хочется запомнить все увиденное и коротко записать. Ведь такое в жизни случается всего один раз...»¹⁷

Элькинсону, служившему разведчиком в артиллерии, довелось изрядно «попутешествовать» по Европе: с августа 1944 по май 1945 г. он побывал в Румынии, Болгарии, Югославии, Венгрии и Австрии.

Насколько репрезентативны эти тексты? Можно ли судить о военном опыте сотен тысяч евреев-красноармейцев на основании нескольких дневников? Это, опять-таки, вечный вопрос для историков. Сколько источников надо проанализировать, чтобы утверждать: это — типично, а это — нет? Очевидно, что эти несколько текстов не отражают опыта всех евреев — бойцов Красной армии. В то же время, на наш взгляд, бесспорно, что эти несколько молодых людей, ставшие волею судеб участниками великой войны и зафиксировавшие тогда же свой опыт на бумаге, так сказать, «социологически» подобны многим своим сверстникам. Все они, как почти половина советских евреев, накануне войны — жители крупных городов (Москвы, Ленинграда, Киева, Запорожья, Днепропетровска, Одессы). Все — выпускники десятилетки, студенты или выпускники вузов. Что тоже довольно типично. В 1939 г. в СССР насчитывалось 98 216 студентов-евреев (11,1 % от общего числа студентов), причем в Москве евреи составляли 17,1 % всех студентов, в Ленинграде — 19 %, Харькове — 24,6 %, Киеве — 35,6 %, Одессе — 45,8 %¹⁸. При определенной типичности боевой и жизненный путь каждого из авторов дневников, конечно, уникален. И интересен сам по себе.

Все они были стопроцентными советскими патриотами. Те, кто постарше, пошли добровольцами в народное ополчение или в армию. Выпускников школ, также стремившихся поскорее повоювать, как правило, призывали в положенные сроки.

Заметим, что дневники вели люди, не находившиеся на передовой и не вступавшие обычно в непосредственный контакт с противником. Борис Сурис и Ирина Дунаевская — военные переводчики, Борис Тартаковский — политработник¹⁹, Борису Комскому после ранения пришлось служить «по комсомольской линии», Марк Шумелишский служил в артиллерии по технической части. Конечно, ситуации на войне бывали разные. Сурис пошел

«в поиск» за языком вместе с разведчиками, что закончилось для него осколочным ранением. Тартаковскому приходилось сражаться на передовой в тяжелые дни кровопролитных боев на Кубани, когда каждый способный носить винтовку был наперечет. Дунаевская была несколько раз ранена (к счастью, легко).

Тем ценнее записи, непосредственно относящиеся к боевым действиям. Среди доступных нам дневников выделяются в этом плане тексты Бориса Комского, который начал свой боевой путь в самом горячем месте на планете — на Курской дуге, и Павла Элькинсона. Они лапидарны, лишены каких-либо литературных изысков и точно передают атмосферу (я бы даже сказал лихорадку) боя. Дневник Павла Элькинсона мы также готовим к печати, пока же — о дневнике Бориса Комского, который публикуется ниже. И для начала — о его авторе.

Борис Григорьевич Комский родился 1 февраля 1924 г. в местечке Макаров под Киевом. В 1929 г. или 1930 г. семья переехала в Киев. Отец Бориса стал рабочим на кондитерской фабрике им. Карла Маркса, мать была домохозяйкой; семья состояла также из младшего брата Бориса Зиновия и бабушки. Детство Бориса было счастливым; Киев остался его любимым городом, а школу № 44, в которой он учился, Б. Г. Комский считает лучшей в Киеве. Не будем заниматься изысканиями в области рейтингов школ предвоенного Киева (да и проводил ли кто-нибудь тогда такие исследования?). Для нас важно другое — ощущение счастливой жизни, уверенности в себе и окружающих²⁰. Борис с юных лет имел склонность к литературе — участвовал в литературном кружке при республиканской газете «Юный пионер», в которой появились его первые стихи и заметки²¹.

Борис принадлежал к поколению людей, родившихся и выросших при советской власти. Он рос настоящим советским человеком: был избран секретарем комитета комсомола школы; по окончании 9-го класса в июне 1941 г. поехал организовывать пионерский лагерь под Киевом в качестве заместителя пионервожатого. Здесь его застало известие о начале войны. По возвращении в Киев Комский собрал старшеклассников и предложил им устраиваться на работу, чтобы чем-то помочь обороне страны. Борис получил «путевку» на один из военных заводов, стал помощником токаря, точил «рубашки» для минометных мин. Это был как будто намек судьбы — через два года Комский начнет свой боевой путь наводчиком 82-миллиметрового миномета.

Затем, месяца через два или три, Бориса, хотя ему исполнилось только 17 лет, призвали в армию. Была сформирована команда человек из 40 таких же, как он, «малолеток» и под командованием управдома отправлена пешком на восток. Так, пешим ходом, они добрались до Донбасса. Здесь ребятам объяснили, что через военкомат они были призваны на трудовой фронт. Смысл этой операции был понятен: допризывников, будущих солдат,

вывели с территорий, которым угрожала оккупация. Комского направили в колхоз, а затем и вовсе отпустили, сказав, что, если где-то есть родственники, он может к ним ехать.

Отец Бориса был призван в самом начале войны в армию, но как будто не в строй, а на оборонительные работы. Он оказался в окружении, как и вся огромная группировка советских войск в районе Киева. Впоследствии семья получила извещение о том, что он пропал без вести. Однако соседи после войны рассказали, что отец на какое-то время появлялся дома. А затем исчез. По мнению Бориса Григорьевича Комского, наиболее вероятное объяснение исчезновения отца — то, что он разделил судьбу киевских евреев, расстрелянных в Бабьем Яре. Остальные члены семьи успели выехать из Киева и оказались близ Воронежа. Это произошло еще до окружения Киева, ибо о местонахождении матери, брата и бабушки Борис узнал из письма отца.

Борис воссоединился с семьей. Несколько месяцев учился в школе в Воронеже. Затем семья эвакуировалась в Чимкент. Там Комский окончил Киевский индустриальный техникум, который эвакуировался в тот же город. В 1942 г., когда ему исполнилось 18 лет, Бориса призвали в армию и направили в Орловское пехотное училище, находившееся в то время в городе Чарджоу в Туркмении. Вместо положенных трех или четырех лет в условиях военного времени офицеров готовили по сокращенной программе за полгода. Однако накануне выпускных экзаменов «без пяти минут» (точнее, без двух дней) лейтенантов посадили в эшелон и отправили рядовыми на фронт на Курскую дугу. Борис Комский стал наводчиком 82-миллиметрового миномета минометной роты 916-го полка 250-й стрелковой дивизии Брянского фронта. Поскольку это была сержантская должность, Борису сразу же присвоили звание сержанта. И бросили в бой.

После того как его миномет был уничтожен попаданием немецкого снаряда, Комский оказался в пехоте. Лапидарные записи Комского, сделанные в июле—августе 1943 г., в разгар одного из самых кровавых сражений в мировой истории, по существу — хроника гибели его взвода, да и полка в целом. 6 августа Комскому, как выяснится вскоре, повезло — его ранили. Ибо почти все его товарищи, оставшиеся в строю, в последующие дни были убиты. Из бойцов курсантской роты войну пережил лишь еще один человек — Генрих Кац, также раненый, а по возвращении на фронт ставший разведчиком (закончил войну старшиной разведроты)²².

Впрочем, не будем пересказывать дневник, охватывающий период с июля 1943 по конец января 1945 г.

Сообщим лишь то, что осталось за его пределами: Борис Комский дошел в составе 3-й армии до Кенигсберга, затем армию перебросили к Берлину. Войну он закончил в г. Бурге на Эльбе, точнее на канале Эльба — Хафель. 9 мая 1945 года млад-

ший лейтенант Борис Комский отправил родным открытку с видом Стокгольмской ратуши (The City Hall façade) и обратным адресом: «Эльба, Германия». Открытка содержала лишь несколько слов: «С победой, родные мои! Вот и дожили! Сейчас писать некогда — спирт выдыхается. До скорой встречи. Целую всех»²³.

После войны Комский остался в армии. Стал военным журналистом, по его словам, «осуществил детскую мечту». Прослужил в армии 40 лет, «от Чукотки до западной границы». Служил в Туркмении, Белоруссии, России, с начала 1960-х гг. — в Прикарпатском военном округе. Вышел в отставку в звании полковника. Продолжал сотрудничать, уже в качестве внештатного корреспондента, в окружной газете «Слава Родины», после распада СССР получившей название «Армия Украины».

С декабря 1991 г. Комский стал главным редактором газеты «Шофар» — органа львовского общества им. Шолом-Алейхема, не прекращая при этом сотрудничества в газете «Армия Украины»²⁴. Он не «сменил вехи» и называет распад Советского Союза «бедой».

За более чем полвека журналистской работы Борис Комский опубликовал без малого десяток книг²⁵, преимущественно по военно-исторической проблематике, и, вероятно, не одну сотню статей. Рискну, однако, утверждать, что его наиболее важным текстом из всех написанных, является публикуемый ниже дневник.

Дневник, с нашей точки зрения, важен, во-первых, как источник по истории Великой Отечественной войны и Красной армии, во-вторых, это замечательный автопортрет молодого человека, родившегося и сформировавшегося при советской власти, я бы сказал, советского человека в его идеальном варианте. Особую ценность дневнику придает то, что он не задумывался ни как материал для будущего историка, ни тем более для будущего биографа.

Вести дневник Комский начал, можно сказать, по незнанию. Незнанию того, что вести дневники в действующей армии запрещено. Рядового, затем сержанта попросту никто об этом не проинформировал. Случаи ведения дневников были крайне редкими, и вряд ли кому-нибудь приходило в голову инструктировать по этому вопросу рядовой состав. Почти 65 лет спустя после окончания войны Комский, сообщив интервьюеру, что он вел на фронте дневник, спохватывается, как будто забыв, что война давно кончилась: «Только вы никому не рассказывайте, это было запрещено».

Сначала он вел записи на обертках концентрата горохового супа-пюре, затем, когда стали «заходить» в немецкие блиндажи, в трофейных блокнотах. Не перестал он его вести и тогда, когда узнал, что это запрещено. Сослуживцы, конечно, знали, что

Комский ведет дневник, но никаких неприятностей это за собой не повлекло.

Чем интересен дневник, по сравнению с другими текстами этого рода? Во-первых, это запись о боевых действиях, участником которых был автор, сделанная буквально по горячим следам событий, что крайне редко встречается даже в дневниках. Вот «телеграфная», но очень выразительная запись о бое 5 августа 1943 г.: «Пошли в атаку. Немцы побежали. Наш взвод вырвался вперед — во взводе 8 человек. Прошли деревню. Немцы отступают по ржи. Наши бегут за ними. Я присел на колени, выстрелил из винтовки. Один фриц упал. Ликую. Бегу вперед. Вижу — двое отстали. Командую своим: окружать. Один поднял руки. Бегу ко второму, нагнал, оказывается — тот, в кого я стрелял: ранен в голову. Сует мне в руки индивидуальный пакет. Не перевязал. Здоровый фриц с орденом и орденой лентой. Снял автомат, обыскал. Кто-то кричит: “Снимай часы — чего смотришь”. И верно — думаю; снял».

Это могло бы быть литературой — если бы не было хроникой.

Во-вторых, дневник содержит прямо-таки «этнографические» записи о российской глубинке 1940-х гг. Комский вел команду подлеченных и выписанных из госпиталя солдат к месту дальнейшей службы, точнее распределения: они должны были быть зачислены в батальон выздоравливающих в составе армейского запасного стрелкового полка. Шли пешком, кормились, по сути, чем Бог послал. Шли по Орловской, затем по Брянской области. Вот одна из записей, свидетельствующих о дремучем, средневековом крестьянском сознании: «Немцы не перестают болтать о жидо-большевиках, а бабы немцев называют немыми жидами», — записывает он в Трубчевске 11 октября 1943 г. Когда я говорю о средневековом крестьянском сознании, это не риторическая фигура: уроженцев Германии называли в средневековой Руси немцами потому, что они были как бы немцами — их речь была непонятна. «Немые жиды» — это оттуда, из времен Московской Руси: похоже, что некоторые советские крестьяне все еще шли не в ногу с веком. Характерно также объединение немцев — причинивших конкретное зло, и евреев, встречавшихся, скорее всего, в брянской глубинке нечасто, если вообще встречавшихся, но которые, видимо, ассоциировались с силами зла. Рискнем предположить, что это скорее рудименты средневекового антииудаизма, нежели результат личного негативного опыта или пропаганды.

В-третьих, дневник — замечательный источник по истории «быта войны», касается ли это пребывания в госпитале, службы в батальоне выздоравливающих, взаимоотношений с населением освобожденных территорий или с сослуживцами. Особая «ли-

ния» дневника — история романтических отношений сержанта Комского с младшим лейтенантом Риммой Окольниковой, история уникальная, поскольку ее участниками были именно эти два конкретных человека, и в то же время в чем-то типичная для взаимоотношений мужчин и женщин в Красной армии.

Впрочем, кажется, автор вступительной статьи увлекся и начал-таки пересказывать дневник. Так что позволю себе на этом остановиться, дабы не лишать читателей удовольствия. На наш взгляд, достоинством дневника наряду с информативностью является хороший литературный язык.

Текст дневника (сканированный экземпляр) был передан нам Архивом Блаватника (Blavatnik Archive Foundation, New York) и печатается с разрешения архива и, разумеется, самого Бориса Григорьевича Комского. Текст дневника за июль 1943 — январь 1954 г. печатается полностью, без каких-либо изъятий и сокращений, по правилам современной орфографии и пунктуации.

Несколько слов об Архиве Блаватника. Архив был основан в 2005 г. известным американским предпринимателем и филантропом Леном Блаватником. Целью архива является сбор, хранение и ознакомление общественности с широким спектром документов и воспоминаний, которые способствуют лучшему пониманию истории евреев. Основная тема архива — история евреев в период Второй мировой войны. Сотрудниками архива, преимущественно Леонидом и Лилией Рейнес, записаны к настоящему времени более 1000 интервью с евреями-ветеранами Великой Отечественной войны. В архиве хранятся также переданные ветеранами и их родственниками письма, дневники, красноармейские книжки и другие документы, относящиеся к периоду войны.

В заключение считаю приятной обязанностью поблагодарить за всяческое содействие директора Архива Блаватника Юлию Червинскую и, конечно, автора дневника Бориса Григорьевича Комского. И за то, что написал, а главное — за то, что сделал.

Когда книга была сверстана, пришла скорбная весть:
12 февраля 2011 г. Борис Григорьевич Комский скончался.
Прощай, сержант...

---

¹ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил / под ред. Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. Табл. 121; Свердлов Ф. Д. Энциклопедия еврейского героизма. М., 2002. С. 11–12. Общие потери еврейского населения (считая тех, кто проживал на территориях, присоединенных к СССР в 1939–1940 гг.) составили 2733 тыс. человек, или 55 % всего еврейского населения СССР на июнь

1941 г. Это составляет более 10 % всех людских потерь СССР в период Великой Отечественной войны. — Куповецкий М. Людские потери еврейского населения в послевоенных границах СССР в годы Великой Отечественной войны // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 2 (9). С. 152, табл. 9.

² Altshuler M. Soviet Jewry on the Eve on the Holocaust: A Social and Demographic Profile. Jerusalem, 1998. P. 125; Слезкин Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. М., 2005. С. 288.

³ Черниловский З. М. Записки командира роты. М., 2002. С. 16.

⁴ Шумелишский М. Г. Дневник солдата. М., 2000. С. 37.

⁵ В. Н. Гельфанд. Дневники 1941–1946, запись от 28.06.1942 // http://militera.lib.ru/db/gelfand_vn/05.html (далее — Гельфанд).

⁶ Гельфанд, запись от 10.09.1942.

⁷ Гельфанд, запись от 12.09.1942.

⁸ Гельфанд, запись от 27.09.1942.

⁹ Дунаевская И. От Ленинграда до Кёнигсберга: Дневник военной переводчицы (1942–1945). М., 2010. С. 8.

¹⁰ См. дневниковые записи Д. Кауфмана времен войны: Самойлов Д. Поленные записи. М., 2002. Т. 1.

¹¹ Шумелишский М. Г. Указ. соч. С. 19. Запись сделана в марте 1942 г.

¹² Сурис Б. Фронтовой дневник. М., 2010. С. 85.

¹³ Иноземцев Н. Н. Цена победы в той самой войне: Фронтовой дневник. М.: Наука, 1995. 2-е изд., доп. Фронтовой дневник (М.: Наука, 2005).

¹⁴ Подробный дневник В. Цымбала состоит из 12 убористо исписанных блокнотов и охватывает период 1942–1945 гг. Предоставлен нам сыном В. Цымбала — кинорежиссером Евгением Цымбалом.

¹⁵ Дунаевская И. Указ. соч. С. 5–7.

¹⁶ Дунаевская И. Указ. соч. С. 123, запись от 1 января 1943 г.; с. 76, запись от 30 октября 1942 г.

¹⁷ Элькинсон П. Дневник — Blavatnik Archive, New York.

¹⁸ Altshuler M. Op. cit. P. 34–35, 120, 308.

¹⁹ См.: Тартаковский Б. Г. Из дневников военных лет. М., 2005.

²⁰ Здесь и далее, если иное специально не оговорено, сведения о жизни Б. Г. Комского почерпнуты нами в его интервью Леониду Рейнесу (27 июля 2009 г., Львов).

²¹ Дорфман Б. До 120, Борис Григорьевич! — http://www.aen.ru/index.php?page=brief&article_id=52274

²² См. чрезвычайно интересное интервью Г. З. Каца, достойного за свои воинские подвиги среди прочего двух орденов Славы на сайте <http://www.iremember.ru/razvedchiki/kats-genrikh-zinovevich.html>

²³ Blavatnik Archive Foundation.

²⁴ Хонигсман Я. Беспокойные хлопоты эти... // Еврейская Украина. 2004. Февраль. № 3/70 — http://www.jewukr.org/observer/eo2003/page_show_ru.php?id=490

²⁵ Комский Б. Г. Счастливый ветер. М., 1964; Славой оваянная: Докум. очерк о Самаро-Ульяновской, Бердичевской Желез. дивизии / Б. Комский и др. Саратов, 1978; Краснознаменный Прикарпатский: История Краснознаменного Прикарпатского военного округа / [Б. Г. Комский и др.]. М., 1982; Подобед И. М., Комский Б. Г. Когда гремели бои... Культурно-просветительская работа на фронте в годы Великой Отечественной войны. М., 1983; Комский Б. Г. Холм Славы [Народный мемориальный музей Холм Славы]. Фотоочерк. Львов, 1985; он же. Доблесть в наследство: Страницы биографической Желез. дивизии. Львов, 1987; он же. Фронтовики: годы войны и годы мира. Ужгород, 1988.

Дневник

Комский Борис Григорьевич
г. Киев
Действующая армия
Июль 1943 г.
Кандидатская карт. ВКП(б) 5 811 004
Комсомольский билет 1 116 212

Песня минометчиков

Он стоит, изготовленный к бою,
Глубоко утопив сошники,
От плевков его дико завоюют
И навеки замолкнут враги.

Лети, моя мина,
Свисти, моя мина.
Круши, что ни есть на пути.
В фашистов лавину
Врубись, моя мина,
Чтоб немцу живьем не уйти.

Мы давно подружались с тобою,
Мы везде неразлучны с тобой.
Он стоит, изготовленный к бою,
Ожидает команду «Огонь!».

Ожидают команду расчеты,
Только вехи на поле видны,
Так огонь же, огонь, минометы,
По врагам дорогой нам страны.

На фашистские спины и шеи
Смертоносный пошлем ураган,
За горой и в глубокой траншее
Наша мина разыщет врага.

5 июля 1943 г.

Солдатская песня

Сколько на свете больших дорог,
Сколько стезей и тропок —
Повсюду следы солдатских сапог,
Повсюду — солдатский топот.

Труден поход, много невзгод —
Жизнь солдата известна.
Пули свистят, ищут солдат,
Свист их — солдатская песня.

Землю покрыли морщинами рвов,
Было солдатам работы!
Градом катились с запяленных лбов
Реки солдатского пота.

В землю залезь — сил не жалей,
Жизнь солдата известна.
Пули свистят, ищут солдат,
Свист их — солдатская песня.

Сколько отлито снарядов и пуль
Стали-свинца жалеть ли!
Нас поджидают на каждом шагу
Смерти жестокие плети.

Мина, снаряд — все для солдат,
Жизнь солдата известна.
Пули свистят, ищут солдат,
Свист их — солдатская песня.

11 июля 1943 г.

11 июля 1943 г.

Район деревни Орловка. Весь день двигались на передовую. С утра — мощная артподготовка и большие воздушные бои. Наши части начали наступление. Движемся по высотам, на которых утром был немец. Бой в 4–5 км. Ночь ходим с места на место. 2 раза начинали рыть огневые. Беспорядок.

12 июля 1943 г.

Наши идут все вперед. Мы не поспеваем за пехотой. Немец быстро удирает, оставляя оружие и имущество. Собираем трофеи. Настроение приподнятое. Не выпустили ни одной мины, т. к. фронт с каждой минутой удаляется, и мы не можем догнать своих.

13 июля

Прошли уже км 30, заняли позиции в разрушенной деревне, бывшей опорным пунктом немцев. Стреляли мало. Немцы жили как на курорте — в их блиндажах нет только птичьего молока.

14 июля

Догоняем пехоту. Стреляли немецкими 81 мм минами. Беспорядку много. Ночью совсем растерялись. Здорово устали — не перестаем шагать¹.

...пушками и мощные пятитонки со снарядами. Подвоз боеприпасов замечательный. На дорогах вереница грузовиков. Только для наших минометов не хватило заваливающей машинки, и приходится проходить десятки километров в жару с матчастью на плечах.

21 июля

Идем вслед за наступающими. По пути целые, нетронутые деревни — не успел сжечь, и поля, засеянные хлебом, картошкой и т. д. Остановились в деревне, окопались. Ожидаются «Тигры»². Жителей в селах нет. Видел нашего бывшего пленного, работавшего у немцев и перебежавшего к нам. Рассказывает страшные вещи. Всех мужиков в русской одежде расстреливают без разговоров — партизан. Впереди нас — армия Власова³. Дадим ей пару. До Орла осталось 37 км. Взяты Мценск и Малоархангельск. Мы, пользуясь передышкой, всю варим свежую картошку, жуем яблоки и т. д.

22 июля

С полдня получили боевую задачу — идем на смену второму батальону. Резерв окончился. Мы должны взять две высоты.

Район д. Зеленые Сады. Передовая. Дорога была очень тяжелая. Пули пролетают над самой головой целыми роями. Заняли огневую в глубокой ложине. Выпустили уже по десятку мин. Немец все время лупит по нам из артиллерии. Саша Оглоблин ранен в голову. Ушел в санбат. Вчера убили начштаба полка. За день мой миномет выпустил 45 мин. Это пока рекорд. Только что принесли тело сожженного заживо мл. л-та, попавшего в окружение с 12 ранеными. Мимо нас идут в родные села женщины с маленькими детьми и убогим скарбом. Это те, которым удалось спрятаться от угона. Остальных всех угнали на Орел. На лицах женщин написаны страх и радость, растерянность и счастье.

Здесь немец был. Здесь пахнет фрицем.
Повсюду здесь немецкие следы:
Дубовый крест над умершим убийцей,
Развалины, винтовки, каски, дым.

Я видел огонь над Орловскими селами
И дым, поднимавшийся вверх к небесам,
Измученных женщин с детишками голыми
И ужас на лицах — я все видел сам.

И труп командира, сожженного заживо,
Как призрак, стоит предо мною теперь.
Я клялся втройне отомстить им за каждого,
Чтоб адские муки испытывал зверь.

23 июля

Зеленые Сады, Дубровский, Красная Поляна взяты. В двух последних остались почти все жители, за исключением мужчин. Встречают как родных: «Где вы до сих пор были?» Это удесятерит силы. Сегодня — тяжелый день. За него немец далеко оторвался и, видимо, окопался и подтянул силенки. Прошли километров 15. Он все время лупит из артиллерии и минометов. Наша рота на марше только потеряла 3 человека — 1 убит. Насыщенность огня большая. Масса авиации. Приближаемся к Орлу и Брянску.

24 июля

Никогда еще не было столько немецкой авиации. Над головой висит до 40 машин. Один эшелон не успеет сбросить бомбы, а следующий уже разворачивается. От дыма — серо. 6 юнкерсов с пике обстреливали из пулеметов наши огневые, потерь нет. Выпустили по 60 мин. Мимо провели двух предателей; старосту и полицейского, последний — молодой здоровый верзила. По всем дорогам подтягивается масса наших войск, мотопехота, танки, артиллерия.

25 июля

Бьем со старых огневых. Выпустили по полсотни мин. Рядом с нами мин[ные] батареи 2 и 3 батальонов. Встретили ребят из ОПУ. Контужен комроты. Его заменил лейтенант Коваленко. Двое пропали без вести, очевидно, сбежали. С утра — сильная артподготовка. Орудия и минометы под каждой травкой. Мы выпустили по 50 мин. Бьют Катюши и Андрюши⁴. Нашу пехоту поддерживают танки, но продвижение идет медленно. Очевидно,

немцы подтянули резервы и закрепились. К вечеру пошли вперед. В деревне нас настигла сильная бомбежка. Немцы держатся авиацией. Всю ночь блудили.

26 июля

Ночь не спали. На рассвете заняли огневые и стреляли. Продвижение идет медленно, хотя с нашей стороны подтянуты большие силы. Впереди важная ж. д. станция в 12 км от Орла. Мы должны ее взять. Батальон сильно поредел. Осталось не больше 2 взводов. Комбату оторвало обе ноги, и он умер. Начштаба ранен. Под вечер старшины несли в термосах обед на передовую. Один из них играл на губной гармошке, другой сокрушался, что скоро надо нести ужин. Обоих убило. Невиданный ливень с громом и молнией — солдатам везет. Получен приказ Сталина, в котором весь личный состав нашей армии получил благодарность.

И годы не скоро сотрут это в памяти,
И ненависть только лишь смерть погасит.
За муки тяжелые брошенных в пламя тел,
За все, что творили они на Руси.

27 июля

На старом месте. Отдыхаем, пока двойка ведет в наступление. Приняты меры к упорядочению нашей части. Полк, состоявший из карликовых батальонов, укомплектован в полный боеспособный батальон человек на 300. Использованы лишние повара, санитары и т. д. Все 3 мин[ные] роты пока остались. Каждая поддерживает стрелковую роту. Готовимся к наступлению на Становой Колодец.

28 июля

С утра выяснилось, что станция Становой Колодец на дороге Орел — Курск, которую должна была взять наша дивизия, оставлена немцами. До нее 4–6 км. Начали продвижение под сильным артогнем. Оказалось, что немец укрепился за линией в километре от станции и подтянул кое-какие силенки. По дороге мы остановились км в 3 от станции и расположились в стороне от проселочной. Откуда ни возьмись артналет, да как начали лупить точно по нам. Мы укрепились в немецких щелях. Когда обстрел кончился, и мы вернулись на старое место, то сердце поневоле начало биться: как раз, где я лежал, разорвался снаряд. Ствол от моего миномета, который лежал у меня под головами, помяло, как консервную банку, а в 2-х местах насквозь пробили осколками. Противогаз разорвало в клочья. Плащ-палатку про-

было в 15 местах мелкими осколками; одного из них было бы достаточно, чтобы я уже не нуждался ни в палатке, ни в чем другом. Миша Индиченко тяжело ранен в таз, Семенов в ногу. Мой миномет вышел из строя. Дадут ли новый? Если нет — то в пехоту-матушку. Сразу после налета на это место примчало 10 катюш и отжарило фрицам и за мой миномет, и за Мишу.

29 июля

Всю ночь блудили возле линии. Только на рассвете нашли свой батальон и заняли огневые. Запасные вырыли у самой дороги по нашу сторону. Только отошли оттуда — начал сажать туда из артиллерии. Потом 30 самолетов. В общем, весело. Привезли мне новый миномет, значит повоеюм. Из Италии идут самые отрадные вести — Муссолини подал в отставку, распущена фашистская партия³ и т. д.

2 августа

Наступательный период со взятием станции Становой Колодец окончен для нашей дивизии. Теперь мы будем находиться в подвижной обороне, т. е. гнать немца не будем, а если он сам уйдет — будем двигаться за ним. В таком состоянии находимся уже несколько дней. Сейчас находимся километрах в трех западней станции. Вчера был на ней — все разрушено. Немцы постепенно отходят, опасаются второго Сталинграда. Жители говорят, что немцы кричат о каком-то предательстве. Отступают они организованно: ничего не оставляют, угоняют жителей. Среди крестьян много предателей. Много молодых здоровых парней отсиживалось здесь в тени своих обывательских хозяйств.

Мы сейчас отдыхаем, как на даче: до немца км 5, огневые наши во ржи на краю деревни, овощей полно, картошку варят ведрами. Ночью шли и копали, весь день валяемся в хлебах. Они уже давно созрели, их надо убирать, но некому. Зерна осыпаются от ветра и взрывной волны. Близится осень. Это немного страшновато. Мы, очевидно, пойдем на отдых и формировку только после взятия Орла. Кто доживет, тому будет неплохо — обещают гвардейское знамя, ордена и медали. Поговаривают о том, что меня представляют к награде. 31 получил кандидатскую карточку.

3 августа

Тяжелый день. Старшина Тыркалев, провоевавший два года, подорвался на минах. Рекомендовал меня в партию, а вчера написал мне боевую характеристику на медаль «За отвагу». Трое ранены. Пьяный комбат кап[итан] Форнель без артподготовки

повел под бешеный огонь батальон, от батальона остались рожки да ножки, а ведь это уже сводный батальон со всего полка. Сам Форнель убит. Сбылось то, что я и предполагал: вечером у нас забрали минометы и отправили на передний край. Вот она пехота матушка. Мне дали отделение.

4 августа

Немец ушел. Идем за ним. Миновали много больших деревень. Жителей полно, села жужжат, как ульи, всюду оживление, смех. Задымили трубы, всюду пир — угощают бойцов. На горизонте в км 8 (от райцентра Лаврово) видел Орел, обьятый клубами дыма. Жители говорят, что в Орле уже нет немцев. Мосты взорваны, все сожжено, заминировано, уничтожено. К вечеру заняли оборону на горе у самой Оки. В 2-х километрах за рекой отчетливо видны немцы. В горе оказались огромные пещеры, в которых схоронилось тысяч 5 крестьян из соседних деревень. Я выдвинулся вперед, чтобы рассмотреть место. Они как высыпали из нор, облепили все меня, бабы заплакали: «Господи, дай хоть посмотреть на вас, 2 года не видели». А мужики обстоятельно начали рассказывать, где немец, сколько его, где есть безопасные проходы, где минировано и т. д.

5 августа

В 9 часов утра молча двинулись на Оку. С нами — самоходная пушка и где-то сзади грохочут танки. Развернутой цепью по карманы в воде форсировали Оку. Уже на самом берегу немец заметил нас и открыл огонь; некоторые, задержавшиеся на бугре, ранены. Я быстро перешел реку и двинулся дальше. Немцы, видно, не ожидали наступления. На бугре, у сожженной деревни, кое-кто отстреливался. Пошли в атаку. Немцы побежали. Наш взвод вырвался вперед — во взводе 8 человек. Прошли деревню. Немцы отступают по ржи. Наши бегут за ними. Я присел на колено, выстрелил из винтовки. Один фриц упал. Ликую. Бегу вперед. Вижу — двое отстали. Командую своим: окружать. Один поднял руки. Бегу ко второму, нагнал, оказывается: тот, в кого я стрелял, ранен в голову. Сует мне в руки индивидуальный пакет. Не перевязал. Здоровый фриц с орденом и орденской лентой. Снял автомат, обыскал. Кто-то кричит: «Снимай часы — чего смотришь». И верно — думаю; снял. Обоих отправили в штаб. Идем вперед. Еще одного поймал. Кричит: «Пан, нике бум-бум». Отправил. По ржи идет группа человек в 30. Хочу идти в атаку. Глянул — у меня 4 человека, кругом никого нет, оторвались от своих км на 2. Открыли огонь. Немцы подбирают раненых и убитых и уходят. Очевидно, они не верят, что мы так близко и что нас так мало. Разрывы наших мин позади нас. Влип — думаю — как бы в плен не попасть. Немец ушел

на деревню. Часа через 2 начали подходить наши люди. Заняли оборону. Мне достали ручной пулемет. Деревню Слышанские Высоты в 600 метрах от нас подожгли.

6 августа

В 4 часа начали движение на Юго-Запад развернутым строем. Заняли деревню. Сгорела дотла. Жители плачут: «Почему вы не пришли раньше?» Женщины целуют. И я грешен. Слепой старик вышел с хлебом-солью (кто их знает, может и немца так встречали). Страшный ливень. Из деревни пошли дальше, окопались за огородами. Немец заметил, открыл ураганный арт[иллерийский] и минометный огонь. Броском вперед вырвались на обратный скат холма, поросшего рожью. Многих побило. Закрепились. Опять дождь. После обеда, часа в 4, снова начали наступать рожью. Опять начал бить из минометов и пушки, когда подошли к краю ржи, заговорили его пулеметы. Для него обстрел был очень хороший. Пришлось залечь под огнем. Один за одним выбывают люди. Наши опять остались где-то сзади. Очиков пополз к ним, обещал вернуться за нами: нас человек 5. По моему пулемету бьют немецкие пулеметы. Они нас видят, только пошевелишься — очередь. Мой второй номер. Гриншпун тяжело ранен в ногу. Заговорил «Ванюша»⁶, Гриншпуна выносить некому и некуда. Очикова нет. Я на минуту приподнялся, вижу — наши пошли ложиной слева, метрах в 700 от меня, добраться к ним крайне трудно: рожь кончилась. Все же приказал двум оставшимся ползком на палатке тащить Гриншпуна, а сам хотел поползти к нашим. И тут пришла и моя очередь: осколок мины стукнул в правую руку, санитар перевязал. Я спокойно, даже без усиленного сердцебиения, ожидал конца, спокойно отнесся к ранению и видел, как осколок вырвал клочок мяса вместе с гимнастеркой. Я пополз рожью назад. Он все лупит по мне из пулемета, даже на колени стать нельзя. Кое-как добрался за обратный скат и пошел во весь рост. По дороге останавливали комполка майор Исай (расспрашивал обстановку) и люди из наших тылов. К вечеру добрался до санроты.

7 августа

Утром из санроты на машинах перевезли в МСБ. Из нашей роты вместе со мной едут Кац (нога), Макимов и Джумаев (руки). Последнего подозревают в самостреле. Из нашего полка много ребят, среди них комвзвода, дважды орденносец Шевкунов.

8 августа

После некоторых мытарств привезли в госпиталь легко раненных № 2641 в дер. Чичерино Моховского района. Баня, пере-

вязка. Доктор говорит, что осколка в руке не должно быть. Срок лечения определен до 30 дней.

9 августа

Определили во 2-е хирургическое отделение в дер. Аржанное. Все безрукие. Шевкунов и Макимов тут же. Порядки безобразные. Находимся в пустой хате, почти с разбитыми окнами. Спим на полу. 4 человека на 2-х матрасах, которые сами набивали соломой. Никаких абсолютно развлечений, книгу достать невозможно, даже газет нет. Кормят неважно, а в столовой жуткий беспорядок. Есть приходится стоя и т. д. Болит душа — так ли должны обращаться с ранеными солдатами.

14 августа

Все по-старому. Рука не тревожит. Отдал ст[аршей] сестре часы за сало, консервы, хлеб. Упитываю себя.

19 августа

Тяжелый день. Пришел ко мне Годик Кравец, которого тоже привезли в наш госпиталь. Его ранило в ногу осколком 9 августа, через 3 дня после меня. Это был роковой день для нашей роты. По прихоти начштаба батальона, полного дурака, начали «улучшать» позиции и нарвались на заград[ительный] огонь немецких минометов. Убиты Яша Малиев, Исламов, Очиков, Михайлов, мл. лейтенант Кушнерев. Из роты осталось 5 человек, из нашего взвода — никого. Это известие страшно подействовало на меня. Главное дело — Яша Малиев, дорогой товарищ, золотой парень. А вечером дивизии вывели на отдых и формирование. Сколько голов положено понапрасну из-за косности командиров.

Рвутся снаряды вблизи от меня,
Адские пули над ухом звенят,
В тесном окопе в ненастье и зной
Лежит с автоматом боец молодой.

Над ним самолетов зловещая тень,
Он с смертью встречается сто раз на день.
Но пуля промчится, опасность пройдет,
И парня привычная дума берет.

Далеко, далеко от стен блиндажа
Живет его девушка — эх, хороша!
И чувство проснется в сердечной глуби,
Он крепкой любовью дивчину любил.

Он девушку эту любил всей душой
За ласку, за нежность, за голос родной.
Припомнит он снова любви их весну
И долго в окопе не сможет уснуть.

Но много с тех пор пробежало недель.
Парнишка солдатскую форму надел
И бьется с врагами в жестоком бою,
Лишь изредка милую вспомнит свою.

По-старому любит она или нет —
Прислала на память платок и кисет,
Чтоб теплую радость зажег он в глазах,
Чтоб с гордостью другу его показал.

22 августа. Ст. Моховое

Госпиталь переезжает на новое место. До Орла едем поездом в товарняке.

25 августа. Орел

Утром высадились на бывшей станции Орел. Теперь — одни развалины и пожарища. Вокзал и все станционные здания разрушены. Стрелки порваны, подвижной состав сожжен. Переходили через весь город. Впечатление не столь удручающее, как я предполагал. Все же большой город нельзя разрушить совершенно. Большинство (%% 70) зданий не пригодны сейчас для жилья, остались одни стены, но несколько месяцев напряженной работы — и все будет восстановлено. В городе чувствуется жизнь. Спешат люди, бегут машины, со стен разрушенных зданий вызывают наши лозунги и призывы. Всюду объявления «требуется, открывается, объявляется набор и т. д.». Работают ясли, дет. сады, аптеки, почта и другие учреждения.

Вчера взят Харьков (!), и на стенах и заборах висят плакаты: «Город Харьков снова Советский». От Орла нам предстоит путь в 60 км до с/х Нарышкино. Идти — кто как может.

28 августа. Село Горки

На машинах и пешком уже добрались почти до места назначения. Жизнь бродячая. До части там осталось 6 км. Мы остановились в разрушенном до основания селе (нас трое сержантов). Заночевали в шалаше у одной женщины. Потом решили помочь ей и за 2 дня построили блиндаж, вполне сносное жилище. Приходили женщины приглашать нас к себе на работу, обещали даже самогон, но надо идти в госпиталь, рука беспокоит.

30 августа. Ходоково

Операция. На руку наложили 5 швов.

5 сентября. Ходоково

Швы сняты благополучно. Каждый день приносит новые самые отрадные сообщения.

9 сентября

Неожиданно встретил Изю Вайнера. Вова Тув и Люсик Кислюк погибли, первый — под Сталинградом, второй — в Киеве... Я убедился: погибают лучшие люди. Англичане высадились в собственно Италии. Теперь события пойдут с кинематографической быстротой. Донбасс очищен полностью. Сталино, Артемовск — наши.

13 сентября

Получил письма из дому. Зюня⁷ кончает техникум и останется в Чимкенте. Все же кусочек счастья у меня есть.

16 сентября

Вчера выписался и уехал в запасной полк Изя Вайнер. Сегодня проводил в наш полк моего нового друга Даниила Шевкунова, замечательного человека. Он из Алтайского края, сибиряк, с самого начала войны на фронте. Награжден 3-мя боевыми орденами. И до чего прост и скромн. Мы очень подружились и на прощание поцеловались, у него даже чуть ли не слезы на глазах выступили. Встретимся ли мы когда-нибудь? Вряд ли. Взят Нежин. Впервые в оперсводке появилось Киевское направление. Я жду, как мессию. Надежда еще есть.

28 сентября

Госпиталь опустошается. Уехал Кравец в нашу дивизию. Сегодня попрощался с моим новым другом — Л. Кеселем, одесским инженером. Очень хороший и культурный парень, объездил всю Европу и Америку, посидел в т[юр]ме и побыл в штр[афной] р[оте]. Имел звание инженер-капитана, а теперь — рядовой. Он старше меня всего на 10 лет. Случайно встретились и очень быстро и крепко подружились. Сегодня он уехал в тыловой госпиталь. Скоро и моя очередь — на Запад. Дела большие идут как нельзя лучше. Взятые Полтава, Чернигов, Смоленск. Есть неофициальные слухи о взятии Гомеля и Киева. Одна мысль об этом вызывает дрожь во всем теле.

30 сентября

Свершилось. Меня выписали в батальон выздоравливающих. В госпитале остались считанные люди. Мне дали «под начало» 30 человек, которых я должен вести и сдать командованию ЗСП. БВ раньше находился в районе Локтя, сейчас переехал в Трубчевск. После обеда двинулись. Прошли км 7. В Молдовом заночевали. Деревня сожжена. Начали отстраиваться. Мужиков мало, но все же есть.

1 октября. Д. Герасимово

Шагаем дальше. Шаблыкино. У входа висит щит: «Здесь был районный центр. Полностью разграблен и сожжен немцами. Боец, запомни и отомсти!» Несколько могил красноармейцев. От большого села остались одни высокие трубы. По дорогам тянутся обозы с крестьянами, возвращающимися из «эвакуации». В повозки запряжены кони, коровы, в двуколки — люди. Сегодня прошли 11 км: Шаблыкино, Воронцово-Герасимово. Последняя деревня каким-то чудом уцелела, здесь сосредоточены все районные учреждения. Впервые за полгода я заночевал в настоящей хате.

2 октября. Турищево

Прошли 16 км: Гаврилово, Турищево. Идем медленно, в Локте предполагаю быть 5 окт. Варили и ночевали на дворе — в сене. Село сожжено, в землянки идти не хотелось — люди злые, и немцев, и солдат, и друг друга на каждом шагу змеями называют. По дороге произошло печальное событие: подвода с эвакуированными напоролась на п/т мину. Убило мужчину и лошадь, разбило воз и ранило тетку. До села осталось 7 км. Не знает человек, где его смерть ожидает.

3 октября. Добрик

Чапаем помаленьку. До Локтя — 25 км. Сегодня прошли 15 км. Телятниково — Добрин. Села все целы. Даже мельницы ветряные стоят. Любо поглядеть. По дороге вели группу пленных немцев. Часть из них добровольно перебежала на нашу сторону. Жители проходу им не давали, ругали и по-русски, и по-немецки: «Куда вы их гоните, змеев, убивайте на месте. Разорили, разграбили». А немцы только виновато улыбаются и лепечут: «Я не жег, я не бил». В одной деревне наварили бабы картошки и высыпали на землю: «Ешьте! Хватит с вас гусей и яек».

Поговаривают, будто бы в лесах появились банды власовцев и немцев. Одну такую в 5000 человек уже ликвидировали. Ночевали опять в хате. Поздно сидели и при коптилке выслушивали рассказы «малого» о партизанах. Действительно работали ребята.

5 октября. Г. Локоть

Вот и Локоть. Он принес только разочарование — продпункта в городе нет. Не дали ни крошки хлеба: идите, как знаете. До Трубчевска 60 км. Но ЗП уже и оттуда переехал в Стародуб. Пока мы дойдем туда, он еще раза 2 передислоцируется. Локоть когда-то был красивым городком, сейчас весь разрушен. Дорога нам предстоит плохая. Все время леса, сел нет, негде даже достать картошки. К тому же еще подтверждаются слухи о бандитах. Настроение у ребят упало.

Сегодня встретил нескольких партизан, шедших с Орловско-го парада. Один парень 26-го года с партизанской медалью. Оказывается, партизан было немало, среди них много евреев. Места, где были партизаны, считались советскими, и жителям запрещено было переступить «границу». Да они и сами боялись близко подойти к ней. Партизаны иногда отбирали в селах коров, хлеб, сено. Молодцы, немцы боялись их, как огня, посылали мадьяр подавлять отряды. Славится большой отряд Ковпака⁸, который сейчас действует на Киевщине. С охотой шли на партизан орловские мужички. Немцы им доверяли оружие и даже не сомневались в их верности. За «карателями» ехали их жены и грабили партизанское добро. Над семьями партизан жестоко издевались. Отвратительный народ. Многие и теперь смотрят на нас враждебно. Партизаны ненавидят их, как врагов.

8 октября. Крупец

Заночевали в Крупце — 9 км от Локтя. Решили остановиться здесь на 2 суток, подработать и набить мешок хлебом. Мы собрались командой в 8 человек ставить настоящий дом из готового сруба. Вместо 2-х дней прожили 3. Привыкли даже: хозяйка поила и кормила. На дорогу заработали немного хлеба, сала. Впервые в жизни я пил самогон, к тому же сработанный своими руками. Народ здесь отвратительный, злой, жадный, завистливый, между собой живут плохо, в уцелевших домах грязно. Но все же 3 дня прожили жизнью, напоминающей довоенную.

До Трубчевска 50 км. Дорога все время идет по Брянским лесам. По пути нет ни одной деревни. Все сожжены.

9 октября. Д. Чернь

Прошли 25 км. Вот они — Брянские леса: неприступная крепость партизанская. Всюду видны их следы: окопы, землянки, блиндажи. Видели также и проволоку с консервными банками, которую немцы привязывали к деревьям, чтобы слышать о приближении партизан. Деревень действительно нигде нет. Идем все лесом да лесом. К вечеру подошли к бывшей деревне Чернь. Стоят несколько разрушенных хат. В одной из них живут двое связистов, охраняющих имущество. От хаты остались лишь стены да печка. Натопили крепко печку, да замечательно втроем переспали ночь. Моим ребятам пришлось померзнуть.

10 октября. Брянский лес

Сегодня самый неудачный день. Какая-то баба направила меня по окольной глухой тропе. Идем полдня и никаких признаков жизни, даже следов машин и телег нету. Прошли км 15 лиш-

них. Воды нет, продуктов нет. Ребята начали ругаться, дошло до скандала. Но в конце концов выстроились на путь истинный. За день прошли км 40. Остановиться на ночь негде абсолютно. Пошли и ночью. Ребята падают с ног, но идут. В полночь, наконец, дошли до края леса. На опушке нашли прекрасные блиндажи с нарами и соломой. Злые и голодные легли спать. Даже часовых не поставил. Слухи о бандах не подтвердились. Очевидно, это плод женской фантазии.

11 октября. Г. Трубчевск

Утром мы увидели г. Трубчевск. Он стоит на высоком и крутом берегу Десны, а левый берег — ровный, как стол. Брат приступом город было бы невозможно. На пароме переправились через реку. Зашли в село в 3 км от города. Пред. колхоза расставил нас по домам и велел накормить завтраком. Какая разительная перемена во всем! Деревни стоят, как на картинке: целые, аккуратные, чистые, улицы ровные, дома высокие, видны мельницы. Люди гостеприимные, каждый рад накормить бойца. Но о колхозах и партизанах говорят со вздохом. Город не особенно пострадал. Таких развалин, как в Орле, нет. На всех улицах видны люди с красными полосками на шапках — партизаны. В В. К. все заняты: проходит мобилизация. Удалось узнать только, что ЗП находится в Новозыбкове и что продуктов опять нет. В полевом госпитале мне удалось достать хлеб и концентрат, но если и впереди люди будут такие, как здесь, то хлеб нам не нужен будет. Пошли дальше. Странное дело: немцы не перестают болтать о жидо-большевиках, а бабы немцев называют немыми жидами.

Все больше рассказывают о местных мужиках. Многие добровольно шли к немцам, некоторые из-за ненависти к власти, а другие просто прельщались водкой, формой и конфетами. Брат воюет в Красной армии, а другой уходит к немцам.

12 октября

Прошли 15 км. Дорога идет вдоль Десны по крутому холмистому берегу. Через каждые 2 км — целая деревня. Заночевали в д. Хотьяновка. До Погар 20 км. Завтра будем там.

13 октября. Погар

Маленький городишко, на $\frac{3}{4}$ разрушенный немцами. Эти разрушения производят худшее впечатление, чем даже Орловские. Здесь много домов совершенно нетронутых, но там, где коснулась рука немца, лежит груда камней, даже обломков стен нету. Опять старая история — продпункта нет, идите дальше. Расставили на ночь по квартирам. Мне не везет. Попал в какое-то богоугодное заведение, где живут четверо выживших

из ума стариков, задающих такие вопросы: «Чьи мы будем после войны? Не будут ли делить людей между Англией и США и пр.». Известий нигде не можем узнать. Слыхал только, что с неделю тому К. А. вновь перешла в наступление и в 3-х местах форсировала Днепр. Киев еще не взят. Двое суток непрерывно отчетливо слышна артиллерийская канонада. Жители встревожены — это немец возвращается. От коменданта слыхал, что на Гомель, окруженный нашими, немцы подбросили много сил и заставили отойти на 12 км. Тут же утверждают, что Гомель уже взят. Полная неразбериха.

14 октября

Прошли 20 км. Остановились в большом селе, наполовину сожженном. Хозяйка оказалась очень задушевной женщиной, видно, что человек всей душой рад приходу Красной армии. Рассказывала, как она сопротивлялась немцам, прятала в ямы скот, из рук солдат вырывала яйца. Когда немцы хотели жечь при отступлении хаты, мужчины по следам шли за ними, и немцы испугались и не решились жечь.

15 октября. С. Стародуб

Беда сегодня с этим Покровом. Вся моя команда разбрелась по селам «пьянствовать». Со мной идет всего 8 человек. Когда всех соберу — не знаю. И мне пришлось погулять. Зашел в одну хату на обед, а там бабы пируют, поставили мне вина, сала, мяса, сметаны и т. д. и не выпустили, пока не поел. Вечером были в разрушенном Стародубе. 181-й полк в Клинцах.

16 октября. Червонный Яр

Ночевка у председателя с/с. Молодежь 25–26 вывезена в Германию. Массовые убийства Стародубских евреев. Полицейские отличались. Население помогало несчастным, чем могло.

17 октября

Команда понемногу собирается, до Клинцов 20 км. Ночью — баня по-черному. Чуть не задохнулся.

18 октября. Якубовка

Полк в 8 км. Стал на дневку. Команда вся, за исключением 2 стариков. Последний вольный день.

19 октября. Клинцы

Пришел в Клинцы. Город был когда-то красивым и уютным, но сейчас все центральные улицы разрушены. Целые кварталы

состоят из каменных груд. В городе и в окрестных селах огромное количество солдат. Обучаются недавно мобилизованные дубинники. Привел команду в штаб, там уж ожидали двое отставших стариков. Писарь признался, что еще ни одна команда не приходила полностью и в такой короткий срок: большинство по месяцу и больше шляются по селам. Вечером привел команду в БВ. Казарма находится в большом 3-этажном здании.

25 октября

Живу в БВ, командую отделением. Условия вполне удовлетворительные. Занимаемся только до обеда. Потом свободны весь день. Я в свободное время просиживаю в библиотеке. Почти через день наряд. Жизнь течет спокойно, только после комиссий уходят люди и почти ежедневно приходят новые. Погода стоит на редкость хорошая: сухо и тепло. Одним словом, здесь жить можно. В нашей казарме раньше был немецкий лазарет, и «хозяева» оставили нам наследство — эрзацодежду, зимнее обмундирование: жилеты и штаны из гофрированной бумаги и ботинки, выточенные из дерева. Два лица гитлеровской империи.

8 ноября

Взяли Киев! Об этом нельзя ни писать, ни говорить — было бы святотатством. Можно только чувствовать и переживать. Вот это подарок к Октябрю! Уже 20 дней я нахожусь в БВ. В конце октября меня назначили комсоргом батальона вместо отправленного на фронт. Работал много вместе с зав. Ленкомнатой северянином Пекшевым. К празднику подготовились безукоризненно, приложили все силы. В праздничном приказе комбат вынес нам обоим благодарность. Мой непосредственный начальник — ст. лейтенант Кольцов, очень симпатичный и приятный человек. Условия жизни такие, о которых сейчас и мечтать нельзя. Работать можно было бы. Но вряд ли придется — ожидается приезд эшелона со штатными работниками. Праздник прошел торжественно и приподнято. В этом году можно торжествовать.

Меня огорчает только отсутствие писем из дома. Сегодня написал праздничные письма домой, дяде, Томе. Собираюсь написать в Киев и ребятам. Погода уже в полном смысле осенняя. Тяжело солдатам на передовой, поэтому дорог каждый день, проведенный здесь. Сейчас можно приступить к розыскам папы. Все, с кем я беседовал, мало обнадеживали меня. Но я все же надеюсь. И, в конце концов, «правда, какая бы она ни была — все же лучше, чем неизвестность».

18 ноября

Все так же. Работа идет полным ходом, никто еще не сказал плохого слова. В основном, вся работа идет вокруг доклада Ста-

лина. За ней меньше думаешь о ненужных вещах, забываешь о горестях.

27 ноября 1943

Приехали штатные работники БВ, в том числе и комсорг Борис Котт. Я был готов к тому, чтобы идти в ЗП, а оттуда в маршевой роте — на передовую. Но случилось иначе. Меня оставили на старом месте в должности командира отделения и комсорга 1-й роты. На этом настояли комсорг полка и ст. лейтенант Кольцов. Очевидно, понравился. В сущности, мое положение мало изменилось: почти весь день по-прежнему провожу в Ленкомна-те за работой. Николай остался на старом месте.

Получил письма от Поли, Зюни и Бебы. Последняя пишет, что видела Яньку. Он... гвардии младший лейтенант. Черт подери.

3 декабря

В Клинцах доживали последние дни. Готовятся переменить место дислокации; куда — неизвестно. В работе изменений нет. Получил благодарность по приказу от ст. лейтенанта Кольцова. На всех партсобраниях и даже на полковом ксм активе расхваливают.

Не могу дождаться писем. Особенно нужны сейчас письма от Тамары. Я жду их, как декларацию о наших отношениях. Очень часто вспоминаю с особой теплотой Аллу Антонову, особенно сейчас, когда начались чудесные зимние вечера, точно такие, как в Киеве, когда мы гуляли с ней. Какое чистое чувство осталось у меня к ним: к Тамаре, Алле, Галине! Я бы никогда не хотел бы предпочесть его тем представлениям о любви и ее прелестях, которые господствуют в нашей солдатской среде. Мы об этом очень много говорили с Николаем Пекшевым, ночью лежа на одной кровати.

15 декабря. С. Неглюбка (Белоруссия)

Вчера вечером вышли из Клинцов, двинулись на Запад, за сутки в 2 перехода прошли 60 км. Я — помкомвзвода. Марш нелегкий, но я его переносу по-солдатски. Холод и гололедица. Сегодня вступили в Белоруссию. Наконец, кончилась эта не-сносная Орловская область. Жители принимают очень радушно. Даже блинов напекли. Накануне получил чудесные, небывалые письма от Тома.

18 декабря. Заболотье

Прошагали 5 дней. Перешли Ипуть и Сож. Впереди в 40 км — Днепр. Места освобождены 2 недели назад. Прошли

г. Чечерск — большое село. Всего махнули 130 км. Сейчас отдыхаем в Заболотье. Где-то близко село, в котором мы станем. Пошла коренная Белоруссия. Ландшафт изменился, но разговоры жителей, верно, никогда не изменятся: партизаны да полицаи, плохие и хорошие немцы, бедные солдатики и т. д. Скот отобрали, молодежь угнали, много сел сожгли.

21 декабря. Хут. Боевой

Кажется, пришли на место. Б[атальо]н занимает 2 соседних хутора. Жители живут неплохо. Немцы здесь почти не жили и не эвакуировали — в стороне от шляха. Все страшно боятся колхозов. Черт его знает, до чего досадно слушать. До фронта недалеко — км 30. Канонада отчетливо слышна. Расположились очень хорошо: по 3—4 человека в хате. Столовая — в километре от нас. Занятий пока нет. Жизнь спокойная, уютная. Сегодня вечером будем справлять именины Николаю. Соскребли все копейки из всех карманов, и литр самогону спрятался под лавку. Несколько дней впятером копили сахар, сберегали гречневого концентрату, и наш повар Шашков напек блинов. После отбоя собрались — 6 солдат. Выпили по стакану: за именинника, за скорую победу, за наше здоровье, закусили. Старик Сапрыкин шепотом спел удалую цыганскую песню (хозяева спали, света нет, на «коминку» горят лучины). Поговорили вполголоса, пошутили, вздохнули и... разошлись. И закончились солдатские именины.

22 декабря

Сдал взвод ст. серж[анту] Шукшину. Снова принял дела комсорга батальона. Ст. л-т Кольцов сказал: «Теперь уже навечно». Котта забрали в 1-й батальон. Затруднение в том, что батальон расположили в 2-х хуторах, а штаб полка километрах в 12-ти.

Покрылись поля пуховой пеленой,
И снег по колено в степях.
Я снова с тобою, я снова с тобой,
Хоть тысячи верст от тебя.

Я полночь вышел на звезды взглянуть,
Но звезд теперь нет в небесах.
Все небо прорезал серебряный путь,
И где-то ракет голоса.

Меня опьянил бесконечный простор
Молчания. Неба. Снежин.
К тебе надо ехать на юго-восток,
А мой путь на запад лежит.

* * *

Ты, наверно, сейчас не спишь,
Может, думаешь обо мне.
Я шагаю по снежной степи,
Автомат за плечом на ремне.

Ты, наверно, сидишь за столом
И на фото глядишь с тоской.
Может быть, вспоминаешь о том,
Как мы вместе сидели с тобой.

Ветер вьюжные песни поет —
Он свидетель веселья и бед —
Я шагаю, а сердце мое,
Как на крыльях, летит к тебе.

* * *

Пусть вьюга воеет, пусть метель свирепей,
Пусть уж ноги больше не идут —
Солдат пройдет, солдат все стерпит:
Любое горе. Всякую беду.
Идут в ночи. Без жалобы, без стопа.
Их валит ветер, засыпает снег.
Под вой и визг валяются кони,
А он идет — Сверхчеловек.

Ник. Пекшеву

Западный ветер нам оды поет,
Снег серебрит погоны.
Снова в поход!
Снова в поход
Двинулись наши колонны.

Мы рядом шагаем по мерзлой земле,
Мы спим под одною шинелью.
Шагай веселей!
Гляди веселей!
Ругайся с пургой и метелью!

Нас сосны приветствуют в строгом строю —
Торжественно строгие рати.
Бодрость свою,
Юность свою
Мы никогда не утратим.

1 января 1944 г. с. Кучинск

Вот дожили и до Нового года! Отпраздновать не пришлось, но все же чувствуется что-то торжественное. Последняя неделя была лихорадочной: ежедневно приходили и уходили сотни людей, и приходилось круглые сутки заниматься писаниной. Отправили маршевые роты. Люди все приходят и приходят. Среди новых было двое моих товарищей по ОПУ. Получил письмо от Яни. Мл. лейтенант, десантник. Новое положение очень изменило его. Заметно по письму.

13 января 1944 г.

Война снова приобрела кинематографическую быстроту. Вступили уже в Зап. Украину. Гомель также освобожден. Написал туда. Кто знает, как вели себя при немцах бывшие друзья? Работаем много. Лекции на международные темы, политзанятия, беседы, собрания — почти ежедневно. Нелегко. Ругают и хвалят попеременно, но все же ценят. Сегодня набирали в разные училища. Снова не отпустили. Но я не настаивал. Пусть окончание войны застанет меня в чине сержанта! 15 — отчетное собрание. Немцы по ночам стали бомбить шоссе. Спать не дают. Хейнкелы и днем не перестают летать. Хрен с ними.

Ели еловые,
Ветка сосновая —
Вспомнил вас снова я
    В белых полях
Просторы снежные
Небо безбрежное,
Славная, нежная,
    Милая моя.

Небо январское
Матовой краскою,
Солнечной ласкою
    Манит к себе.
Очень далеко вы,
Очи и локоны,
Черные локоны
    Милой моей.

В снежные залежи
Выплыви в памяти.
Будь пред глазами же
    В жарком бою.

Где мне искать тебя?
Как мне прижать тебя?
Мучить в объятиях —
Милую мою!

18.1.1944

15 проводили отчетное собрание. Работа кипит. Дело по мне. Люблю живую работу. Получили письмо из Асбеста от комсомольцев завода, куда я должен был ехать. Очень теплое, хорошее письмо. Называют нас «дорогими героями». Приятно мне, что я завязал дружбу между нашими боевыми товарищами и моими товарищами-студентами.

20.[1.1944]

Вчера — полковое делегатское собрание. Обставили торжественно. Впервые слушал новый гимн в исполнении оркестра. После собрания — нечто вроде банкета. Убогая пародия, но все же приятное напоминание о том, что было и что может быть.

Меня избрали в полковое бюро. Я никак не ожидал такого — думал, что меня мало знают. Бывший комсорг полка Абрамов хлопнул меня по плечу: «Это я тебе услужил». Замечательный руководитель. Жаль, забрали его из полка. «Домой» вернулись часа в 3 ночи.

22.1.1944

Переехали в Заболотье. Условия несравненно улучшились. Получили замечательную Ленкомнату, в ней и живем, устроились отлично. Выделили нам связного, он убирает, приносит обед и т. д. Парторга Дмитренко переводят от нас. Жалко, мы с ним хорошо жили, понимали друг друга, несмотря на большое различие в возрасте — у него дочь старше меня на год. Новый парторг — ст. л-т Басин. Сегодня в полку было совещание полит-аппарата. Выступал полковник Александров — нач[альник] политотдела 63-й армии и полковник Волковысский — нач[альник] отдела боевой подготовки.

29.1.1944

Ушел Николай. Вдруг ни с того ни с сего, не обдумав даже, записался в разведроту армейской разведки и ушел. В батальоне почему-то не стали задерживать. Попрощались. Тоскливо стало. 3 месяца ели из одного котелка, спали вместе, одной шинелью укрывались. Ругались, спорили, но любили друг друга. И все. Теперь уже никогда не встретимся, хоть говорили и написали на память друг другу, что встреча обязательно состоится — в Киеве

или в Сибири. Нет. На войне все так: сблизился, подружился — и разошлись, чтоб больше никогда не встретиться и вспоминать, что «да, был у меня хороший друг...» Что ж, жизнь не переделать.

2.2.1944

Вот мы и дожили —
Двадцать лет.
Дорогам исхоженным
Счету нет.

Мало ли пройдено! —
Верст не считай...
Славная родина,
Ласковый край.

Тополь над хужиной,
Святость. Покой.
Нет, ты не книжною
Встала пред мной.
Нет, ты не девою
Кажешься мне:
Мстительной, гневною;
В буре, в огне.

И за землю Орловскую,
За кусочек земли
Я солдатскую кровь свою
Молодую пролил.

Я склонился над матерью:
Все до капли впитай.
Пусть червонною скатертью
Будет устлан мой край.

Не стонали от боли мы,
Рвя зубами пакет.
Сколько крови там пролито,
Столько звезд в небе нет.

14 февраля. Заболотье

Finite la comedia. Полк расформируется. Должны произойти крупные изменения даже в армии. Возможно, что уедем из Белоруссии. Если бы на юг! С каким-то легкомысленным любопытством ожидаю дальнейших острот судьбы. Куда меня бросит фортуна? Ни о чем не жалею. Жаль только, что не вовремя случилось это. Впервые за полтора года я держал в своей руке руку девушки. Мы готовили самодеятельность к празднику. Для хора

не хватало женских голосов. Оказалось, что рядом с нами живут девушки-медики. Они согласились на наше предложение. Я как увидел их — глаза открыл от удивления: откуда они взялись такие! Давно не видел таких красивых, приятных девчат. Тут и дали себя знать 20 лет. Молодость — ничего не поделаешь. Особенно раздражила мою кровь девятнадцатилетняя татарочка — Римма. Огонь. Душа. Я и решил — пора кончать солдатское монашество. Но привыкнуть к общепринятым в армии принципам пока не могу. А товарищи смеются: «Ей стихи не нужны. Поменьше разговоров, а то уйдет». Не могу. И не могу себе представить, что это чистое лучезарное личико принадлежит такой же бляди. Горбатого могила исправит. Да и черт с ним. Ведь завтра меня не будет здесь, и мы с ней никогда не встретимся. Но пока я здесь, мне хочется думать, что она такая, какою она нарисована в моем сердце. Идеализм. Весело провели несколько вечеров. И тут я почувствовал, чего лишила меня война, кроме всего прочего. Теперь, после встречи с Риммой, я уже не буду знать душевного покоя до конца войны.

Тебе, Римма

Солдатское сердце и черство, и грубо,
Солдатское сердце забыло любовь,
Забыло про нежность, про девичьи губы,
Про смех, будоражащий душу и кровь.
Но все же бывают часы у солдата,
Когда загорается чувство в груди,
И кажется, будто бы ангел крылатый
Навстречу мечтам и желаньям летит.
Такою и ты, точно ясное утро,
Нежданно предстала пред сердцем моим.
Как майское солнце — блестя перламутром,
И сердце мое приказало: «Люби!».
Я знаю, что можно солдату не верить.
Любовь мою — чем мне тебе доказать?
Но честность солдатскую можно проверить
По сердца биению, по блеску в глазах.
Ведь жизнь не считается с нашим желаньем —
Куда меня завтра забросит судьба?
Быть может, что в утреннем сером тумане
Мне будут могилу киркою рубать.
И я не скажу, что я верен навеки —
Ведь годы и большее пламя зальют,
Но если ты веришь в любовь человека,
То верь мне —
сегодня люблю!

13.2.1944. Белоруссия.

17.2.1944

Недолгой была радость. Все. Сегодня уехали. Но зато вчерашний день запомнится мне надолго. Долго беседовали с ней днем, в лесу. Обо всем, начистую — ведь мы знали, что завтра мы уже будем очень далеко друг от друга. Нет, это не пустая забава, это сильное увлечение; возможно, что не долго оно будет владеть мною, но сейчас — сотрясло все мое существо. Я даже не могу сказать, что это хорошая, честная девушка: словам нельзя верить, а знал я ее всего неделю. Я не ожидал, что встреченная случайно девушка — пусть милая, славная, хорошая — сможет вызвать во мне такое сильное большое чувство. Я был наэлектризован одним ее присутствием, даже мыслью, что она где-то недалеко. Она принесла мне не очень много радости. Танцы для нее — полжизни. А я не танцую, так что даже в те немногочисленные вечера, когда мы были вместе, она очень мало была со мной. Но потом, когда мы шли одни, мне казалось, что часть моего большого чувства разделяется ею. Она говорила, что любит. Я знаю, что наивно даже думать об этом. Но верю. В этом моя сила. В этом моя слабость. Вечером собрались у них 4 офицера, я и Бондюк. Было, конечно, неудобно, натянуто, но я не мог отказать себе в этом последнем удовольствии. Потом атмосфера немного разрядилась. Чуть выпили, повеселели. Гуляли до 4 часов. Потом она пошла провожать меня. Последний поцелуй. В эти минуты я верил, что она действительно чиста. Утром сегодня у нас был концерт. Прибежала попрощаться, подарила фото. Так закончилась реальная часть романа с военным цензором (а не сестрой) Риммой Окольниковой. Теперь начнется игра слов — игра нервов закончена. Думаю, что ненадолго, она даст повод к скорому прекращению переписки. Да и я постараюсь заглушить это непрошеное чувство. Быть может, к лучшему, что оно не имело возможности разрастись больше. Эх, Риммка! Верно, что в самоубийстве л-та Горшкова была и твоя доля.

18.2.1944

Еще один бесцельно прожитый день. Никто ни черта не знает, все висит в воздухе. Нет никакого желания что-нибудь делать в таких условиях. И мало кто работает. Да и людей нет. Так и живем. Правда, занимаемся подготовкой самодеятельности к вечеру. Римма вечером прислала с шофером из Гомеля 2 записки. Они попали в 3 армию. Сейчас посланы в командировку.

О, солдатское счастье, неужто ты вечно такое,
Неужели ни разу мне не видеть улыбки твоей?
В тяжелые дни, после самого страшного боя
В минуты затишья я думал в окопе о ней.

Не знал я, какую она предо мною предстанет,
Но знал: она будет, не может она не прийти!
И часто мне снилось очей незнакомых блистанье
И девичий смех врзался в предсмертную тишь.

И вот ты пришла — я увидел твой облик реальный,
И кудри веселые прочь разогнали покой.
Из чужой, незнакомой, желанной, таинственно-дальней
Ты сразу же сделалась близкою, нужной, родной.

Но солнце недолго сияет на северном небе...
Ты быстро ушла, оставляя лишь след на снегу,
И кажется мне, будто все это призрак и небыль,
Будто не было девушки, смеха и ласковых губ.

О солдатское счастье, неужто ты вечно такое?
Неужто по-старому ниткой потянутся дни?
Я прошу тебя, ту, что лишила солдата покоя,
Ну хотя бы на месяц, хотя бы на час мне верни.

22.2.1944

Позавчера приехала из командировки одна из Римминых подруг — Катюша Федорова. Я зашел к ней, чтобы расспросить о Римме, а вышло значительно больше. В армии обостряется способность быстро сходиться с людьми, приобретать друзей. Мы провели с ней 3 вечера. Всего три (она уже тоже уехала), но этого было достаточно, чтобы мы расстались большими друзьями. Меня все время мучила мысль: неужели развращено все наше поколение? Неужели на фронте нет ни одной честной девушки? И все время на каждом шагу я видел отрицательные ответы. И только теперь, встретясь с Катей, я увидел, что это не совсем так, есть чистые души, но обстановка, окружающие, абсолютно все стараются загрязнить, опошлить их, и на общем фоне они не видны. Я рассказал ей, как смотрят на девушек, чего от них требуют, и резко растолковал ей, как я отношусь к фронтовичкам. Девушка плакала, и я верю, что эти слезы искренние и честные. Я опять увидел воплощение моих старых идеалов. И теперь я снова приобрел способность не верить и презирать отвратительную, хвастливую болтовню. Я снова верю в чистоту девушки. Хоть знаю, что таких, как Катя, не больше одной на тысячу. Она мне тоже говорит: «Я еще таких не встречала». Впервые в жизни я попросил разрешения поцеловать. И... впервые в жизни мне отказали. Какой восторг вызвал во мне этот отказ. Если бы только это не было рисовкой... Мне не везло. Капитан почти не выходит из ее дома, и, конечно, уступать приходилось мне, хоть это и вызывало злость и досаду у Кати. Он даже позволил себе претен-

довать на большее — получил пощечину. Только вчера мы имели возможность посидеть всю ночь — часов до 5, а днем она уехала, оставив письмо и перчатки — на память. Сегодня получил письмо от Тамары — изумительно нежное и теплое. Черт возьми, права Катя, спрашивая, зачем я ищу дружбы с другой, имея такую девушку. Но ведь она бесконечно далеко, между нами 7 тыс. километров и лет 5–6. Я начал писать ей о Римме и Кате, но потом передумал: ведь она не может все правильно понять, и это письмо принесло бы ей незаслуженные мучения.

24.2.1944

Прошел праздник. Я надеялся на большее, но удовлетворен и этим — лучший праздник за время войны. С утра было чудесное настроение, все шло хорошо. Концерт прошел удачно. Все довольны. Мы с Клишко постарались обставить все, как только можно было: и сцена, и реквизит, и «инструменты», и сами актеры были подготовлены вполне сносно для наших условий. Потом выпили, что положено наркомом. (Вечером выпили чуть побольше положенного — ст. л-т Басин принес специально для меня.) После обеда хотели вторично давать концерт, но пришлось отложить — все под мухой. Тут-то и испортилось мое настроение. Рима прислала записку, что вечером 23 приедет — возвращаясь в Гомель, задержится на ночь. Я ждал, ждал, надеялся — все напрасно.

Недавно было кино, концерт. Живем не скучно. Но именно эти хорошие условия родили новую потребность, иногда мучительную даже — потребность в женском обществе и даже больше. Тяжело. Двадцать лет, черт возьми! Пора самой горячей любви. Для нас война сделала этот возраст порой самой горячей ненависти. Но, возможно, эти ненависть и мучения сделают более дорогой и ценимой будущую любовь.

Идет солдат по улице.
Солдату двадцать лет.
На нем блестящих пуговиц,
Ремней широких нет.
У парня волос с проседью,
Оброс он бородой —
Его судьба забросила
Сюда с передовой.
На нем шинель измятая —
Он в ней в бои ходил,
Осколок под заплатою
Дырищу просверлил.

На груди полоска —
Красная, как кровь.
Брось ты, парень, брось-ка
Думать про любовь.
Сердце сильно бьется,
Хочет выйти вон.
Погляди на хлопца,
Полюби его.
Он отвык от неги,
От девичьих ласк —
В поле среди снега
Не до карих глаз.
Но теперь снаряды
Не поют над ним.
Хочется солдату,
Чтобы был любим.
Полюби, дивчина:
Парню двадцать лет,
Хоть большого чина
У солдата нет.
В сердце под шинелью
Трудно заглянуть:
Может, плачет сердце,
Может, ломит грудь.
Вылечи, дивчина,
Улыбнись ему,
Прогони кручину —
Мать душевных мук.
Полюби солдата,
Обними сильней,
Пусть шинель в заплатах —
Сердце есть под ней.
Но она не глянет —
Что ей до него!
Ей бы блеск да глянец,
Звездочки погон.
Ей нужна фуражка,
Ясный козырек,
Шпоры или шашка,
Зеркало сапог.
Да, конечно, шпоры —
Неплохая вещь,
Только шпоры скоро
Могут надоесть.

2 марта 1944

Период «шатания и разброда» заканчивается. Слияние произошло. Новый сводный батальон принял капитан Волощенко. Сейчас в батальоне 700 человек. Кольцов и Басин остались. Я сегодня принял дела у бывшего комсорга и с сегодняшнего дня стал комсоргом БВ 18 АЗСП. Пора приниматься за дело.

3 марта 1944 г.

Сегодня был Коля Пекшев. Я уже думал, что мы никогда не встретимся. Но, очевидно, сегодняшняя встреча была последней. Он сопровождает бойцов, идущих на Витебское направление. Там, наверно, и останется. Глупо у него получилось: хотел идти в армейскую разведку, а попал опять же в царицу полей.

Продолжаем приводить в порядок хозяйство. Дела много. Сегодня узнали приятную новость — Финляндия накануне выхода из войны. Давно следовало ожидать этого.

А писем все еще нет.

Пришла, раздражила, умчалась,
Посеяв отраву в крови...
Я понял, что это начало
Большой, незнакомой любви.

Откуда же детские кудри,
Задорный, насмешливый смех?
Попробуй, великий и мудрый,
Ее не отличить от всех!

Надолго запомню тот день я,
Принесший тревожную новь.
Ведь после второго рожденья
Впервые познал я любовь.

Кто любит сильнее солдата,
Узнавшего жизнь на войне?
Зачем же, зачем же ушла ты?
Когда ты вернешься ко мне?

4 марта 1944 г.

Попрощались с комбатом — капитаном Беляцким. Хороший мужик был, настоящий командир. Мешали только женщины и водка, появившиеся в Заболотье.

Рассыпалось расколотое зеркало,
В которое глядела ты...
Неужто будет и любовь так исковеркана,
Как в зеркале сейчас мои черты.

Не верю в предрассудки и гадания.
Я знаю: будут солнечные дни!
Приди ко мне, приди, моя желанная,
Осколки зеркала в одно соедини!

6 марта 1944. Берестовец

Только устроились в городе, развернули ленкомнату, начали работать — снова марш. Вышли сегодня утром. Басин остался ожидать коней, уехавших за сеном. Дорога тяжелая. Весна в этом году рано началась. Снегу уже почти нет в поле, всюду грязь, грязь и вода. Люди процентов на 30 в валенках, больные, приходится идти очень медленно.

Городец — Каменка, перешли шоссе Гомель — Довск в 12 км от Довска. Остановились в с. Берестовец Карлинского района. Идем на восток.

7 марта. Каменка

Часа в 2 пришли на место. Долго ли мы будем здесь? Может, и отсюда дня через 2 отчалим. Село не маленькое, но ни одного приличного дома пока не видел. Хотя вообще здесь люди живут гораздо лучше и культурнее, чем в Орловской области. Хаты больше, удобнее, чище. Да и люди другие, наши люди. Здесь на партизан не смотрят как на разбойников. Вот сейчас я остановился у одной женщины. 2 ее сына были в партизанах, а она с третьим помогала им, разведывала, осуществляли связь, снабжали и т. д. Один сын погиб во время боя, другой был 2 месяца в отпуске и 13 идет в армию, а 3, младший, умер от тифа. Мать осталась одна.

Среди новых людей, влившихся к нам из 19 полка, есть мл. л-т м/с Маруся, которая интересуется стихами и сама любит Есенина. Редкая встреча на войне. Полдороги мы шли с ней и читали друг другу стихи.

9 марта 1944

Местные комсомольцы вчера организовали вечер для женщин. Мы по своей инициативе решили помочь им. Времени не было для подготовки, дали несколько номеров из старой программы. В том числе и нашего «Шульца». После нас выступали девчата. Условия были невообразимые. Такого я еще никогда не видел, как только стены выдержали. «За кулисами» негде было яблоку упасть. Я только смеялся, глядя на все это. Но было почему-то очень весело. А главное — бабы остались довольны. А после концерта комсомолки подготовили роскошный банкет, пригласили нас, но... солдатчина — было уже после отбоя и, к их и нашей досаде, ничего не вышло. Пропала и водка, и гулянье.

Вчера получил первое письмо от Риммки. Она всего в 30 км! Это меньше, чем 7000, но положения не меняет: со мной ее нет.

Если я вернусь с войны до дому,
Я его повешу на стене,
Буду говорить о нем любому,
Кто заглянет в комнату ко мне.
Пусть он будет выцветший и рваный,
Пусть прожжен немножко у огня —
Он принял осколочную рану,
Сохранив от гибели меня.
Разве где-то есть еще такая
Или губ такой манящий мед?
Мне не надо С НЕЮ в мире рая, —
Адом будет жизнь без нее.

15 марта 1944

Избрали бюро. Опять началась нормальная работа. Связались с гражданскими органами. Вчера делал доклад для жителей Каменки: «33 месяца Отечественной войны». Девчата прямо на шею лезут, а Риммка всего в 30 км. Писем нет. Видзон после 8 марта отсидел 3 суток на губе за то, что хотел погулять с девками на вечере. Отправляю его на курсы комсогов. Вместо него работает Алеша Криворучко — мой второй заместитель.

19 марта 1944

Погода отвратительная: дождь, грязь, снег, непролазное болото. И как назло почти ежедневно приходится идти или ехать в полк за 6 км. Остался членом бюро 18 АЗСП. Сегодня буду проводить кустовое совещание КСМ актива в полку. Настроение плохое. «Не сошлись» с комбатом. Трудно с ним работать. Избегаю даже встреч с ним. Если бы не Кольцов и Басин, обязательно ушел бы.

От Риммы получил 2 письма. Заболела. Приглашает к себе. Это, конечно, неосуществимо.

Из дома писем все нет.

21 марта 1944

Ты ушла от меня на рассвете,
Чтобы ночью вернуться во сне.
И с тех пор юго-западный ветер
Мне все время поет о весне.
О весне в голубом Приднепровье,
О весне на душе у меня,
Опьяненной любовью,

Полной грусти, печали, огня.
Ты — дитя. И, быть может, за это,
За ребячество в карих глазах
Беспокойное сердце поэта
Твое имя купает в стихах.
И, наверно, такой уж не будет —
Чтоб никак разобраться не мог,
Что дороже мне: девичьи груди
Или детский лукавый смешок.

19–21 марта 1944

На дворе — весенняя распутица,
Медленно качается возок.
И со мной луна — ночная спутница,
С нею я не буду одинок.

По бокам стоят дубы степенные,
Луч разрезал небо пополам,
И мое приглушенное пение
Не разносит ветер по полям.

А вокруг нигде окно не светится,
На сто верст не увидеть огней.
Только в небе Малая Медведица
Не гасит зеленых фонарей.

26 марта 1944

Свалилась с плеч целая гора — провели концерт — нелегкое дело. Вчера после обеда начали, сегодня вечером кончили. 3 концерта дали. Намучились порядком. Я играл роль ст. лейтенанта в скетче, потом разозлился и оторвал конферанс — великая импровизация, гвоздь программы. Сам не подозревал в себе таких способностей. Приезжал сегодня подполковник Лыков, ничего как будто. От Риммки опять письмо. Бесплезная штука.

27 марта 1944

Сегодня у меня день досады. Всех строевиков отправляют. Я надеялся, что это касается и меня. Утром Лешка пришел и заявил, что его выписали и направляют в инженерное училище в Москву (!). Я почти не сомневался, что и меня отпустят. Обратился к Кольцову, а он опять за старое: «Никуда не поедешь, надо работать, здесь, без училища сделаем что надо».

— Но я же строевой, не все мне сидеть в тылу.

— Тебя можно отправить только с разрешения подполковника. Надо здесь работать, воспитывать людей.

— Хочу идти в инженерное училище.

— Никогда из тебя не будет инженера. Я лучше знаю. Литератором будешь. Какой из тебя инженер!

Два раза говорили с ним сегодня об этом. Оба раза категорически отказал.

— Ты должен быть инженером человеческих душ.

В третий раз чего-то разоткровенничался, начал читать свои стихи, письма от Томки. Немножко лирики. Замечательный человек Кольцов. А по стихам определил — чувствуется Есенин. Жаль уходить от него и Басина.

Сегодня получил первое письмо от Катюши, живое, веселое. Просит ответить. Надо. Римме посылаю маленькую книжечку со стихами, написанными ей. Эх, надоела пресная жизнь «запасника». А самолеты летят стаями. Круглые сутки над головой висят. Красавцы.

4 апреля

Психическая погода. Вчера начался буран, какого не было за всю зиму. Сильный снегопад, резкий, холодный ветер, мороз. Одним словом, весна. 31 была полковая делегатская конференция. Опять выбрали в полковое бюро уже 18 АЗСП. Настроение гадкое. Отпала охота работать. Во-первых, весь мой актив отправили, не с кем работать. Во-вторых, отбивает охоту работать комбат. К тому же нет писем. От Риммки пришло письмо Карташевскому. Мне нет... Письмо Яне вернулось мне.

11 апреля 1944

На фронтах творятся чудеса. Наши в Румынии, на границе Чехословакии. Сегодня узнали о взятии Одессы и начале наступления на Крым. Представляю себе сегодняшнее настроение Поли. Для нее Одесса — это то, что для меня Киев. Больше таких фанатиков я не встречал. Недавно было письмо от Риммы, обещала приехать в воскресенье. Я надеялся. Конечно, не приехала. А письмо хорошее. Таких от нее я еще не получал.

Наконец, получил уже письмо из дома. Пока все по-старому, хотят переехать в Киев. Я бы ничего другого не желал. Вчера в полку был праздник. Вручали боевое знамя. Я не был.

17 апреля 1944

Начал получать письма из дома. Положение крайне тяжелое: бабушка и тетя Клара умерли. Мать и Зюня болеют, выехать на родину трудно. Хлопочу о ходатайстве. Это подавляет собой все и мешает работать на полную мощность. Получил письмо от Томы. Милая, славная девочка. Большое, любящее сердце. Она, конечно, не заслуживает тех изменений, которые произошли в моем поведении. Но мне все больше кажется, что так оно и должно быть. Это все временные увлечения. Ведь бывает часто, что да-

лекие, большие, отчетливо видимые хребты на время застилаются густым туманом; и видны лишь мелкие холмики на переднем плане. Но туман разойдется — и хребты снова резко вычерчиваются на фоне неба, а холмики не заметны в сравнении с гигантскими вершинами.

13 мая 1944

Наконец оправился немного, могу кое-что записать. Самое главное — приезжала Римма. Совершенно неожиданно, вопреки письмам и здравому смыслу. Пришла 28 апреля. Я до того обрадовался, что поцеловал ее прямо на улице при всем народе. Пробыла 2 дня, потом уехала к себе и снова вернулась днем 2 мая. Не было бы счастья, да несчастье помогло — ее послали в госпиталь, в Олешню, 3 км от нас. Она не растерялась и «спикировала». Жила у меня на квартире до вчерашнего дня. Ежедневно часа на 2 уходила в госпиталь, а весь день была со мной. Совершенно невероятный случай, прямо чудо. Я, конечно, был вне себя, даже работать не мог. 2-го девчата устроили замечательный вечер. Присутствовало несколько офицеров, мы с ней и сельские девушки. Вечер прошел очень весело, только я сам себе немного отравил его ревностью. Вообще праздник прошел исключительно. Впервые за войну я по-настоящему веселился. Водки много выпил. Одним словом, я удовлетворен полностью. Неужели возможна еще одна встреча во время войны? Но я ведь и на эту не надеялся. Все же она хорошая девушка. 6 ночей. Я многое узнал о себе, чего не знал до этого. Жизнь все же пресвoločнейшая штука.

— У, зараза, — так в минуты злости говорила младший лейтенант госбезопасности.

31 мая 1944

Конец мая, как и его начало, ознаменовался приходом Риммки. Пожила 2 суток. Вчерашний день, пожалуй, наиболее приятный из всех. До сих пор не обходилось без обид и печальных разговоров. На этот раз мы условились отказаться от этого, все же — я люблю ее сильно.

4 июня 1944

В течение дня написал литературно-художественный монтаж. Хотел за 2 дня подготовить и поставить его. До того замучил своих актеров, что у половины сорвались голоса, и монтаж — гвоздь нашего сегодняшнего воскресника — был скомкан.

Союзники взяли Рим! Большой день.

6 июня 1944

Самый великий день с начала войны. Наконец-то оправдались наши ожидания и надежды. Второй фронт открыт! Юг, Запад, Восток! Я узнал об этом в политчасти полка. Люди сходили

с ума, чуть ли не целовались. Этот день нужно запомнить навеки, со всеми подробностями, исторический день!

15 июня 1944

Снова была Риммка. Возвращалась из госпиталя. Пожила 2 дня. Сегодня проводил. Пока надежд на следующую встречу нет. «До конца войны», — говорит. Смешно. Позавчера докладывал о работе на батальонном партсобрании. Майор так сказал: «Я их работой, их помощью мне как командиру батальона вполне удовлетворен». Самая лучшая оценка. Тишкин меня считает лучшим комсоргом в полку, хочет перевести в линейный батальон, а там — офицерское звание.

20 июня 1944

Прощаемся с Каменкой! Прожили здесь 3 с половиной месяца. Многого произошло за это время. Но жизнь идет вперед. Поспевай только за ней. Наша война — Севастополь, Одесса, Финляндия. Вторжение в Европу. Внутренние дела. И, наконец, личные: Римма, Тамара, майор Лунец с его странностями и кристальной честностью. Молодежь, которую надо так много воспитывать. Бледный намек на роман с Галиной Францужовой, ее раскаяние. Ночные облавы в соседней деревне и меланхолический скептик Штейн — все вместе взятое составляет жизнь. Но кроме этого реального мира фактов и событий⁹.

2 июля 1944. Г. Киров (Могилевск[ая] обл.)

Прошли 80 км. Вчера остановились в р[айонном] ц[ентре] Киров. Хорошее, уютное местечко. Расквартировались замечательно: в школе и клубе. Сегодня отдыхали здесь. Настроение замечательное. Полдня потратил на беседы с пленными, которых ведут целыми табунами. Тысяч 10 уже прошло. Интересно поговорить с ними, особенно с поляками, чехами, австрийцами. Два чувства борются в душе: ненависть к кровному врагу и сострадание к существу, имеющему человеческий облик. Первое, конечно, в тысячу раз сильнее. К русским изменникам даже сострадания нет. На фронтах дела идут отлично. Рокоссовский получил звание маршала¹⁰, наш командарм 3 — Горбатов — ген[ерал]-полк[овника]¹¹. Никогда, кажется, не чувствовал себя так хорошо. Завтра должны перейти Березину. Наша армия получила приказ взять Минск. Сегодня пришла почта. Письмо от Риммы. Она движется по этому же пути. Неужели не встретимся?

3 июля 1944. Орлик (Могилевская обл.)

Прошли 30 км. 13 км севернее Бобруйска. Подошли к Березине. Такое же количество пленных — «Герои» Бобруйского котла¹².

4 июля 1944. Прудищи (Минская обл.)

Еще 32 км. Перешли Березину в районе м. Октябрь. Березина дорого обошлась нам, но нигде еще я не видел такого огромного количества немецких трупов. Буквально вся дорога уложена ими. Несколько сот трупов в самых разнообразных позах и положениях. До того опротивело, даже затошнило. Пленных с каждым днем больше и больше. Только 3 дня назад в Октябре были немцы. Целая дивизия пыталась выбиться из окружения. Половину уложили, часть пленили, часть разбежалась по лесам. Но все же успели съездеть местечко и близлежащее село. Октябрь был занят в первый (!) день войны десантом. Вчера взят Минск. Сегодня мы вступили в пределы Минской области. Дня через 3 будем в столице.

8 июля. М. Дукары (Минская обл.)

Жизнь стала более оживленной. Находимся далеко от фронта, но многое напоминает обстановку июля 1944. Немцы уже стали попадаться не только с поднятыми руками, но и с автоматами. Мы находимся на территории Минского «котла» (40 км от Минска). Здесь окружена армия в составе 3 корпусов¹³. Фронт ушел, а они остались в лесах с оружием, минометами, пулеметами и даже танками. Много генералов. Все эти части и группы покрупнее пытаются объединиться южнее Минска и выйти из окружения. Вчера ночью мы вступили в бой с одной частью, которая двигалась в этом же направлении. Немцы ответного огня не вели. Всю ночь держали оборону. Утром и весь день ловили немцев. Пленные показывают, что вчера двигался целый полк. Сегодня у нас дневка. С утра купались в реке и стирали обмундирование. Опять появились немцы. Началась перестрелка. Немцы даже били из минометов. Мы только развернулись. Настоящего двустороннего боя еще вести не приходилось. Оружия у нас очень мало. Я достал пистолет «парабеллум» — снял с немца. Майор разрешил носить. Сегодня во время стрельбы утонул в реке один наш боец. Без боя погиб.

10 июля 1944. Д. Гричино

Наконец-то я снова был в бою. Сейчас трудно писать от волнения. В течение дня дважды вступали в бой. Первый — в районе Вицковщина. Изю ржи была обстреляна машина. Мы приняли боевой порядок и начали проческу ржи. Вскоре обнаружили группу немцев и начали ее преследование. Впереди были ст. лейтенант Бородавко и я. Вели самый настоящий бой. Результаты: 14 пленных, 1 убитый. 2-х взял легко. Еще раз испытал себя. Доволен. Второй бой произошел у д. Гричино. Левый дозор напоролся на группу немцев, его начали душить. Боец закричал. Бросились туда. Опять бой: 4 пленных, 5 убитых. Убит 1 наш боец.

Схоронили на кладбище. Я хожу именинником. Взяли много трофеев. На мне 2 сумки, 2 пистолета, бинокль, фотоаппарат. Снял трое часов. Вот так мото-костыльный! Все страшно возбуждены после боя. А вооруженных у нас всего 20 человек.

11 июля. Г. Дзержинск

Вчера ночью пришли в город на новое место дислокации. Здесь находится весь полк. Дмитриев — начальник гарнизона. Остановились в бывшем банке. Сегодня весь день по приказанию майора с гв[ардии] л-том Каминским писали историю марша — доклад полковнику. Майор представил к награде 12 человек, в том числе и я.

15 июля. Дзержинск

Отдохнули немного, подвели итоги марша и — снова в путь. Получен уже приказ. Кое-какую работу успели провести за эти 5 дней. Многих отправили домой, в марш, в госпиталь. Идти будет легче. 13 был полковой актив. Оказывается, почти все комсорги представлены к награде. Наш полк вел серьезные бои. Из актива осталось 7 человек. Командир ранен 2 раза.

16 июля. Колесово

В 7.00 выступили. Направление — Волковыск. Идем неплохо. К 14.00 дошли до старой границы¹⁴ (!), где и обедаем. Историческое место. Вступили на землю Западной Белоруссии. Получил письма от Зюни, Риммы. Вот здорово — она была в окружении! Война не признает никаких тылов.

1 августа 1944. Д. Грабувка, Белостокская область

Больше месяца шагаем по Белоруссии. Прошли свыше 600 км. Каменка — Белосток. Марш совершили в 3 этапа.

I этап: Каменка — Дзержинск. 300 км. Бои восточнее Минска у Гричино и Вицковшино. Взяли в плен 50 немцев. В числе их — и мои.

II этап: Дзержинск — Волковыск (260 км) без всяких происшествий. В Волковыске постояли 5 дней, отдохнули немного. Город красивый, живет почти нормальной жизнью. Заводы и жел[езная] дорога взорваны. При нас взрывались мины замедленного действия. Одна взорвалась в штабе нашего полка, тяжело ранен подполковник Городиский. Наша армия вела бои под Белостоком. Как только Белосток пал, мы снова двинулись вперед.

III этап: Волковыск — Белосток (95 км). Прекрасное асфальтированное шоссе. Идем легко. Мешают дожди. Вчера вечером пришли в район Белостока. До города — 4 км, дальше не пускают. Бои идут в 15–18 км.

Отчетливо слышна артиллерийская канонада. Втянулись уже в ходьбу, привыкли. Наши войска подходят к госгранице на всем протяжении. Война идет к концу. Неужели не придется по-воевать, заработать награду? За Польские бои представляли, но, очевидно, безрезультатно.

4 августа 1944. Г. Белосток (Скорупы)

Живем почти в самом городе, но я до сих пор в центре еще не был. Город разрушен на 50 %, но, как и всякий большой город, живет полнокровной жизнью, несмотря на разрушения. В костелах идет служба, люди спуют во всех направлениях, начинают работать магазины. В городе чувствуется атмосфера двойственности и неопределенности. Какая власть будет в Белостоке, кому будет принадлежать город — вот что сейчас интересует всех: и жителей, и военных. Белосток находится по ту сторону линии Керзона¹⁵. наших учреждений и госорганов в городе нет, на улицах висят польские бело-красные флаги, такие же повязки на руках у поляков. Очевидно, город перейдет к Польше. Значит, мы находимся за границей, на чужой территории. Здесь сейчас 3 власти: наша военная, польской Рады Народовой и эмигрантского правительства¹⁶, которое выпускает даже свои бюллетени (лояльные к нам). То обстоятельство, что мы вступили на чужую землю, причем на землю дружественного государства, заставляет нас во многом переделывать себя. Надо показать культуру, а у нас ее очень мало сейчас. Мат процветает. Неистребимое зло. Изданы специальные директивы о поведении и отношении к местному населению. Всякие проявления мародерства должны жестоко преследоваться. Но, к сожалению, много наших офицеров слишком мало понимают значение этого. Вопрос поведения на чужой территории еще не решен нами.

20.8./1944/ Белосток

В расквартировании изменений нет. Обосновались здесь, видимо, надолго. Положение немного определилось. Временной границей признана линия Керзона. Таким образом, мы находимся за границей на территории Польши. В городе с каждым днем увеличивается число польских солдат, но местные власти Кр[айовой] Рады Народовой действуют очень нерешительно, вяло, медленно. Одного представителя уже сняли. Население особого дружелюбия не проявляет, показывает крайнюю скудность, мелочность. Денег наших не хотят признавать.

12 сент. 1944. Д. Вышомеж-Бол[ьшой]

После Белостока два раза меняли место дислокации. Мыски-Жиш (в районе Выс[окое] Мазовецк[ое]) и д. Вышомеж (р-н Шумово). «Сентябрьская программа» осуществляется. Прибыл

приказ о награждении меня медалью «За боевые заслуги». Получил благодарность т. Сталина за Бобруйскую группировку. Майор Лунец резко изменил свое отношение ко мне. В батальоне он, пожалуй, ни к кому так хорошо не относится. Желая закрепить меня в своем батальоне, он придумал оригинальный план. Провел меня приказом по полку командиром взвода и подал материал на аттестацию. С 26.8 по сегодняшний день работал взводным и одновременно комсоргом. Плохо. Никакого удовлетворения от работы не чувствовал. Недорабатывал и во взводе, и в комсомоле. Но майор был доволен. В полку не хотят отпустить меня на строевую должность и намереваются перевести в другой батальон. Сегодня майор вызвал меня и, высоко оценив мою работу, велел сдать взвод гв[ардии] л-ту Калинкину и заниматься только комсомольской работой. «Чувствую, что нам скоро придется расстаться с вами. Обидно. Вы работали год, и никто вас не видел. Когда комбат начал действовать, подал на аттестацию, чтобы вы работали даром, тогда человека замечают и хотят забрать. Обидно. Я завтра съезжу к полковнику. И к тому же я не возражал бы, если бы вас забрали на больший масштаб работы, а то ведь и там вы будете комсоргом батальона» и т. д. Очень доволен, что сдал взвод. Не по мне эта работа. Там становишься другим человеком — взводным. Плохо, когда перестаешь видеть живого человека и видишь незастегнутую пуговицу. А в таких условиях, при таком огромном количестве переменных людей иначе почти невозможно.

14 сент. [1944] Вышомеж — Б[ольшой]

Сегодня получил медаль. Церемония состоялась в д. Шумово, в саду. Всего было человек 40 награжденных. Из нашего батальона 3 — кап. Кольцов («За отвагу»), л-т Бородавко («За боевые заслуги»). Построили нас в 2 шеренги на полянке, украшенной лозунгами и цветами. Справа — стол, на котором аккуратно разложены на справках беленькие квадратные коробочки. Полковник Дмитриев вызывал к себе награжденного, вручал коробочку, поздравлял, жал руку. Все твердили что-то невнятное в ответ и терялись. Гуш. Потом полковник коротенько и сбивчиво поздравил нас. И так, на левой груди висит уже медаль.

17 сентября [1944] Вышомеж-Б[ольшой]

Недавно приехал из д. Гродзиен (2 км от г. Червин), где происходило совещание армейского КСМ актива. Собрались пом[ощник] нач[альника] п/о по комсомолу корпусов, дивизий и комсорги полков. Первое впечатление ошеломляющее: капитаны, майоры, по 3—4 ордена. Таких, как мы, почти не было. Приехали мы 15 вечером. Бывшее помещичье имение. Боль-

шой сад с аллеями, озерцами, мостками, беседками. В центре — двухэтажный каменный дом. Теперь здесь госпиталь. Для нас отвели несколько палаток. Совещание началось 16 в 9.30. Докладывал ген[ерал]-майор Амосов¹⁷ «О работе комс[омольских] организаций за время наступательных боев армии». Говорил часа 2, обстоятельно и толково. Около 2-х часов приехал командарм ген[ерал]-полк[овник] Горбатов и член В[оенного] С[овета] ген[ерал]-майор Коннов¹⁸. Оба — в простых гимнастерках. У Горбатова на груди переливаются всеми цветами радуги 11 орденских планок. Сел за стол, рядом поставил палку, с которой он никогда не расстается, и исподлобья стал осматривать присутствующих. Казалось, что он очень сердит на кого-то, но когда он подошел к столику и стал говорить, впечатление резко изменилось. Простой до крайности, умный, добрый, теплый старик. Дал очень высокую оценку работе комсомола. Многим комбатам надо у него поучиться. Замечательно говорил о новом пополнении 1926 г. рождения: «Он слаб, неопытен, все для него ново. Это ребенок. И этого ребенка затрут, затуркают, кашей обделят, супчику не дадут, барахла навалят, да еще дадут комсомольское поручение. Тут он и пропал».

Чуткий, заботливый отец и разумный, дальновидный военачальник. Говорил о «последнем наступлении», которое на днях начнет наша армия с форсирования Нарева, о поведении на территории Германии. «Идти туда, как победители, отомстить за все». Выступил ген. Коннов. Голова стрижена, орденов нет. Изумительно умные, живые и пронизательные глаза; особенно во время выступления. Спокойный, тихий разговор. Большого ума человек. Выступал пом[ощник] нач[альника] п/о армии майор Озеров и фронта — подполковник Жолнин. Потом — выступления с мест. И тут-то я убедился, что звездочки на погонах не всегда соответствуют шарикам в голове. Об этом говорил и ген. Амосов. Низкая грамотность и культура вообще, хвастливость, — к сожалению, имеют место. Мат, особенно после 200 граммов — повальный. Больше всего в свободное время говорят о женщинах. Ребята замечательные: смелые, толковые, но война много напортила. Видал своего бывшего товарища по ОПУ — Стрельцова. Довольно тупой и неприятный человек. Лейтенант, комсорг полка, 2 ордена, 2 медали. Неплохой обед с водкой. После обеда фотографировались с генералом Амосовым, приняли теплые письма т. Сталину и наркомам. Армия живет сейчас исключительно подготовкой к форсированию Нарева. Об этом и говорят. Видел гв[ардии] ст. л-та Левина — бывшего комсорга полка. Тишкин погиб. Замечательная девушка — комсорг полка связи, ст. л-т. Вечером уехать не удалось. Переночевали в Червине в

доме поляка. Здесь еще никогда не ступала нога красноармейца: за границей 1941 года¹⁹. Где-то совсем близко находится Римма — и не найти.

21 сентября [1944]

18.IX издан приказ по полку о назначении меня на должность комсорга уч[ебного] бата[льона]. Только сегодня удалось перейти. Курсанты живут в лесу, в палатках, офицеры — в деревне. Мы с парторгом ст. л-том Молодавкинским занимаем пустую большую комнату. Сразу же видно, что работа запущена, имущества почти никакого нет.

Трудностей будет немало. Но настроение бодрое, рабочее, деловое. Представился замкомбату майору Батынину. Беда только в том, что начинать надо с самого начала. Попрошались очень хорошо, тепло. Капитан Кольцов сам довел меня до деревни.

27 сентября [1944]

Постепенно вошел в курс дела. Познакомился с людьми, подружился с парторгом. Самое большое преимущество — постоянство состава. Страшно надоело работать с текучим составом, никогда не видны результаты работы, никогда не чувствуешь полной удовлетворенности. Огромный процент курсантов составляет молодежь. Все мы здесь напоминаем О. П. У. Вспоминаю свое состояние в те времена: постоянное напряжение, ожидание чего-то неожиданного, неуверенность в себе, буквально фетишизм по отношению к командиру. Недоедание, недосыпание, холод, мечта о свободной минуте. Как далеко все это теперь. И вот эти 18-летние курсантики напомнили мне старую картину. 10 часов занимаются в поле, 2 часа самоподготовки. Для комсомольской работы только эти 2 часа и можно использовать, и то не каждый день. Поэтому иду в поле и беседую с людьми в перерывах. При желании дело будет.

29 сентября [1944]

Опять все кувырком. ПОАрм утвердил комсоргом учбата мл. л-та Коновалова. Сегодня мне в полку показали выписку и познакомили с преемником. Все, значит, наработался. Все планы поломаны. И аттестат матери, и звание, и должность — все полетело на воздух. Прошусь в действующую. Пока оставили в резерве с нахождением в учbate. Зато сегодня другая радость — приехала Римма. Воспользовалась выходным днем и добралась до полка с Клавой. Я, к счастью, был в политчасти, она нашла меня, несколько часов побыли вместе, к вечеру уехала. Все же легче стало, разогнала плохое настроение.

10 октября [1944]. Г. Острев-Маз

До 8.X находился в учбате. Отдыхал, помогал комсorghу, проводил политзанятия, беседы. Позавчера батальон в полном составе со средствами усиления: артиллерией, ПТР, пулеметами, минометами — отправили на передний край в 5 Орловскую дивизию. За час до отправки меня отозвали и направили в БВ на старое место, обещая через некоторое время перевести в другой батальон или послать в дивизию. Вчера утром оформил документы и отправился в Острев-Мазовецкий, вблизи которого расположен БВ. Настроение неважное: возвращаюсь назад несолоно хлебавши. Походил по городу. О войне напоминают только могилы бойцов в сквериках и парках. На улицах оживленно, шумно (происходит мобилизация поляков). Очень много всяких магазинов, ларьков, лавок, в которых можно достать абсолютно все, но цены, конечно, фантастические. По дороге созрело решение поехать к Римке, долго не решался. Черт его знает, почему такая нерешительность, робость. Все же превозмог себя, сел на машину и поехал в направлении Червина. В нескольких км от города машина свернула и пришлось пойти пешком. Прошел около км и около КПП (везет же!) встретил Сашу Денисову, бывшего комсorghа роты связи, которая теперь работает вместе с Риммой. Если бы не эта встреча, все провалилось, т. к. они переехали на другое место. Дошли с Сашей до д. Сельц, она привела меня в комнату, где живут девушки, а сама побежала за Риммой.

8 декабря [1944]. Дер. Гуры, Говоровского района

Ровно 2 месяца работал в БВ, снова свыкся со своей ролью. Пробовал рапортом просить об отправке, но замкомполка майор Кувакин отказал. Временами обидно было, но мирился. Приняли в партию, получил партийный билет, почувствовал себя тверже на ногах. Стал больше работать над повышением своих знаний. Людей в батальоне стало меньше и работы меньше. Прежнего огонька, неукротимого желания действовать, работать уже не было. Ко всему подмешивалась горечь неудовлетворения. Балакин часто говорил о том, что он доведет дело до конца, выполнит свое обещание. Но я уже относился к этим разговорам с недоверием и иронией. Сегодня после обеда он неожиданно пришел в батальон и сообщил, что его переводят в 120 гв[ардейскую] дивизию пом[ощник] нач[альника] п/о по комсомолу. На его место идет Котт, а я назначен комсorghом 1 стрелкового батальона.

9 декабря [1944]. Дер. Качки, 15 км от Рожана

Утром с Коттом пошли в полк. Балакин собрал всех комсorghов, чтобы попрощаться и сдать дела. Потом я принял у Котта и поехал в БВ. Настроение хорошее. Ничто не пугает. Во-первых,

надоело там до чертиков, надо изменить место, надо расти. Вторых, уверен в своих силах. Одно желание: увидеть бы Риммку. 8.XII я был у нее, но встреча закончилась неприятностью. После этого и письма еще не было.

И вдруг... (я лежал, разувшись, на кровати) — открывается дверь — и я даже сразу не поверил: разве могут так моментально исполниться желания — входит Римма! В этот момент большей радости быть не могло для меня. Ровно месяц тому назад она была у меня в Легионове... Тот день был особым днем в моей жизни...

О многом говорили этой ночью. Не знаю, все ли сказанное нужно принимать всерьез. У нее иногда трудно отличить серьезный разговор от шутки. Потом — ничем не вызванное горькое обвинение: «Все вы такие!» И еще: «Парень в 20 лет еще не парень...» Наутро провел ее; по дороге тоже какая-то ерунда: то я какую-нибудь глупость упорю, то она. Большую часть пути прошли отдельно.

Смех и горе!

12 декабря [1944]. С . Сухчице, 12 км зап. Червина

Вчера хотел ехать в батальон, но к[апита]н Самохвалов не отпустил, или нет еще выписки из приказа. Отдыхаю. Вчера вдруг ввалились Балакин и к[апита]н Жуков (он раньше был в нашем полку комсоргом 3 батальона, сейчас комсорг полка в 163 СДГ. Очень хороший товарищ, вместе гулять с ним — одно удовольствие. Но работник плохой. Чрезмерный пьяница. Достали водки. Выпили. Потом еще какой-то капитан пригласил к себе с гармошкой. Они пошли. Часа через полтора я пошел за ними — как бы чего не случилось. Балакин чувствовал себя хорошо, весь вечер играл на гармошке. Мы обменялись несколькими мимолетными фразами, которые подтвердили, что между нами были хорошие дружеские отношения. Жуков же крепко напился и начал выходить из рамок. Поднял стрельбу из пистолета, приставал к женщинам, а потом, ночью, потребовал, чтобы его повели к Ваньке Самохвалову. Там он и ночевал. Утром комбат разрешил мне ехать, и мы с Балакиным вместе ушли из БВ. На перекрестке попрощались: он поехал в дивизию, на Наревский плацдарм, я — снова в тыл, в Азиатский полк. Живем с Голубевым в большой холодной комнате. В ней, да и во всем батальоне, как-то неуютно, чуждо, все вздыхать хочется. Возможно, со временем все пройдет. Пока чувствую себя как в гостях. Присматриваюсь, знаколюсь, а сам стараюсь в глаза не бросаться. Друзей нет, поделиться не с кем. Голубев неразговорчивый, все больше молчит, а когда говорит, то кажется, что он всегда спрашивает и удивляется. Производит впечатление честного, но беспомощного и слабобольного человека.

16 декабря 1944. Д. Сухчице, Польша

Вчера поехал с одним взводным на ст. Пасеки, где работает наша команда — 50 человек. Находятся они в распоряжении комбата БВ. Побывали на месте работы, потом пошли в Качку в батальон. Вот где я себя чувствую как дома. И настроение другое, и люди все близкие, приятные. Конечно, это теперь так кажется. Выделил парторга и комсорга в команде, дал им соответствующие указания, договорился, чтобы им помогли политработники БВ. Потом оказалось, что один боец — Авдеев — исчез с места работы. Имеются предположения, что он уехал на машине в свою 169 дивизию, в 160 О. П.И. Д.²⁰

С первых же дней работы — ЧП: дезертир. Крайне неприятная вещь. Мы с лейтенантом пустились на розыски: в село, где раньше стоял этот дивизион (теперь его там не оказалось), в Говорово в комендатуру, на погранзаставу... Безрезультатно. К 9 часам вечера пришли к посадочной площадке в Говорово. Ждали минут 40, замерзли до основания (как назло, резкий холодный ветер). Машин все нет. Решили идти пешком и эти 8 км. За день натопали не меньше 35 км. К отбою пришли домой. Сегодня настроение у всех было испорчено этим случаем. Утром послали в дивизию офицера и сержанта. К вечеру они успели вернуться. Нашли Авдеева в своем дивизионе, на плацдарме. Вопреки всяким приказам командарма, его там приняли без всяких документов, а теперь заявляют: «Он у нас человек заслуженный, и никуда мы его не отдадим». Да и какой он дезертир: канд. ВКП(б), имеет 3 награды, сбежал на передовую в свою часть. А здесь — куча неприятностей.

Неприятно подействовали на меня проявления юдофобства со стороны моего непосредственного начальника — гв[ардии] капитана Круть. Лучше бы я не знал этого. Теперь будет трудно работать, я не сумею его уважать после этого. Конечно, я постараюсь подавить в себе неприязнь, чтобы она не мешала работе. Но очень неприятно. Вообще в батальоне много нехорошего. Надо либо бороться, возможно, одному против многих и нажить себе врагов, либо пойти по линии наименьшего сопротивления, не принимать близко к сердцу, жить, как все живут.

Сегодня был гость — ст. л-т Басин. Очень обрадовал меня сообщением о том, что его наградили медалью. Римма болеет, снова в госпитале.

7 января 1945. Ново-Малиново, Польша

Прошел Новый год. Не встречал я его. Но он не ожидает, пока поднимут бокал и скажут: «Добро пожаловать», сам приходит. 28.XII по пути из госпиталя заходила Римма. Пригласила к

себе на 31: в этот день ей исполнилось 20 лет. До слез, до скрежета зубного хотелось пойти к ней. Но не пошел. Опасение неприятностей в батальоне, нежелание новой встречи с кап[ита]ном Тарасовым, звание, старая выцветшая гимнастерка — мало ли причин. Вечер пережил очень тяжело. Тоска начала захлестывать. Напиться бы — неплохо. Но даже и наркомовская «доза» опоздала на день. Курил и писал. А потом доволен был, что не пошел. Ведь не к ней в гости, на свою квартиру, а в часть. Да еще такую. В работе изменений нет. Приказ из ПОАрма об утверждении на должность не пришел еще. Звание, очевидно, будет месяца через 2. Кузьмин, работающий с сентября, только на днях получил звание.

Обстановка в батальоне немного неприятная. Но работаю энергично и настойчиво. Не знаю, где источник этой энергии. Наверное, Римма. А что она — если заглянуть вдаль и глубоко подумать? Вот сегодня получил открытку: «Настроение жуткое. Хочется выругаться матом и закурить. Вообще, я скоро... Я скоро... Прости все, но война... Я не хочу больше ничего понимать...» А я НЕ МОГУ ничего понять. Что это значит? Что она скоро — станет такой, как и большинство военных девушек? Зачем же она мне тогда? Даже если я и виноват, — с этим я не соглашусь. А может, надо другой смысл искать в этом? Может, она хочет стать матерью? Вчера получил письмо от ее матери. Внизу приписка какой-то Ани: «Я очень много писала на фронт. Но вражеская пуля сразила того, кому я писала. Погиб мой муж там, на фронте. Я прошу вас при возможности уложить десяток фрицев за моих маленьких сирот, которых осталось 2. Думаю, что такой просьбе отказать нельзя»... Эти слова буквально разбили меня. Такой просьбе отказать нельзя. И выполнить сейчас ее тоже нельзя. За тридцать км от фронта немцев не убивают. Письмо этой незнакомой женщины как будто обвиняет меня, напоминает, что нужно туда идти, нужно воевать.

Сегодня утром я пошел сопровождать команду убывающих в 5 Орловскую дивизию. То же самое чувство. Чуть ли не стыд за то, что они уходят на передовую, а я остаюсь здесь, в тылу. Я не нашел таких слов, которые мог бы сказать им. Мне казалось, что каждая моя фраза должна вызвать ироническую улыбку на лице солдат. Агитировать надо там, в траншеях, на «исходных позициях» к решающему наступлению. Мне стало мучительно трудно говорить бойцу «убей, отомсти», сознавая, что я сам не делаю этого.

Мы вышли из батальона в 7.00, было еще темно. Как-то незаметно около меня появился пожилой боец с красивыми черными усами. Разговорились. В ходе разговора он спрашивает:

— Вы кто по национальности?

- Еврей.
- Я тоже еврей, но скрываю это.
- Напрасно, совершенно напрасно...

Он, не отвечая на это замечание, начал рассказывать.

— Всюду жуткий антисемитизм. На каждом шагу. Виноват, не виноват, а тебя обвиняют. Не мог больше терпеть.

Он рассказал о себе. Зовут его Илья Черепеха, сам из Белоруссии. Там его и застали немцы. Вся его семья — 35 человек — погибли. Его самого расстреливали два раза, но он оставался жив и ночью выползал из-под трупов. Жена его — украинка, вышла замуж за власовца, грабила вместе с ним и уехала потом в Германию. Он сам был в партизанском отряде комвзвода: «Мы попили их крови. За свою семью я отомстил сполна...» В партизанах тоже было много антисемитизма. Еврея, имевшего командное звание, на должность не назначали. Только когда приблизился фронт, положение начало изменяться. Он рассказывал много фактов из своей жизни в партизанах и теперь, в армии, и снова я пожалел, что сказал «напрасно». Какое имею я моральное право учить и оценивать поступки человека, который в 1000 раз больше моего видел и испытал? Я не могу оправдать человека, отказавшегося от своей национальности. Но ведь «жизнь дается человеку один раз», а он дважды терял ее.

26 января 1945. Д. Виштольц, Восточная Пруссия

23 января в 21.15 мы перешли через маленькую речушку Ожец — государственную границу Восточной Пруссии, Германии. Никаких укреплений на границе не видели. Сразу за речушкой начинается очень красивый зимний лиственный лес. Давно мы не видели целого, нетронутого лесного массива. И в Белоруссии, и в Польше леса погублены: либо срублены на блиндажи и землянки, либо посечены снарядами. Первая мысль: здесь весной фриценыши собирали цветы. Прошли Роген — большое местечко, почти все дома полностью уцелели. Здесь остановился штаб полка. Часов в 11 ночи мы дошли до своего пункта дислокации. Страшно устали и сразу же легли отдыхать. Наутро все рассмотрели как следует. Во всей деревне сожжены только 2 дома, все остальные — целы. Дома, как и вообще все хозяйство, весьма культурные, городского типа. Имущество все осталось на месте, за исключением одежды и ценностей. Мебель, домашняя утварь, зерно, скот, посуда, сельхозмашины, велосипеды — все осталось во дворах. Всю свою ненависть, всю жажду мести бойцы сразу же

стали срывать на вещах. Начали бить окна, зеркала, патефонные пластинки, печи топить... кроватями, столами, шкафами.

---

¹ Далее, по-видимому, утрачена страница.

² «Тигр» («Тигр I», в советских документах «Т-6») — немецкий тяжелый танк. Создан в 1942 г., впервые применен в бою 29 августа 1942 г. под Ленинградом. На момент создания и вплоть до конца 1943 г. сильнейший по вооружению и бронированию танк в мире. Впервые в массовом масштабе применен в сражении на Курской дуге.

³ Власов Андрей Андреевич (1901–1946), генерал-лейтенант Красной армии, после окружения и разгрома возглавившейся им 2-й ударной армии Волховского фронта в июле 1942 г. сдался в плен. Находясь в Винницком лагере для пленных офицеров, согласился сотрудничать с вермахтом. Подписал листовку, призывавшую свергнуть сталинский режим и объединиться в Освободительную армию под его руководством. Написал открытое письмо «Почему я стал на путь борьбы с большевизмом». Впоследствии возглавил Комитет освобождения народов России и Русскую освободительную армию (РОА). «Армии Власова» на Курской дуге быть не могло, ибо, хотя ее создание было декларировано в декабре 1942 г., нацистские лидеры дали разрешение на формирование РОА только в сентябре 1944 г.

⁴ «Андрюша» (БМ-31-12) — модификация знаменитого советского реактивного миномета «Катюша» (наиболее распространенный вариант в годы Великой Отечественной войны — БМ-13). Снаряды «Андрюши» отличались большей мощностью, хотя он был менее маневренным, чем «Катюша».

⁵ Муссолини Бенито (1883–1945), итальянский политический деятель, лидер Фашистской партии, диктатор Италии в 1922–1943 гг. При известии о высадке союзных войск на Сицилии лидеры Фашистской партии, и ранее осознавшие необходимость выхода из войны, настояли на созыве не собиравшегося с 1939 г. Большого фашистского совета. Совет был созван 24 июля 1943 г. под председательством одного из лидеров партии Дино Гранди и вынес резолюцию, требовавшую отставки Муссолини и передачи верховного командования армией в руки короля. Муссолини отказался признать эту резолюцию; на следующий день он был вызван на аудиенцию к королю и там арестован. Известие об аресте Муссолини вызвало бурные антифашистские выступления, и 27 июля Фашистская партия была распущена.

⁶ «Ванюша» — немецкий реактивный миномет, «официальное» немецкое название Nebelwerfer (реактивный миномет), получил у солдат прозвище по аналогии с советским реактивным минометом «Катюша».

⁷ Зиновий, младший брат Б. Г. Комского.

⁸ Ковпак Сидор Артемьевич (1887–1967) — советский государственный деятель, один из организаторов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. В 1937–1941 гг. председатель Путивльского городского исполкома Сумской области. Командир Путивльского партизанского отряда, затем соединения партизанских отрядов Сумской области (с января 1944 г. — 1-я Украинская партизанская дивизия им. Ковпака), генерал-майор (1943), дважды Герой Советского Союза (1942 и 1944). Соединение Ковпака совершило ряд рейдов по тылам противника, в том числе в 1942–1943 гг. рейд из брянских лесов на Правобережную Украину по Гомельской, Пинской, Волынской, Ровенской, Житомирской и Киевской областям

⁹ На этом фраза обрывается. Очевидно, утрачена страница.

¹⁰ Рокоссовский Константин Константинович (1896–1968) — советский военачальник, маршал Советского Союза (1944), дважды Герой Советского Союза (1944, 1945). В годы Великой Отечественной войны — командующий рядом армий и фронтов. В описываемое время — командующий 1-м Белорусским фронтом.

¹¹ Горбатов Александр Васильевич (1891–1973) — советский военачальник, командующий 3-й армией с июля 1943 г. Впоследствии — комендант Берлина (1945), командующий рядом армий, Воздушно-десантными войсками, войсками Прибалтийского военного округа (1954–1958). Герой Советского Союза (1945), генерал армии (1955). Автор книги воспоминаний «Годы и войны» (1965), одной из первых, опубликованных в СССР, в которой было рассказано на личном опыте об аресте по ложному обвинению (1938) и пытках в период Большого террора и последующем заключении в лагере на Колыме. Горбатов был освобожден в марте 1941 г., возвращен в армию, испытывавшую настоящий кадровый голод, и назначен заместителем командира стрелкового корпуса.

¹² Имеется в виду Бобруйская стратегическая операция (составная часть Белорусской стратегической операции) советских войск 24–29 июня 1944 г., в результате которой были окружены и разгромлены шесть дивизий противника численностью около 40 тыс. человек.

¹³ Минский котел образовался в результате наступательной операции войск 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов 29 июня — 4 июля 1944 г., представлявшей собой составную часть стратегической Белорусской операции. В результате операции была окружена и разгромлена группировка противника численностью около 105 тыс. человек.

¹⁴ Имеется в виду граница СССР на 17 сентября 1939 г., до раздела Польши между СССР и Германией, воссоединения с СССР Западной Украины и Западной Белоруссии, а также присоединения части собственно польских территорий.

¹⁵ Линия Керзона (англ. Kurzon Line) — условное наименование демаркационной линии, которая была рекомендована на Парижской мирной конференции в декабре 1919 г. Верховным советом Антанты в качестве восточной границы Польши. Получила позднее название по имени министра иностранных дел Великобритании Дж. Керзона. Однако в результате неудачной для Советской России советско-польской войны 1920 г. граница прошла гораздо восточнее, и в состав польского государства были включены территории с преобладающим украинским и белорусским населением. В результате раздела Польши между СССР и Германией в сентябре 1939 г. в состав Советского Союза были включены не только территории, «причитавшиеся» ему еще по рекомендации Верховного Совета Антанты, но и находившиеся западнее линии Керзона, в том числе Белосток. Любопытно, что сержант Красной армии был «в курсе» международных проблем. Вопрос о восточной границе Польши был решен в феврале 1945 г. на Ялтинской конференции, на которой все стороны признали, что линия Керзона должна стать восточной границей Польши.

¹⁶ Крайова Рада Народова (Krajowa Rada Narodowa), временное представительство; после освобождения страны от германской оккупации была временным парламентом. Создана формально по инициативе Польской рабочей партии; де-факто с санкции Москвы как противовес Правительству Польши в изгнании. В ночь с 31 декабря 1943 на 1 января 1944 г. состоялась первое заседание КРН, на котором были приняты Временный устав КРН и местных народных советов, декрет о принципах организации Армии Людовой, а также декларация, призывавшая польский народ к борьбе в союзе с СССР за изгнание фашистских оккупантов, завоевание национальной независимости, создание подлинно демократической Польши. После вступления Советской армии на территорию Польши КРН

21 июля 1944 г. образовала народно-демократическое правительство — просоветский Польский комитет национального освобождения.

Эмигрантское правительство — имеется в виду Правительство Республики Польша в изгнании, созданное во Франции после оккупации Польши в сентябре—октябре 1939 г. С июня 1940 г. резиденцией Правительства Польши в изгнании стал Лондон. Польскому правительству в Лондоне подчинялись во время войны польские вооруженные силы, действовавшие в Польше (Армия Крайова) и за рубежом.

¹⁷ Амосов Н. Н., генерал-майор, начальник политотдела 3-й армии.

¹⁸ Коннов Иван Прокофьевич (1900—1951), на 22 июня 1941 г. — бригадный комиссар, заместитель командира 33-го стрелкового корпуса Орловского военного округа по политической части. Звание генерал-майора присвоено в 1942 г.; закончил войну в звании генерал-лейтенанта.

¹⁹ Имеется в виду граница, установленная согласно «Договору о дружбе и границе» между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г.

²⁰ Очевидно, описка, и речь идет о 160 ОИПТД — отдельном истребительном противотанковом дивизионе.

Список сокращений

- АЗСП — Армейский запасной стрелковый полк
БВ — батальон выздоравливающих
В. К. — Военный комиссариат
г. — город
д. — деревня
ЗП — запасной полк
ЗСП — запасной стрелковый полк
К. А. — Красная армия
ксм — комсомол, комсомольский
л-нт, л-т — лейтенант
м. — местечко
мл. — младший
м/с — медицинской службы
МСБ — медико-санитарный батальон
обл. — область
ОИПТД — отдельный истребительный противотанковый дивизион
ОПУ — Орловское пехотное училище
п/о — политотдел
ПОАрм — политотдел армии
п/т — противотанковая (мина)
ПТР — противотанковое ружье
с. — село
СД — стрелковая дивизия
ст. — станция
ст. (при воинских званиях) — старший
с/с — сельский совет
с/х — совхоз
учбат — учебный батальон
хут. — хутор

ИССЛЕДОВАНИЯ

ЕВРЕЙ И ОВЦЫ

(Яков Гирш — зачинатель овцеводства в Белоруссии)

В исторической литературе получил известность проект купца Якова Гирша об учреждении элементарных еврейских школ, поданный им в 1783 г.¹ Как известно, в конце XVIII в. в среде русского еврейства под влиянием идей видного немецкого философа М. Мендельсона зародилось духовное движение, направленное на распространение в народных массах общего образования. Носителями этих мыслей явились в том числе коммерсанты, имевшие торговые сношения с промышленными центрами Западной Европы, соприкасавшиеся с образованными христианами и усвоившие от них зачатки европейского просвещения. После того как евреи в России получили право участвовать в сословно-городском самоуправлении, это идейное стремление приняло более или менее реальные формы. Одним из приверженцев нового движения стал бреславский купец Яков Гирш (по информации Ю. И. Гессена, «могилевский житель»), который составил проект устройства сети общеобразовательных школ, нашедший поддержку со стороны некоторых влиятельных могилевских евреев.

По его плану, во всех еврейских поселениях следовало упорядочить обучение в хедерах, в больших общинах предлагалось учредить «средние» школы, а в г. Могилеве — образцовую главную, в которой кроме закона веры преподавались бы светские дисциплины — «нужные и полезные науки и художества», т. е. ремесла. В могилевской школе Гирш предложил обучать бесплатно 50 бедных учеников, а детей зажиточных родителей — за небольшую плату; учителями же в ней могли стать белорусские или иностранные евреи. Однако, предвидя оппозицию даже такой довольно умеренной школьной реформе в кагалных кругах и стремясь помочь «невежеству и следственно бедственному и презрительному состоянию несчастных соотичей», находившийся в Санкт-Петербурге Гирш 15 мая 1783 г. представил свой проект в Комиссию о народных училищах. Поскольку эта комиссия находилась под патронатом императрицы Екатерины II, купец попросил ее «дать на сие свое соизволение и покровительство, дабы благонамеренное мое предприятие не только не было препятствуемо, но еще и споспешествуемо». Между тем гораздо

меньше известно о его предпринимательской деятельности в Белоруссии в конце XVIII в., в частности об основанном им овцеводческом предприятии. Пожалуй, первым обратил внимание на данный факт современный белорусский историк Е. К. Анищенко². Попытаемся подробно проследить на основе выявленных архивных источников историю заведения и функционирования этого купеческого сельскохозяйственного предприятия.

В Российском государственном архиве древних актов хранится «Дело по доношению Могилевской казенной палаты о передаче в казенное ведомство взятого у наследников умершего бреславского купца Якова Гирша фольварка Должанского с деревнями Чериковского округа Могилевской губернии, в котором он по арендному контракту основал овечий завод, и об оценке Должанского овечьего завода при его закрытии» 1788—1793 гг. Данное следственное дело решалось в 1 департаменте Правительствующего Сената.

Инициативным документом следствия, как видно из заголовка, стал рапорт Могилевской казенной палаты в Сенат от 7 ноября 1788 г.³, содержащий всю фактографию и хронологию событий, связанных с деятельностью еврейского предпринимателя. Итак, в поданном Екатерине II в феврале 1776 г. прошении купец из г. Бреслава⁴ (Силезия) Яков Гирш (впоследствии проживавший в Могилеве) доносил о намерении завести в России «своим коштом», т. е. без казенных дотаций, овечьи заводы, «коих овец шерсть по его в содержании их искусству ничем уступать не будет самой лучшей европейской шерсти», а также предложил обучить здесь этому ремеслу своих учеников «для пользы на предбудущие времена». Купец просил о пожаловании ему для завода в Могилевской губернии «праздной и никому не принадлежащей гористой и лесистой земли» в 24 квадратные версты в вечное и потомственное владение, а для ее обработки и «присмотра» за хозяйством — об отдаче ему в аренду местных крестьян «двести дымов». Он обязался в течение восьми лет довести качество овечьей шерсти «до такой доброты, что оная может ровняться с шлионскою и аглинскою»⁵, т. е. с силезской и английской.

В ответ сенатор тайный советник П. В. Завадовский 13 февраля обратился к белорусскому генерал-губернатору генерал-фельдмаршалу З. Г. Чернышеву с императорским повелением прислать свое мнение о возможном расположении подобной земли и селений в Могилевской губернии, годных для заведения овечьих заводов. 23 марта Чернышев донес, что подходящее место находится в оставшемся от Пропойского староства фольварке Должанском (Должа), к которому для обработки могут быть приписаны деревни Долгое, Усохи, Рыгалина, Рынковка, Дубровка, Люторовка, Припечонка и Соколовка с мужским населением 792 человека и участком земли размером около 2500 десятин.

19 июня 1776 г. последовал высочайший указ к З. Г. Чернышеву о выделении Якову Гиршу в аренду земли в Могилевской губернии — фольварка Должанского Чериковского округа с приписными крестьянами (к 1789 г. число ревизских душ увеличилось до 804) из девяти деревень того же фольварка⁶. При этом Гирш должен был дать обязательство с целью сохранения целостности «коронного имения», гарантии пользы и успеха самого предприятия. Во исполнение указа могилевский губернатор генерал-поручик М. В. Каховский 26 октября предписал, чтобы Могилевская губернская камерная экспедиция заключила с купцом контракт на аренду деревень. 31 октября арендный контракт был заключен «впредь до указа». Одним из его пунктов предусматривалось, что после преждевременной смерти арендатора все права на землю передаются его наследникам. Там же говорилось, что летом 1777 г. заводчик должен «пригнать в должанские деревни столько шлионских овец, сколько по крайнему его старанию достать можно и сколько настоящие в арендных его деревнях луга в летнее и будущее зимнее время оных пропитать могут. Равным образом и в последующие годы, расчищая леса и приготавливая тем сенокосы, будет пригонять овец, сколько к распространению знатного завода потребно». После разведения овец и получения от них шерсти Гирш обязался «работать из оной шерсти сукны и другия тем подобныя товары, показать тем опыт своего прожекта на тот конец, чтобы в самом деле водворилась шерсть шлионская в Могилевской губернии». Наконец, после успешной и стабильной работы завода «и по довольном опыте в употреблении шерсти» Гирш должен был «открыть секрет состоящим у него на аренде из крестьян ученикам, нарочно для того им самым выбранным, каким образом шлионских и переродившихся из оных овец содержать и с них самую лучшую шерсть приобретать и в дело употреблять надлежит, для пользы на предбудущия времена»⁷. За неисполнение пунктов контракта должны были последовать штрафные санкции. 3 апреля 1777 г. З. Г. Чернышев подал в Сенат рапорт об исполнении могилевским губернатором императорского повеления об отдаче в аренду Гиршу фольварка для учреждения там «собственным ево иждивением» овечьих заводов, о заключении с ним арендного контракта «впредь до указа» и о получении от него «особого обязательства касательно успеха и пользы заводов»⁸. Резолюцией Сената от 23 июля 1778 г. информация была принята к сведению (по 3 департаменту).

Что же было сделано по заключенному контракту? Позволим себе привести здесь подробные статистические сведения о результатах работы еврейского предпринимателя. В октябре 1777 г. Гирш для содержания овец построил «клевы выгодные», в которых в 1778 г. насчитывалось 80 иностранных и 40 россий-

ских овец и баранов, в 1779 г. — 120 иностранных овец и баранов, в 1780 г. — 385 иностранных. В 1781 г. в хозяйстве состояло 528 овец и баранов, в том числе 200 иностранных овец, 40 баранов, 88 «кладеных», 165 российских овец и 35 «кладеных» баранов; в 1782 г. — 342 иностранные овцы, 127 «некладеных и кладеных» баранов, 220 простых российских овец и 98 «кладеных» баранов, всего 787 голов. В 1783 г. старых шлионских овец и «некладеных» баранов было 500, старых российских — 270; в 1784 г. шлионских овец 1-го сорта — 200, баранов — 83, ягнят — 120, 2-го сорта «неублюдков-баранов кладеных» — 75, овец — 98, ягнят — 92 и простых овец — 128, всего 796 голов (кроме того, пало в том же году овец и баранов всех трех сортов 132). В 1787 г. в наличии было овец «хороших шлионских старых и молодых» 121, в том числе 5 баранов, «неублюдков, выродившихся из шлионских старых и молодых», — 115 и «простых здешних старых» — 90, итого 326 голов. В 1788 г. на заводе содержалось 109 старых шлионских овец, 74 ягнят, 5 племенных баранов, 31 «кладеный неублюдок», 55 овец-«неублюдков», 50 ягнят, 29 «баранов кладеных, из простых выродившихся», 60 простых овец и 58 ягнят, всего 471 голова.

На фабрике «для ткания одеял и прочаго» было устроено станов: один большой, один малый и четыре самопрядки. Среди работавших здесь мастеровых людей — один ткач, один «что волну чешит» и один овчар; у них «в науке» находились ученики (восемь мужчин и восемь женщин), отобранные Гиршем из должанских деревень Припечонки, Рынковки, Дубровки и Рыгалиной. За срок от одного года до пяти лет они обучились различным видам работы: «содержать овец и лечить их, когда они крутятся», «чесать шерсть, прядь оную и ткать при мастере сукна, одеялы и попоны и все оное валять», «прядь и на малых щотках волну чесать».

Известно, что в 1779 г. с овец и баранов сняли всего семь пудов шерсти (по причине, «что недавно были пригнаты»), а в последующие годы вышло от старых по полтора, а от молодых — по четверти фунта ежегодно. Продукция завода вырабатывалась из этой шерсти, а также из простой и покупной украинской; уже в 1779 г. из шлионской шерсти изготовили два одеяла «на образец». В 1781 г. с овец было снято 600 фунтов шерсти, из которой изготовлено (с добавлением простой покупной) 200 одеял, 50 аршин хорошей и 3000 аршин простой байки, 300 аршин ординарного сукна, 500 лошадиных попон; кроме того, в работе находилось 80 аршин «самого лучшего сукна» (ценой по три рубля за аршин) для отсылки в г. Ямбург. В обучении тогда находились 12 крестьянских детей. В феврале 1782 г. в рапорте З. Г. Чернышеву также сообщалось, что Гирш «для пользы отечества» отдал некоторым желающим помещикам 20 самых лучших ино-

странных овец «с наставлением как их содержать». В этом же году предприятие изготовило 100 аршин хорошего сукна, 8 самых лучших одеял, 50 попон, 500 аршин простой байки и 100 аршин простого сукна. В самый благоприятный 1783 г. на заводе работали три иностранных мастера (ткач, чесальщик волны и прядильщик, «у содержания овец»), ученики из казенных крестьян: пятеро у надсмотрщика за животными (в том числе один подмастерье), двое при ткаче, трое «у чесания шерсти» и пятеро у прядения. С овец было собрано шлионской поярковой шерсти четыре пуда, от старых овец — шесть пудов, смешанной шлионской с простой — семь пудов и простой — 25 пудов. В этом году фабрика выпустила следующую продукцию: 46,5 аршин тонкого сукна шириной два аршина и 90,5 аршин толстого, 13 больших хороших одеял из шлионской шерсти и одно малое, 11 из мешанной шерсти шлионской с простой и 9 из одной простой, 446,5 аршин простой белой и 10 аршин серой байки, а также 80 аршин лошадиных попон из простой шерсти. В 1784 г. на фабрике числились один иностранный мастер-ткач, шесть работников и ученики: четверо при овцах, двое у ткаания сукон, два мальчика и две девочки у пряжи шерсти. Ассортимент продукции выглядел следующим образом: 66 аршин белого толстого сукна, 10 больших хороших одеял из шлионской шерсти, четыре из смешанной и два из простой, 40 аршин байки из простой шерсти и 30 лошадиных попон из украинской шерсти. При этом в запасе находилось еще шерсти хорошей четыре пуда, неублюдочной 2,5 пуда, смешанной один пуд и простой 2,5 пуда. В 1787 г. за овцами ухаживали три человека, а на суконной фабрике трое занимались ткачеством и восемь человек прядением шерсти; в запасе было шесть пудов хорошей шерсти. Выучились из поселян содержать и лечить овец трое, чесать шерсть, прясть ее и ткать при мастере сукна, одеяла и попоны и все валять — трое, прясть волну и чесать ее на малых щетках — 10 мальчиков, девочек и женщин (по докладом директора экономии А. Веревкина). В этом же году на заводе было произведено 28 одеял, 100 аршин простого сукна, 83 аршина средней и 40 аршин неваленой полосатой байки, а также 60 аршин неваленых попон. В 1788 г. на фабрике находилось четыре пуда хорошей шерсти и 2,5 простой; в выделке было восемь хороших одеял, 33 аршина простой белой и 32 аршина простой полосатой байки, 42 аршина неваленых шахматных попон.

23 июля 1788 г. Чериковский нижний земский суд донес рапортом в Могилевскую казенную палату о смерти Якова Гирша⁹. И чтобы все оставшееся на овечьем заводе имущество (среди которого числилось два стана, шесть прялок и 16 сновален) было в целости, этому суду было приказано его описать и отдать «под казенное надзирание», в том числе фольварк, овец, баранов и яг-

нят (324 головы, кроме 21 павшей), один пуд шлионской и три фунта простой шерсти; остальное же было продано. Поскольку Должанский фольварк по именному указу был отдан Гиршу в арендное содержание и, согласно контракту с Камерной экспедицией, после смерти содержателя должен быть передан его наследникам (п. 23), то опекун малолетних детей Гирша — сына Богдана и дочери Анны, чериковский мещанин Т. Ворончонок, подал белорусскому генерал-губернатору, генерал-аншефу и сенатору П. Б. Пассеку доношение с просьбой о передаче фольварка наследникам. 26 августа последний отправил это прошение в казенную палату на рассмотрение. Одновременно вдова Гирша, Ребекка Гиршова, подала доношение в ту же палату, где объявила, что по духовному завещанию умершего мужа остается с детьми наследницей и на основании п. 23 арендного контракта просила об оставлении фольварка в ее арендном владении, обязуясь при этом содержать овечий завод «по-прежнему».

Могилевская казенная палата определила представить все сведения в Правительствующий Сенат на рассмотрение и просила прислать императорский указ по данной проблеме¹⁰. Поскольку все дела, касающиеся содержания заводов и мануфактур, находились в ведении 1-го департамента, Сенат 29 ноября 1788 г. постановил и с известием от 14 декабря отправил рапорт Могилевской казенной палаты в это подразделение¹¹. 17 января 1789 г. Сенат слушал рапорт Казенной палаты и отметил, что «пользы же от того завода нимало не предвидится, ибо выработанные им в малом числе одеялы, сукна и попоны не заслуживают внимания» (напомним, что к этому времени на заводе было всего 324 животных). В адрес Казенной палаты последовали претензии, что она не организовала ежегодный «надлежащий присмотр» за заводом, не знала ничего о «доброте» овечьей шерсти и не отчитывалась вплоть до самой смерти Гирша¹². Поэтому Сенат 31 января постановил: поскольку купец «в заведении овечьяго завода успеха не оказал, то владеемые им... деревни и завод... нимало не медля, отобрать от наследников ево в казенное ведомство... и завод препоручить в смотреение директора экономии»; «при приеме завода оценить оной, и что по оценке следовать будет, зачесть за владение им, Гиршею, крестьянами и землею»¹³. 5 февраля указ был подписан и отправлен в Могилевскую казенную палату, а копию с него послали в Экспедицию о государственных доходах.

Дело неспешно продвигалось, и 4 октября 1789 г. Сенат рассмотрел очередной рапорт Могилевской казенной палаты от 19 июня¹⁴, в котором палата отвечала на предъявленные ей замечания. Во исполнение сенатского указа деревни фольварка Должанского были приняты по описи в казенное ведомство. Палата также сообщила, что в феврале этого же года на овечьем заводе произошел массовый падеж скота из-за поражения червями пе-

чени и легких животных, который стал следствием продолжительной и очень холодной зимы и мокрого лета (сено потеряло свои полезные свойства); впрочем, подобный же падеж овец и другого скота был отмечен и в других местах Могилевской губернии. Несмотря на то что были приняты определенные меры по спасению животных, за полтора месяца пало 264 овец, баранов и ягнят всех трех сортов. К тому же еще в июле 1788 г. умер единственный дворовый человек, обученный Гиршем ветеринарным приемам. Больные овцы сразу же были отделены от здоровых, последние содержались в теплых сараях с «хорошей постелью» и достаточным количеством корма. В результате 202 животных было спасено и вместе со всеми инструментами и строением овечьего завода принято в казну. Приглашенные Могилевским наместническим правлением ценовщики оценили всех овец в 267 рублей (от пяти рублей до 15 копеек каждая), а вместе с инструментами и зданием — в 385 рублей¹⁵. Казенная палата в свое оправдание добавила, что в 1776 г. с Гиршем был заключен арендный контракт без предоставления им поручительства по настоянию тогдашнего могилевского губернатора генерал-поручика М. В. Каховского, содержащемуся в его ордерах в Камерную экспедицию. При этом губернатор предписал этой экспедиции, чтобы та «об оном имела недреманное наблюдение и от времени до времени уведомляла его... о успехе предприимлемого заведения». Что же касается замечания Сената о малом количестве овец на заводе в отдельные годы, то палата объяснила это массовыми падежами скота в Чериковском округе, а также недостаточным количеством лугов в должанских деревнях, с которых накашивается не более 1500 пудов сена в год.

На вновь заведенном овечьем заводе несколько раз были служашие Камерной экспедиции с проверками. Так, один из них в октябре 1777 г. рапортовал о постройке Гиршем двора для овец (самих животных тогда еще не пригнали). 31 октября 1778 г. и 6 марта 1779 г. Гирш отчитался перед Казенной палатой, что к нему прибыл по найму из Бранденбурга «суконного дела мастер один» и что к 120 пригнанным из «Шлионска» (Шлёск — польское название Силезии) и российским овцам добавилось уже 70 родившихся ягнят, с которых купец планирует получать по одному фунту шерсти ежегодно (стрижка проходила раз в год). Вторая проверка состоялась в октябре 1779 г. — она зафиксировала начало производства на заводе (первые два образцовых одеяла). Вначале там работали двое мастеровых людей-иностранцев, один «венгерец» при овцах и четверо крестьянских детей для обучения. Обо всем этом было отрапортовано графу З. Г. Чернышеву. В 1780 г. на заводе с инспекцией побывал служаший местной Казенной палаты. Он отметил, что под сенокосы расчищена большая площадь лугов, но сена с них употреблять еще нельзя,

и поэтому купец довольствуется купленным у соседей. При заводе «в науке» находилось из арендуемых деревень четыре человека «для узнания лекарств к пользованию овец от разных болезней», четыре человека «для ткания из шерсти товаров» и для пряжи шерсти — пять девок, «кои уже прясть шерсть умеют».

Следует отметить, что в 1780 г. Яков Гирш просил выдать ему свидетельство для отправки изготовленных на заводе товаров в Москву или Санкт-Петербург на продажу. Поскольку во взятом с него в Могилевской губернской камерной экспедиции обязательстве ничего о реализации готовой продукции не говорилось, последняя в январе следующего года вместе с отчетом о работе завода направила З. Г. Чернышеву просьбу прислать резолюцию, разрешающую купцу торговать в столичных городах, однако ее не последовало. 16 февраля 1783 г. Гирш представил в Казенную палату при доношении реестр произведенных им товаров и вновь попросил выдать ему свидетельство в том, что они изготовлены на его фабрике и что в дальнейшем он намеревается представить их в Санкт-Петербурге. Данная продукция была освидетельствована, запечатана казенной печатью, и из палаты содержателю был выдан билет, согласно которому Гирш должен был показать свои товары в столице лично белорусскому генерал-губернатору П. Б. Пассеку. Ему же 21 февраля был послан рапорт о планируемой командировке Гирша и «о успехе заводимых овец».

О том, что произошло дальше, читаем в рапорте «Могилевского наместничества казенной палаты»: «Но означенной Гирш по сему Казенной палаты повелению к реченному господину генерал-губернатору и кавалеру не явился, а представил оные товары Санкт-Петербургскому Вольному экономическому собранию (Его президентом в 1782—1784 гг. был А. И. Бриль. — *Д. Ф.*), которое, найдя все то в наилучшей доброте и качестве, соответствующем его, Гирши, обязательству, определило дать оному Гирше за таковой труд золотую медаль в 35 червонных¹⁶, которая и дана; и о том в публичных 1783 года ведомостях припечатано с таким, между прочаго, изречением, что сие служит ему, Гирше, вместо аттестата¹⁷. Как видим, предприниматель применил хитрость, чтобы довести до сведения авторитетных специалистов по сельскому хозяйству результаты своих достижений. Вряд ли он бы достиг того же, обратившись только к белорусскому генерал-губернатору. Кроме того, пожалование еврейского купца медалью за заслуги в области скотоводства и производства связанной с ним товарной продукции полностью отвергает более позднее сенатское определение о его якобы «нерадении». И, кстати, другой важной целью деловой поездки в столицу весной 1783 г. Гирш наметил представление центральным властям своего вышеупомянутого образовательного проекта. Подобные примеры, когда некоторые евреи добивались до столичных городов

по своим личным и профессиональным вопросам и попутно использовали эти поездки для осуществления каких-либо важных общественных дел еврейских общин Белоруссии и Украины, не единичны. В этих случаях данные лица по существу исполняли обязанности штадланов — уполномоченных от кагалов, поверенных, депутатов, ходатаев по делам евреев.

Чтобы лучше понять смысл и значение полученной Яковом Гиршем награды, следует сделать отступление, касающееся деятельности того учреждения, которое ее вручило. «Императорское Вольное экономическое общество к поощрению в России земледелия и домостроительства» (ВЭО) — одно из старейших в мире и первое в нашей стране научное экономическое общество, было учреждено в Санкт-Петербурге в 1765 г. по инициативе Екатерины II крупными землевладельцами и другими приближенными к императрице сановниками, стремившимися в условиях роста рынка и торгового земледелия рационализировать сельское хозяйство и повысить производительность крепостного труда. Его первое заседание состоялось 15 июня этого года, а учреждение поддержано и утвержден устав 31 октября высочайшим рескриптом императрицы (всегда находилось под личным покровительством русского монарха). Основание общества было одним из проявлений екатерининской политики «просвещенного абсолютизма». Деятельность ВЭО во второй половине XVIII в. осуществлялась в различных формах: анкетное обследование российских регионов (путем рассылки анкет с вопросами генерал-губернаторам, губернаторам и директорам экономии по «земледелию и деревенскому хозяйству» с целью собирания экономических сведений о России); проведение конкурсов (с объявлением конкурсных задач по политэкономическим и прикладным сельскохозяйственным и техническим проблемам и ответов на них); отслеживание передового опыта и применения новых орудий труда за границей; выпуск периодических изданий и публикация научных исследований и проч. Все это способствовало внедрению в сельское хозяйство технических культур, развитию животноводства (особенно овцеводства), пчеловодства, шелководства, свеклосахарной, винокуренной и полотняной промышленности в вотчинных хозяйствах, пропаганде передовых идей и внедрению усовершенствованных сельскохозяйственных орудий и машин.

Со времени своего основания ВЭО уделяло постоянное внимание вопросам скотоводства: предлагало конкурсные задачи, устраивало выставки, проводило публичные бесплатные лекции, распространяло издания и публиковало статьи в периодической печати, обсуждало проекты страхования скота во время прогона, присуждало медали за достижения в этой области. Так, в конце XVIII в. медали были выданы за демонстрацию на выстав-

ках крупного рогатого скота, выведение лучшей отечественной молочной коровы и сыроделие, размножение длинношерстных овец, за ветеринарные вопросы: решение конкурсной задачи о предотвращении падежа рогатого скота¹⁸. Серьезные меры для развития и поощрения овцеводства в России предпринимались со времен Петра I, но особенно много внимания стало уделяться этой отрасли сельского хозяйства только при Екатерине II. С конца XVIII в. не раз объявлялись конкурсные задачи и издавались сочинения об овчарнях, о разведении тонкорунных и мягкорунных овец, выписывались иностранные овцы и овчары; с овцеводством было тесно связано сукноделие. В 1774 г. общество предложило конкурсную задачу по проблеме улучшения овечьей шерсти на отечественных породах: «Отчего на русских овцах шерсть жестка и как сделать ее лучше?», с объявлением в качестве подарка медали в 35 червонцев (впервые в истории общества). За решение этой задачи в 1775 г. большая серебряная медаль была вручена ректору гимназии в г. Индштейне Вагнеру. Кстати, в 1788 г. так и не было получено удовлетворительного ответа на предложенную задачу: «Какие надежнейшие средства к поправлению заслуживающих внимания овчарных заводов и к получению длинной и хорошей шерсти в большом количестве?»¹⁹ По сообщению секретаря ВЭО А. И. Ходнева, Яков Гирш (из Могилевской губернии) получил в 1783 г. золотую медаль в 35 червонцев «за описание своего овечьего завода и за присланные им образцы разных шерстяных изделий»²⁰. (Представление образцов шерсти на рассмотрение общества было явлением весьма частым, однако далеко не все из них удостоивались какой-либо награды.) Кстати, в 1825 г. в составе ВЭО действовал особый комитет по овцеводству из девяти человек, в том числе в нем состоял член общества, крупный банкир и предприниматель, крещеный немецкий еврей Людвиг-Иоганн (Любим Иванович) Штиглиц²¹.

С самого начала своей деятельности Вольное экономическое общество выдавало в награду медали для поощрения сельскохозяйственного труда в соответствии с указаниями, целями и задачами общества. Их вручали также за конкурсные сочинения и научные труды по различным отраслям, за усовершенствованные земледельческие орудия и машины, за оспопрививание, за любые практические занятия, принесшие существенную пользу сельскому хозяйству России, и долголетнюю деятельность в качестве члена общества. За всю его историю чеканились медали нескольких видов: большая и малая золотые, большая и малая серебряные, бронзовая; различной стоимостью — в 50, 35, 25, 20, 15, 12, 10, 5 червонцев. Медаль ВЭО являлась наградной (а не памятной), но без традиционного ушка — т. е. не для ношения на груди или шее (имелись правда единичные случаи вручения шейной

медали на ленте). На ее лицевой стороне размещался грудной портрет Екатерины II с надписью по окружности: «Б. М. ЕКАТЕРИНА II. ИМПЕРАТ. И САМОДЕР. ВСЕРОССИЙСК.» На оборотной стороне — изображение богини изобилия под пальмовым деревом, сидящей на хлебных снопах и держащей в правой руке венок, сплетенный из колосьев, а в левой — меркуриев жезл; на заднем плане изображен поселянин, вспахивающий землю плугом, в который запряжен вол; по окружности размещалась надпись: «ЗА ТРУДЫ ВОЗДАЯНИЕ». В первоначальном проекте медали, составленном членом-учредителем ВЭО, придворным библиотекарем, статским советником И. И. Таубертом, на той же оборотной стороне был помещен рог изобилия у богини, а перед ней — прислоненный к дереву щит с изображенным на нем гербом, пожалованным обществу Екатериной II. Однако член ВЭО, министр Кабинета императрицы сенатор А. В. Олсуфьев объявил обществу царское повеление, чтобы на реверсе награды герб и рог изобилия «отставить, дабы сия медаль тем была простее». Кроме того, надпись по окружности над портретом императрицы на лицевой стороне медали первоначально звучала: «ЕКАТЕРИНА ВТОРАЯ МАТЕРЬ ОТЕЧЕСТВА». По правилам, на медали вырезалось имя лица, удостоенного данной наградой²².

Последний отрезок жизни Якова Гирша (получившего один из самых дорогих вариантов медали Вольного экономического общества) и его деятельности в качестве арендатора и заводчика был отмечен многочисленными неприятностями. 14 марта 1787 г. он доносил Казенной палате, что на его заводе пали 1000 старых и 1000 молодых овец. Однако в результате следствия, проведенного земским исправником Чериковского округа, выяснилось, что падеж скота составил всего 291 овцу. Тем не менее палата «приметила», что Гирш «к распространению овечьего завода оказывался нерадив, да и в изучении казенных поселян весьма мало успел». Помимо этого на содержателя поступило от поселян фольварка несколько жалоб в разные присутственные места. В связи с этим 27 октября П. Б. Пассеку было сообщено о претензиях к Гиршу. Генерал-губернатор прислал резолюцию провести по всем жалобам на купца соответствующее расследование. Из-за его частых отлучек по делам из Могилевской губернии разбирательство тянулось довольно продолжительное время. Кроме того, по возвращении из последней поездки Гирш «впал в жестокую болезнь». Тем не менее следственные дела в местных инстанциях все же были закончены, и «сказанной Гирш оправдан». Последнее донесение от директора экономии о состоянии завода датируется 19 июля 1788 г., когда Гирш «находился при смерти болен», а через пять дней, 24 июля, в Казенную палату сообщили о его смерти.

После этого события начинается новый этап функционирования Должанского овечьего завода, начинаются и новые разбирательства вокруг наследства Гирша. Казенная палата в рапорте Сенату от 19 июня 1789 г. сообщила, что за купцом нет недоимок в арендных деньгах, которые он исправно ежегодно платил за поселян и владение землей. «Известного» же дохода за все годы содержания фольварка и завода Гирш получил 8660 рублей, что входит в противоречие с сенатским мнением об убыточном ведении его хозяйства. Имеется лишь недоимка оброчных денег с 792 душ. А «из апробации, чинимой Вольным экономическим собранием, полагать можно, что та шерсть от 1-го сорта овец есть настоящая аглинская и шлионская». К рапорту палата приложила «Примерное положение, коликое число полагается иметь при Должанском овечьем заводе людей и коликое число потребно им, а также и на содержание овец денег»²³. В частности, в случае сохранения хлебопашества в фольварке для надзирания за ним и заводом предлагалось ввести должность смотрителя с годовым окладом 200 рублей. При варианте ликвидации хлебопашества смотритель уже был бы не нужен, а вместо него при заведении состоял бы только писарь с окладом 50 рублей. В штате было предложено иметь одного овчара (оклад 100 рублей) и при нем троих учеников из поселян (по пяти рублей каждому) и работницу (четыре рубля). На содержание 200 овец (сено, солома «на постель», лекарства и найм работников на сенокос и перевозку сена) палата предложила затраты в 353 рубля на год. Всего же при первом варианте требовалось почти 600 рублей в год, а при втором — 670 рублей.

4 октября 1789 г. Сенат слушал рапорт Казенной палаты, в котором была зафиксирована вся история деятельности овечьего завода Якова Гирша²⁴. В результате 22 октября Сенат постановляет: «Как из репорта Могилевской казенной палаты усматривается, что на содержание овечьего завода, оставшагося после купца Гирша, потребна ежегодно немалая сумма, пользы же от него никакой ожидать невозможно, то в сохранение казеннаго интереса Могилевская казенная палата имущество сего завода, в скоте и инструментах состоящее, имеет продать с публичнаго торгу. Находящихся же тамо людей обратить в первобытное их состояние, из котораго они к заводу взяты. Вырученные ж деньги зачесть в число казенной недоимки, на умершем купце Гирше счисляющейся, сколько ее причтется за то время, в которое пользовался крестьянами сам Гирш, а по смерти его наследники...»²⁵ Что касается приказа губернатора М. В. Каховского при заключении контракта с купцом «порук» не требовать, то нынешний генерал-аншеф от взыскания за давнее нарушение был освобожден.

22 декабря 1789 г. Могилевская казенная палата прислала в Сенат рапорт об исполнении указа²⁶. Она отметила, что по-

сле приема завода в казенное ведомство пало еще 64 животных. Недоимка же оброчных денег была частично компенсирована за счет продажи с публичного торга овец, заводских построек и орудий труда, а также разного имущества наследников и наличного хлеба. Оставшаяся недоимка после этого составила около 1990 руб. 18 ноября 1792 г. Сенат слушал рапорт Могилевской казенной палаты и 13 декабря постановил, чтобы Могилевское наместническое правление совместно с другими губернскими и наместническими правлениями подготовило справку, нет ли в их ведомствах какого-либо имущества покойного купца, а если таковое найдется, то продать его с торгов в счет уплаты недоимки²⁷. Собственно архивное дело 1-го департамента Сената обрывается рапортами Могилевских наместнического правления и казенной палаты о получении сенатского указа, и потому неизвестно, было ли найдено какое-то имущество Якова Гирша в других российских губерниях. Дальнейшая судьба его животноводческого хозяйства сложилась следующим образом: в декабре 1792 г. овечий завод был продан за 382 рубля (в эту сумму он был оценен), имение же было роздано вечными пожалованиями семи помещикам. Известно также, что в 1798–1799 гг. завод считался действующим.

Деятельность бреславского купца Якова Гирша осуществлялась в тот относительно либеральный период екатерининского правления, когда российское законодательство по еврейскому вопросу еще не подверглось ужесточению, до выхода известного именного указа Екатерины II от 23 декабря 1791 г.²⁸, положившего начало формированию черты еврейской оседлости. Кроме того, могилевский предприниматель, видимо, имел в России статус иностранца (Бреславль или Бреслау, ныне Вроцлав, являлся административным центром Силезии, принадлежавшей в то время, с 1742 г., Пруссии) и именно в этом качестве получал от екатерининского правительства определенные льготы и привилегии. Достаточно отметить, что в материалах дела о Должанском заводе ни разу не упомянуто о его еврейском происхождении. Купец беспрепятственно получил наемных крестьян для работы на своем предприятии, что стало серьезной проблемой для еврейских предпринимателей в России в конце XVIII в. Впрочем, с момента выхода указа от 17 марта 1775 г. купцам первых двух гильдий разрешалось иметь фабрики и заводы, которые были не дееспособны без покупки или найма работников-крестьян. Правда, 22 февраля 1784 г. правительство лишило нехристиан права «покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания»²⁹, однако этот указ никак не отразился на положении животноводческого хозяйства Гирша. А вот, например, попытка белицкого купца 2-й гильдии Гецея Лейзаровича, в августе 1799 г. подавшего прошение императору

Павлу I с просьбой продать ему 200 крестьян для постройки кожевенного завода в Белорусской губернии по выделке «всякого сорта юфтянных и подошвенных кож лучшею доброю на манер иностранных» (в том числе для армии) и дальнейшей работы на нем, окончилась неудачей. Мануфактур-коллегия отказала поверенному купца, могилевскому мещанину Шолому Юдовичу, объяснив, что 23 июня 1794 г. она разрешила евреям в черте оседлости заводить «рукоделия» без крестьян³⁰. Тем не менее пожалование еврея-иностранца в Российской империи золотой медалью за достижения в труде в конце XVIII столетия можно считать своего рода феноменом, заслуживающим особого внимания и изучения.

¹ См.: Гессен Ю. История еврейского народа в России. Л., 1925. Т. 1. С. 69–70; Fishman D. E. Russia's First Modern Jews: The Jews of Shklow. New York; London, 1995. P. 62.

² См.: Анищенко Е. К. Черта оседлости: Белорусская синагога в царствование Екатерины II. Минск, 1998. С. 39–40 (примеч.), 64.

³ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Сенат и его учреждения. Оп. 46. Кн. 4025. Л. 239–243 об.

⁴ Е. К. Анищенко ошибочно называет Я. Гириша «браславским» купцом, т. е. из г. Брацлава (Указ. соч. С. 39). Этот город находился на западноукраинских землях, вошедших в состав России после второго польского раздела. Он был уездным центром и центром (с 1795 г.) существовавшей в 1793–1796 гг. Брацлавской губернии (наместничества), большая часть территории которой отошла к Подольской губернии.

⁵ РГАДА. Ф. 248. Оп. 46. Кн. 4025. Л. 239–239 об.

⁶ Е. К. Анищенко указывает, что по договору деревни (200 дворов) были переданы Я. Гиришу сроком на восемь лет (Указ. соч. С. 39).

⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 46. Кн. 4025. Л. 240–241.

⁸ Там же. Л. 245.

⁹ Там же. Л. 242–242 об.

¹⁰ Там же. Л. 243–243 об.

¹¹ Там же. Л. 238.

¹² Там же. Л. 252.

¹³ Там же. Л. 246–252 об.

¹⁴ Там же. Л. 254–269 об.

¹⁵ Там же. Л. 251.

¹⁶ Е. К. Анищенко неточно указывает стоимость медали — 25 червонных (Указ. соч. С. 40).

¹⁷ РГАДА. Ф. 248. Оп. 46. Кн. 4025. Л. 264–264 об., 284 об.—285.

¹⁸ См.: Ходнев А. И. История Императорского Вольного экономического общества с 1765 до 1865 года. СПб., 1865. С. 205, 207, 210, 215, 217, 223; о награждении медалями ВЭО за решение конкурсных задач — с. 366–466.

¹⁹ См.: Там же. С. 216, 372, 379.

²⁰ См.: Там же. С. 216.

²¹ См.: Там же. С. 219. Подробнее о нем см.: Лизунов П. В. Штиглицы — «некоронованные короли» российских финансов // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 35–51.

²² См.: Ходнев А. И. Указ. соч. С. 658–664.

²³ РГАДА. Ф. 248. Оп. 46. Кн. 4025. Л. 270–271 об.

²⁴ Там же. Л. 272–292 об.

²⁵ Там же. Л. 292.

²⁶ Там же. Л. 294–296 об.

²⁷ Там же. Л. 302–303 об.

²⁸ Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Изд. 1-е (ПСЗ–1). СПб., 1830. Т. XXIII. № 17006.

²⁹ Там же. Т. XXII. № 15936.

³⁰ РГАДА. Ф. 277. Мануфактур-коллегия. Оп. 14. Д. 599. Л. 2–3, 5–6, 12. См.: Анищенко Е. К. Указ. соч. С. 64; Фельдман Д. З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX веков: Опыт архивного исследования. М., 2005. С. 286–288.

**MARKS, NOT MARX:
Марксизм на службе капитализма,
или о восточноевропейском вкладе в формирование
британской розничной торговли и системы социального
обеспечения и здравоохранения**

*The first question put to an author, personally, or through the post, is:
«Where do you get your ideas from?»
The temptation is great to say: «[...] Try Marks & Spencer».
Agatha Christie. Passenger to Frankfurt (1970)*

Выросшие в атмосфере острого товарного дефицита россияне традиционно воспринимали западные магазины с их бросающимся в глаза изобилием как нечто малодоступное и эксклюзивное. Вот характерный пример. Некий пожилой человек, приехавший в Германию навестить свою дочь (вышедшую замуж за немца), никак не мог поверить, что самые обычные магазины, в которые он попадал, предназначены «для обыкновенных, рядовых немцев», а не для привилегированных особ или «иностранцев»¹. Склонный к эмоциональным преувеличениям Эдуард Лимонов даже уподобил продуктовый отдел типичного западного супермаркета земному раю². Если учесть, что, несмотря на существование термина «супермаркет», многие сравнительно крупные российские предприятия розничной торговли до сих пор продолжают называться «универсами» (преимущественно продуктовые магазины самообслуживания) или «универмагами» (преимущественно промтоварные магазины), создавалось впечатление, будто западные формы розничной торговли не имеют аналога в российской действительности³.

И тем не менее возникновение одной из самых известных в мире розничных торговых сетей — торговой фирмы «Маркс энд Спенсер» — неразрывно связано с Россией, поскольку у ее истоков стоял выходец из Российской империи Майкл Маркс (Michael Marks).

Сын портного Мордехая Маркса Майкл переселился в Англию в 1878 г. (по другим, более вероятным, сведениям — в 1882)

из польско-белорусского города Слонима⁴. В те годы еврейская эмиграция из России — результат недалековидной политики царизма — начинала приобретать массовый характер. В конце XIX в. около 130 000 российских евреев прибыло в Британию⁵. В их числе оказался не только Майкл, но и его братья Барнетт (Barnett) и Эфраим (Ephraim). Согласно легенде, высадившись в одном из лондонских доков, Майкл отправился на поиски старшего брата Барнетта, который покинул Россию несколько раньше и проживал в лондонском Ист-энде. Однако по указанному адресу Барнетта не оказалось. Он уже переехал в Северную Америку, чтобы попытаться счастья на золотых приисках (говорят, что внезапность отъезда объяснялась тем, будто Барнетт скрывался от одной женщины, последовавшей за ним из России и разыскивавшей его в Лондоне). Счастье золотоискателя не улыбнулось Барнетту, но он открыл магазин в Досон Сити (Dawson City), на слиянии рек Юкон и Клондайк, а впоследствии перебрался в Калифорнию, где и скончался в весьма почтенном возрасте⁶.

Майклу же якобы не оставалось ничего другого, как попробовать обосноваться в Лидсе (Leeds) — бурно развивавшемся промышленном городе на севере Англии с населением в 310 000 жителей (из них около 7000 евреев). Лидс славился, в частности, своими текстильными предприятиями, на которых требовались рабочие руки. Разыскивая дорогу к «Барранс» — местной фабрике по изготовлению одежды (John Barrans clothing manufacturers), где работали иммигранты из России — Майкл встретил оптового торговца Айзека Дьюхерста (Isaac Dewhirst). Несмотря на языковой барьер (английский язык Майкла, мягко говоря, оставлял желать лучшего), Майкл и Айзек понравились друг другу, и Айзек предложил Майклу пять фунтов займа — деньги по тем временам немалые. Майкл спросил, может ли он приобрести на эту сумму кое-какие товары с принадлежавшего Айзеку склада, чтобы торговать ими вразнос. Айзек ответил согласием. После того как товары были перепроданы с прибылью, а долг возвращен, Айзек стал помогать Майклу совершать подобные операции и впредь. Так Майкл стал разносчиком⁷.

Поначалу Майкл обслуживал то ли район, прилегающий к г. Стоктону (Stockton-on-Tees)⁸, то ли деревни в долинах Йоркшира в районе Уэст Райдинг (West Riding)⁹, продавая с лотка и из заплечного мешка «пуговицы, булавки, иголки, шерсть для штопки и чулки на общую сумму до двадцати фунтов стерлингов»¹⁰, а вскоре, по-видимому, в конце 1884 г., обзавелся собственным раскладным столиком размером три на шесть футов на лидском рынке Керкгейт (Kirkgate), где проводил два дня в неделю. В остальные дни Майкл торговал на рынках в соседних городах — Каслфорде (Castleford) и Уэйкфилде (Wakefield). Коммерция шла довольно бойко, и через некоторое время —

в 1886 г. — Майкл смог позволить себе торговую точку не под открытым небом, как прежде, а в крытом рыночном павильоне, работавшем шесть дней в неделю.

Посещение крытого рынка по субботам было чем-то вроде обязательного семейного развлечения для местных жителей. Здесь можно было подивиться на поднимающих тяжести силачей, глотающих огонь факиров и подражателей американскому фокуснику Гарри Гудини (Harry Houdini, 1874—1926), высвобождающихся из веревочных пут или оков, а заодно и поинтересоваться, чем богаты рыночные павильоны. Своеобразным аттракционом служила и колоритная скороговорка продавцов, зазывающих к себе покупателей и торгующихся с ними о цене¹¹.

Парадоксально, но факт: коммерческим успехам Майкла немало способствовало его слабое знание английского. Не будучи в состоянии торговаться с покупателями, он предлагал им нечто необычное — а именно товар по заранее установленным, твердым ценам. Прилавки Майкла обыкновенно выглядели так: с одной стороны находились корзинки с товаром, разложенным напоказ по категориям в зависимости от стоимости, с четко указанной ценой; а с другой размещалась самая разнообразная продукция под одной общей надписью: «Не спрашивайте, почему цена — один пенс» (Don't ask the price, it's a penny).

Задача Майкла заключалась в том, чтобы найти необходимый клиентам товар по такой себестоимости и такого качества, дабы коммерция не стала убыточной. По цене в один пенс, с выгодой для себя, Майкл мог продавать носовые платки, шляпные булавки, иголки, нитки, тесьму, стаканы, чашки, блюдца, тарелки, миски для пудинга, чайники для заварки, подставки для яиц, воронки, противни, молотки, стамески, гвозди, шурупы, болты, замки, мыло, свечи, губки, прищепки, мышеловки, вешалки для одежды, тряпки для вытирания пыли, кисточки для рисования, детские книги и игрушки, ноты, канцелярские принадлежности и прочие предметы обихода. Прибыль, разумеется, была минимальной и не соблазнила бы сколько-нибудь амбициозного британского бизнесмена. Однако, по справедливому замечанию Израила Зиффа, женившегося на дочери Майкла Ребекке и возглавлявшего компанию «Маркс энд Спенсер» с 1964 по 1967 г., точка зрения эмигранта из Восточной Европы была иной¹². От успеха копеечного бизнеса в буквальном смысле зависело, удастся Майклу выжить или нет. И это служило лучшим стимулом к изобретательности.

Еще один зять Майкла Маркса (и одновременно один из директоров фирмы «Маркс энд Спенсер»), Гарри Захер (Harry Sacher), утверждал, что следствием политики фиксированных цен, проводимой Майклом, явилось, в частности, «постоянное стремление торговца расширить ассортимент и улучшить каче-

ство [предлагаемого по данной цене товара]. В подобных условиях торговца осеняют такие идеи, которые никогда не пришли бы ему в голову при системе гибких цен»¹³. Эта новаторская для своего времени бизнес-стратегия продолжала сохранять значение и много лет спустя после того, как из-за инфляции и товарного дефицита в период Первой мировой войны буквальное соблюдение принципа «цена — один пенс» стало невозможным. Не случайно в заголовке мемуаров Маркуса Зиффа (Markus Sieff, 1913—2001), внука Майкла и президента компании «Маркс энд Спенсер» с 1972 по 1984 г., отразилась надпись, некогда украшавшая прилавки его деда: Don't Ask the Price¹⁴.

Через восемь лет после открытия бизнеса в Лидсе у Майкла было уже пять «копеечных магазинчиков» (так называемых Penny Bazaars): в Лидсе, Каслфорде, Уэйкфилде, Уоррингтоне (Warrington) и Беркенхеде (Birkenhead). Последние два города находились в графстве Ланкашир (Lancashire). В 1891 г. Майкл даже переселился из Йоркшира в ланкаширский город Уиган (Wigan) с населением в 55 000 человек — отчасти из удобства сообщения, но также из соображений безопасности (в районе Лидса Leylands, где проживал Майкл, нередко были случаи преследования евреев местными жителями, так что пришлось даже организовать еврейскую самооборону). В Уигане синагоги не было, но зато тут находились горнодобывающие и химические предприятия, а значит, проживало достаточно много потенциальных клиентов. Майкл Маркс открыл лавки и в Уигане, и в еще одном ланкаширском городе — Болтоне (Bolton)¹⁵.

Система обслуживания в магазинах Майкла сильно отличалась от магазинов его конкурентов. В те времена было принято держать товар или под прилавком, или на полках за прилавком, так что покупатель почти всегда должен был сначала выяснить у продавца, имеется ли в наличии то, что хочется приобрести, а потом еще просить его показать ту или иную вещь, чтобы повнимательнее осмотреть ее. Покупатели нередко стеснялись задавать лишние вопросы, опасаясь либо надоесть продавцу, либо быть им обманутыми. Майкл, напротив, последовательно осуществлял намерение создать атмосферу доверия между покупателем и продавцом. В его магазинах покупателям разрешалось самим расхаживать по помещению (размером от тридцати до семидесяти футов в длину и от шести до тринадцати футов в ширину), беспрепятственно рассматривать находящийся в открытом доступе товар и принимать решение о покупке без всякого давления со стороны продавца. Как говорил Майкл, «чем больше покупатель сможет увидеть, тем больше он приобретет» (the more they can see, the more they will buy)¹⁶. По мнению Израиля Зиффа, подобная практика предвосхитила два ключевых принципа современной розничной торговли: «самостоятельный выбор и

самообслуживание для покупателя — и подчиненная этой цели организация пространства в торговом центре (self-selection and self-service for the customer, and the organisation of the emporium to that purpose)»¹⁷. Не удивительно, что Penny Bazaars пользовались популярностью. Конкуренты Майкла даже соревновались за право разместиться поближе к его магазинам — вдруг покупатели заодно заглянут и к тем, кто торгует по соседству!

В 1893 г. состоялся переезд Майкла в самый крупный индустриальный и культурный город на северо-востоке Англии — Манчестер, где в радиусе двенадцати миль проживало до полутора миллионов человек (из них около 25 000 евреев; здесь же еще в 1891 г. поселился брат Майкла Эфраим). Открытие тут очередного магазина, торгующего по принципу «цена — один пенс», приблизительно совпало с кардинальными переменами в закупочной политике Майкла. Дабы увеличить размер собственной прибыли, он — в отличие от большинства конкурентов — начал покупать продукцию прямо у производителя, минуя посредников. Майкл и прежде по преимуществу занимался закупками товара для его последующей перепродажи. За ход самой торговли отвечали главным образом помощники Майкла, набранные среди местного населения. Но одной их помощью Майкл обойтись уже не мог. Для дальнейшего расширения бизнеса ему требовался партнер.

Поначалу Майкл обратился с предложением о партнерстве к рыночному торговцу из Уигана некоему г-ну Куку (Cook), с финансовой помощью которого Майкл установил газовое освещение в своем ларьке. Кук отказался — о чем потом непрерывно сожалел¹⁸. Тогда Майкл предложил войти в долю Айзеку Дьюхерсту — одному из своих основных поставщиков. Но и у Дьюхерста не было ни времени, ни энергии на новые проекты. Поэтому он переадресовал Майкла к своему счетоводу Тому Спенсеру (Thomas Spencer), который давно уже подумывал о том, чтобы открыть собственный бизнес. Майкл вел дела с Томом и раньше и не имел ничего против. Договор о создании фирмы «Маркс энд Спенсер» был заключен 28 сентября 1894 г. Уставной капитал состоял из 453 фунтов 15 шиллингов и 11 пенсов, вложенных Марксом, и 300 фунтов, вложенных Спенсером.

Деловой союз Маркса и Спенсера основывался на единстве противоположностей. По воспоминаниям современников, впечатлительный и сублильный Майкл часто находился в состоянии нервной напряженности, постоянно подстегивал самого себя, был целиком предан работе, а в быту оставался по преимуществу аскетом и пуританином. Том был типичным йоркширцем — жизнерадостным, крупного телосложения, с тяжелым подбородком, громким голосом и грубовато-добродушными манерами, поклонником крикета и любителем выпить. Оба партнера были

по-своему религиозными. Хотя Майкл посещал синагогу отнюдь не регулярно (т. е. только на Рош Ашана и Йом Киппур), но обнаруживал сильную приверженность этическим нормам иудаизма. Том же ходил в церковь каждое воскресенье и считал себя примерным христианином¹⁹.

Деловые обязанности партнеров распределялись следующим образом. Том почти все время проводил в главной конторе фирмы, выполняя различные административные функции и стараясь свести расходы компании к минимуму. Майкл ездил по стране, закупал товар, инспектируя уже открытые магазины, выясняя, где лучше открыть новые, наблюдая за общими тенденциями в торговле и пытаясь определить, из чего еще можно было бы извлечь выгоду.

К началу XX в., всего шесть лет спустя после своего образования, фирма «Маркс энд Спенсер» владела двадцатью тремя Penny Bazaars (в том числе в Бате, Мидлсбро, Шеффилде и Скарборо) и одиннадцатью магазинами покрупнее (в том числе в Бирмингеме, Ливерпуле и Бристоле). Филиалы компании продолжали открываться. В 1903 г. чистая прибыль фирмы составила уже 6800 фунтов стерлингов, и было решено продолжать развиваться на иной финансовой базе, основав компанию с ограниченными акциями (a company limited by shares). В сферу интересов товарищества входила теперь уже не только розничная торговля, но едва ли не все мыслимые виды приносящей финансовую прибыль деятельности, включая владение недвижимостью, строительные подряды, издательский бизнес, производство и доставку мебели и т. п. Уставной капитал товарищества составлял 30 000 фунтов стерлингов в виде акций стоимостью в один фунт каждая. Майкл Маркс и Том Спенсер получили по 14 996 таких акций, а остальное было распределено между миноритарными владельцами, среди которых оказались жены Маркса и Спенсера Ханна и Агнес²⁰, сын Спенсера Томас Спенсер-младший и др.²¹

Главной специализацией «Маркс энд Спенсер», впрочем, продолжала оставаться непрерывно расширяющаяся розничная торговля, которая по-прежнему приносила фирме неплохие дивиденды. В 1906 г. годовая выручка одного только ливерпульского магазина составила 9857 фунтов стерлингов. Многие другие филиалы в том же 1906 г. тоже проявили себя не худшим образом: так, лидский магазин выручил 8701 фунт, манчестерский — 8459 фунтов, а магазины в лондонских районах Излингтон (Islington) и Брикстон (Brixton) — 4055 и 9766 фунтов соответственно²². К 1907 г. в Лондоне было открыто не менее семи филиалов, в том числе в районах Кройдон (Croydon), Килбурн (Kilburn) и Кингсланд (Kingsland). Филиалы «Маркс энд Спенсер» функционировали теперь не только в таких английских городах, как Ньюкасл и Брайфорд, но и в валлийском Кардиффе.

Незаметно наступила пора смены поколений. 25 июля 1905 г. умер Том Спенсер, незадолго до того отошедший от дел и проживавший на своей ферме близ деревни Уиттингтон (Whittington), к северу от Бирмингема. А 31 декабря 1907 г. — «в последний день финансового года», как не без горькой иронии замечает один из историков фирмы²³, — скоропостижно скончался и сам Майкл Маркс, который был примерно на десять лет моложе Тома Спенсера. Начав дело с займа в 5 фунтов стерлингов, Маркс оставил после себя по завещанию почти 30 000 фунтов стерлингов.

В результате длившейся несколько лет борьбы за контроль над бизнесом между наследниками основателей фирмы и ее менеджерами в 1916 г. главным управляющим «Маркс энд Спенсер» стал сын Майкла Саймон (Simon Marks, 1888—1964). Именно ему — с его повышенной чувствительностью к переменам, характерной для «не уверенного в завтрашнем дне иммигранта второго поколения»²⁴, — фирма в первую очередь обязана своим преобразованием в публичную компанию (в 1926 г. «Маркс энд Спенсер» выпустили миллион простых акций номинальной стоимостью в 10 шиллингов каждая и 350 000 привилегированных семипроцентных акций номинальной стоимостью в 1 фунт каждая) и последующим превращением из сети небольших магазинов в настоящую империю супермаркетов. Ее поступательное движение не смогли остановить ни Великая депрессия (в 1930 г. капиталоборот «Маркс энд Спенсер» составлял 3 605 000 фунтов стерлингов, а чистая прибыль — 261 000 фунтов стерлингов, тогда как аналогичные цифры за 1936 г. составляли 14 269 000 и 939 000 фунтов стерлингов соответственно), ни Вторая мировая война (на довоенный уровень объема чистой прибыли в цифрах 1938 г. — 1 028 000 фунтов стерлингов — вновь удалось выйти уже в 1946 г.)²⁵ И хотя к 1932 г. более 70 % ассортимента, некогда продававшегося в Penny Bazaars, бесследно исчезло с прилавков «Маркс энд Спенсер», модернизация и расширение (в 1907 г. — последнем году жизни Майкла — у фирмы было 49 филиалов, тогда как в марте 1939 г. — уже 234)²⁶ по-прежнему проводились на основе разработанных Майклом принципов. Пусть в межвоенный период максимальная средняя цена большинства предлагаемых товаров составляла пять шиллингов (а не один пенс, как прежде) — принцип доступных всем и каждому цен оставался неизменным²⁷. Пусть Майкл сотрудничал преимущественно с поставщиками из Германии, Австрии и Франции, тогда как Саймон предпочитал им отечественных (к 1939 г. 94 % заказов «Маркс энд Спенсер» размещалось среди британских компаний) — установка на закупку товара непосредственно у производителя не менялась²⁸.

Ускоренная оборачиваемость товара — неизбежное условие получения удовлетворительной прибыли при цене с невысокой маржой, а следовательно, максимально эффективное использование торговых площадей, отводимых главным образом под то, что пользуется повышенным спросом (т. е. та самая «организация пространства в торговом центре», о которой, суммируя достижения Майкла Маркса, говорил Израиль Зифф), оставались ключевым фактором успеха. Не случайно главный магазин фирмы, открывшийся в 1930 г. в центре Лондона, в районе Марбл Арч (Marble Arch), вошел в книгу рекордов Гиннеса благодаря наивысшему объему продаж в расчете на квадратный метр²⁹. С точки зрения преемственности поколений символично и то, что в ознаменование уникальных заслуг отца в 1928 г. Саймон Маркс зарегистрировал специальный товарный знак «Святой Майкл» (St Michael)³⁰, с которым отныне стала ассоциироваться продукция, специально изготовленная по заказу «Маркс энд Спенсер». Этот товарный знак стал одним из самых известных в Британии и был зарегистрирован более чем в 50 странах.

Эпитет «святой» мог бы показаться неуместным преувеличением, если бы не тот несомненный факт, что погоня за прибылью не являлась для Майкла Маркса единственным приоритетом. Он активно занимался благотворительностью и жертвовал на содержание Клуба еврейских рабочих (the Jewish Working Men Club), суповой кухни для еврейской бедноты (the Soup Kitchen for the Jewish Poor), еврейского дома престарелых (the Home for Aged and Needy Jews), еврейской больницы и школы Талмуд-Тора³¹. Он заботился и о работавших на него продавщицах, не просто даря им рождественские подарки, но и устанавливая в ларьках деревянные настилы, чтобы не замерзали ноги, и газовые плитки, чтобы можно было разогреть обед³². При постройке своей первой общенациональной штаб-квартиры на улице Дерби (Derby) в Манчестере Майкл спроектировал для своих сотрудников — которых там было тогда не более дюжины — комнату для обеденных перерывов, где они могли готовить себе еду³³. Более того, устав компании 1903 г. включал совершенно необычную для того времени статью 3(u), в соответствии с которой «Маркс энд Спенсер» вменяли себе в обязанность «оказывать финансовую поддержку любому благотворительному или общественному учреждению, а также институту, ассоциации или клубу, так или иначе связанным с населенным пунктом, в котором фирма ведет дела»³⁴.

Саймон Маркс и Израиль Зифф стремились следовать филантропическим идеалам Майкла, определяемым не столько желанием завоевать дешевую популярность у наемной рабочей

силы с тем, чтобы еще безжалостнее ее эксплуатировать³⁵, сколько заветами иудаизма, согласно которым до десяти процентов своего дохода еврей обязан отдавать на благотворительные цели (Второзак., 14: 28–29). Как вспоминал Израиль Зифф, «наша концепция благосостояния тех, кто на нас работал, была двусторонней. Как и многие другие работодатели, мы считали своим долгом заботиться о служащих как можно лучше, обеспечивая им приличные рабочие условия и, по мере сил, помогая им в случае болезни и в пожилом возрасте»³⁶. Саймон Маркс не упускал случая напомнить об этом своим служащим. Как-то один из них, входя со стопкой туалетных полотенец в служебный лифт, увидел там Саймона и хотел было ретироваться. Саймон сказал ему: «Входите, я не заразный» (Come in, you won't catch anything). Когда лифт доехал до этажа, на котором служащему надо было выходить, Саймон добавил: «Если Вы и заразились чем-нибудь, мы о Вас позаботимся» (Even if you do catch anything, we'll look after you!)³⁷.

Впрочем, подобная политика проводилась в жизнь далеко не систематически, пока на сцене не появилась эмигрантка из России, уроженка Пинска Флора Солонзон, в девичестве Бененсон (1895–1984), дочь Григория Бененсона (нефтяного магната и банкира, 1864–1939), сестра Мани Харари (совладелицы издательства Harvill Press, на протяжении многих лет выпускавшего переводы книг с русского; 1906–1969) и мать Питера Бененсона (основателя «Амнести Интернешнл»; 1921–2005). С помощью Флоры в начале 1960-х гг. был разоблачен работавший на КГБ англичанин Ким Филби (1912–1988), с которым она много лет состояла в знакомстве (одна из жен Филби была подругой Флоры)³⁸. Но имя Флоры в новейшей британской истории останется, пожалуй, все-таки не поэтому, а потому, что она радикальным образом повлияла на улучшение условий труда служащих торговой сети магазинов «Маркс энд Спенсер», что в итоге отразилось на Великобритании в целом.

По словам Флоры, несмотря на непрекращающиеся успехи компании, в начале 1930-х гг. служащие «Маркс энд Спенсер» в подавляющем большинстве своем были «плохо одеты, на лице скука, щеки ввалились от голода. Это было время, когда любая, самая мелкая работа считалась привилегией, которую могли отобрать из-за малейшего пустяка. Те, чья зарплата зависела от объема розничной продажи (т. е. по большей части женщины без каких-то ни было квалификаций), занимали самое низкое положение. [...] Тогда любой работодатель в Британии мог держать продавщиц за прилавком до позднего вечера, не предоставляя им никаких удобств во время перерыва. Он не был обязан ни обогревать помещения зимой, ни вентилировать их летом, ни обеспечивать самую элементарную гигиену»³⁹.

Профсоюзы в тот период в основном уделяли внимание борьбе за сокращение рабочей недели и повышение зарплаты, а проблему благоустройства рабочих мест особо не поднимали — тем более там, где трудились по преимуществу женщины, в массе своей членства в профсоюзах избегавшие. Не совсем понятно, почему плохо оплачиваемые и почти бесправные представительницы британского рабочего класса нашли своего защитника именно в лице дочери российского мультимиллионера и многолетней любовницы А. Ф. Керенского, воспитывавшейся в частном пансионе в Висбадене⁴⁰ и вышедшей замуж за подполковника британских войск связи Харолда Соломона, который во время Первой мировой войны участвовал в военных действиях в Сербии, а в 1920-е гг. играл заметную роль в администрации Палестины⁴¹.

Сама Флора утверждала, что ее с детства преследовало чувство вины из-за расстрела бастующих рабочих на Ленских золотых приисках в 1912 г. (одним из акционеров на приисках был ее отец). Так или иначе, когда в начале 1930-х гг. Григорий Бененсон разорился и больше не мог выплачивать дочери деньги на содержание⁴², она не нашла ничего другого, как предложить Саймону Марксу, своему давнему знакомому, услуги по созданию человеческих условий для работавших на того продавщиц. Относясь к Саймону по-дружески, Флора Соломон в то же время не одобряла его эксплуататорских методов и прямо сказала ему, процитировав мнение Маргарет Бондфилд (Margaret Bondfield, 1873—1953), британского министра труда с 1929 по 1931 гг. в правительстве Рамзи Макдональда: «Это из-за таких компаний, как “Маркс энд Спенсер”, у евреев плохая репутация»⁴³.

К чести Маркса, он тут же открыл ранее отсутствовавший в фирме отдел социального обеспечения с Флорой во главе, а та, с учетом немецкого опыта по созданию условий труда для служащих некоторых магазинов (в первую очередь берлинского Kaufhaus N. Israel) и рабочих на кое-каких фабриках по производству одежды, начала внедрять различные новшества на британской почве. Поначалу речь шла о субсидированных буфетах или столовых для сотрудников фирмы, где порция горячего стоила шесть пенсов, а чашка чаю с печеньем — только пенс. Когда выяснилось, что свои отпуска служащие «Маркс энд Спенсер» проводят в основном дома, для них стали организовывать поездки по стране за символическую плату (у фирмы появились даже свои собственные базы отдыха на морском побережье). Затем к каждому филиалу были прикреплены специалисты-медики, наблюдавшие за здоровьем персонала, что фактически можно приравнять к не существовавшей тогда «службе национального здравоохранения в миниатюре»⁴⁴.

Начиная с 1933–1934 гг. доктора проводили медицинское освидетельствование каждого служащего «Маркс энд Спенсер» перед приемом на работу. Услуги дантистов предоставлялись за счет компании, с мозольными операторами была достигнута договоренность о скидке, а с окулистами — об оплате в рассрочку. Что касается больничных стационаров, «Маркс энд Спенсер» вносили два шиллинга в год с человека на счет нескольких больниц — с тем чтобы пациенты, состоящие на службе у компании, при необходимости принимались этими больницами в любое время и бесплатно. Если служащий проработал на фирме не менее шести месяцев, ему предусматривалась компенсация заработка по больничным листам вплоть до двенадцати полных рабочих дней в год. Тяжело и хронически больным оплачивалось пребывание в санатории⁴⁵.

При штаб-квартире «Маркс энд Спенсер» была учреждена собирающаяся раз в неделю Комиссия по социальному обеспечению (Welfare Committee), которая оказывала материальную помощь сотрудникам, находящимся в стесненных обстоятельствах, и ведала премиями для тех, кто по тем или иным причинам уходил из фирмы после десяти лет непрерывного рабочего стажа. В сущности, это была благотворительность (умение заниматься которой и по сей день является составной частью воспитания женщин из обеспеченных семей), но в гораздо больших масштабах, чем обычно — в тот период на «Маркс энд Спенсер» работало около 20 000 человек. В одном только 1938 г. на улучшение благосостояния своих служащих компанией было потрачено 108 000 фунтов стерлингов, т. е. около 9,5 % от чистой прибыли, вырученной за тот же год. В 1939 г. расходы по той же статье составили уже 122 000 фунтов, т. е. около 9,2 % чистой прибыли⁴⁶. Ключевая роль в проведении политики улучшения благосостояния отводилась менеджерам компании, которым предписывалось осуществлять данную политику не в дополнение к организации бизнес-структур, но как неотъемлемую часть таковых⁴⁷.

Постепенно по инициативе и при участии Флоры, которой за все ее труды платили лишь 5 фунтов в неделю, создавались и иные немаловажные прецеденты. Так, было принято решение не увольнять без одобрения Комиссии тех, кто проработал на фирме хотя бы пять лет. Продавиц обязали носить униформу и делать макияж. На стенах магазинов и офисов стали развешивать репродукции картин старых мастеров. Время от времени повышалась минимальная заработная плата. Был учрежден и отдел повышения квалификации, так что теперь продавицы могли делать в «Маркс энд Спенсер» настоящую карьеру. Благодаря этому же отделу «Маркс энд Спенсер» смог брать на работу еврейских беженцев из Германии.

Во время Второй мировой войны талант Флоры, необычайно умело заботившейся о других, нашел свое применение в организации «британских ресторанов» (British restaurants) — по существу, экстренных пунктов питания. В 1946 г. за свою деятельность во время войны Флора Соломон была награждена Орденом Британской империи (МВЕ)⁴⁸.

Нововведения Соломон постепенно стали перениматься и другими крупными компаниями и теперь укоренены чуть ли не повсеместно⁴⁹. Общациональная система социального обеспечения и здравоохранения, возникшая в Британии только после Второй мировой войны, во многом разрабатывалась с учетом опыта «Маркс и Спенсер». Не удивительно, что в 1960-е гг., чтобы помочь справиться с наплывом и благоустройством новых репатриантов, Голда Меир пригласила в Израиль именно Флору (которая, между прочим, хорошо знала первого президента Израиля Хаима Вейцмана и первого премьер-министра Израиля Давида Бен-Гуриона).

Но вернемся к истории «Маркс энд Спенсер». По авторитетным оценкам, «сегодняшней своей репутацией “просвещенного работодателя” фирма главным образом обязана Флоре Соломон»⁵⁰. Благодаря деятельности Флоры, а также благодаря установке Майкла Маркса на продажу качественной продукции по доступной широкому массам цене, магазины «Маркс энд Спенсер» долгое время считались «раем для рабочего человека» (the working man's paradise)⁵¹. Аристократы и даже члены королевской семьи тоже не обходили фирму своим вниманием. Так, в 1932 г. королева Мария (Queen Mary), супруга английского короля Георга V, посетила лондонский филиал «Маркс энд Спенсер» на Оксфорд Стрит и приобрела шесть дамских сумочек, три книги (два экземпляра Библии и томик Шекспира), ковер за 2 шиллинга и 11 пенсов, куклу за 5 шиллингов, чайный сервиз за 6 шиллингов и заварочный чайник за 1 шиллинг. Не успела Ее Величество покинуть магазин, как туда ринулась толпа простых смертных — покупать те же вещи, которые только что выбрала королева⁵².

Орнитолог и специалист по проблемам окружающей среды Макс Николсон (Edward Max Nicholson, 1904—2003) говорил Израилю Зиффу, как бы подводя главные итоги достижениям «Маркс энд Спенсер» ко второй половине XX в.: «Вы сделали нечто невероятно важное. Вы лишили бедные классы зависти. Они могут себе позволить купить у вас вещи, которые выглядят так, будто их могла бы приобрести и какая-нибудь герцогиня. Это дает бедным классам возможность сравниться с аристократией. И вот это-то и есть подлинная революция»⁵³ — так сказать, революция по Марксу (Marks), а не по Марксу (Marx)⁵⁴. Этому мнению вторит историк Харри Хопкинс, называющий «Маркс энд Спенсер» «бесклассовой, эффективной, достойно функцио-

нирующей распределительной моделью новой эпохи — местом, где жена докера и жена доктора могут беспристрастно и без суеты воспользоваться плодами все расширяющегося выбора и повышающегося качества товаров массового производства», таким «примером функционирования нового, народного капитализма [...], что даже самый заядлый антикапиталист не может сдержать своего восхищения»⁵⁵.

Если дистанцироваться от этого вызывающего улыбку оптимизма 1960-х гг. с его несколько наивной верой в возможность гармоничного сглаживания капиталистических противоречий путем консьюмеризма à la Майкл Маркс (и, добавим от себя, социальных программ à la Флора Соломон), все равно невозможно не признать того огромного вклада, который фирма «Маркс энд Спенсер» внесла в развитие британского общества. По существу, речь идет ни много ни мало об участии в формировании ритуалов новой религии, с сетью супермаркетов в качестве богослужебных зданий, с продавцами и менеджерами в качестве служителей религиозного культа и с миллионами покупателей в качестве регулярных прихожан⁵⁶. Несомненное влияние, оказанное «Маркс энд Спенсер» на создание британской национальной системы здравоохранения, следует расценивать в сходных категориях: не случайно Найджел Лосон (Nigel Lawson), министр финансов в правительстве Маргарет Тэтчер с 1983 по 1989 г., называл британскую службу здравоохранения «национальной религией»⁵⁷. Как нетрудно убедиться, дело Майкла Маркса и Флоры Соломон живет и побеждает⁵⁸.

---

¹ Сарнов Б. Наш советский новояз: Маленькая энциклопедия реального социализма. М., 2002. С. 154.

² В стихотворении, красноречиво озаглавленном «Я бродил в супермаркетах вместо дворцов»: «И скопления мяса кровавых кусков / Реквизитом казались мне рая» (Лимонов Э. Мой отрицательный герой. М., 1995. С. 101).

³ О специфических трудностях, возникающих в сфере торговли при плановой экономике, см., например: Штемлер И. Универмаг. М., 1984. С. 98, 195–196, 226. Прочитируем лишь одну фразу из этого примечательного романа, который может служить блестящим наглядным пособием по бизнесу в условиях редуцированных рыночных механизмов — тем более ценным, что оно появилось еще во времена советской цензуры: «план узаконивает плохое качество продукции» (с. 244).

⁴ См.: Winder R. *Bloody Foreigners: The Story of Immigration to Britain*. London, 2005. P. 226; Bevan Judi. *The Rise and Fall of Marks & Spenser*. London, 2001. P. 10. Согласно некоторым утверждениям, Майкл родился в Белостоке (Bialystok), а отец его торговал лесом; см.: Rees Goronwy. *St Michael: A History of Marks & Spenser*. London, 1973. P. 2. Имеется также информация о том, будто отец Майкла был совладельцем мельницы, см.: Bookbinder Paul. *Simon Marks: Retail Revolutionary*. London, 1993. P. 19.

⁵ См.: Briggs A. *Marks and Spencer, 1884—1984: A Centenary History*. London, 1984. P. 17.

⁶ См.: Bookbinder P. Simon Marks. P. 13.

⁷ По другой версии, Майкл высадился не в Лондоне, а в Хартлпуле (Hartlepool), и занялся торговлей вразнос по совету своего квартирохозяина, такого же выходца из России (см.: Briggs A. Marks & Spencer. P. 17; Bookbinder. Simon Marks. P. 13). Достоверных сведений о раннем периоде жизни Майкла почти не сохранилось. Даже год его рождения точно не известен. В выданном Майклу в 1897 г. свидетельстве о натурализации указан 1859 г.; в его свидетельстве о браке с Ханной Коэн (Hannah Cohen), заключенном 19 ноября 1886 г., подразумевается 1864 г. (жениху «двадцать два года»); а сын Майкла и Ханны, Саймон (Simon), утверждал, что отец родился в 1863 г. (см.: Bookbinder P. Simon Marks. P. 19).

⁸ См.: Briggs A. Marks & Spencer. P. 17.

⁹ См.: Rees G. St Michael. P. 6.

¹⁰ Sieff I. Memoirs. London, 1970. P. 54.

¹¹ См.: Sieff I. Memoirs. P. 55–56.

¹² См.: Sieff I. Op. cit. P. 56.

¹³ Цит. по: Briggs A. Marks & Spencer. P. 20.

¹⁴ См.: Sieff M. Don't Ask the Price: The Memoirs of the President of Marks & Spencer. London, 1987.

¹⁵ Отныне Майкл открывал торговые точки только в крытых павильонах. Согласно семейной легенде, на это решение повлияла смерть одной из продавщиц Майкла, которая простудилась, работая на рынке под открытым небом в Беркенхед, и умерла от воспаления легких (см.: Bookbinder P. Simon Marks. P. 24).

¹⁶ Bookbinder P. Simon Marks. P. 26.

¹⁷ Sieff I. Memoirs. P. 57; см. также: Rees. St Michael. P. 29. В Соединенных Штатах подобную же политику проводила основанная в 1879 г. сеть магазинов Woolworth's, но Майклу Маркусу идея фиксированных низких цен и находящаяся в открытом доступе товаров пришла в голову совершенно независимо (первый филиал Woolworth's в Великобритании был открыт только в 1909 г.; см.: Rees G. St Michael. P. 14).

¹⁸ См.: Bookbinder P. Simon Marks. P. 24.

¹⁹ См.: Bookbinder P. Op. cit. P. 10, 29; Sieff I. Memoirs. P. 59.

²⁰ Агнес Спенсер, вторая жена Тома, бывшая деревенская учительница, обучала Майкла английскому. Именно под ее руководством Майкл, еще недавно ставивший крест вместо подписи — в том числе и на свидетельстве о рождении дочери Мириам (1892), — выписал свой первый чек (см.: Bookbinder P. Simon Marks. P. 24, 25).

²¹ В 1906 г. акционером «Маркс энд Спенсер» стал брат Майкла Эфраим, а в 1907 г. свои первые сто акций получил и сын Майкла Саймон.

²² См.: Briggs A. Marks & Spencer. P. 23.

²³ Briggs A. Op. cit. P. 27.

²⁴ Bevan J. Rise and Fall. P. 241.

²⁵ Статистические данные приводятся по: Rees G. St Michael. P. 85, 153, 157.

²⁶ По контрасту с построенной на сходных с «Маркс энд Спенсер» основаниях американской фирмой Woolworth's, которая насчитывала 596 филиалов уже в 1911 г., Саймон Маркс и Израиль Зифф были убеждены, что эффективного управления можно добиться лишь в том случае, если число магазинов в сети не превышает 250. Поэтому было принято решение увеличить не столько количество принадлежащих «Маркс энд Спенсер» магазинов, сколько объем торговых площадей. В марте 1939 г. такой объем составил 2 206 600 кв. футов, а в 1972–1973 финансовом году (когда во главе компании встал внук Майкла Маркус Зифф) — увеличился до 5 059 000 кв. футов (притом, что число филиалов за тот же период

возросло лишь на 14; см.: Rees G. St Michael. P. XIII, 96; Briggs A. Marks & Spencer. P. 117).

²⁷ От «пятишиллингового ограничения» все-таки пришлось отказаться из-за дефицита и инфляции в период Второй мировой войны. Возвращение к политике фиксированных цен после войны оказалось уже невозможным (см.: Rees G. St Michael. P. 157).

²⁸ Организовать прямые поставки, кстати, было не так-то просто. Еще в 1920-е гг. британская Ассоциация оптовиков-текстильщиков (Wholesale Textile Association) целенаправленно препятствовала возникновению деловых отношений между производителями и предприятиями розничной торговли (см.: Rees G. St Michael. P. 127).

²⁹ См.: Sieff I. Memoirs. P. 141, 144, 155–157; Briggs A. Marks & Spencer. P. 9.

³⁰ По аналогии с товарным знаком St Margaret трикотажной фирмы Messrs Corah of Leicester — поставщиков «Маркс энд Спенсер» с 1926 г. Под «св. Майклом», впрочем, отчасти подразумевался покровитель еврейского народа архангел Михаил (см.: Rees G. St Michael. P. 127).

³¹ См.: Bookbinder P. Simon Marks. P. 44–45; Briggs A. Marks & Spencer. P. 21.

³² См.: Sieff I. Memoirs. P. 143; Briggs A. Marks & Spencer. P. 22. По воспоминаниям Маркуса Зиффа, 90-летняя г-жа Стокер (Stoker), работавшая в одной из лавок Майкла с 13-летнего возраста (1907), сказала Маркусу, когда он приехал в Лидс в 1984 г. открывать многоквартирный дом для престарелых, выстроенный на деньги фирмы к столетию со дня ее основания: «...даже в те дни у нас был закуток за прилавком, где мы могли выпить чего-нибудь горячего и съесть сэндвич. У продавцов в других лавках ничего подобного не было» (Sieff M. On Management: The Marks and Spencer Way. London, 1990. P. 57).

³³ См.: Sieff I. Memoirs. P. 157.

³⁴ Briggs A. Marks & Spencer. P. 26.

³⁵ Г-жа Дейвис (Mrs S. Davies) — младшая сестра одной из продавщиц, работавших на Майкла в Беркенхеде на рубеже веков, вспоминала, однако, что игрушки в корзине, присланной им в ее семью в качестве рождественского подарка, были либо из числа тех, что Майклу не удалось продать, либо вообще сломаны (см.: Briggs A. Marks & Spencer. P. 103).

³⁶ Sieff I. Memoirs. P. 157. Некоторые комментаторы называли такую политику «смесью филантропии и прагматизма» (Bevan J. Rise and Fall. P. 34).

³⁷ Briggs A. Marks & Spencer. P. 106.

³⁸ См.: Найтли Ф. Ким Филби — супершпион КГБ. М., 1992. С. 258–260.

³⁹ Baku to Baker Street: The Memoirs of Flora Solomon, by Herself and Barnett Litvinoff. London, 1984. P. 157.

⁴⁰ Маня Харари отзывалась о своей старшей сестре так: «Под чопорным обликом немецкой Fräulein скрывался энергичный ум и железная воля» (Harari Manya. Memoirs, 1906–1969. London, 1972. P. 16).

⁴¹ В результате несчастного случая Харолд Солонмон оказался парализован, что не помешало ему незадолго до смерти выставить свою кандидатуру на парламентских выборах от партии консерваторов (округ North Tottenham). Некролог Харолда см.: The Times. 1930.6.8.

⁴² Содержание было настолько щедрым, что в конце 1920-х гг. Флора даже открыла книжное издательство The Blackamore Press, приносившее одни убытки. О профиле и приоритетах издательства можно судить по некоторым выпущенным в нем книгам, например: A. S. Pushkin. The Queen of Spades / Transl. by J. E. Pouterman and C. Bruerton, engravings in colour by A. Alexieiff, preface by Prince D. Sviatopolk-Mirsky. London, 1928; Milton John. A Brief History of Moscovia, with an introduction by Prince D. S. Mirsky / illus. by A. Brodovitch. London, 1929; André Gide. Montaigne: An Essay in Two Parts / Transl. by Stephen H. Guest and

Trevor E. Blewitt. London, 1929; Charles Baudelaire, *Intimate Journals* / Transl. by Ch. Isherwood, introduction by T. S. Eliot. London, 1930.

⁴³ Solomon H. Baku to Baker Street. P. 151.

⁴⁴ Marks & Sparks & Spies: *The Sunday Times*. 1984.17.6.

⁴⁵ См.: Rees G. *St Michael*. P. 114–115.

⁴⁶ См.: Rees G. *Op. cit.* P. 116, 153.

⁴⁷ См.: Briggs A. *Marks & Spencer*. P. 87.

⁴⁸ Попутно сообщим, что Саймон Маркс был возведен в рыцарское достоинство уже в 1944 г., а в 1962 г. получил звание пэра. Израиль Зифф стал пэром в 1966 г.

⁴⁹ См. неподписанный некролог Соломон: *The Times*. 1984.25.8.

⁵⁰ Marks & Sparks & Spies.

⁵¹ Briggs A. *Marks & Spencer*. P. 102.

⁵² Briggs A. *Op. cit.* P. 108.

⁵³ Sieff I. *Memoirs*. P. 155.

⁵⁴ Саймон Маркс утверждал, что он изучал социальную философию по Майклу Марксу, а не по Карлу Марксу (см.: Rees G. *St Michael*. P. 15).

⁵⁵ Hopkins H. *The New Look: A Social History of the Forties and Fifties*. London, 1964. P. 314–315.

⁵⁶ Данная параллель представляется справедливой и по отношению к обществу социалистическому. Ср. уподобление московского гастронома «Центральный» церкви в романе А. Куркова «География одиночного выстрела» (Харьков, 2003. С. 228–229; действие в этом эпизоде происходит в первой половине 1930-х гг.).

⁵⁷ http://en.wikipedia.org/wiki/National_Health_Service

⁵⁸ О недавней истории «Маркс энд Спенсер», включая жестокий кризис конца 1990-х — начала 2000-х гг., см.: Bevan J. *Rise and Fall*. P. 140–244. Фирма в каком-то смысле стала жертвой собственного успеха, поскольку ее установка на «постоянное и планомерное улучшение стандартов» (Rees G. *St Michael*. P. 156) привела к повышению себестоимости товара, а также к снижению товарооборота — отчасти в силу того, что товары «Маркс энд Спенсер» не изнашивались так быстро, как аналогичные товары конкурентов, а следовательно, не нуждались в регулярном восполнении. Некоторую роль сыграло и то обстоятельство, что с 1984 г., когда Маркус Зифф удалился от дел, управление фирмой постепенно уходило из-под непосредственного контроля семьи основателей. Сын Маркуса Дейвид, последний из членов семьи в составе совета директоров «Маркс энд Спенсер», покинул свой пост в 2001 г. Об успешном преодолении кризиса фирмы с назначением в 2004 г. главного управляющего Стюарта Роуза (Stuart Rose) см.: M&S lifts estate spending as recovery continues: *The Financial Times*. 2006.7.11.

ВОСХОЖДЕНИЕ И ЗАКАТ «ДЕР ФРАЙНД» — ПЕРВОЙ В РОССИИ ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ НА ИДИШЕ (1903—1914)

«Мы очень далеки от того, чтобы излишне преувеличивать важность нашего предприятия, однако полагаем, что день, когда выходит в первый раз ежедневная жаргонная газета в России, останется в истории жаргона и его литературы»¹, — в этих словах из передовой, программной статьи первого номера газеты «Дер фрайнд» («Друг»), вышедшего из печати в Петербурге в начале января 1903 г., еще звучали нотки сомнения и стеснения. Пафос первопроходцев еще сочетался с неуверенностью в перспективах начатого дела и склонностью многословно обосновывать саму необходимость газеты на «жаргоне». Но десять лет спустя, когда «Дер фрайнд» выходил уже в Варшаве и был там одним из трех остро конкурировавших между собой крупных ежедневных изданий на идише, юбилей этой газеты отмечался как значительное событие, в течение всего 1912 г. выпускалось специальное еженедельное «Юбилеумс-байлаге» («Юбилейное приложение»), а в приуроченных к дате мемуарных статьях отцы-основатели писали об историческом значении своего начинания без всяких оговорок и, разумеется, без термина «жаргон», воспринимавшегося теперь как уничижительный².

Воспоминания об этой газете публиковались ее сотрудниками и много позже, в 1920—1930-е гг., когда она давно уже не выходила в свет. Неоднократно выступал с мемуарными текстами и ее первый редактор, видный еврейский историк и литератор Саул Моисеевич Гинзбург, явно считавший основание ежедневной газеты на идише одним из важнейших дел своей жизни. «Дер фрайнд» оказался не просто рядовым средством массовой информации, а своеобразным символом эпохи, знаковым явлением, о котором многие (порой и недоброжелатели) считали необходимым высказаться, причем подробно и пафосно.

Один из сотрудников газеты, Хаим-Дов Гурвич (Гуревич), даже опубликовал в 1913 г. аналитический обзор десятилетней истории «Дер фрайнд». При этом Гурвич оговаривался, что хотя «газета, даже самая лучшая... никакой истории не имеет», что «она полностью принадлежит сегодняшнему дню и вместе с этим днем умирает», но тем не менее он пытается «набросать историю

«Дер фрайнд»», потому что «это наша *первая* ежедневная еврейская газета, можно смело сказать, фундамент всей нашей *еврейской прессы* вообще, и потому что она отражает в себе если и не всю еврейскую жизнь в целом, то по крайней мере ее внутренние противоречия, а отчасти трагичность нашей истории последних десяти лет»³.

Эти слова представляются актуальными и столетие спустя. Драматическая история «Дер фрайнд» интересна прежде всего как отражение противоречивых тенденций в русско-еврейской жизни начала XX в., когда закладывались основы и современной еврейской политики, и современной секулярной еврейской культуры.

Предыстория и «прорыв»

Формирование современных культурных институтов — прессы, театра, школы — на идише, а также и самого этого языка длительное время сдерживалось ограничительной политикой российских властей. Ситуация с прессой показательна. Лишь благодаря личным связям в правительственных кругах издателю и общественному деятелю Александру Цедербауму во второй половине XIX в. удалось дважды получить разрешение на выпуск периодических изданий на идише. Цедербаумовские еженедельники «Кол мевассер» (Одесса, 1862–1873) и «Юдишес фолксблат» (СПб., 1881–1890), да недолго продержавшийся варшавский еженедельник «Варшойер юдише цайтунг» (1867–1868), стали редкими исключениями на фоне почти полного запрета в России «жаргонной» периодики. Стремление еврейской интеллигенции преодолеть этот запрет находило свое выражение в издании ежегодных альманахов («Ди юдише фолкс-библиотек», Киев, 1888–1889; «Дер гойз-фрайнд», Варшава, 1888–1896), а также периодических сборников, тем или иным образом маскировавших свой периодический характер («Йонтев-блетлех», Варшава, 1894–1896; «Блетер фун дем тогбух», СПб., 1900–1901, и др.). На рубеже веков появились и заграничные периодические издания, ориентировавшиеся прежде всего на еврейских читателей в России («Дер юд», Краков, 1899–1902; «Юдише фолкс-цайтунг», Краков, 1902–1903; «Ди велт», Вена, 1900–1901, причем редакции первых двух газет фактически находились в России — в Варшаве, но печатались газеты за границей — в Кракове, а затем ввозились в Россию, проходя таможенную проверку). В силу целого ряда причин: цензурных ограничений, редкой периодичности, чрезвычайно длительных сроков между подготовкой номеров и их поступлением к читателям — большинство перечисленных изданий носили не столько общественно-политический, сколько литературный и научно-популярный

характер. Тем не менее они имели успех у публики, а между некоторыми из них даже возникли реальная конкуренция и открытая полемика.

Постепенно формировавшиеся еврейские политические партии стремились обращаться к широким народным массам, предприниматели стремились освоить рынок, которым являлось многомиллионное российское еврейство, в значительной части не знавшее другого языка, кроме идиша. Экономический аспект в борьбе за газету на идише имел не меньшее значение, чем политический. В начале 1903 г. издатель старейшей еврейской (ивритской) газеты «Гамелиц» Леон Рабинович (Иш Иегуди), обеспокоенный появлением конкурентов, называл основание «Дер фрайнд» следствием промышленного кризиса. Он писал: «Промышленный кризис очень вредно отозвался на всех, а на евреях в особенности. Но кто бы мог поверить, что его последствия окажутся пагубными для Израиля еще в том смысле, что он (кризис) вызовет попытку деморализовать дух Израиля жаргонной прессой: когда все предприятия оказались крайне убыточными, набросились на жаргонные издательства в надежде, не окажется ли это прибыльным делом»⁴. Деланно возмущаясь, Рабинович на самом деле явно проговаривал собственные коммерческие планы: ведь это именно он всего двумя годами ранее издавал в Петербурге на «жаргоне» сборники «Блетер фун дем тогбух» («Листки из дневника»), безуспешно обращался к властям с прошениями о преобразовании их в периодическое издание, а уже через год после основания «Дер фрайнд» начал издавать собственную ежедневную газету на идише — «Дер тог» («День»).

Один из основателей «Дер фрайнд» Александр Израилевич (по-еврейски Шабсе, согласно официальным бумагам Сабса) Рапопорт в мемуарной статье также откровенно свидетельствует, что его мотивы издавать газету на идише далеко не в последнюю очередь были коммерческими. Сын хозяина одной из петербургских типографий, сам предприниматель, владелец канцелярского магазина, Рапопорт в течение трех лет являлся партнером в «Гамелице» и явно разочаровался в перспективах этого предприятия. С детства живший в Петербурге и мало знакомый с еврейской жизнью в черте оседлости, он вдруг обнаружил, что «у нас в России всего две ивритские газеты, “Гамелиц” и “Гацефира”, и вместе у них около 10 тысяч абонентов. А евреев живет в России до 5 миллионов, больше половины из которых не понимают по-русски». Рапопорт стал интересоваться у посетителей редакции «Гамелица», «может ли “жаргонная” газета иметь успех, и все в один голос отвечали: да»⁵. В результате Рапопорт вышел из числа соиздателей «Гамелица» и принялся энергично добиваться разрешения на осуществление своей новой затеи.

Если уж перспективность рынка открылась петербуржцу Рапопорту, то для предпринимателей в черте оседлости она была очевидной давно. К началу XX в. запрет издавать периодику на идише становился все более очевидным анахронизмом — и в политическом, и в экономическом отношении. И это начинали понимать даже в правительственных канцеляриях. Главное управление по делам печати было завалено десятками прошений на учреждение газет на идише. Просители убеждали власти в своей благонадежности и в необходимости противостоять «вредным влияниям» проникавших в страну еврейских изданий из-за границы. Разумеется, лоббистские усилия сопровождались установлением «нужных связей» среди чиновников и взятками. Мотив знакомств и взятки постоянно звучит в воспоминаниях обоих основателей «Дер фрайнд» — и прямого, практичного Рапопорта, и деликатного Гинзбурга. Все это также готовило почву для окончательного «прорыва».

В сентябре 1902 г. «свой человек» в Главном управлении по делам печати сообщил Рапопорту, что наступило «правильное время». Вместе со своим компаньоном, Саулом Гинзбургом, едва ли не за одни сутки Рапопорт подготовил прошение и необходимые документы. Встал и вопрос — как назвать газету? «Длинное имя не подходит, “острое” может испортить все дело... Я предложил “Дер фрайнд”, и так оно и осталось», — вспоминал Рапопорт⁶.

Уже 24 октября разрешение на издание в Петербурге ежедневной газеты «Дер фрайнд» было выдано.

Этот «прорыв» произвел настолько сильное впечатление на современников, что за ним увидели какой-то далеко идущий замысел всевластного министра внутренних дел В. фон Плеве. «Причина, по которой Плеве так заинтересовался “жаргоном”, считалось, была в том, что ему пришла мысль использовать “жаргон” против революции, подобно тому как Зубатов в свое время использовал рабочее движение против революции»⁷, — вспоминал современник. «Плеве, вероятно, считал, что разрешенную им еврейскую газету он сможет использовать как орган для агитации за массовую еврейскую эмиграцию из России»⁸, — полагал Саул Гинзбург.

Трудно сказать, насколько продуманным было решение Плеве разрешить прессу на идише. Но он был явно склонен к новым подходам в «еврейском вопросе». По свидетельству Рапопорта, разрешение практически одновременно было дано на две новые газеты на иврите, и две на идише — «в Петербурге Гинзбургу и Рапопорту, в Варшаве Голубову»⁹. Фактически решение Плеве означало прорыв капиталистических отношений в сферу еврейской прессы в России.

Начать выпуск газеты в Варшаве тогда не удалось из-за противодействия местного генерал-губернатора¹⁰. Благодаря энергичным организационным усилиям Рапопорта и серьезным финансовым вливаниям, несмотря на все трудности, «Дер фрайнд» в Петербурге, где практически отсутствовала необходимая инфраструктура для еврейской издательской деятельности, начал выходить в свет уже с начала января 1903 г.

Газета и еврейское общество: «великое чудо»

Появление ежедневной газеты на идише во многом носило революционный характер. Современник вспоминал: «Бежали взглянуть на эту газету как на великое чудо. Действительно газета, как русские? Со статьями, фельетонами, телеграммами, прежде всего именно — с телеграммами на идише?»¹¹

Значение имела не только возможность широких слоев получать оперативную информацию о событиях в мире, но и вопрос социального статуса. Важным было само чувство, что теперь «и они, простые евреи, имеют газету, пусть не на русском, но ведь новости те же самые, что и там, и таким образом могут они сравняться с людьми. <...> Каждый бросился читать, чтобы и его считали за “образованного человека”»¹². Именно это сделало газету «Дер фрайнд» исключительно популярной и длительное время воспринимавшейся как образец газеты вообще. Мемуаристы вспоминали: «Когда позднее начали издавать новые газеты, то вначале спрашивали — такие же они, как “Дер фрайнд”, или нет»¹³. Или: «Для многих простых людей название газеты надолго стало своего рода общим термином, описывающим понятие “газета” в целом. Нередко слышал я тогда или читал в письмах такие, например, фразы: “Он читает русский фрайнд” или “Он получает ивритский фрайнд” — это означало, что кто-то читает русскую газету или выписывает ивритскую»¹⁴.

Многое в новой газете было не привычным и не обычным для еврейского читателя. Переведенные на идиш сообщения Российского телеграфного агентства, деловая информация на идише — все это было внове и вызывало восторг. Шолом-Алейхем, в письме к Гинзбургу подвергший первый номер «Дер фрайнд» детальному и весьма строгому разбору, в завершение восклицал: «...Не могу не признаться (вопреки моим опасениям, высказанным г-ну Рапопорту), что с телеграммами и торговым отделом редакция справилась на славу. В общем — уррра!»¹⁵

По свидетельству одного из сотрудников, первоначально тираж газеты составлял 15–17 тыс. экземпляров, но постоянно увеличивался и к 1905 г. достиг 50 тыс. экземпляров¹⁶. Если верить Гинзбургу, «уже в первый год тираж “Дер фрайнд” вместе с розничной продажей доходил в иные дни до 90 тысяч экзем-

пляров»¹⁷. Для еврейской прессы в России это были небывалые цифры.

Розничная продажа еврейской газеты тоже была новинкой. До этого все еврейские (на идише и иврите) и русско-еврейские газеты распространялись только по подписке. Рапопорт вспоминал: «Газетных агентств не было, никто и понятия не имел, что означает розничная продажа еврейской газеты. Но нам было хорошо известно, что для человека из массы трудно сразу извлечь из кармана 1 руб. 75 коп. за квартал и даже 60 коп. за месяц... Немало труда и времени пришлось нам потратить, пока удалось организовать агентов, продавцов газет и т. д.»¹⁸ Сразу после получения разрешения на «Дер фрайнд» Рапопорт отправился в поездку по главным «еврейским» городам (Вильна, Варшава, Одесса, Киев и др.), и одной из его задач было основание агентств на местах (в отдельных случаях агенты становились и местными корреспондентами «Дер фрайнд»).

В дни празднования 10-летнего юбилея газеты среди прочего были опубликованы и воспоминания книготорговца, впервые организовавшего розничную продажу «Дер фрайнд» в Белостоке. Эти воспоминания, полные многочисленных курьезных эпизодов (так, одним из первых продавцов газеты стал разносчик уксуса, продававший «Дер фрайнд» в дополнение к своему основному товару), свидетельствуют как об огромном интересе к новой газете, так и о необычности самого факта, что ее можно продавать на улицах¹⁹.

Судя по всему, в «глубинке» из-за противодействия местных чиновников организовать сеть розничной продажи «Дер фрайнд» в первые годы не удалось, и в основном газета там по-прежнему распространялась по подписке (как и в былые времена, в местечках нередко подписывались вскладчину), но в больших городах она широко продавалась. Гурвич вспоминал о положении на 1906 г.: «Интересно, что в то время, когда в самой Варшаве печаталось *две* газеты на идише (“Дер телеграф” и “Дер вег”), “Дер фрайнд” все еще продавался там в количестве несколько тысяч экземпляров ежедневно (где-то до 6000), несмотря на то что газета обычно поступала в Варшаву лишь на третий день»²⁰.

Газета, «рожденная в рубашке»

В еврейских литературных кругах того времени о «Дер фрайнд» говорили, что эта газета «родилась в рубашке». Отчасти такое определение основывалось на «чудесном» появлении газеты в январе 1903 г. и ее фактически монопольном положении на рынке еврейской прессы в России в первые два-три года своего существования. Отчасти такому определению способствовала цензурная ситуация «Дер фрайнд». Благоволивший газете и лич-

но ее редактору петербургский цензор Израиль Ландау, по словам Гинзбурга, «разрешал такое, что не отважился бы разрешить ни один еврейский цензор. Его подход был таким: “Кто-нибудь наверняка донесет, и ко мне придет из министерства запрос, как я это разрешил. Что я тогда на это скажу?” И если он только мог придумать какой-нибудь мотив, чтобы признать дело “кошерным”, то никогда не препятствовал. Только благодаря ему даже во времена Плеве “Дер фрайнд” мог говорить достаточно ясным, независимым голосом»²¹.

Воспоминания Гинзбурга содержат многочисленные эпизоды того, как Ландау защищал газету от поступавших доносов. Более того, доверие Ландау к Гинзбургу было настолько велико, что с какого-то момента он перестал вычитывать корректуры и ставил на них свою печать «задним числом», когда газета была уже отпечатана и разслана. Особенно важной была поддержка Ландау в дни после Кишиневского погрома 1903 г. Гинзбург писал: «Ни одна из провинциальных ивритских газет не могла напечатать о Кишиневском погроме такие материалы и статьи, как “Дер фрайнд”. Более того: мы имели возможность говорить о необходимости организовать еврейскую самооборону»²². Разумеется, смелые публикации способствовали еще большей популярности издания. Пик популярности пришелся на 1905 г., когда революционные события в стране увеличили интерес к прессе в целом²³.

Отцы-основатели и «великая редакция»

«Удачей прессы на идише в России и Польше было то, что первая ежедневная газета на идише оказалась в руках таких издателей, как Шабсе Рапопорт и Саул Гинзбург, и в руках такого редактора, каковым был С. Гинзбург», — писал позднее журналист и редактор Шмуэль Розенфельд, подчеркивая, что оба основателя газеты видели «оправдание ее существования в том, что она будет служить культурным и политическим интересам общества»²⁴. Даже недоброжелатели признавали, что у основания «Дер фрайнд» «были две основные предпосылки: идеализм и коммерция»²⁵.

На начальном этапе существования газеты идеализм этот носил отчетливо сионистский характер. Оба основателя «Дер фрайнд» симпатизировали сионистскому движению, а Рапопорт состоял членом Общества вспомоществования евреям — земледельцам и ремесленникам в Сирии и Палестине (Одесского комитета) со дня его основания. Первым шагом Рапопорта после получения разрешения на «Дер фрайнд» в октябре 1902 г. было отправить приветственную телеграмму от имени первой еже-

дневной газеты на идише в адрес проходившего в те дни съезда Одесского комитета²⁶.

И Рапопорт, и Гинзбург были далеки от круга еврейских литераторов, творивших на идише. Гинзбург в качестве литературного обозревателя «Восхода» интересовался в основном «новоеврейской» (т. е. ивритской) литературой, лишь изредка откликаясь на «жаргонные» издания. Сам он на идише никогда ранее не публиковался и был известен, в первую очередь, как составитель (совместно с П. Марекон) сборника «Еврейские народные песни в России» (СПб., 1901). В этой отдаленности от литературной среды, прежде всего варшавской, было и определенное преимущество основателей «Дер фрайнд» — они стояли вне литературных группировок и конфликтов, а потому смогли привлечь к сотрудничеству в газете все лучшие творческие силы.

Показательны воспоминания Рапопорта о его первой поездке осенью 1902 г., в ходе которой он устанавливал контакты создаваемой газеты с потенциальными сотрудниками. В воспоминаниях этих звучит отчетливый «миссионерский» мотив, их автор предстает как своего рода «апостол капитализма», отправившийся на еще целинную территорию еврейской литературы.

В Варшаве Рапопорт для начала познакомился с представителем старшего поколения еврейских писателей — автором популярных сентиментальных романов на идише Яковом Динезоном: «Тот был так воодушевлен, что будет теперь место для всех литераторов куда писать, что воистину не отходил от меня ни на шаг... “Как же так, — говорил он, — столько талантов пропадает, потому что некуда писать, столь многие из них голодают!” Прежде всего, он посоветовал мне дать аван молодым. “Хоть по четвертному” . Я последовал его совету...»²⁷

Рапопорт действовал напористо и энергично. За 2000 рублей он приобрел варшавский еженедельник «Дер юд» (печатавшийся в Кракове) у редактора и владельца этого издания Иосифа Лурье. В результате «Дер юд» был закрыт, а Лурье переехал в Петербург и стал сотрудником редакции новой ежедневной газеты. Предлагали Рапопорту купить и второй варшавско-краковский еженедельник на идише — «Юдише фолкс-цайтунг». Сделка не состоялась, но редактор этого издания Х.-Д. Гурвич также перешел в «Дер фрайнд». Позже к редакции присоединился и бывший редактор официального сионистского органа на идише, венского еженедельника «Ди вельт», Ш. Розенфельд. Гинзбург со свойственным ему пафосом писал об этом так: «Гамбетта когда-то проектировал создание во Франции “великого министерства”, которое должно было состоять исключительно из бывших премьер-министров. В этом смысле первую редакцию “Дер фрайнд” можно было назвать “великой” редакцией»²⁸.

Как и отцы-основатели, все члены «великой редакции» были близки к сионистскому движению. Вопреки позднейшей мифологии, активно культивировавшейся Бундом, не столько бундовцам, сколько именно группе сионистов была уготована ключевая роль в зарождении массовой прессы на идише и формировании общественно-политической лексики идиша²⁹. В то же время члены редакции (исключение составлял лишь И. Лурье³⁰) не были и активными функционерами сионистской организации. Х.-Д. Гурвич в своем анализе раннего этапа «Дер фрайнд» подчеркнуто разделял сионистское движение и сионистский идеал, вдохновлявший членов редакции. Он писал: «В то время, когда появилась на свет первая газета на идише, в стране господствовала мрачнейшая реакция. Общественные силы населения лежали усыпленные и задавленные, едва ли можно было заметить где-то шевеление, шорох. <...> Только сионистское течение было немного свободнее и шире распространено, объединяя вокруг себя весьма значительную часть еврейского буржуазного общества, а также и известную часть еврейского пролетариата. Сионизм, таким образом, создал для “Дер фрайнд” при самом его основании твердую опору в широкой и, в известном смысле, хорошо организованной части еврейского народа. Сионизм также с самого начала придал первой газете на идише *определенное* направление, твердую программу»³¹.

В первые месяцы газета действительно выходила как откровенно сионистское издание, что находило отражение прежде всего в передовых статьях. Рубрика «еврейских новостей из России» пестрела сообщениями о деятельности различных сионистских организаций на местах. Но уже с марта 1903 г., со времени Кишиневского погрома, намечается отход от узкосионистской направленности. Издание, ориентировавшееся на самые широкие народные массы в России, объективно было вынуждено считаться с интересами своих читателей и писать о том, что касалось их повседневных забот и тревог. В дни первой русской революции «Дер фрайнд» занимает радикально демократические позиции и в дальнейшем остается изданием подчеркнуто внепартийной, общедемократической ориентации. Именно этот отход от сионизма и был подлинной причиной откровенно злорадных откликов из сионистского лагеря на временное закрытие газеты в 1908 г. и упреков в том, что у нее «не было ни политической, ни национальной программы, ни прочных культурных, эстетических требований»³².

Газета, идиш, идишизм

Идейные метания и внепартийность были чужды сионистским функционерам, но именно эта интеллигентская «непослед-

довательность» и дала возможность газете сыграть выдающуюся роль в развитии культуры на идише, стать одной из важнейших площадок для формирования движения идишизма.

При этом сами руководители газеты всегда отрекались от какой-либо причастности к идишистскому движению. «Лурье, Ш. Розенфельд, Х.-Д. Гурвич и я — никто из нас не был идишистом; сама идеология идишизма была нам чужда, но язык миллионов и миллионов простых евреев был близок нам и любим нами. Идиш был для нас не просто средством, но и обладал ценностью сам по себе. У всех нас было серьезное, позитивное отношение к идишу, и мы постоянно глубоко ощущали великую ответственность, лежащую на нас как руководителях единственной в России ежедневной газеты на идише. Мы старались предохранить еврейское слово от вульгарности, от влияния немецкого или русского языков, вообще от анархии. Идиш, оставаясь народным, должен был стать культурным языком, достойным языком»³³, — так формулировал Гинзбург отношение редакции к идишу и идишизму много лет спустя. Подобные декларации звучат и в мемуарах других сотрудников газеты.

Как уже было сказано, в «Дер фрайнд» оказались сосредоточены наиболее опытные редакторские силы, которыми располагала в то время литература на идише. Им предстояло в условиях ежедневной газеты, с ее постоянной спешкой и необходимостью откликаться на события дня, формировать общественно-политическую лексику идиша и даже его орфографию. Отсутствие постоянной периодики на идише и, в особенности, системы школьного образования на этом языке привело к полному разному в орфографии различных публикаций. В изданиях Цедербаума и других маскилов XIX в. «властвовала» орфография, ориентированная на немецкий язык (*daytshmerish*) и весьма далекая от фонетики «разговорно-еврейского языка». Определенный отход от такой орфографии и приближение написания к народной речи наметились лишь в конце XIX в., прежде всего в альманахе «Ди юдише фолкс-библиотек» Шолом-Алейхема и еженедельнике «Дер юд». В значительной степени орфография «Дер фрайнд» продолжала линию газеты «Дер юд», придав ей большую систематичность и последовательность. Самим своим существованием ежедневная газета формировала языковую норму. Орфография «Дер фрайнд» фактически стала нормативной, ее придерживались все издания на идише в России до Первой мировой войны.

Розенфельд вспоминал: «Целые “дискуссии” (“shaylesutshuves”) происходили часто между редактором и лучшими знатоками идиша по поводу какого-нибудь выражения, слова, написания. Такими лучшими знатоками идиша были: Менделе, Равницкий, Шолом-Алейхем, Динезон, Перец. Русско-японская

война, с одной стороны, и освободительное движение, с другой — просто вынудили редакцию создать для сотен понятий новые термины, позже принятые всеми писателями на идише»³⁴.

По всей видимости, ключевой фигурой в этой работе был Иосиф Лурье. Гинзбург вспоминал о нем: «Все беллетристические рукописи, поступавшие в “Дер фрайнд”, проходили через руки Лурье. С безграничным терпением он их прочитывал, просеивал, отбирал подходящее и — заботливо правил, потому что править нужно было почти всех молодых, даже самых талантливых, начинающих авторов, вступивших тогда на литературную стезю. Необходимо было очищать их язык, проходить с ними самые простые, элементарные правила синтаксиса и грамматики вообще, одним словом — учить их писательскому ремеслу, с которым они не были знакомы, хотя и обладали талантом. <...> Даже Я. Динезон довольно часто допускал в своих рассказах немецкие обороты, и его нужно было править. О молодых и говорить не приходится. Тогда... даже в рукописях такого высокоодаренного писателя, как Шолом Аш, приходилось почти каждую вторую строчку исправлять»³⁵.

Лурье выступил и главным идеологом, выразив сформировавшуюся постепенно позицию газеты по отношению к идишу. В 1905 г. он опубликовал серию программных статей, в которых противопоставлял свою позицию и радикальным противникам идиша из ассимиляторского и сионистского лагерей, и той части социалистов и сионистов, для кого идиш являлся «временным средством или средством для достижения определенной цели». Обращаясь прежде всего к интеллигенции, этот пламенный сионист убеждал: «Жаргон должен стать средством национальной жизни, всей еврейской жизни вообще». Идиш, по мнению Лурье, не являлся таким же национальным языком, как иврит, но, в отличие от иврита, только он был способен противостоять ассимиляции и наступлению языков окружающего населения (русского и польского). Более того, только идиш «объединяет евреев всего мира в единый народ с единым языком»³⁶. В дни празднования десятилетия «Дер фрайнд», когда Лурье уже давно не работал в газете, эти статьи были перепечатаны в «Юбилейном приложении» под названием «Идиш и его национальная ценность» с редакционным примечанием, подчеркивающим их актуальность³⁷.

В то же время Гинзбург был верен принципам покойного редактора «Восхода» Адольфа Ландау, когда-то приведшего его в еврейскую журналистику, и предоставлял страницы газеты для выражения самого широкого спектра мнений по общественно-политическим проблемам, в том числе и мнений, расходившихся с позицией редакции. Нередко выступали в «Дер фрайнд» и идеологи активно формировавшегося идишизма. Так, в нескольких номерах за 1904 г. публикуется обширная статья Хаима Жит-

ловского «Еврейский народ и еврейский язык»³⁸, а годом позже нашумевшее письмо Дов-Бера Слуцкого, впервые призвавшее перевести на идиш преподавание в еврейских школах³⁹.

Если информационный и публицистический отделы газеты часто подвергались критике с разных сторон, то ее беллетристический отдел высоко оценивался даже недоброжелателями. Уже в первые годы существования «Дер фрайнд» на его страницах появились рассказы из циклов «Менахем-Мендл» и «Касриловка» Шолом-Алейхема, «Народные предания» Переца, повести «Заветное колечко» Менделе Мойхер-Сфорима и «Местечко» Шолома Аша, многие другие произведения, воспринимаемые сегодня как классические.

Более того, на страницах «Дер фрайнд» стали публиковаться литераторы, чьи имена ранее ассоциировались прежде всего с литературой на иврите (Х.-Н. Бялик, Д. Фришман, А.-З. Рабинович и др.) и русском языке (С. Ан-ский, С. Фруг, М. Рывкин и др.). Газета на идише предоставляла им и широкую аудиторию, и достойные гонорары. Горячие «споры о языке» по-прежнему шли на страницах еврейских изданий и в общественных собраниях, но издательская практика, и в первую очередь популярность ежедневной газеты на идише, активно меняла сложившиеся представления о культурно-языковых приоритетах и ценностях.

Вполне сознательно газета «Дер фрайнд» приносила в литературу на идише художественные и организационные формы русской культуры, ориентируясь на лучшие русские газеты своего времени (одно время о «Дер фрайнд» даже говорили как о «еврейском издании газеты “Речь”»⁴⁰). В 1905 г. в качестве приложения к газете стал выходить — впервые в истории литературы на идише в России — ежемесячный «толстый» литературный журнал «Дос лебен» («Жизнь»; всего вышло 8 книжек). Весной 1906 г. газета также впервые стала публиковать политические карикатуры, а с января по апрель 1908 г. к ней даже выпускалось иллюстрированное сатирическое приложение «Дер безем» («Веник»).

Кризис и дальнейшая судьба газеты

Несмотря на отмену предварительной цензуры в результате революционных событий 1905 г., дальнейшая судьба «родившейся в рубашке» газеты оказалась нелегкой. Номер от 7 (20) декабря 1905 г. по приказу цензурного управления был конфискован за публикацию заявления Совета рабочих депутатов. Редакции удалось выпустить еще лишь один номер — за 14 (27) декабря 1905 г., после чего газета была приостановлена властями. Однако сразу же, как это обычно и происходило в то время, закрытое

издание возобновилось под новым названием и до конца июля 1906 г., пока длился судебный процесс против Саула Гинзбурга, вместо «Дер фрайнд» выходила газета «Дос лебен» («Жизнь»). Редактором ее официально числился Рапопорт, соиздателями, как и прежде, Рапопорт и Гинзбург. Более того, в шапке газеты, рядом с заголовком «Дос лебен», стоял и старый, популярный среди читателей заголовок «Дер фрайнд» вместе с сообщением о том, что новая газета выходит с той же программой и с тем же авторским коллективом, что и прежняя. Правда, через несколько месяцев под давлением властей заголовок «Дер фрайнд» пришлось все-таки снять. В июле 1906 г. дело против Гинзбурга было закрыто судом, и с 1 (14) августа возобновился выпуск газеты под прежним названием.

Привлекался редактор «Дер фрайнд» к суду и в 1907 г. — «по обвинению его в распространении путем печати возбуждающих тревогу ложных слухов о правительственных распоряжениях»⁴¹. После длительного судебного разбирательства Гинзбург вновь был оправдан.

Но главная опасность для газеты лежала не в области политики, а в области экономики. В годы после Первой русской революции «Дер фрайнд» начал сдавать свои позиции, тираж его стал резко падать. С 1 октября 1908 г. редакция была вынуждена приостановить выпуск газеты.

У этого кризиса были и объективные, и субъективные причины. С одной стороны, в эпоху послереволюционной реакции интерес читателей к прессе неминуемо упал. К тому же изданию, выходившему в Петербурге и поступающему к основной массе своих читателей с задержкой в несколько дней, было трудно конкурировать в качестве источника информации с газетами на идише, появившимися в черте оседлости и Царстве Польском, — прежде всего с варшавскими ежедневными газетами «Дер телеграф» (1906), «Дер вег» (1905–1907), «Унзер лебен» (1907–1912), «Идишес тагеблат» (1906–1911), «Хайнт» (с 1908 г.) и другими. Некоторые из них имели к тому же собственных корреспондентов в Петербурге и не уступали «Дер фрайнд» даже в подаче столичных новостей.

Но дело было не только в этом. Социальная поляризация еврейского общества и его политическая дифференциализация резко сузили аудиторию подчеркнута внепартийной газеты, стремившейся занять центристскую, общедемократическую позицию и резко критиковавшей практически все еврейские политические партии. К тому же группа петербургских интеллектуалов, каковой являлась редакция «Дер фрайнд», плохо чувствовала своего читателя и не поспевала за изменениями его на-

строений и запросов. «Еврейская читающая публика — это не то, что о ней думают по русскому либеральному шаблону», — припечатал сионистский «Рассвет» в статье, посвященной закрытию «Дер фрайнд». Несмотря на откровенную недоброжелательность, статья эта точно подметила главную проблему: «Для обывателя это было слишком серьезно и скучно; для требовательного вкуса плоско и банально. Это не удовлетворяло никого. Народился новый тип варшавской прессы. Она лучше знала свою публику и проще делала свое дело. “Фрайнд”... презирал эту прессу, но для борьбы с ней у него не было настоящего оружия»⁴².

О том же писал позднее в своих воспоминаниях симпатизировавший Гинзбургу издатель и общественный деятель А. Ф. Перельман: «...к сожалению, силы и способности организатора и главного редактора “Фрайнда” не соответствовали тем требованиям, которые ежедневная газета ставит перед своими сотрудниками и, в первую очередь, перед своим редактором. <...> ...От редактора ее требуется, чтобы он умел говорить со своей аудиторией на понятном ей языке... И главное — чтобы он сохранил живую связь со своей аудиторией. <...> Для Гинзбурга немислим был путь Кагана (редактора нью-йоркской газеты “Форвертс”. — А. Ф.) в борьбе за тираж своей газеты. Он никогда не согласился бы действовать методами американской желтой прессы. Он был прежде всего русско-еврейский интеллигент с традициями и литературным вкусом лучшей части русской интеллигенции, с ее понятиями о честной и чистой газете. К желтой прессе он чувствовал почти физическое отвращение. <...> Когда же в самой “черте” возникли газеты, обратившиеся к тем читателям, которые нуждались в *ежедневной газете* на еврейском языке, “Фрайнд” должен был очистить им место, и тираж его упал до минимума»⁴³.

Далеко не все в «еврейской общественности», подобно обозревателю «Рассвета», злорадствовали по поводу случившегося. Многие восприняли закрытие «первой в России ежедневной газеты на идише» как значительную потерю для национальной культуры. Даже бундовский публицист, видевший в «Дер фрайнд» идейного противника «еврейской рабочей демократии», в статье, озаглавленной «Плохой признак», выражал беспокойство: «“Дер фрайнд” умер. И хотя он был с головы до ног буржуазно-обывательским, я сожалею, что его больше нет. Ведь что теперь будет читать его обывательская (*balebatishe*), но не уличная, не базарная аудитория? А те, кто вынужден читать “Дер фрайнд” как единственный серьезный ежедневный орган на идише, хотя они и идут много дальше его во всех вопросах политической и общественной жизни? Для кого освободилось теперь

место? <...> На поле нашей ежедневной прессы, которая имеет такое громадное влияние на воспитание народа, остаются только крапива, колючки — да мусор»⁴⁴.

О сложившейся тогда ситуации с горечью писал в частном письме и сам Гинзбург: «Конечно, трудно объективно судить об издании, которое ты сам создал и в которое вложил почти целых шесть лет бесконечного труда, забот и любви. Было время, когда тираж “Фрайнда” не уступал тиражу крупнейших русских газет (и именно в ту пору, когда он *не был* единственной разговорно-еврейской газетой). Но с роспуском 2-ой Госуд. Думы упадок политического интереса в еврейской публике вызвал значительное уменьшение тиража; при этом... ощутимейша стала конкуренция уличных еврейских листков, с порнографией вроде “Togbukh fun a yidish dinstmeydl”⁴⁵, сенсациями и т. п. При бедности нашего массового читателя разница в 2 коп. на № для него велика, и он удовлетворяется уличным листком. Пред “Fraynd” стояла дилемма: либо уподобиться уличным листкам à la “Haynt”, либо сохранить характер серьезной общественно-политической газеты, — а для последнего недостаточен был существовавший тираж. Этим вызвана была приостановка...»⁴⁶

Но, к неудовольствию конкурентов, через два месяца «Дер фрайнд» вновь начал выходить в свет — за подписью редактора-издателя С. Рапопорта.

В уже процитированном письме Гинзбурга звучал плохо скрываемый скепсис: «...мой сотоварищ по изданию, г. Рапопорт, на свой страх возобновил газету, не видя возможности продолжать “Fraynd” в прежнем виде, я остался в стороне и никакого участия в газете не принимаю. От души желаю своему прежнему товарищу разрешить благополучно ту дилемму, о которой я упомянул выше»⁴⁷.

После ухода Гинзбурга ведущую роль в редакции занял журналист Шмуэль Розенфельд.

Возможно, Рапопорт по чисто экономическим соображениям не хотел, говоря современным языком, расставаться с «популярным брендом». Скорее же, дело было в том изрядном запасе идеализма, которым обладал этот не вполне обычный предприниматель⁴⁸. «Поддержать 1-й и лучший орган печати во Израиле — вещь весьма похвальная»⁴⁹, — так оценивал Шолом-Алейхем усилия Рапопорта по спасению газеты в своей переписке с ним. Очевидно, в известной степени эти усилия были связаны именно с публикацией рассказов самого популярного еврейского писателя. В конце 1908 г. и в 1909 г. в газете появляются такие рассказы Шолом-Алейхема, как «Шмуэл Шмелькис и его юбилей», «Тевье едет в Палестину», «Золотопряды» и др. При этом за право первой публикации «Дер фрайнд» остро со-

перничает с петербургским журналом «Еврейский мир» (где рассказы Шолом-Алейхема печатались в переводе на русский язык), а тот факт, что после тяжелой болезни свои первые произведения Шолом-Алейхем отправляет в Петербург, воспринимается издателями варшавских еврейских газет как оскорбление со стороны писателя⁵⁰. Конкуренцию Рапопорту приходилось вести на всех фронтах.

Тот же Шолом-Алейхем в той же переписке настойчиво советовал издателю «перекочевать на Юг», т. е. перевести газету в черту оседлости или в Польшу, ближе к основной массе своих читателей и авторов. Через год после возобновления издания Рапопорт наконец решился на этот шаг. В конце октября 1909 г. газета была вновь приостановлена на два месяца, а с 25 декабря (7 января 1910 г.) «Дер фрайнд» начал выходить уже в Варшаве. В Петербурге был оставлен лишь корреспондентский пункт под руководством публициста Иосифа Яшунского (Бен-Хаима).

В условиях острой конкуренции на варшавском газетном рынке (с 1908 г. там выходила большая ежедневная газета на идише «Хайнт», с конца 1910 г. — «Дер момент», и это не считая множества других, не столь крупных ежедневных и еженедельных изданий), «Дер фрайнд» вынужден был измениться. Увеличились заголовки, усложнилась верстка, появились живые репортажные материалы, стали выпускаться литературные и публицистические приложения. Газета теперь ориентировалась не на массового читателя из низов, а на более требовательную публику. «Образованная рабочая молодежь и еврейская демократическая интеллигенция любили читать “Дер фрайнд”. Газета существенно отличалась от обывательской (balebatishe) прессы как по внешнему виду, так и по содержанию», — вспоминал много лет спустя один бывший варшавянин⁵¹.

При этом газета сохранила свою радикальную демократическую позицию, выработанную в годы революции, и ее противостояние с цензурой продолжилось. Осенью 1911 г. в газете появилось сообщение: «Из-за конфискации номера 195 С. Рапопорт до окончания процесса не может фигурировать в качестве редактора. Поэтому обязанности редактора будет исполнять постоянный сотрудник Ш. Розенфельд». В мае 1913 г. процесс был возбужден уже против Розенфельда, и вместо него в качестве редактора газеты стал подписывать другой постоянный сотрудник — известный баснописец и публицист Хаим Чемеринский (Реб Мордхеле). А в конце того же года «Дер фрайнд» вообще был закрыт. С 22 ноября (5 декабря) 1913 г. вместо него вновь стала выходить газета «Дос лебен». Но она не просуществовала и года⁵².

После начала Первой мировой войны, в конце августа 1914 г., власти окончательно закрыли издание, появление которого явилось в свое время первой ласточкой бурного роста ев-

рейской периодической печати в Российской империи в начале XX в. Удушение «Дер фрайнд» стало предвестием и дальнейшей судьбы этой печати. В 1915 г. выход в свет изданий на идише и иврите на территории страны был полностью запрещен⁵³. Вся разветвленная и многообразная система еврейского книгоиздания и прессы, сформировавшаяся в России к началу войны, была разрушена. В прежнем виде восстановиться после этого разгрома ей было уже не суждено.

---

¹ Undzer tsil // Der fraynd. 1903. 5 yan. (№ 1b).

² Первоначально в подзаголовке «Дер фрайнд» значилось: «Первая ежедневная жаргонная газета в России». Лишь в декабре 1903 г. у издания появился новый подзаголовок: «Первая ежедневная газета на идише в России».

³ Hurvits H. D. Undzer ershte teglekhe tsaytung // Der pinkes. Vilne, [1913]. Shp. 243–244.

⁴ Na-melits. 1903. № 8. Цит. по: Z. [Цинберг И.]. Обзор еврейской печати // Восход. 1903. № 5. Стб. 20–21.

⁵ Rapoport Sh. Vi azoy «Der fraynd» iz antshtanen // Der fraynd. 1912. 16 merts (№ 65). Yubileums-baylage. Z. 2–3.

⁶ Ibid. Z. 5.

⁷ Druk D. Tsu der geshikhte fun der yudisher prese. Varshe, 1920. Z. 15.

⁸ Ginzburg Sh. Amolike Peterburg. Nyu-York, 1944. Z. 187.

⁹ Rapoport Sh. Op. cit. Z. 5.

¹⁰ По воспоминаниям осведомленного в «газетных делах» журналиста До-вида Друка, освободившуюся концессию Голубова получил в результате издатель «Гамелица» Леон Рабинович, еще недавно столь яростно критиковавший «жаргонную» прессу (см.: Druk D. Op. cit. Z. 24). И тот действительно с января 1904 г. начал издавать свою ежедневную газету на идише — «Дер тог». Исторический курьез — две ежедневные газеты на идише в Петербурге — продолжался лишь полгода. «Дер тог» Рабиновича не выдержал конкуренции и закрылся в конце июня того же 1904 г. Попытки Шолом-Алейхема, посетившего имперскую столицу осенью 1904 г., получить разрешение на перевод этой газеты в один из городов «черты» не увенчались успехом (см. об этом в переписке Шолом-Алейхема: Dos Sholem-Aleykhem-bukh. Nyu-York, 1958. Z. 204). Уже в новой политической обстановке, летом 1905 г., Леон Рабинович попытался возродить «Дер тог» в Вильне. В подзаголовке возобновленного издания значилось: «Первая ежедневная газета на идише в еврейской черте в России». Однако фактически вместо полноценной газеты выходил лишь скромный информационный бюллетень, да и он продержался недолго.

¹¹ Druk D. Op. cit. Z. 25.

¹² Ibid. Z. 26.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ginzburg Sh. Amolike Peterburg. Z. 218.

¹⁵ Письмо Шолом-Алейхема к С. М. Гинзбургу, 11 янв. 1903 г. Рукописный отдел Национальной библиотеки Израиля, ARC 4° 1281/A (фонд Саула Гинзбурга), 11/6.

¹⁶ См.: Hurvits H. D. Op. cit. Shp. 246.

¹⁷ Ginzburg Sh. Amolike Peterburg. Z. 216.

¹⁸ Rapoport Sh. Op. cit. Z. 5.

¹⁹ См.: Inditski Y. Y. Der ershter eyntsel-farkoyf fun «Fraynd» in Byalistok // Der fraynd. 1912. 2 merts (№ 53). Yubileums-baylage. Z. 7–8.

²⁰ Hurvits H. D. Op. cit. Shp. 246.

²¹ Ginzburg Sh. Amolike Peterburg. Z. 225.

²² Ibid. Z. 226.

²³ Обстоятельства учреждения «Дер фрайнд» и цензурная судьба газеты на основе документов Главного управления по делам печати рассмотрены в монографии: Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России. 1797–1917. СПб.; Иерусалим, 1999. С. 452–454. Однако содержащееся в этой работе утверждение, что в 1909 г. издание газеты было перенесено в Варшаву потому, что цензура там была более либеральной, неточно. Причины для перемены места издания «Дер фрайнд» были прежде всего экономическими.

²⁴ Rozenfeld Sh. «Der fraynd» un zayn redaktor // Tsukunft. Nyu-York, 1936. May. Z. 342.

²⁵ Мечтатель [Яффе Л.]. Конец «Фрайнда» // Рассвет. 1908. № 41. Стб. 5–8.

²⁶ См. об этом: Rapoport Sh. Op. cit. Z. 5.

²⁷ Ibid. Z. 6.

²⁸ Ginzburg Sh. Der onhoys fun «Fraynd» // Der fraynd. 1912. 13 yan. (№ 12). Yubileums-baylage. Z. 3.

²⁹ О роли Бунда в становлении прессы на идише и культуры на идише в целом см.: Fishman D. The Bund's Contribution // Fishman D. The Rise of Modern Yiddish Culture. Pittsburgh, 2005. P. 48–61. Другие разделы этой монографии представляют более широкий исторический контекст формирования культуры на идише в начале XX в.

³⁰ Фигура Иосифа Лурье во многих отношениях примечательна. Последовательный и активный сионист, входивший одно время в Центральный комитет Сионистской организации России, он тем не менее по многим вопросам еврейских общественно-политических дискуссий начала XX в. (отношение к культурной работе в диаспоре, спор о языках) занимал позиции, весьма отличные от большинства своих однопартийцев. Весной 1906 г. Лурье покинул «Дер фрайнд», чтобы возглавить в Вильне новое сионистское издание на идише «Дос юдише фолк» («Еврейский народ»). Этот еженедельник, под руководством Лурье чуждый узкопартийной ограниченности и привлечший лучшие литературные силы, подвергся резкой критике на Четвертом съезде российских сионистов в Гааге (1907). Отказавшись изменить программу издания, Лурье вынужден был уйти с должности редактора и вскоре переселился в Палестину, где у него также возникали столкновения с радикальными ревнителями иврита (см. об этом, например: Гинзбург С. М. Яффские просветители // Еврейское обозрение. 1910. № 12. Стб. 8–11).

³¹ Hurvits H. D. Op. cit. Shp. 249.

³² Мечтатель [Яффе Л.]. Указ. соч.

³³ Ginzburg Sh. D'r Yoysel Luria // Literarische bleter. Varshe, 1939. № 12 (13 april). Z. 176–177.

³⁴ Rozenfeld Sh. «Der fraynd» un zayn redaktor. Z. 345.

³⁵ Ginzburg Sh. D'r Yoysel Luria. Z. 176–177.

³⁶ Luria Y. Selbst-bashtimung // Dos leben [Der fraynd]. 1905. 20–23 dets., 27 dets.

³⁷ Luria Y. Yidish — un ir natsionaler vert // Der fraynd. 1912. 14 dets. (Yubileums-baylage. № 48); 21 dets. (Yubileums-baylage. № 49).

³⁸ См.: Gaydarov G. [Zhitlovski Kh.]. Dos yidische folk un di yidische shprakh // Der fraynd. 1904. 3–5 oygust.

³⁹ См.: Ber D. [Slutski D.-B.]. Yidish! // Der fraynd. 1905. 6 febr.

⁴⁰ Druk D. Op. cit. Z. 39.

- ⁴¹ Судебная хроника // Рассвет. 1908. № 38 (3 окт.). Стб. 29.
- ⁴² Мечтатель [Яффе Л.]. Указ. соч.
- ⁴³ Перельман А. Ф. Воспоминания. СПб., 2009. С. 124, 127–128.
- ⁴⁴ Brokhes B. [Vladek B.; Tsharni B.-N.]. A shlekhter simen // Der tog. Vilne. 1908. № 5 (9 окт.). Z. 3–4.
- ⁴⁵ «A togbukh fun a yidish dinstmeydl» («Дневник еврейской служанки») — анонимное сочинение, из номера в номер печатавшееся в варшавской газете «Хайнт» во втором полугодии 1908 г. Публикация подобных «чрезвычайно интересных романов» была испытанным приемом этой газеты в борьбе за массового читателя.
- ⁴⁶ Письмо С. М. Гинзбурга к А. И. Паперна, декабрь 1908 г. Рукописный отдел Национальной библиотеки Израиля, ARC 4° 1281/A (фонд Саула Гинзбурга), 1/3. Слова, в оригинале письма написанные еврейскими буквами, здесь приводятся в латинской транслитерации.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Не случайно в некрологе, опубликованном после смерти Рапопорта в нью-йоркской газете «Дер тог», он был назван «идеалистическим издателем» (см.: Rozenfeld Sh. Der toyt fun a idealistishn aroysgeber // Der tog. Nyu-York, 1928. 13 may).
- ⁴⁹ Шолом-Алейхем. Собр. соч. М., 1974. Т. 6. С. 700.
- ⁵⁰ См. об этом: Там же. С. 698–706.
- ⁵¹ Tamarkin Kh. Varshever yorn // Sovetish heymland. 1976. № 6. Z. 137.
- ⁵² Материалы из редакционного архива газеты «Дер фрайнд» хранятся в настоящее время в фонде Гинзбурга в рукописном отделе Национальной библиотеки Израиля. Об этом собрании см.: Orbach A. The Saul Ginsburg Archival Collection: A Major Source for the Study of Russian Jewish Life and Letters // Soviet Jewish Affairs. London, 1981. Vol. 11. No. 2. P. 39–51; Кельнер В. Е. Архив как зеркало души: Фонд Саула Гинзбурга в Рукописном отделе Библиотеки Еврейского университета в Иерусалиме // Берега. СПб., 2006. № 6. С. 28–31. См. также появившиеся в последнее время первые публикации документов из этого собрания: Abramovitsh Sh.-Y. [Mendele Moykher-Sforim]. Dray briv tsu Shoel Ginzburgn // Der payet fraynd. Peterburg, 2004. № 1. Z. 17–19; Шолом-Алейхем вспоминает // Архив еврейской истории. М., 2004. Т. 1. С. 7–12.
- ⁵³ Подробный анализ политики российских властей по отношению к еврейской печати в годы Первой мировой войны см.: Эльяшевич Д. А. Указ. соч. С. 481–522.

ЗА НЕМЦЕВ ИЛИ ЗА РУССКИХ? НЬЮ-ЙОРКСКИЙ «ФОРВЕРТС» В ПЕРВУЮ МИРОВУЮ ВОЙНУ

С самого начала войны, которую позже назовут Первой мировой, российские власти подозревали евреев империи в прогерманских настроениях и шпионаже в пользу противника, что послужило поводом для беспрецедентного по своему масштабу массового выселения мирного населения из прифронтовой полосы, часто сопровождавшегося грабежами и насилиями¹. Германия и немецкая культура действительно играли важную роль в мировоззрении многих образованных восточноевропейских евреев, считавших идиш испорченным жаргоном немецкого языка, а образ жизни немецких евреев образцом для подражания. Не случайно на людей, отказавшихся от традиционного восточноевропейского («местечкового») уклада жизни и стремившихся к модернизации по мендельсоновским лекалам, евреи сами часто вешали ярлык «дайч» (немец) или «берлинер» (берлинец). Но к концу XIX в. «немцы» и «берлинцы» уже вытеснялись более активной когортой молодых евреев, включая радикалов из «хедера Чернышевского»², для которых русский был основным языком культуры. Евреи этого поколения втягивались в круг идеалов русской интеллигенции и воспринимали западноевропейские идеи через русские переводы³. С. М. Дубнов, один из самых ярких выпускников «хедера Чернышевского», считал, что... «[п]оражение Германии, этого паука милитаризма, опутавшего своей паутиной всю Европу, принесет избавление миру. Совокупная победа России, Франции и Англии не грозит усилением внутренней реакции в России — напротив, атмосфера может очиститься в стране политической инквизиции...

Таково было общее настроение в первые дни войны. Я только не разделял безусловного патриотизма многих представителей нашего общества, полагавших, что и поработенный народ морально обязан защищать отечество, превращенное для него в чужбину. Я думал, что если рабов гонят в бой наравне с гражданами, то они должны громко заявить, что они сражаются только в надежде на завоевание для себя равенства и свободы»⁴.

«Безусловный» или «условный» патриотический порыв был, несомненно, характерен для многих тысяч евреев, особенно мо-

лодых образованных горожан, влившихся в культурную и политическую жизнь России и, несмотря на различные притеснения, веривших в возможность революционного или эволюционного преобразования империи в эгалитарное государство. Вспоминая о событиях августа 1914 г., Яков Выгодский (1857–1941), врач и уважаемая общественная фигура среди евреев Вильно (его социалистически подретушированный образ знаком читателям романа «Дорога уходит вдаль», написанного его дочерью Александрой Бруштейн), отмечал, что именно наиболее образованная и секуляризированная часть населения предпочла добровольно эвакуироваться из Вильно при приближении немецких войск к городу, проявив тем самым лояльность к России.

«Какое возвышенное чувство патриотизма вызвало у русских евреев неожиданное начало мировой войны! Кто мог этого ожидать после всех болезненных бед, пережитых русскими евреями в последние сорок лет (перед войной)? Кто мог объяснить это «иррациональное» явление? Но это действительно было! Чувство любви к родине охватило по крайней мере большинство евреев России, и их готовность к самопожертвованию показала серьезность этого чувства.

Когда я вспоминаю об этом, оживает в моей памяти прежде всего чудная картина, которую я никогда не забуду.

После начала войны — с начала мобилизации — прошло дней восемь. Резервисты Виленского края, ближайшего к германской границе, были призваны в первую очередь. Сразу же была укомплектована дивизия виленского гарнизона. При этом выяснилось, что все четыре полка дивизии состояли *до 75 % из евреев!* Так еврейская молодежь бросилась в первый огонь войны в Восточной Пруссии.

...Со стороны русских (офицеров и солдат) отношение к евреям резко изменилось: закоренелые антисемиты, от которых прежде сильно доставалось еврейским солдатам, сердечно, по-дружески беседовали с евреями об общем долге защищать, «как братья», русское отечество.

...К сожалению, это продолжалось недолго.

Антисемиты вскоре начали вести свою обычную работу»⁵.

Генералитет упорно рассматривал евреев-солдат как шпионов и людей, лишенных патриотических чувств. «Евреев — героев фронта просто не могло существовать по определению»⁶. «Наказание» мирного еврейского населения сплошь и рядом становилось нормой поведения русской армии.

Российский патриотизм действительно не мог быть особенно широко распространенным состоянием души традиционного обитателя черты еврейской оседлости, жившего фактически в изоляции — юридической, религиозной, культурной, языковой и социально-экономической — от «триединого» (самодержав-

ного, православного и народного) мира России. В цикле монологов Янкла Яновера («Сказки тысячи и одной ночи») Шолом-Алейхем рассказал о трагедии местечка Крушник (Красник) в Польше, оказавшегося в зоне боевых действий⁷. Янклу, как и большинству еврейских жителей, было чуждо сочувствие любой из противоборствующих сторон. Но один из его сыновей, Шмуэл-Мойше, ушел добровольцем в русскую армию, хотя и его отцу, и армейским офицерам остался совершенно непонятным порыв этого молодого человека, которого Янкл охарактеризовал как «хаверман» — дословно «член общества», то есть активист тех необщинных политических, культурных и экономических организаций, которые с конца XIX в. возникали в сотнях населенных пунктов черты еврейской оседлости⁸. О репутации таких местечковых диссидентов говорит и второе значение слова «хаверман»: шалопай, разгильдяй.

И все-таки, даже если большинство интеллигенции и «шалопаяв» действительно проявляли себя патриотами своей страны, они, вопреки утверждению Выгодского, составляли меньшинство еврейского населения Российской империи. О состоянии умов большинства известно мало, источники информации ограничены. Во время войны еврейская печать России потеряла десятки изданий, так как цензура почти полностью запретила публикацию книг и периодики на еврейских языках. К тому же важные еврейские культурные центры, включая Варшаву и Вильно, оккупировали немецкие войска. Оставшаяся еврейская периодика, преимущественно русскоязычная, внимательно контролировалась цензурой и не могла объективно отражать мнение издателей и авторов, не говоря уже о читателях⁹. Интересный материал дает американская еврейская печать, включая ее флагман, газету «Форвертс», которая и будет в центре последующего анализа.

* * *

До апреля 1917 г., когда США вступили в войну на стороне Великобритании, Франции и России, американская еврейская печать не чувствовала на себе цензурного давления, поэтому в условиях жесткой конкуренции массовых газет и журналов ее позиция отражала — и одновременно формировала — общественное мнение. Однако было бы ошибочным полностью отождествлять отношение к воюющим сторонам еврейской иммигрантской следы с настроениями еврейского населения России. Прежде всего, многие еврейские иммигранты приехали в Америку из Галиции, Австро-Венгрии. Эти люди особых симпатий к

России никогда не питали, а после Галицийского похода русской армии, сопровождавшегося насилием над местным населением, относились к России крайне враждебно¹⁰. Что касается русско-еврейских иммигрантов, то в подавляющем большинстве случаев они оказались вытесненными из страны экономическими или политическими силами, поэтому в этой среде сторонники российской короны тоже не могли быть заметной составляющей. Россия была для них страной неравенства, унижений и погромов, что многим становилось особенно ясным в контрасте с новой американской действительностью.

Наиболее широкую читательскую аудиторию имела нью-йоркская ежедневная газета «Форвертс», основанная в апреле 1897 года. «Форвертс» управлялся ассоциацией, в члены правления которой кооптировались преимущественно представители профсоюзов, и печатался на языке еврейских иммигрантов, идиш, как основной форум американских еврейских марксистов, чьими «повивальными бабками» были немецкие социалисты¹¹. О немецком влиянии говорил и выбор названия газеты по образцу органа социал-демократов, *Vorwärts* («Вперед»), выходившего в Берлине с 1891 г. Эйб (Абрам) Каган (1860–1951), около полувека стоявший у руля этого издания, вначале был противником такого названия, так как слово «форвертс» было и осталось довольно чуждым языку идиш¹², но оно тем не менее вошло в германизированный вокабуляр еврейских социалистов вместе с другими неидеоматическими словами, включая идеологему «геносе» (от *Genosse*), «товарищ» (член социалистической партии).

Взгляды Кагана, как и большинства образованных еврейских иммигрантов, базировались на сложной смеси его культурных и идеологических аффилиаций. Родившийся и выросший в традиционной литовско-еврейской семье, он получил русскоязычное образование в Виленском еврейском учительском институте. Как и для многих других студентов, институт был для него одновременно и ускоренным курсом «хедера Чернышевского». Решив, что его связи с социалистическими кругами могли привести к аресту, он в 1882 г. эмигрировал в Америку, где успешно прошел процесс интеграции, став англоязычным литератором и заметной фигурой в социалистических кругах, журналистом и редактором еврейских изданий. Под руководством Кагана «Форвертс» изо дня в день «нес цивилизацию» в массы: учил их жить в соответствии с марксистскими или просто «прогрессивными» канонами современной общественной и личной жизни. Газета даже учила, как вести себя на свидании и по каким параметрам подбирать себе спутника жизни. Такая миссия газеты продолжала традицию воспитания «(классово) сознательного рабочего», чему социалисты отдавали много сил в России.

Всю свою жизнь Каган преклонялся перед лучшими образцами русской литературы и театра, русский был основным языком его общения в быту, но при этом он оставался ярким противником самодержавия и всех тех проявлений российской жизни, которые, по его мнению, создавали пропасть между «варварством» российского тоталитаризма и «цивилизацией» западной демократии. В годы Первой мировой войны, его германофильство было прямым следствием этой биполярной модели мира, в которой Россия ассоциировалась с варварством, а Германия, где социалисты играли заметную роль в политической жизни страны и евреи получили гражданское равноправие, занимала почетное место в западной цивилизации.

7-го августа 1914 г. Каган писал, что «все цивилизованные люди [должны] симпатизировать Германии. Каждая ее победа над Россией вызывает прилив радости». Каган верил, что поражение России могло создать благоприятные условия для уничтожения самодержавия, а поражение Германии было бы чревато разрушением немецкой социал-демократии, так как в этом случае большинство немцев поддержало бы антисоциалистические милитаристские круги. Такая позиция отражала мнение тех социал-демократов Германии, чей голос читатели «Форвертса» слышали в статьях Филиппа Шейдемана (который 9-го ноября 1918 г. прочно займет место в истории Германии, провозгласив республику с балкона рейхстага). Письма Шейдемана из Берлина стали появляться в газете после его визита в 1913 г. в США. Он тогда посетил и редакцию «Форвертса», где Каган пригласил его писать для газеты; как и статьи Карла Каутского и Эдуарда Бернштейна, тоже регулярно печатавшиеся в «Форвертсе», статьи Шейдемана переводились с немецкого на идиш.

В самом начале войны позиция газеты колебалась между поддержкой Германии и ее осуждением, тем более что осуждение германского милитаризма было характерно для большинства американских социалистов. Путаницу вносила и коалиция «варварской» России с «цивизованными» странами — Великобританией, Францией и Бельгией. С одной стороны, сам факт заключения союза с русским самодержавием был в глазах Кагана достаточным основанием для наказания этих государств военным поражением. Но его одновременно пугала возможность усиления германского милитаризма и ослабления западных демократий¹³. Позже, после подавления Пасхального восстания в Ирландии в апреле 1916 г., картина немного упростится, подтвердив, по словам Кагана, тот факт, «что когти британского льва такие же кровавые, как и когти российского медведя»¹⁴. Но еще задолго до ирландских событий Каган и его газета приняли сторону Германии.

Кроме идеологии на позицию газеты оказывала влияние и общая атмосфера, царившая в кругах еврейской иммиграции. Судьба Луиса Миллера, редактора ежедневной нью-йоркской газеты «Вархайт» («Правда»), тоже выходявшей на языке идиш, послужила наглядным уроком для его коллег. Миллер был одним из основателей газеты «Форвертс», но покинул ее в результате острого конфликта с Каганом. В 1914 г. он был единственным из редакторов выходявших на идише нью-йоркских газет, убеждавшим читателей поддерживать Россию и ее союзников, так как поражение Германии ослабило бы зависимость Франции от России и вообще усилило бы демократические силы Европы. По его мнению, антисемитизм пустил глубокие корни в немецком обществе, а в России он был больше присущ верхушке общества, чью демократизацию и либерализацию могла бы ускорить победа над Германией. Эти умопостроения вызвали недовольство среди читателей, значительная часть которых была родом из Галиции. В течение трех месяцев тираж газеты упал на 30 000 экземпляров. Все кончилось тем, что 24-го ноября 1914 г. Миллер был вынужден освободить пост редактора, а к середине следующего года полностью уйти из газеты, основанной им в конце 1905 г.¹⁵

Прорусские голоса все-таки звучали в еврейской печати США. В частности, редакторы-анархисты не могли не прислушаться к Петру Кропоткину, поддерживавшему позицию стран Антанты¹⁶. Неанархистские издания тоже печатали статьи авторов, чье мнение расходилось с редакторской «генеральной линией». В «Форвертсе» прорусскую позицию занял М. Баранов (Моисей Гормидор, 1864–1924). Народник, ставший уже в эмиграции социал-демократом, Баранов в 1895 г. приехал в Америку, где он — выпускник харьковской гимназии и студент Петербургского университета — первое время писал по-русски, но постепенно перешел на идиш. Его фельетоны, печатавшиеся под рубрикой «Фарбайгейндик» (Мимоходом), привлекали интеллектуального читателя. Материально Баранов не зависел от газеты, так как у него была успешная зубоврачебная практика, а жена его работала в банке переводчиком международных телеграм. По пятницам, когда нью-йоркские дантисты традиционно не работали, у Барановых собирался «салон» русскоязычной интеллигенции, куда часто приходили и Каган с женой, что для редактора «Форвертса» было уникальным примером приятельского общения с автором. При этом Каган и Баранов зачастую резко расходились в оценках событий, и статьи Баранова печатались с «подковами» — редакторскими комментариями.

В октябре 1914 г. «Форвертс» напечатал ряд полемических статей Баранова и Кагана. Баранов возмущался:

«Как не стыдно нашим еврейским патриотам быть такими эгоистами? Весь мир можно разрушить, лишь бы Николай был наказан за ки-

шиневский погром; пусть Франция будет растоптана, Англия пусть будет разрушена, Бельгия — превращена в германскую губернию, Сербия, Черногория и Албания — в австрийские провинции, и все это только ради одной цели: отомстить русскому царю».

Каган на это ответил:

«Каждая нация заботится о себе, и только евреи должны заботиться не о евреях, а о других. Все [могут быть] национальными эгоистами, а нам не позволено быть национальными эгоистами; мы должны забыть кишиневскую резню и процесс Бейлиса и заботиться только о других — о Сербии, о Черногории и об Албании»¹⁷.

Тем не менее Баранов не отказался от своего мнения. Для него победа Германии означала прежде всего поражение демократической Европы¹⁸. Он писал, что ему сложно было понять, как это случилось, что он оказался «чуть ли не единственным евреем, который не молил бога, чтобы немцы ворвались в Париж, совершили прыжок в Лондон и вошли парадным маршем в Варшаву»¹⁹.

Цитируемая статья Баранова вышла 22-го апреля 1915 г., а на следующий день газета сообщила о возвращении своего главного редактора из Европы, где он находился с середины февраля. Каган совершил поездку под эгидой германской Службы военной прессы (Kriegspresseamt)²⁰. Он ставил перед собой задачу получения информации из первых рук о состоянии дел в зоне военных действий, а также для установления связей между читателями газеты и их близкими в восточной Европе²¹. Успех поездки был несомненным и имел численное измерение: если в начале 1915 г. ежедневный тираж газеты составлял 176 124 экземпляров, то к началу апреля он достиг 200 267 (тираж печатался на первой странице).

За ходом поездки редактора читатели следили по его телеграммам и статьям. 9-го марта Каган сообщил в телеграмме из Лодзи, полученной в редакции через Берлин и Лонг-Айленд, имена и место жительства еврейских женщин, замученных «жестокими, полудикими казаками»²². Среди погибших была женщина, скончавшаяся после многократных изнасилований на второй день после родов, а также жертвы насилия, покончившие жизнь самоубийством. Спустя два дня Каган прислал новый список жертв «диких, кровожадных царских казаков», рубивших на части женщин и стариков²³. В двух коротких колонках, озаглавленных «Казачи вешают евреев, чтобы скоротать время», Каган сообщил, в частности, читателям, что «если я и раньше был на стороне Германии, то сейчас мое убеждение тысячекратно усилилось»²⁴. В тот же день, 16-го марта, Каган написал большую статью «Не война, а погром»²⁵, в начале которой он писал:

«Я только что вернулся в Берлин из поездки в Лодзь и еще несколько городов Польши, которые сейчас находятся в руках немцев. Поездка была полна событиями. Я оказался в самом центре территории, где еще недавно страшно бушевало русское варварство, но сейчас она дышит свободно под властью немцев. Прежде всего, я изучил в Лодзи отклики о погромах. Затем я посетил некоторые другие города, серьезно пострадавшие от погромов, на которых лежит истинно русская печать. Я говорил со многими семьями, у которых отцы были повешены, а матери и дочери обесчещены солдатами и офицерами. Детали событий страшны и отвратительны. В моей записной книжке целые страницы исписаны именами жертв. Каждое имя представляет собой отдельную страшную историю или сцену, от которой сердце наполняется болью и гневом».

16 мартом датирована еще одна статья «Евреев пороли до смерти, заживо сжигали, расстреливали, закалывали и рубили на части» (опубликована 11-го апреля). В ней Каган, в частности, рассказал о трагических событиях в местечке Ровец Люблинской губернии:

«Когда австрийцы отступили из местечка и русские вновь в него вошли, то они первым делом арестовали 87 евреев. 32 из них потом освободили, а остальных казаки расстреляли или повесили. Затем русский командир приказал сжечь все еврейские дома в местечке, и казаки, само собой разумеется, выполнили этот приказ. Во многих случаях они поджигали дома, в которых еще находились люди. Таким образом, значительная часть населения была заживо сожжена. Казаки не давали спастись тем, кто выбегал из горящих домов. Их или расстреливали прямо у дверей, или вынуждали вернуться в пламя и погибнуть в нем»²⁶.

До конца апреля 1915 г. «Форвертс» печатал статьи Кагана с леденящими душу заголовками, например: «Раввинов вели с завязанными глазами к виселице в Радоме» (13-го апреля), «Евреи привязаны к столбу и похоронены заживо» (14-го апреля), «Женщин заставляли приносить веревку для повешенья их мужей» (17-го апреля). Во всех этих описаниях антиеврейских зверств главную роль мародеров, насильников и убийц играли казаки. «Самым живучим символом еврейских погромов в Российской империи был казак», — писал Джон Клиер, ведущий историк антиеврейского насилия в царской России. Роль казаков была особенно значимой во время «военных» погромов (в отличие от «стихийных» погромов до 1905 г. и «политических» погромов между 1905 и 1914 гг.), когда мобильные казачьи части стали главными исполнителями приказов антисемитского армейского командования, чье «отношение к евреям было таким же — если не хуже, — как к российским подданным немецкого происхождения»²⁷. Интересные воспоминания «С казаками по Буковине и

Галиции» оставил об этом периоде М. Дембовский (1893—1941), еврейский врач в казачьей дивизии. Его боевые друзья обычно выглядят совсем не такими стереотипно дикими и кровожадными, как в журналистских описаниях²⁸.

В описаниях погромов отмечалась особая роль польского населения. По словам шолом-алеихемовского Янкла Яновера, «поляки непосредственно не участвовали в погромах. Боже упаси, зачем мне на них наговаривать? Поляки только указывали, где еврей прятался, то есть они лишь командовали, а казаки уже сами делали свою работу...»²⁹ «Вспомогательная роль» польского населения проходит лейтмотивом через корреспонденции, печатавшиеся в «Форвертсе». Так, например, в статье Кагана «Не война, а погром» первым подзаголовком был «Казаки и поляки в Галиции превращают район военных действий в район погромов». А подзаголовок статьи «Раввинов вели с завязанными глазами к виселице в Радоме» лаконично рассказал историю с довольно счастливым концом: «Сначала их всю ночь пытками заставляли признаться в том, в чем их обвиняли поляки. Но виселица их не испугала, и русский командир в последний момент вынужден был их освободить»³⁰.

«Форвертс», видимо, отражал мнение большинства евреев Америки, опасавшихся появления независимого польского государства. Судьба евреев казалась более спокойной и успешной под эгидой Германии, обещавшей порядок и равенство на оккупированных территориях Восточной Европы. Эта мысль сквозила и в рассказе Кагана, утверждавшего, что в Польше «население довольно [жизнью] и неустанно хвалит войска кайзера. Могу сказать, что впервые в жизни я видел поляков и евреев, занимавшихся повседневными делами без проявления признаков какого-либо напряжения, несмотря на присутствие солдат, а это были немецкие солдаты»³¹.

* * *

Пропагандистская машина Германии уделяла большое внимание формированию общественного мнения в еврейской общине США, около 90 % которой составляли выходцы из Восточной Европы. С октября 1914 г. в Нью-Йорке действовало Германское информбюро, чей ежедневный бюллетень рассылался в редакции более 500 американских газет, выходивших на английском и других языках. В информбюро был и специальный сотрудник, д-р Исаак Штраус, отвечавший за контакты с еврейской прессой. Ему помогал д-р С. М. Меламед, готовивший материалы в переводе на идиш³².

13-го февраля 1915 г. «Форвертс» пересказал интервью, которое Меламед взял у германского посла графа фон Бернсторфа. По утверждению посла, война должна была ускорить демократи-

зацию немецкого общества и способствовать полной очистке его от антисемитизма. Бернсторф упомянул наличие около двухсот евреев-офицеров в германской армии как признак преодоления предрассудков даже в консервативном офицерском корпусе. Он также напомнил о дружеских отношениях кайзера Вильгельма II с еврейским предпринимателем Альбертом Баллиным, чье положение в обществе, по мнению посла, не имело аналогов в еврейских общинах США и Великобритании³³. Читателям «Форвертса» имя Баллина было хорошо известно — его компания Hamburg-Amerikanische Packetenfarhrt Aktiengesellschaft (НАРАГ) располагала крупнейшим торговым флотом Германии, на ее судах тысячи евреев пересекли Атлантический океан.

На оккупированных территориях германская армия зачастую относилась к евреям более благожелательно, чем к славянскому населению. Офицеры и солдаты были приятно удивлены, что германские корни языка идиш упрощали общение с местным населением. Особое отношение к евреям было также частью пропагандистской политики германских властей, пытавшихся привлечь на свою сторону эту в языковом отношении близкую часть населения. В руках немецких (в основном, немецко-еврейских) пропагандистов, евреи Восточной Европы стали пионерами немецкой культуры и торговли в этой части мира, при этом «идиш вдруг стал свидетельством еврейской преданности немецкому языку и культуре, а не примером языковой “монгредизации”»³⁴. Это совсем не означало, что все немецкие солдаты и офицеры стали относиться к евреям как к равным и что евреи не были объектами насмешек и притеснений на территориях, оккупированных германской армией³⁵. Однако еврейская пресса Америки почти не замечала таких «мелочей». Она также почти не заметит насильственное переселение тысяч евреев в Германию, где остро ощущалась нехватка рабочих рук³⁶.

По мнению Кагана, отношение воюющих сторон к евреям показало, с одной стороны, варварство царской России, а с другой стороны — цивилизованность кайзеровской (с социал-демократическим большинством в рейхстаге) Германии. 1 мая 1915 г. он рассказал многотысячной аудитории еврейских социалистов и трейд-юнионистов, собравшихся в Карнеги-Холл по случаю пролетарского праздника:

«Было бы ошибочным предполагать, что русские могут добиться успеха в их кампании и достичь Берлина. Они отстают на тысячу лет, и поэтому ими можно пренебречь. Германия должна опасаться только французов и англичан.

Чтобы проиллюстрировать условия немецкого и русского правления, я упомяну свое посещение города Остров [Ostrowo — по-немецки; Ostrów Wielkopolski — по-польски]. Он находится прямо на границе, не-

мецкий город [перешел к Польше после Первой мировой войны], жители которого говорят по-польски. Это симпатичный современный город со всеми признаками комфорта и цивилизации. Оттуда я пересек границу. Достаточно было мне пройти расстояние примерно в двадцать кварталов, как я оказался в зоне неопишемого убожества, в зоне такой грязи и антисанитарии, где ни вы, ни я не могли бы спать и есть. При этом точно та же человеческая раса живет в комфорте и чистоте совсем недалеко, в Острове. [...]»³⁷

Есть всего одна причина того, почему социалисты Германии поддержали военный конфликт на стороне кайзера, против которого они обычно выступают. Они объясняют это следующим образом: «Если мы сейчас начнем создавать проблемы для нашей страны, то этим самым мы подыграем дикой России». Они не верят, что война вообще бы началась без вмешательства России. По крайней мере, такая война не получила бы поддержки со стороны социалистов. Да и вся ситуация была бы не такой серьезной, если бы Россия достигла уровня цивилизации, сходного с Францией и Германией»³⁸.

Судя по всему, Каган цитировал слова Филиппа Шейдемана. В феврале 1915 г. оба социалиста неоднократно беседовали в Берлине, Шейдеман организовал посещение Каганом одного из лагерей для русских военнопленных и сопровождал его в этой поездке. Вновь Каган отметил культурную миссию немецкой армии: администрации лагеря удалось привить пленным любовь к чистоте»³⁹.

Шейдеман рассказал Кагану, что еще в первые дни войны, в условиях изоляции от основных мировых рынков зерна, социал-демократы предложили централизовать распределение хлеба. Реализовано это было не сразу, только с января 1915 г., вначале только в Берлине, но тем не менее Шейдеман был горд такой рациональной организацией снабжения питанием немецкого населения, так как она отражала социальный контракт общества и государства, готовность к ограничению потребностей взамен на гарантию адекватного и справедливого распределения имевшихся ресурсов⁴⁰. Каган тоже был в восторге от этой программы и не преминул вновь сравнить Германию с Россией: «Если бы Россия оказалась в таком положении, она бы не ввела ни *Kriegsbrot* [«военный хлеб», состоявший из ржи, пшеницы, картофельной муки и других добавок], ни хлебные карточки. Она бы ела обычный хлеб без всякого ограничения, пока не осталась бы совсем без хлеба»⁴¹.

Каган оставался сторонником таких социалистов, как Шейдеман, поддерживавших продолжение войны, и считал ошибочным призыв социалистов-«интернационалистов», осудивших «социал-патриотов» и поддержавших Ленина на Циммервальдской конференции в начале сентября 1915 г., призывавшего к

превращению империалистической войны в войну гражданскую, то есть вместо патриотической поддержки правительств использовать недовольство масс для борьбы с существующим строем. Однако «Форвертс» настаивал на том, что именно продолжение войны и поражение в ней России могло создать условия для долгожданного свержения самодержавия. Позиция газеты несколько изменилась в 1916 г., когда уже казалось, что немецкая армия и администрация прочно закрепились в Польше и Россия больше не представляла серьезной угрозы⁴². При этом Каган по-прежнему поддерживал немецких «социал-патриотов». В начале 1916 г. он в очередной раз защищал свою позицию: во-первых, Германия — «великая страна социализма», она обогнала даже Англию по развитию трейд-юнионизма; во-вторых:

«Если бы Америка оказалась в сходной ситуации, большинство наших социалистов повели себя таким же образом. Они бы тоже боролись до последней минуты, отдали бы всю свою энергию предотвращению участия в войне. Но если бы их усилия оказались тщетными, война бы все-таки началась и над страной нависла бы опасность нападения, социалисты взяли бы в руки оружие и стали бы плечом к плечу с несоциалистами, чтобы защитить родину от врага, как это происходит в Германии, Австрии и Франции»⁴³.

Аналогичную позицию газета заняла в марте 1917 г., когда в американскую прессу просочились сведения о возможности союза Германии с Мексикой и Японией. «Форвертс» заявил о своем патриотизме и призвал американских социалистов защитить свою страну в случае нападения, чем вызвал критику со стороны Льва Троцкого, считавшего, что война США против Германии послужит только интересам военных промышленников. В это же время Троцкий, живший в Нью-Йорке с января по март 1917 г., заявил о своем разрыве с «Форвертсом», где он прежде печатался⁴⁴.

После вступления США в войну над всеми прогерманскими газетами нависла угроза закрытия, так как принятый в 1917 г. Закон о шпионаже давал право правительству запрещать почте принимать неблагонадежные издания. В начале октября 1917 г. Каган должен был предстать перед руководителем почтового ведомства страны (Postmaster General) и объяснить ему позицию своей газеты. Каган не отрицал того, что «Фровертс» был против вступления США в войну, но он подчеркивал, что это совсем не означало поддержку Германии или нелояльность по отношению к своей стране, а лишь отражало приверженность доктрине оборонительных войн. В конце концов, газета была спасена благодаря вмешательству таких влиятельных фигур, как председатель Американской федерации труда Сэмюэл Гомперс и председатель Американского еврейского комитета Луи Маршалл⁴⁵. Тем не менее до конца войны редакция должна была переводить на

английский язык материалы каждого номера, иначе газета не допускалась к почтовой рассылке. Это требовало дополнительных затрат и зачастую нарушало ритм ежедневного издания, но в то же время создавало ореол «мученичества» и тем самым привлекало читателей⁴⁶.

Для Кагана и «Форвертса» Германия будет играть важную роль в период Веймарской республики, 1919–1933 гг. С берлинским бюро газеты, возглавляемым демографом и экономистом Яковом Лещинским, будут связаны такие авторы, как писатели Давид Бергельсон и Давид Эйнгорн, историк Семен Дубнов, лингвист Макс Вайнрайх, лидеры российской социалистической эмиграции Рафаил Абрамович и Семен Португейс. Из Берлина будет поддерживаться связь с корреспондентами, писавшими из советских городов, — Залманом Вендровым (Москва), Довом-Бером Слуцким (Киев) и Лейбом Яхновичем (Одесса). Немало статей этого периода продолжают тему германской «цивизованности», то есть пригодности немцев жить в обществе, стремящемся к социализму. Россия в этом отношении по-прежнему выглядела малообещающим местом. Именно в литературном образе русского человека, способного «погрузиться в мечты и воодушевиться красотой», но беспомощного в реальном деле, Каган (инстинктом социалиста-романтика приветствовавший революцию) усматривал одну из основных причин «Почему ленинский план не удался?» (так называлась одна из его статей)⁴⁷.

Не вызывает сомнения, что в годы Второй мировой войны Каган должен был вновь проанализировать свое отношение к воюющим сторонам в Первой мировой войне. Действительно, в беседе в Давидом Шубом, ветераном социалистического движения и ведущим журналистом «Форвертса», он признал, что в конечном итоге правы оказались те социалисты, которые поддерживали страны Антанты⁴⁸.

---

¹ Lohr Eric. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // The Russian Review. Vol. 60. 2001. July. P. 404.

² Cassedy Steven. To the Other Shore: The Russian Jewish Intellectuals Who Came to America. Princeton, 1997. P. 15.

³ См.: Дубнов С. М. Книга жизни. М., 2004. С. 75.

⁴ Ibidem. С. 365.

⁵ Wygodski Jacob. In shturm: zikhroynes fun di okupatsye-tsaytn. Vilna, 1926. Z. 7–8, 16. Здесь и далее все переводы сделаны автором статьи.

⁶ Петровский-Штерн Йоханан. Евреи в русской армии. 1827–1914. М., 2003. С. 353.

⁷ Sholem Aleichem. Ale verk. Mayses un fantazyes. New York, 1917. Z. 135–232.

⁸ См., например: Estraiikh Gennady. Changing Ideologies of Artisanal «Productivisation» // East European Jewish Affairs. Vol. 39. 2009. № 1. P. 3–18.

⁹ См.: Эльяшевич Д. А. Правительственная политика и еврейская печать в России, 1797–1917. СПб., 1999. С. 483–521.

¹⁰ Shub David. Fun di amolike yorn: bleter zikhroynes. New York, 1970. Z. 422.

¹¹ Michels Tony. A Fire in Their Hearts: Yiddish Socialists in New York. Cambridge; Mass., 2005. P. 43.

¹² Cahan Ab. Bleter fun mayn lebn. 3. New York, 1926. Z. 457.

¹³ Shub D. Fun di amolike yorn. Z. 419–421.

¹⁴ Rappaport Joseph. Jewish Immigrants and World War I: A Study of American Yiddish Press Reactions. PhD dissertation. Columbia University. New York, 1951. P. 90, 91, 117.

¹⁵ Rappaport J. Jewish Immigrants and World War I. P. 99, 100; Madison, Charles A. Jewish Publishing in America. New York, 1976. P. 124, 126; Shub D. Fun di amolike yorn. Z. 422.

¹⁶ Гончарок Моше. Очерки по истории еврейского анархистского движения (идиш-анархизм). Иерусалим, 1998. С. 67.

¹⁷ Цит. по: Shub D. Fun di amolike yorn. Z. 425.

¹⁸ Rogoff Hillel. Der gayst fun «Forverts»: materyaln tsu der geshikhte fun der yidisher prese in Amerike. New York, 1954. Z. 41–46; Shub D. Fun di amolike yorn. Z. 627–630.

¹⁹ Baranov M. Di yehudische gefar // Forverts. 1915. 22 April. Z. 4.

²⁰ Rappaport J. Jewish Immigrants and World War I. P. 108.

²¹ Eyb Kahan in Galitsyen, Poyln un andere milkhome-lender // Forverts. 1915. 17 February. Z. 1.

²² Cahan Ab. Kozakn farpeynikn yidishe froyen tsum toyt // Forverts. 1915. 10 March. P. 1.

²³ Cahan Ab. Nokh nemen fun yidishe karbones in poylishe shtetlekh // Forverts. 1915. 12 March. P. 1.

²⁴ Cahan Ab. Kozakn hengen yidn als a tsayt-fartrayb // Forverts. 1915. 16 March. P. 1.

²⁵ В газете она вышла позже: Cahan Ab. Nit milkhome nor pogrom // Forverts. 1915. 10 April. P. 6.

²⁶ Cahan Ab. Yidn farshmisn tsum toyt, farbrent lebedikerheyt, geshosn, geshtokhn un gehongen // Forverts. 1915. 6 April. Z. 6.

²⁷ Клиер Джон. Казаки и погромы. Чем отличались «военные» погромы? // Мировой кризис 1914–1920 годов и судьба восточноевропейского еврейства / под ред. О. В. Будницкого и др. М., 2005. С. 47–70.

²⁸ Dembovski M. Mit di kozakn iber Bukovine un Galitsyen. Vilkovishki, 1923.

²⁹ Sholem Aleichem. Ale verk. Mayses un fantazyes. Z. 201.

³⁰ Cahan Ab. Rabonim gefirt mit farbundene oygn tsu der tlie in Radom // Forverts. 1915. 13 April. P. 6.

³¹ Finds Poles Happy under German Rule: Abraham Cahan Praises the Kaiser's Forces After a Trip to the War Zone // The New York Times. 1915. 2 May.

³² Rappaport J. Jewish Immigrants and World War I. P. 105–106; Friedman Isaiah. Germany, Turkey, Zionism, 1897–1918. New Brunswick and London, 1998. P. 203–204.

³³ Der daytsher ambasador in Vashington treyst yidn. Er zagt, az dize milkhome makht a sof tsum antisemitismus in Daytshland // Forverts. 1915. 13 February. P. 6; см. также: War Will Benefit Jews in Germany // The New York Times. 1915. 12 February. P. 4.

³⁴ Aschheim Steven E. Brothers and Strangers: The East European Jew in Germann and German Jewish Consciousness. 1800–1923. Madison, 1982. P. 158.

³⁵ См., например: Liulevicius Vejas Gabriel. *War Land on the Eastern Front: Culture, National Identity, and German Occupation in World War I*. Cambridge, 2000. P. 120.

³⁶ Rappaport J. *Jewish Immigrants and World War I*. P. 126.

³⁷ Сравнение чистоты и организованности жизни в немецком городе с отсталостью российских городов характерно для еврейской литературы XIX в. См., например: Krutikov Mikhail. *Berdichev in Russian Jewish Literary Imagination: From Israel Aksenfeld to Friedrich Gorenshtein* // Gennady Estraikh and Mikhail Krutikov (eds.). *The Shtetl: Image and Reality*. Oxford, 2000. P. 92–93.

³⁸ *Finds Poles Happy under German Rule*.

³⁹ *Der redaktor fun Forverts bazukht 13 toyznt fun di Hindenburgs gefangene* // *Forverts*. 1915. 30 March. P. 8.

⁴⁰ Scheidemann Philipp. *Vi es lebt zikh itst in Daytshland* // *Forverts*. 1915. 14 April. P. 5; подробный анализ распределения хлеба в Берлине и других городах Германии в Первую мировую войну дан в статье: Allen Keith. *Sharing Scarcity: Bread Rationing and the First World War in Berlin, 1914–1923* // *Journal of Social History*. Vol. 32 (Winter 1998). P. 371–393.

⁴¹ Cahan Ab. *Der milkhone-gayst in Berlin* // *Forverts*. 1915. 30 April. P. 4.

⁴² Rappaport J. *Jewish Immigrants and World War I*. P. 191–192.

⁴³ *Ibidem*. P. 193

⁴⁴ *Ibidem*. P. 257–258; Shub D. *Fun di amolike yorn*. Z. 475. Идиш не входил в языковой репертуар Троцкого, поэтому его статьи печатались в переводе с русского.

⁴⁵ *Editor Defends Forward: Abraham Cahan Says His Paper Has Been Loyal to America* // *The New York Times*. 1917. 8 October. P. 18; Shub D. *Fun di amolike yorn*. Z. 523.

⁴⁶ Vladeck B., Evensky M., and Miller Elias (eds.). «*Forverts*» *almanakh 1935*. New York, 1935. Z. 319.

⁴⁷ Cahan Ab. *Farvos hot zikh Lenins plan nit ayngegebn?* *Forverts*. 1921. 26 October. P. 4.

⁴⁸ Shub D. *Fun di amolike yorn*. Z. 427.

РОССИЙСКИЕ СИОНИСТЫ 1920-х гг.: КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ

История российского сионизма в 1920-е гг. и его взаимоотношений с большевистскими властями уже не раз в последние годы становилась предметом специального изучения¹, но ни разу она не анализировалась с точки зрения количественных параметров. Между тем подобный подход представляется весьма интересным, тем паче что для его проведения мы располагаем необходимым материалом.

В 1928 г. известный деятель российского сионистского движения и его историограф Лев Ценципер (Арье Рефаэли) начал анкетирование российских сионистов, высланных из СССР в подавляющем большинстве в 1920-х гг. и приехавших в Эрец Исраэль. Анализ этого интереснейшего источника, позволяющему сделать определенные заключения относительно «социологического портрета» активистов российского сионистского движения той поры, посвящена предлагаемая статья.

Все анкеты хранятся в очень богатом личном фонде Рефаэли-Ценципера в Центральном Сионистском архиве в Иерусалиме².

Составленная Л. Ценципером анкета включала 42 вопроса в основной части и 11 — в «Дополнении». Вопросы в основной части сгруппированы следующим образом:

вопросы I—III были стандартными (фамилия, имя, отчество, год и место рождения);

вопросы IV—VII относились к общественно-политической деятельности респондента (в какой сионистской организации и в какие годы состоял; какие занимал посты в руководстве; в каких других еврейских и нееврейских организациях принимал участие и на каких постах);

вопросы VIII—X касались числа обысков и арестов, которым подвергался респондент, причем аресты требовали детализации: точная дата и место ареста; число одновременно арестованных сионистов; наличие ордера на арест; состав обвинения; приговор и обосновывавшая его статья уголовного кодекса; кем вынесен приговор; время, проведенное в заключении (в случае освобождения) и т. д.; респондента также просили составить достаточно детализированный список одновременно арестованных сионистов;

вопросы XI –XIV затрагивали методы ведения следствия: количество допросов, в том числе ночных; бралась ли подписка об отказе от сионистской деятельности; предлагалось ли стать осведомителем; применялись ли угрозы и т. п.; тактика, выбранная респондентом на допросах;

вопрос XV состоял в наличии в приговоре права замены наказания на выезд в Эрец Исраэль;

вопросы XVI–XXVI относились к местам отбытия наказания (тюрьмам и пунктам ссылки), срокам пребывания там, репрессиям в ходе отбывания наказания, побегам, голодовкам и амнистии;

вопросы XXVII–XXXIII затрагивали процесс выезда в Эрец Исраэль (время и место получения сообщения о замене наказания высылкой; время получения и стоимость заграничного паспорта; даты выезда из ссылки и СССР и приезда в Эрец Исраэль; число одновременно приехавших сионистов);

вопросы XXXIV–XXXV выявляли образовательный и профессиональный уровень респондента и его занятия в СССР и в Эрец Исраэль в момент заполнения анкеты;

вопросы XXXVI–XXXVII касались состояния здоровья и семейного положения респондента;

вопрос XXXVIII выявлял партийную принадлежность респондента в момент заполнения анкеты;

вопрос XXXIX предназначался для указания публикаций респондента о преследовании сионистов в СССР;

вопрос XL просил указать те места ссылок, с которыми респондент поддерживает переписку;

вопрос XLI интересовался материалами о деятельности сионистского подполья в СССР, которыми располагал респондент;

наконец, вопрос XLII состоял в просьбе указать нынешний адрес респондента.

«Дополнение» было призвано выявить известные респонденту факты сионистской активности, направленной против сионистов провокаторской деятельности и репрессий властей.

Отнюдь не все в этой анкете представляется бесспорным. В частности, вызывают сомнение определенные принципы группировки вопросов, равно как и формулировки некоторых из них, не всегда учитывавшие психологию респондентов. К примеру, на вопрос «Ск[олько] сионистов арестовано одновременно с Вами?» многие респонденты в качестве ответа называли число, *включавшее* их самих, что очевидно из сопоставления анкет одновременно арестованных, но полностью противоречит задаваемому вопросу. Тем не менее в целом анкета производит вполне серьезное

впечатление и позволяет выяснить немало важных принципиальных моментов.

Всего были опрошены 435 человек и заполнено 437 анкеты (трое прислали по две анкеты). 245 анкет были заполнены на иврите, 163 — на русском языке и в 27 анкетах использовались и иврит, и русский язык. Необходимо отметить, что анкеты заполнялись лично респондентами, а не анкетером с их слов, что, казалось бы, должно гарантировать большую точность опроса. Однако в некоторых случаях (как, например, ответах на вопросы о дате и месте рождения) мы должны постоянно иметь в виду, что в еврейской среде той поры корректировка этой информации по тем или иным личным причинам была весьма популярна. Кроме того, подобная самостоятельность (осознанно или по невнимательности) нередко приводила к лакунам.

Заполнение анкет отнюдь не было единовременным процессом: первая была заполнена самим Л. Ценципером 21 марта 1928 г., последняя — 5 июня 1975 г.

Необходимо отметить, что зачастую в анкетах заполнялись не все графы, что, несомненно, влияет на возможности точного извлечения информации. К примеру, в 92 анкетах не была указана дата заполнения. Из датированных анкет до 27 октября 1936 г. было заполнено 298, или 68,19 %; далее последовал значительный перерыв, до 1946 г., после чего заполнение анкет продолжилось уже в спорадическом порядке. Это не удивительно, поскольку во второй половине 1920-х гг. из СССР выехало заметное количество активистов сионистского движения, а с начала 1930-х гг. этот процесс постоянно замедлялся и, в конце концов, полностью остановился.

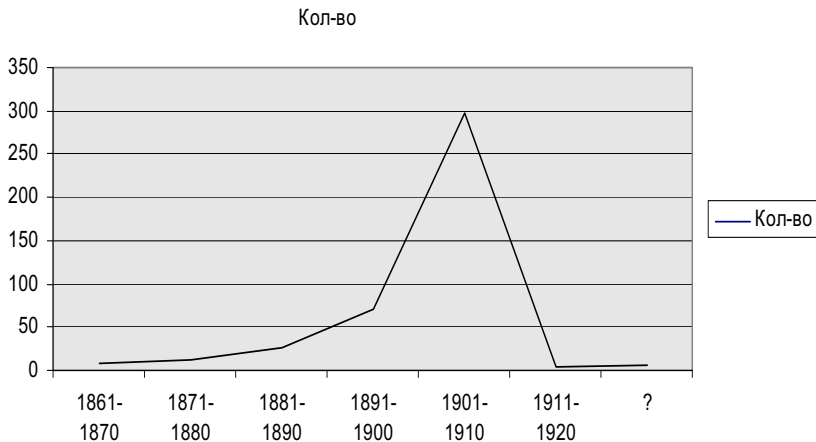
Анализ возраста респондентов (см. таблицу 1) показывает, что основная масса респондентов в интересующий нас период (1920-е гг.) могла быть смело причислена к молодому поколению. Из 420 ответивших лишь 47 (12,7 %) относились к среднему и старшему возрасту, а остальные входили в понятие «молодежь» либо буквально только-только перешли в более старшую, «зрелую», группу населения.

Таблица 1

Распределение по годам рождения

Годы	1861– 1870	1871– 1880	1881– 1890	1891– 1900	1901– 1910	1911– 1920	?
Количество	8	13	26	70	298	5	7

На графике это выглядит еще более убедительно.

Изучение мест рождения респондентов (см. таблицу 2) не приводит к каким-либо сенсационным выводам. Из 405 указавших место рождения 382 (т. е. 94,32 %) родились в губерниях, ограниченных в царской России «чертой оседлости»; из них 245 (64,13 %) — на Украине, 66 (17,28 %) — в Белоруссии, 20 (5,24 %) — в Царстве Польском, 19 (4,97 %) — в Прибалтике. Остальные были уроженцами других губерний и краев Российской империи, а двое родились за границей (один в австро-венгерских Черновцах, а второй — в далеком Лондоне).

Таблица 2

Распределение по месту рождения

Губерния или регион*	Количество уроженцев
<i>Киевская</i>	51
<i>Минская</i>	50
<i>Херсонская</i>	45
<i>Подольская</i>	43
<i>Полтавская</i>	38
<i>Могилевская</i>	30
<i>Черниговская</i>	30
<i>Волынская</i>	19
<i>Витебская</i>	16
<i>Таврическая</i>	11
<i>Гродненская</i>	10

* Курсивом выделены входившие в «черту оседлости».

Губерния или регион	Количество уроженцев
<i>Екатеринославская</i>	8
<i>Виленская</i>	7
<i>Ковенская</i>	6
<i>Варшавская</i>	5
Петербургская	4
<i>Литва</i>	3
Астраханская	2
<i>Бессарабская</i>	2
<i>Лифляндская</i>	2
Московская	2
Орловская	2
<i>Седлецкая</i>	2
Смоленская	2
<i>Сувальская</i>	2
Акмолинская обл.	1
Брянская	1
Вологодская	1
Казанская	1
<i>Курляндская</i>	1
<i>Ломжинская</i>	1
Пермская	1
Псковская	1
Северо-Кавказский край	1
Тамбовская	1
Тифлисская	1
Тульская	1
Уфимская	1
Всего	405

Если же мы как бы «спустимся» на один уровень и обратимся к населенным пунктам, в которых родились респонденты, то увидим, что здесь абсолютным «рекордсменом» по числу родившихся в нем активистов российского сионизма стал Минск (16 человек); за ним с заметным отставанием следуют Прилуки

Полтавской губернии (10 человек); по 8 человек родились в Кременчуге той же Полтавской губернии и Одессе; 7 — в Полтаве; по 6 — в Витебске, Житомире, Екатеринославе (ныне Днепрпетровске), Киеве, Балте Подольской губернии и Нежине Черниговской губернии; по 5 — в Черкассах и Бердичеве Киевской губернии, Каменец-Подольском и Виннице Подольской губернии, а также Сновске (ныне — Щорсе) Черниговской губернии. Наконец, по 4 человека родились в Петербурге, Варшаве, Двинске Витебской губернии (ныне латвийском Даугавпилсе), Борисове и Бобруйске Минской губернии, Евпатории Таврической губернии, Умани Киевской губернии, Елизаветграде (ныне областном центре Кировограде) и Сейдеменухе (впоследствии Калининдорфе, ныне Калининском) Херсонской губернии и Семеновке Полтавской губернии.

Весьма любопытным представляются данные о профессиях и роде занятий респондентов в СССР и Эрец Исраэль.

Начнем с того, что если профессию в СССР не указал 61 человек, то род занятий после алии не указал уже 91 человек, что, как мне кажется, вполне отчетливо отражает возросшую социальную нестабильность членов рассматриваемой группы, почти всегда сопутствующую столь резким жизненным переменам.

При сравнении указанных профессий и занятий (в таблице 3 они приводятся так, как были сформулированы респондентами) вырисовывается весьма примечательная картина.

Таблица 3

Профессия, род занятий

Профессия, род занятий	Россия	Эрец Исраэль
Агроном	4	2
Адвокат	4	2
Археолог	1	1
Архитектор	1	1
Бактериолог	1	2
Безработный	1	20
Библиотекарь	4	1
Бухгалтер	17	6
Водопроводчик	1	0
Воспитательница	2	5
Врач	8	8
Геодезист	1	0
Директор фабрики	2	0

Профессия, род занятий	Россия	Эрец Израэль
Домохозяйка	2	5
Дорожный мастер	1	0
Журналист	2	1
Заготовщик	1	1
Землемер	1	1
Инженер	7	11
Книгоиздатель	0	1
Кожевник	3	0
Кондитер	1	1
Конный охранник	0	1
Кузнец	3	3
Маляр	0	1
Мастер	1	1
Машинистка	7	2
Медсестра	1	1
Металлист	1	0
Механик	1	1
Общественная работа	2	1
Пекарь	2	2
Пенсионер	0	4
Переплетчик	1	0
Писатель	1	1
Плотник	0	1
Портниха	4	3
Прислуга	0	1
Прораб	0	1
Рабочий	19	49
Разнорабочий	7	11
Ремесленник	1	0
Садовник	1	0
Санитар	3	3
Секретарша	1	1

Профессия, род занятий	Россия	Эрец Исраэль
Сельскохозяйственный рабочий	31	74
Слесарь	9	5
Служащий	19	24
Статистик	1	2
Столяр	3	1
Стоматолог	2	1
Строитель	0	4
Счетовод	14	4
Техник	0	1
Типограф	2	3
Ткач	1	0
Токарь	1	1
Торговец	16	2
Тракторист	2	0
Учащийся	95	21
Учетчик	1	1
Учитель	23	17
Фармацевт	5	4
Художник	1	0
Чертежник	3	1
Шофер	0	1
Экономист	6	1
Электрик	3	4
Ювелир	1	1

Бросается в глаза резкое после переезда в Эрец Исраэль увеличение числа безработных и рабочих разного направления и уровня квалификации. Одновременно заметно уменьшение числа лиц, чьи профессии были испокон веку присущи российским (да, впрочем, и не только российским) евреям: адвокатов, бухгалтеров, счетоводов, торговцев, экономистов. Снижается число учителей, однако еще более драматически уменьшается число учащихся. Сохраняют свои позиции профессионалы, занятые в сфере медицины: врачи, медсестры, санитары. Наконец, стало качественно больше (с 39 до 77) лиц, так или иначе занятых сель-

скохозяйственным производством. При этом резкий рост числа сельскохозяйственных рабочих почти в 2,5 раза (с 31 до 74), очевидно, демонстрирующий материализацию многовековой тяги еврейского народа к запретному для него до той поры земледелию, сочетается с уменьшением наполовину числа агрономов (пусть даже с двух до одного) и невозможностью найти работу по специальности для двух трактористов и одного садовника. Тем не менее последующие события и уровень, достигнутый израильским сельским хозяйством, доказали, что такие коллизии носили временный характер.

В целом можно было бы констатировать заметный прогресс в издавна ставившемся сионистами во главу угла, считавшемся ими настоятельно необходимым и доселе не достижимым исключительно из-за насильственных препон антисемитских властей превращении евреев из искусственно ограничиваемой и загонявшейся в весьма жесткие профессиональные рамки группы населения, в пусть и еще неравномерно, но уже свободно развивающийся народ, если бы из-за этих показателей не проглядывали личные, и зачастую весьма драматические, коллизии. Вряд ли бывший бухгалтер или доцент, указавший себя после переезда «безработным», делал такую запись хладнокровно. Вместе с тем нельзя не отметить, что значительное число респондентов (142 человека, или 41,28 % от всех указавших род занятий после алии) спустя то или иное время после переезда продолжили заниматься своим привычным, а для нового места жительства и, что еще более существенно, только-только становящегося на ноги ишува зачастую и вполне не обычным, трудом: бактериологией, статистикой, археологией, кондитерским делом, архитектурой...

Наконец, большой интерес представляет партийная принадлежность респондентов (см. таблицу 4). Здесь следует иметь в виду, что один и тот же респондент одновременно мог быть членом не одной, а двух, трех и более организаций. Вот почему при наличии 435 респондентов мы получаем 803 члена 34 различных сионистских организаций.

Таблица 4

Партийная принадлежность

Организация	Количество членов
ЕВОСМ ³	147
Хе-Халуц (национально-трудовой) ⁴	109
Цаирей Цион ⁵	108
Хе-Халуц ⁶	98
СТП (Хитахдут) ⁷	58

Организация	Количество членов
Ха-Шомер ха-Цаир ⁸	50
Хе-Хавер ⁹	37
Общие сионисты ¹⁰	37
Сионисты-социалисты ¹¹	36
Маккаби ¹²	32
Сионистская организация России ¹³	17
Кадима ¹⁴	14
ЦСЮФ ¹⁵	9
Поалей Цион ¹⁶	7
Ха-Тхия ¹⁷	6
Хе-Хавер ха-Цаир ¹⁸	5
Бней Цион ¹⁹	4
Ревизионисты ²⁰	3
Ховевей Цион ²¹	3
Прахой Цион ²²	3
Дроп ²³	3
Кампф и ЕССМ ²⁴	2
Хе-Халуц ха-Цаир ²⁵	2
Ха-Шомер (правый)	2
Ха-Поэль ха-Циони	2
Гадера ²⁶	2
Мизрахи ²⁷	2
Хе-Халуц (легальный) ²⁸	2
Ха-Шахар	1
Цмихей Цион	1
Тарбут ²⁹	1

Нельзя не обратить внимание на чрезвычайную раздробленность сионистского движения: число организаций и групп даже одного и того же направления столь велико и некоторые из них настолько незначительны, что их сегодня попросту невозможно идентифицировать. Если же мы обратимся к цифрам, то они однозначно отражают превалирование среди высланных представителей левого, социалистического или просоциалистического, фланга сионистского движения. Тем не менее это обстоя-

тельство ни в коей мере не удерживало большевистские власти от репрессий против них. Вряд ли можно этому удивляться: достаточно вспомнить, каким гонениям сразу же после окончания гражданской войны (а в некоторых случаях — и в ходе ее) подверглись меньшевики и эсеры. Думается, причина одна: по мере укрепления режима большевики все менее и менее были готовы терпеть инакомыслие, пусть даже в относительно близкой социалистической среде, а потому с годами преследования становились все жестче. К этому добавилась и нараставшая свирепость режима. Шло неуклонное сворачивание нэпа, на повестке дня стояли кровавая коллективизация, «Шахтинское дело», «Процесс Промпартии»... Теперь требовалось идеологическое обоснование резкого изменения курса, что в ту пору было весьма незатруднительно: следовало лишь поменять местами причину и следствие и провозгласить «непрерывное усиление классовый борьбы по мере продвижения к социализму» в качестве причины развертывания еще более широкомасштабных репрессий против своего народа, что и было проделано Сталиным сначала на XV съезде ВКП(б) в 1927 г., а окончательно закреплено на январском пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1933 г.

Если обратиться к хронологии и динамике арестов, то здесь помимо массовых арестов участников тех или иных конференций (например, участников Московской сионистской конференции в апреле 1920 г., когда были арестованы все 107 участников³⁰, или Киевской конференции «Цаирей Цион» в мае 1922 г., когда был задержан 51 человек) обращает на себя внимание некоторая постепенно нараставшая тенденция проведения более или менее массовых арестов накануне основных еврейских весенних и осенних праздников, что может выглядеть как превентивно-устрашающая мера. Волны арестов прокатились по Украине в начале сентября 1924 г. (Киев, Харьков, Одесса, Бердичев, Житомир, Екатеринослав, Умань, Проскуров, Винница, Прилуки, Полтава, Белая Церковь и др.) и по всей европейской части страны в 1926 г.: во второй половине апреля (Винница, Полтава, Чернигов, Кременчуг, Екатеринослав, Минск, Бобруйск, Ленинград, Евпатория, халучинская коммуна Тель-Хай (ныне Азовское) в Крыму неподалеку от Джанкоя) и в самом конце июля — начале августа (Москва, Дубоссары, Каменец-Подольский, Балта, Кременчуг, Нежин, Казатин, Зиновьевск (ныне Кировоград), Екатеринослав и др.), когда были задержаны десятки активистов сионистского движения.

Вместе с тем некоторые аресты, проведенные одновременно в разных городах, выявляют очевидный, предварительно продуманный и целенаправленный характер акций. Так, например, 1 сентября 1919 г. в Петрограде были арестованы 8 человек, среди них — Наум Абрамович Шахнович³¹ и Соломон Климентьевич

Гепштейн³², а в Москве в тот же день был арестован Ефим Маркович Стеймацкий³³, а через день — Моисей Абрамович Узиели³⁴. Все они были освобождены в течение нескольких недель.

Говоря о количестве одновременно арестованных в одном и том же пункте, необходимо отметить, что эти параметры в ответах разных респондентов существенно разнятся. Причиной тому может быть забывчивость отдельных арестованных, равно как и сознательные действия ГПУ, не жаждавшего порождения слухов о массовых арестах и посему старавшегося оградить каждого из арестованных от подобной информации.

Рассматривая обвинения, выдвигавшиеся против респондентов, и вынесенные приговоры, следует отметить одно любопытное обстоятельство. Основной массе арестованных предъявлялось обвинение в сионистской деятельности, которая в ту пору (по действовавшему тогда Уголовному кодексу РСФСР 1922 г. и аналогичным ему в этих статьях уголовных кодексах Украины и Белоруссии) подлежала ответственности по статье 61 «Участие в организации или содействие организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии» и каралась «высшей мерой наказания и конфискацией всего имущества, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества», а «при установлении судом неосведомленности участника о конечных целях означенного в сей статье преступления, участие в нем карается лишением свободы на срок не ниже трех лет»³⁵. Между тем основная масса арестованных стандартно приговаривалась к минимально возможному сроку ссылки — трем годам, предназначенному для «не ведавших, что творивших» (что вряд ли можно отнести к активистам сионистского движения), а некоторые просто освобождались. При этом выявить какую-либо логику в траекториях движения «карающего меча революции» невозможно: зачастую член руководства организации освобождался, а рядовой активист ссылался. Через какое-то время для некоторых ссылка заменялась высылкой в Эрец Израэль. Думается, подобная правоприменительная практика недвусмысленно отражает колебания, которые испытывали власти в ту пору. Возможно, репрессивные органы выдвигали обвинение по статье 61 Уголовного кодекса, а выносили наказание в соответствии с декретом ВЦИК об административной высылке от 10 августа 1922 г., статья 1 которого устанавливала, что «в целях изоляции лиц, причастных к контрреволюционным выступлениям, в отношении которых испрашивается у Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета разрешение на изоляцию свыше двух месяцев, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к аресту, установить высылку за границу или в определенные

местности РСФСР в административном порядке», а статья 6 ограничивала срок такой административной высылки тремя годами³⁶. Конечно, подобная практика не может не вызвать удивления, но, как известно, «хозяин — барин» и обычно «что хочет, то и воротит», особенно если сам точно не знает, чего хочет.

Вместе с тем четыре раза тенденция «трех лет ссылки» была нарушена и заметно более сурово: трое из 51 участника киевской конференции, арестованных 4 мая 1922 г. (Барух Самойлович Вайнштейн, Борис Васильевич Товбин и Иосиф Аронович Фишер), были приговорены к двум годам тюремного заключения, которое они отбывали во Владимирском центральном, и были высланы лишь на исходе срока заключения. Тот же срок и место отбывания наказания в сентябре того же 1922 г. получил арестованный в Керчи Хаим Липманович Мошинский и так же, как и четверо уже названных, был выслан в Эрец Израэль только на исходе предписанного срока заключения. Трудно объяснить причины такого «отклонения от нормы» при стандартном обвинении, но вполне возможно, что это была личная злобная реакция следователей на поведение арестованных.

Однако было бы ошибкой полагать, что высылка в Эрец Израэль была инициирована «либеральным крылом» большевистских властей или тем паче — ОГПУ. За нее шла длительная напряженная борьба, которую вели лидеры российских сионистов той поры Давид Шор и Исаак Рабинович вместе с «сочувствовавшими»³⁷. А таких было немало, начиная с возглавлявшегося Екатериной Павловной Пешковой героического «Политического Красного Креста»³⁸ и кончая некоторыми членами высшего руководства страны.

Представляется интересным вероятный состав группы сочувствовавших сионистам в кремлевской верхушке, составленный З. Галили³⁹. Если мы дополним приведенный ею перечень персоналий партийно-государственным статусом каждого в рассматриваемый период, то складывается любопытная картина. Она выглядит следующим образом:

А. И. Рыков — член Политбюро ЦК ВКП(б), председатель Совета народных комиссаров СССР, председатель Совета труда и обороны (с января 1926 г.);

Л. Б. Каменев — член (с 1 января 1926 г. — кандидат в члены) Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР, председатель Совета труда и обороны СССР (до января 1926 г.);

Ф. Э. Дзержинский — кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б), председатель ОГПУ, председатель Высшего совета народного хозяйства СССР;

Д. И. Курский — председатель Центральной ревизионной комиссии ЦК ВКП(б), член президиума ЦИК СССР, народный комиссар юстиции и генеральный прокурор СССР и РСФСР;

Р. П. Катанян — старший помощник Генерального прокурора СССР по надзору за органами государственной безопасности⁴⁰;

Н. Н. Крестинский — полпред («полномочный представитель», посол) СССР в Германии;

О. Д. Каменева — председатель правления Всесоюзного общества культурных связей с заграницей и (что несравненно более существенно) сестра Л. Д. Троцкого и до 1928 г. жена Л. Б. Каменева;

П. Г. Смидович — член президиума ЦИК СССР и председатель Комзета⁴¹;

Ю. Ларин — член президиума Госплана СССР и председатель ОЗЕТ⁴².

Обратим внимание на даты: в самом начале 1926 г. переводом из полноправных членов Политбюро в кандидаты начинает свое падение с властных вершин Каменев, 20 июля 1926 г. внезапно умирает Дзержинский, в августе того же года Каменев в ходе внутривластной борьбы устранен со своих постов и отправлен полпредом СССР в Италию, в 1928 г. его в этой почетной ссылке сменяет Курский... В октябре 1926 г. начинается и практическое устранение Л. Д. Троцкого, завершившееся ссылкой в январе 1928 г. в Алма-Ату.

Думается, это подтверждает факт ослабления «просионистски» настроенных сил у кормила власти (кавычки употреблены совершенно сознательно, дабы подчеркнуть, что подобная характеристика более чем относительна и может коррелироваться исключительно с позицией сторонников жестких мер по отношению к сионистам, но ни в коей мере не отменяет свойственную всем вышеперечисленным абсолютную верность принципам интернационализма).

Кроме того, необходимо помнить отмеченное З. Галили важное обстоятельство: именно в этот период зародился и получил свое развитие «Биробиджанский проект», преследовавший сразу несколько целей и априори противоречивший сионистским идеалам⁴³.

При этом исполнительные органы отчаянно сопротивлялись облегчению участи осужденных, и каждое разрешение на замену тюремного заключения либо сибирской или среднеазиатской ссылки высылкой в Эрец Исраэль доставалось очень нелегко. К примеру, Давид Левитан был арестован 25 января 1928 г. и приговорен к трем годам ссылки. 29 октября 1928 г. он подал в «соответствующие инстанции» следующую бумагу:

«В управление ОГПУ от ссыльного Д. М. Левитана заявление.

25 января 1928 г. я был арестован в Москве Секретным отделом ОГПУ за принадлежность к сионистской организации и по приказу ОСО ОГПУ⁴⁴ был выслан на Урал на 3 года. Место моей ссылки — Каргопольский район, Шадринский округ. Я требую, чтобы моя ссылка была заменена высылкой в Палестину.

Д. Левитан 29.10.1928»⁴⁵.

Так вот, Д. Левитан выехал из ссылки только 6 января 1930 г.! При этом следует учитывать, что высылка обычно оговаривалась пожизненным лишением права на возвращение, и попытка в будущем пересечь границы СССР рассматривалась как тяжкое уголовное преступление, влекущее за собой в виде наказания «высшую меру социальной защиты», что на языке той эпохи означало смертную казнь.

Зачастую примеры вполне индивидуального «творчества» властей проскальзывают и в формулировках обвинения. К примеру, Лейбу Лейзеровичу Лившицу уже в ссылке в Ново-Ургенче (ныне г. Ургенч, Узбекистан) в конце декабря 1928 г. было выдвинуто обвинение в «оскорблении ГПУ в целом»⁴⁶. Можно лишь себе вообразить, что сообщил ссыльный своим «кураторам»! Но, пожалуй, апогея совершенства следственные органы достигли в Проскурове, где арестованному ими в июне 1927 г. члену местного «Хе-Халуца» Менделю Семеновичу Гурвичу было предъявлено обвинение в сионизме... и «растрате денег по векселям Джойнта из квуцы»⁴⁷. Образ ГПУ, пекущегося о правильном употреблении средств, выделенных ведущей сионистской организацией планеты проскуровским халуцианцам на сионистскую деятельность, не может не умилить. Ну, чем не гоголевский городничий, уверявший, что унтер-офицерская вдова сама себя высекла?! Похоже, создатели этого юридического «шедевра» вскоре сами осознали нелепость сочетания, поскольку уже спустя месяц обвиняемый был освобожден. А в 1931 г. Авраам Гаврилович Сахнин был арестован в узбекском Андижане (где он уже отбывал ссылку) с такой формулировкой: «Был в политизоляторе, что само по себе говорит, что он — враг Советской власти»⁴⁸. Похоже, именно в ту пору рождалась впоследствии широко распространенная практика повторного ареста бывших заключенных по одному лишь факту их предыдущего ареста по политическим обвинениям? Прошло чуть меньше 20 лет, и уже в разгар кампании по борьбе с «безродными космополитами», в ноябре 1950 г., Меир Овсевич Левин, отбывший в 1925–1928 гг. трехлетнюю ссылку в Казахстане за сионистскую деятельность, был арестован с формулировкой обвинения: «В прошлом — сионистская деятельность». Но тут уже приговор был иным — 10 лет ссылки в Темиртау (Казахстан)⁴⁹.

Но эти анкеты интересны не только своими количественными показателями. Многие из них вполне индивидуальны и весьма отчетливо отражают личность респондента.

Здесь в первую очередь следует выделить анкету одного из классиков израильской литературы Александра Пэнна⁵⁰, в чьих ответах ярко отразилось столь свойственное поэту личностное своеобразие. Вот некоторые из них: «Предлагал ли следователь стать осведомителем?..» — «Предлагал в Москве... пытался угрозой гниением в бессолнечной камере, но удар телефонной трубкой по уху протрезвил и отбил охоту предлагать. Я отделался 3-мя неделями карцера. Это было во “внутренней” (имеется в виду «внутренняя тюрьма ОГПУ» на Лубянке. — У. М.);»

«Давал ли подписку о прекращении сионистской деятельности?..»

— «Как вы думаете?»;

«Тактика на допросах... а) заявил себя членом партии, организации; в) признавал себя только сочувствующим сионизму; с) отрицал причастность к сионизму?»

— «Не отрицал и только просил, иногда даже очень невежливо, чтобы мне прекратили морочить определенные части тела»;

«Название пункта Вашей ссылки»

— «Ашхабад»;

«Какую работу выполнял?..»

— «Инструктор спорта»;

«Препятствовало ли ГПУ работе?..»

— «Снял с работы»; «Примечания» — «Свинство!»;

«Если совершил побег, то откуда?..»

— «Бежал... но, к сожалению, меня попросили вернуться (Пэнн был пойман сотрудниками ОГПУ. — У. М.);»

«Чем занимался в России?»

— «Исправлял грамматические ошибки великих писателей»;

«Чем занимается теперь?»

— «Пытаюсь исправить свою грубую ошибку»;

«В какой газете, журнале и от какого числа печатал о преследов[ании] сионизма в России?»

— «Пытался опубликовать... Но редакция оказалась настолько безграмотной, что не в состоянии была перевести простую статью с русского на идиш»;

«Какой материал, относящ[ийся] к сионист[скому] подполью, имеется теперь в Вашем распоряжении?..»

— «Только собственная память, да и то ослабшая».

Наконец, два человека не могут не привлечь особое внимание. Речь идет о Йоэле Исааковиче Блантере и Израиле Самуиловиче Солодаре. Эти фамилии у многих, как говорится, «на слуху» благодаря двум их носителям: Матвею Исааковичу Блантеру и Цезарю Самуиловичу Солодарю.

Анкета⁵¹ весьма скупо сообщает, что Йоэль Исаакович Блантер родился в 1899 г. в Тамбовской губернии, жил в Москве, был членом московского комитета «Хе-Хавера» и после второго ареста в 1924 г. выслан в Эрец Исраэль.

Биографию Матвея Исааковича Блантера, всенародно любимого композитора, прославленного (достаточно назвать ставшую одним из символов своей страны «Катюшу» или звучащий и по сей день перед началом матчей и заставляющий замирать сердце любого болельщика «на одной шестой части земного шара», да и за ее пределами, «Футбольный марш», и этот список можно продолжать весьма долго!) и обласканного властями (звание народного артиста СССР, Героя Социалистического Труда и упокоение на московском Новодевичьем кладбище составляло предел мечтаний любого карьерного деятеля искусств советской эпохи), можно без малейшего труда обнаружить в любой энциклопедии. В данном случае хочу указать, что он родился в 1903 г. в г. Почепе в ту пору Черниговской губ., а ныне Брянской обл., и с 1917 г. жил в Москве.

Зародившееся подозрение о родстве двух Блантеров заставило обратиться к Всемирной паутине. В ней я обнаружил статью внучатого племянника Матвея Блантера Фридриха Воровича «По следам знаменитой фамилии»⁵², в которой подробно рассказывается о роде Блантеров и указывается, что у жившего в Почепе купца Исаака Борисовича Блантера, женатого на Татьяне Евгеньевне Вовси (между прочим, двоюродной сестре великого Соломона Михоэлса) было трое детей: сыновья Евгений и Матвей и дочь Галина. О Галине и Матвее в статье рассказывается весьма подробно, а Евгений лишь упомянут. Непосредственно от автора статьи мне удалось узнать, что, по словам его живущей ныне в Нью-Йорке родственницы, у Матвея был брат, высланный из СССР, о котором сам автор статьи практически ничего не знает. Думается, можно считать «пазл» сложным: Йоэль (Евгений) и Матвей Блантеры — братья.

Теперь обратимся к другой паре.

Израиль Самуилович Солодарь, согласно заполненной им анкете⁵³, родился в 1902 г. в местечке Станиславчик Винницкого уезда Подольской губернии и в 1925 г. после первого ареста выслан в Эрец Исраэль.

Биографию Цезаря Самуиловича Солодаря, родившегося в 1909 г. в Виннице Подольской губернии, как и биографию Матвея Блантера, можно найти в большинстве русскоязычных энциклопедий.

В отличие от рода Блантеров здесь дополнительную информацию обнаружить не удалось. Тем не менее с большой долей вероятности (учитывая, что от Станиславчика до Винницы километров 35–40, как говорится, «рукой подать», а между двумя

датами рождения — 1902 и 1909 гг. — как кровавый «верстовой столб» встало 22 октября 1905 г. с его погромом в этом местечке, после которого семья вполне могла переехать в уездный центр) можно предположить, что и здесь мы имеем дело с двумя родными братьями.

И тут-то начинается самое существенное. Я имею в виду поведение двух разных людей с одним и тем же тяжким «анамнезом» (высланным из СССР за сионистскую деятельность братом) в тоталитарно-антисемитской обстановке.

Матвею Блантеру пришлось пережить и членство во возвращенном в годы Великой Отечественной войны, а вскоре после ее завершения уничтоженном Еврейском антифашистском комитете, и агрессивнo-грубую критику, и устрашающее подписание в начале 1953 г. в разгар антисемитской кампании против «космополитизма» и ареста «врачей-вредителей» пресловутого обращения известных советских евреев к Сталину (после чего, как рассказывал Я. Рапопорт, у него «каждое утро дрожали... руки, когда он получал “Правду”, ожидая увидеть этот омерзительный документ с его подписью под ним»⁵⁴), и членство в «Антисионистском комитете советской общественности»⁵⁵ — плоде антисемитских конвульсий уже, как стало ясно позже, издыхающего режима, но ни в одном случае (кроме, естественно, участия в работе ЕАК) его нельзя было назвать ни «застрельщиком», ни «активистом». Вряд ли пара-тройка угодных режиму и крайне популярных в то время (а некоторых — и по сей день) песен смогут затмить «Катюшу», ставшую народной не только в у себя на родине, но и в Израиле. Не жившему в советскую эпоху трудно представить себе стресс, в котором находилось большинство населения. Так что уж говорить о человеке, помнящем своего высланного брата и знающем, что «власть предержавшая» также обладает отличной памятью и редкостной злопамятностью?⁵⁶ Матвей Блантер исполнял минимум требовавшихся от него режимом «ритуальных танцев», но явно внутренне стыдился их и отнюдь не стремился переусердствовать в «богатстве репертуара», чего никак нельзя сказать о его напарнике по «Антисионистскому комитету» Цезаре Солодаре, ставшем в самом прямом смысле «соловьем» этого бесстыдного мероприятия. Как не вспомнить бессмертную фразу Ланцелота из «Дракона» Е. Шварца: «Всех учили. Но зачем ты оказался первым учеником?..!» Не случайно бытует поговорка «Имя — это судьба». В одной и той же семье двух братьев нарекают Израилем и Цезарем, и первый становится борцом за Израиль и оканчивает свою жизнь в Эрец Исраэль, а второй присоединяется к гонителям Израиля и если и остается в людской памяти, то именно в этом качестве.

А теперь от глобального анализа я хочу перейти «на личности» и познакомить читателей с биографиями некоторых респон-

дентов⁵⁷. Необходимо подчеркнуть, что я выбрал для представления только тех людей, которые по приезде внесли *общественно* заметный вклад в развитие Эрец Израэль и Государства Израиль. Но это отнюдь не означает, что остальных можно назвать «серой массой». Все они внесли посильную лепту в реализацию своей мечты — воссоздание независимого еврейского государства, причем не только своим трудом, но зачастую и с оружием в руках, а некоторые — своими жизнями и жизнями своих детей.

Абрамский, Яков-Давид Иехезкиелевич⁵⁸ [1914, м. Смольяны Могилевской губ. (по данным анкеты) или 1913, г. Москва (по другим данным⁵⁹) — 1979, г. Иерусалим, Израиль] — израильский писатель, переводчик, литературовед и библиоковед. В юности присоединился к молодежной организации сионистов-социалистов. В 1932 г. был арестован и сослан в Среднюю Азию. В конце 1933 г. был вновь арестован уже в ссылке по обвинению в подготовке побега. Находясь под следствием, объявил голодовку в знак «солидарности со всеми, кто в изоляторах ведет борьбу против советского бюрократизма, против нечеловеческого обращения с заключенными. И также в знак солидарности со всеми, кто на Западе борется против всякого фашизма, в том числе и советского»⁶⁰. В Эрец Израэль с 1937 г. В 1939—1963 гг. работал в Национальной и университетской библиотеке в Иерусалиме. Автор нескольких книг и многих статей. Его тринадцатилетний сын Йонатан погиб во время битвы за Иерусалим в 1948 г.

Айзенштадт, Самуил (Шмуэль) Иосифович⁶¹ (1886, г. Борисов Минской губ. — 1970, г. Тель-Авив, Израиль) — российский и израильский юрист и общественный деятель. Родился в сионистски настроенной семье. В молодости примкнул к сионистскому движению: в 1904—1909 гг. в «Поалей Цион», с 1911 г. — в «Цаирей Цион» (с 1913 г. член ЦК). Был делегатом Сионистского конгресса и всероссийских сионистских конференций. Активный участник революции 1905 г. в Варшаве, был одним из организаторов отрядов еврейской самообороны, арестовывался за революционные стихи и распространение нелегальной литературы, после чего в конце того же года эмигрировал в Швейцарию. В 1910 г. закончил юридический факультет Бернского университета. Доктор права, профессор. В 1911 г., несмотря на полученные рекомендации, отказался от перспективы научной работы в Швейцарии и вернулся в Россию, где наряду с научной работой продолжил заниматься сионистской деятельностью. В 1912 г. возглавил в Одессе объединение молодых ивритских писателей «Шахарит» и издавал одноименный журнал. С 1918 г. издавал на идише журнал «Эрд унд фрейхард» («Земля и свобода») — орган движения «Цаирей Цион». Принял активное уча-

стие в создании в 1916 г. возглавленного им восточного отдела библиотеки Румянцевского музея в Москве (ныне — Российской государственной библиотеки). Одновременно в 1923–1925 гг. принимал участие в организации создававшегося в ту пору Музея революции. В Эрец Исраэль с 1925 г. В 1934 г. вместе с группой единомышленников основал в Иерусалиме Всемирную комиссию еврейской юриспруденции, юридический факультет Еврейского университета, Тель-Авивскую высшую школу права и экономики, в которой возглавил кафедру римского права, а также постоянно читал курсы по праву социалистических стран. До 1942 г. заведовал Центральной канцелярией Совета по языку иврит и руководил архивом труда при Гистадруте. С 1944 г. был членом Центрального совета Лиги израильско-советской дружбы. После создания Государства Израиль был профессором Тель-Авивского университета, членом Комитета по защите прав арабского меньшинства. Автор многих монографий и статей по истории еврейской юриспруденции. Активно занимался переводами на иврит разнообразной литературы от кодекса императора Юстиниана и конституций социалистических стран Восточной Европы до сочинений Ленина и Сталина, и «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. Его именем названа улица в Беер-Шеве.

Альперович, Яков Гилелевич⁶² [1904 (по данным анкеты) или 1903 (по другим данным⁶³), г. Минск Минской губ. — 2004, г. Хайфа, Израиль] — израильский инженер и активист поселенческого движения. С молодых лет участвовал в деятельности сионистских организаций: ЕВОСМ (1920–1925 гг.); «Хе-Халуц» (1924–1925 гг.). В 1923–1925 гг. был членом петроградского комитета ЕВОСМ. В Эрец Исраэль с 1925 г. Был в числе первых выпускников — гражданских инженеров хайфского Техниона. По окончании работал в Иерусалиме, а в 1930-х гг. — в Магдизле (нынешний район Ход ха-Шарона) на реализации проекта «Тысяча домов», призванного расширить поселения в округе Шарон. В те же годы стал членом «Хаганы» и партии МАПАЙ. В 1947–1970 гг. — главный инженер Петах-Тиквы. После ухода на пенсию с началом в 1970-х гг. алии из Советского Союза активно занялся помощью новым репатриантам.

Альтман, Лев (Арье) Менашевич⁶⁴ (1902, г. Балта Подольской губ. — 1982, г. Иерусалим, Израиль) — израильский политический деятель. Родился в сионистски настроенной семье (его отец был лидером местных сионистов, преподавал иврит и возглавлял одесскую организацию учителей иврита). В 1920–1924 гг. изучал экономику и юриспруденцию в одесском Новороссийском университете. С 18 лет стал активистом движения «Цаи-

рей Цион», затем — ЕВОСМ, СТП («Хитахдут», в 1923–1924 гг. был председателем одесского горкома и членом окружного комитета) и общества «Тарбут» (где также был избран секретарем одесского окружного комитета), за что трижды (в 1920, 1922 и 1924 гг.) арестовывался. Последний арест привел к приговору к ссылке в Сибирь, замененной высылкой в Эрец Исраэль. С 1927 г. специализировался в социологии, политологии и экономике в Детройтском и Нью-Йоркском университетах, в 1935 г. стал доктором социологии. В 1928 г. примкнул к движению сионистов-ревизионистов, став со временем одним из его руководителей (с 1931 г. — глава движения в США). В 1935 г. вернулся в Эрец Исраэль, где стал членом редколлегии печатного органа ревизионистов «Ха-Ярден». С 1937 г. — руководитель ревизионистов в Эрец Исраэль, год спустя был избран во Всемирный президиум движения. Стал близким сподвижником основателя ревизионистского движения Владимира (Зеева) Жаботинского, после смерти которого в 1940 г. возглавил политический отдел движения, а с 1945 г. стал председателем президиума всемирного движения сионистов-ревизионистов. В 1943 г. выполнял функции эмиссара в Турции для попытки спасти европейских евреев. В 1947 г. вместе с большой группой был арестован британскими мандатными властями. Был членом «Ваад леуми» («Национального комитета» — представительного органа еврейского населения Эрец Исраэль во время британского мандата), позднее — депутатом Кнессета второго — пятого созывов (1951–1965 гг.) от движения «Херут» (в которое влились сионисты-ревизионисты, по результатам выборов в Кнессет первого созыва не попавшие в число депутатов); участвовал в работе различных комиссий (по иностранным делам и обороне, по внутренним делам, финансовой, по делам Кнессета и т. д.). Его именем названа улица в Иерусалиме.

Алотин, Лев (Арье) Пинхасович⁶⁵ (1898, м. Корма Могилевской губ. — 1979, г. Тель-Авив, Израиль) — видный деятель израильского здравоохранения. С 1917 г. входил в организацию «Цаирей Цион», затем — в СТП («Хитахдут»), был членом местных и окружных комитетов этих организаций, участвовал в окружных конференциях. В 1924 г. окончил медицинский факультет Харьковского университета. В 1926 г. был арестован в Москве и приговорен к трем годам ссылки, замененным высылкой в Эрец Исраэль. По приезду поступил добровольцем-помощником врача в тель-авивскую больницу «Хадасса» (по ночам работал в пекарне); со временем дошел до поста заведующего хирургическим отделением. Во время Второй мировой войны стал организатором «Мишмар ха-Эзрахи» (добровольной гражданской обороны), командиром медицинской роты и преподавателем хирургии на

экстренных медицинских курсах. Автор многих книг и учебных пособий по экстренной медицине, до 1970-х гг. — руководитель системы подготовки в МАДА (израильской службе скорой помощи). В 1963 г. был удостоен премии им. Генриэтты Сольд за заслуги в развитии общественного здравоохранения.

Белковский, Григорий (Цви-Гирш) Александрович⁶⁶ [1866 (по данным анкеты) или 1865 (по другим данным⁶⁷), г. Одесса Херсонской губ. — 1948, г. Тель-Авив, Израиль] — российский и израильский юрист и общественный деятель. Учился в хедере, начальной еврейской школе и гимназии. С отличием закончил одесский Новороссийский университет. После окончания ему было предложено преподавать в «альма матер» при условии крещения, на что ответил отказом. В 1893–1897 гг. был преподавателем, а затем профессором римского права и политической экономии Софийского университета, после чего переехал в Петербург, где занялся литературной и адвокатской деятельностью. В 1880-х гг., после гибели отца во время одного из одесских погромов, стал активистом сионистского движения: участвовал в деятельности студенческих кружков «Нес-Циона» и «Эзра», был одним из организаторов и делегатом от Болгарии на первом Сионистском конгрессе в Базеле в 1897 г. (в работе ряда последующих конгрессов он принимал столь же деятельное участие уже как делегат от России). На третьем Сионистском конгрессе (Базель, 1899 г.) был избран в Генеральный совет от Петербургского округа. Был одним из лидеров оппозиции «угандийскому проекту»⁶⁸. Являлся одним из разработчиков устава Еврейского колониального банка. С 1893 г. был членом Сионистской организации России; в 1918–1919 гг. был председателем Центрального совета еврейских общин России, в 1919–1924 гг. — председателем Центрального сионистского комитета России; участвовал во всех всероссийских сионистских конференциях начиная с 1902 г. В 1919, 1920 и 1924 гг. арестовывался большевистскими властями. Автор многих книг и статей, посвященных различным аспектам сионизма и положения евреев в России; печатался в таких известных изданиях, как «Восход», «Рассвет», «Будущность». В Эрец Исраэль, куда приехал в 1924 г. после последнего ареста (ссылка в Сибирь была заменена высылкой в Эрец Исраэль), занимался адвокатской практикой. Автор мемуаров «Из моих воспоминаний: путь от начальной школы до профессуры» («Ми-зихронотай: даркей ми бейт ха-сефер ха-амами ад ха-профисура», Тель-Авив, 1940).

Бродский, Давид Иосифович⁶⁹ (гебраизированная фамилия Йосифон, 1904, м. Сквиря Киевской губ. — 1983, г. Иерусалим, Израиль) — известный переводчик религиозных текстов на рус-

ский язык, в том числе ТАНАХа («Мосад ха-Рав Кук», Иерусалим, 1978). В молодости участвовал в сионистском движении [был членом организаций «Бней Цион», «Цаирей Цион» и «Хе-Халуц», участвовал во Всесоюзной конференции «Хе-Халуц» в колонии Тель-Хай (Крым)]. В Эрец Исраэль с 1926 г. Получил религиозное образование, раввин.

Букштейн, Яков Иосифович⁷⁰ [1885, м. Солоница (по данным анкеты) или Снитовка (по другим данным⁷¹), Подольской губ. — 1971, г. Тель-Авив, Израиль] — активист сионистского движения. С 1905 г. жил в Москве, учился в Народном университете А. Шанявского. С 1901 г. — в организации «Общих сионистов». В 1915–1919 гг. — член московского горкома. Участвовал в работе Одиннадцатого сионистского конгресса 1913 г. и Всемирной конференции по вопросам еврейской культуры в Вене, во Всероссийской сионистской конференции в Москве в апреле 1920 г. Активный участник создания театра «Габима» в Москве. В 1925 г. выехал в Эрец Исраэль, где весьма успешно занялся торговлей велосипедами, а также продолжал деятельность по поддержке национального театра. Его сын Даниэль, один из первых летчиков Государства Израиль, пал в битве за Иерусалим в 1948 г. В 1958 г. издал книгу «Лекет питгамим мин ха-Танах веми-диврей хазаль: лейом хулдато ха-арбаим шель бни йоханан» («Сборник пословиц из ТАНАХа и изречений мудрецов: к сорокалетию со дня рождения моего сына Йоханана»).

Буровая⁷² (Астрахан), **Фаня Ханаановна**⁷³ (1908, г. Уфа Уфимской губ. — 2004, кибуц Кфар Гилад, Израиль) — активистка сионистского движения. Родилась в сионистски настроенной семье, с юных лет участвовала в сионистском движении, в частности была членом московского «Маккаби» и «Ха-Шомер ха-Цаир». Дважды арестовывалась: в 1925 и 1926 гг. После второго ареста была приговорена к 5 годам ссылки в Казахстан. В Эрец Исраэль с 1929 г. Стала одной из основательниц города Афула. Изложение драматической семейной хроники Буровых, весьма ярко воплотившей в себе самые разнообразные перипетии истории российского еврейства минувшего века, уже получило свое освещение на разных языках⁷⁴.

Вайнштейн, Барух Самуилович⁷⁵ (1898, г. Балта Подольской губ. — 1982, г. Иерусалим, Израиль) — видный деятель сионистского движения. Детство и юность провел в Одессе, где окончил классическую гимназию и юридический факультет Новороссийского университета. С юности участвовал в сионистских организациях: «Общие сионисты» (с 1914 г.), «Хе-Хавер» (с 1917 г.), «Цаирей Цион» (с 1921 г.), «Ха-Поэль ха-Циони» (1924–1925 гг.). Был членом ЦК партии «Общих сионистов» и редактором газе-

ты «Йехуда ха-Цаира» («Молодая Иудея», 1917–1919 гг.), членом ЦК всеукраинского «Хе-Хавера» (1918–1920 гг.), членом ЦК «Цаирей Цион» (1922–1924 гг.). Принимал участие во Всеукраинской конференции общих сионистов (1917 г.), южнорусской конференции сионистов (1917 г.), Всероссийской сионистской конференции (Петроград, 1917 г.), Всероссийской конференции «Цаирей Цион» (Киев, 1922 г.) и др. Кроме того, был активистом Общества защиты прав евреев Бессарабии (1917 г.), членом совета Еврейского комитета помощи жертвам войны (ЕКОПО, 1914–1916 гг.) и др. Наконец, в 1917–1919 гг. был членом Общероссийского совета учеников средних школ и участвовал во Всероссийской конференции совета. Дважды арестовывался большевистскими властями: в 1920 и 1922 гг. Во второй раз был приговорен к 2 годам тюрьмы, которые отбывал в Киеве, Одессе и печально знаменитом Владимирском центре. Выслан в 1924 г. По приезде в Эрец Израэль занялся общественной работой, в частности борьбой с социалистическим «Ха-Поэль ха-Цаир». В 1925 г. вышел из «Ха-Поэль ха-Цаир». С 1927 г. — в движении ревизионистов. Был членом Центра движения. В 1931–1944 гг. был членом «Ваад Леуми» («Национального комитета» — исполнительного органа Собрания депутатов-евреев подмандатной Эрец Израэль). После провозглашения в 1948 г. Государства Израиль был избран во Временный государственный совет. Был делегатом многих Сионистских конгрессов и избирался в исполкомы. Много выезжал в качестве посланца по различным европейским странам. Активно занимался публицистикой.

Виленчук, Исаак Яковлевич⁷⁶ (1894, г. Брянск Орловской губ. — 1974, г. Тель-Авив, Израиль) — российский общественный деятель и израильский промышленник. Вырос в сионистски настроенной семье. В 1912–1920 гг. учился в Петербургском (Петроградском) технологическом институте. В 1921–1924 гг. работал инженером на заводе тепловентиляционного оборудования. С 1913 г. был членом петербургского союза еврейских студентов «Хе-Хавер», с 1923 г. — Сионистской трудовой партии («Хитахдут») и «Хе-Халуца», входил в ЦК обеих организаций, редактировал газету «Хе-Халуц». После слияния «Хе-Хавера» с «Хе-Халуцем» стал в 1917 г. помощником Йосефа Трумпельдора в стимулировании алии в Эрец Израэль и организации отрядов еврейской самообороны в России. Начиная с 1914 г. принимал участие во всех всероссийских сионистских конференциях. Дважды арестовывался большевистскими властями: в апреле 1920 г. в Москве освобожден спустя несколько дней после ареста, в январе 1925 г. в Ленинграде приговорен к 3 годам ссылки в Коми-Зырянский край. После попытки побега был выслан в еще более отдаленные районы, откуда по поддельным

документам бежал в Москву, а затем, в марте 1926 г., — в Эрец Израэль. По дороге в качестве представителя нелегального «Хе-Халуца» побывал в Берлине и Лондоне, где встретился с П. Рутенбергом, который тут же пригласил его на работу в недавно созданную Электрическую компанию Эрец Израэль. По приезде стал работать главным инженером на гидроэлектростанции в Нагараим (Иорданская долина), а с 1930 по 1949 г. был сначала главным инженером, а затем генеральным директором «Палестинской водной компании», ставшей предшественницей компании «Мекорот». С 1949 по 1955 г. был директором «Мекорот». В 1932–1940 гг. был членом командования иерусалимской «Хаганы», а в 1947–1949 гг. по поручению Д. Бен-Гуриона возглавил выпуск военной продукции на гражданских заводах Эрец Израэль. Был также президентом Израильского союза инженеров и архитекторов (в 1947–1955 гг.), членом Совета директоров Техниона (в 1948–1974 гг.), членом городского совета Тель-Авива от партии МАПАЙ (в 1951–1955 гг.), а также членом руководства ряда других компаний и организаций. Одно из принадлежащих компании «Мекорот» водохранилищ к западу от Кейсарииносит его имя — «Водоохранилище Ицхака». Подробнее о И. Я. Виленчуке см.: Мазовецкая Э. Супруги Виленчук: Из жизни профессиональной и интеллектуальной израильской элиты⁷⁷.

Гепштейн, Соломон (Шломо) Климентьевич⁷⁸ (1882, г. Одесса Херсонской губ. — 1961, г. Тель-Авив, Израиль) — российский общественный деятель и журналист и израильский архитектор. Окончил одесское реальное училище, а в 1912 г. — петербургскую Академию художеств по специальности «архитектура». С 1902 г. участвовал в сионистском движении: сначала в организации «общих сионистов», а после раскола примкнул к сионистам-ревизионистам. Участвовал практически во всех всероссийских сионистских конференциях. Был членом петербургского городского комитета Сионистской организации (1906–1914 гг.) и ЦК Сионистской организации России (1914–1924 гг.). Занимался журналистикой: в 1905–1918 и 1924–1926 гг. входил в редколлегию газеты «Рассвет», был автором ряда статей «Еврейской энциклопедии» и «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. После 1917 г. работал заведующим издательством Наркомата юстиции РСФСР. В Эрец Израэль с 1924 г. По приезде начал работать по специальности и вскоре стал одним из классиков всемирно известного тель-авивского архитектурного «баухауса»⁷⁹, включенного в 2003 г. ЮНЕСКО в список всемирного культурного наследия (тель-авивский музей этого архитектурного стиля размещается в спроектированном Гепштейном здании на ул. Бялика, 1). По его проектам в Тель-Авиве построено не-

сколько сотен домов. Был членом городского совета Тель-Авива. Подготовил первое собрание сочинений З. Жаботинского.

Гиммельфарб, Моисей (Моше) Иосифович⁸⁰ (1893, г. Очаков Херсонской губ. — 1969⁸¹, г. Тель-Авив, Израиль) — активист сионистского движения. Получил традиционное образование, затем окончил гимназию и одесский Новороссийский университет, где изучал право и экономику, а позже — Иерусалимский университет (по специальности «Государственное право»). С началом Первой мировой войны был призван в армию, дважды ранен. После Февральской революции 1917 г. был избран комиссаром г. Павлограда Екатеринославской губ. В 1919 г. был заместителем городского головы г. Очакова и заместителем командира городской самообороны против наступавших большевиков. До 1914 г. — член Сионистской организации России, затем — «Цаирей Цион» и СТП. Был членом местных и окружных комитетов, участвовал во всероссийских конференциях. Был председателем очаковской еврейской общины, городского сионистского комитета и общества «Цаирей Цион». Трижды арестовывался большевистскими властями за сионистскую деятельность (в 1919, 1923 и 1924 гг.). В Эрец Исраэль с 1924 г. Работал строителем и учетчиком в тель-авивской мэрии, затем советником экономического отдела Еврейского агентства, председателем тель-авивского отделения партии ревизионистов, членом центра и секретарем партии ревизионистов (в период руководства партией З. Жаботинским), председателем правления клуба друзей «Бейтара» в Эрец Исраэль и многих других организаций. Во время арабского мятежа 1929 г. был командиром отряда «Хаганы» в Тель-Авиве. Участвовал в работе двадцать второго Сионистского конгресса 1946 г. в Базеле. Был одним из создателей и председателем совета директоров «Института Жаботинского». Активно сотрудничал в газетах «Ха-Ярден» и «Ха-Машкиф».

Глуман, Иосиф Менахемович⁸² (гебраизированная фамилия Паамони, 1902, г. Петербург, Россия — 1966, г. Тель-Авив, Израиль) — израильский врач и общественный деятель. Учился в Петроградском университете, доктор медицины, бактериолог. В 1918—1924 гг. был активистом организаций «Хе-Хавер» и «Маккаби». В январе 1925 г. был арестован вместе с другими ленинградскими сионистами и приговорен к трем годам ссылки, которые были заменены высылкой в Эрец Исраэль. Стал одним из создателей системы здравоохранения в Эрец Исраэль, в частности, больничной кассы «Леумит» (1933 г.). Много лет проработал в тель-авивской больнице «Хадасса». Одновременно вел большую работу в организации ЭЦЕЛ (в частности, организо-

вал ее санитарно-медицинскую службу) и в «Бейтаре». В 1937 г. основал и стал первым директором «Института Жаботинского» в Тель-Авиве, в задачу которого входит сбор и популяризация наследия сионистов-ревизионистов и основателя этого движения. Его именем названа улица в Тель-Авиве.

Голодец, Арон Хаимович⁸³ (гебраизированная фамилия Гилады, 1907, г. Гомель Могилевской губ. — 1993, г. Цфат, Израиль) — израильский художник. С юных лет участвовал в деятельности сионистских организаций: в 1920–1922 гг. — «Маккаби», с 1922 г. — «Ха-Шомер ха-Цаир» и «Хе-Халуц». Неоднократно арестовывался большевистскими властями: в 1925 г. три раза, в 1926 г. один раз (ссылка на 3 года в Семипалатинск), в 1927 г. за соучастие в побеге (перевод в Чимкент). В 1923–1926 гг. учился в Академии художеств в Петрограде (Ленинграде). Был членом ОМАХРР («Объединение молодежи Ассоциации художников революционной России») ⁸⁴. В Эрец Исраэль с 1928 г. по приезде стал членом киббуца Афиким, где первые годы занимался творчеством после обычного рабочего дня, а в 1969 г. переехал в Цфат. Был членом творческого объединения «Офаким хадашим» («Новые горизонты») ⁸⁵. Лауреат ряда престижных премий.

Гольдберг, Асаф Моисеевич⁸⁶ [1904, г. Белосток (по данным анкеты) или г. Городок (по другим данным⁸⁷) Гродненской губ. — 1981, г. Тель-Авив, Израиль] — известный израильский юрист. Учился в школе с преподаванием на иврите. С начала Первой мировой войны жил в Москве, где получил среднее образование и окончил институт права и экономики. С юности примкнул к сионистскому движению: преподавал иврит молодым московским сионистам (за что постановлением ОГПУ был выслан из Москвы под гласный надзор), после чего всей семье удалось получить разрешение на выезд из СССР. В Эрец Исраэль с 1924 г., где окончил Иерусалимскую школу права. В течение двух каденций был председателем дисциплинарного суда коллегии адвокатов Эрец Исраэль. С момента провозглашения Государства Израиль являлся членом различных комиссий при Министерстве юстиции, в том числе по разработке новых законов и юридической терминологии. Значительное время был одним из двух главных редакторов журнала «Ха-Праклит» («Адвокат») — печатного органа коллегии адвокатов. Автор многих статей по проблемам юриспруденции.

Гольдман, Израиль Ишеяхович⁸⁸ [1880 (по данным анкеты) или 1879 (по другим данным⁸⁹), г. Каменец-Подольский Подольской губ. — 1947, г. Тель-Авив, Израиль] — активист сионистского движения. Получил традиционное и общее образование. С молодости примкнул к сионистскому движению. С 1898 г. член дви-

жения «Общих сионистов» (был секретарем местного и членом волинского окружного комитетов). В 1904—1909 гг. работал учителем в родном городе, а в 1909—1915 гг. — секретарем и главой подольского окружного комитета Еврейского колонизационного общества (ЕКО). В 1916 г. переехал в Киев, где в 1918—1925 гг. был секретарем окружного сионистского комитета и секретарем Всеукраинского отделения «Керен Каемет ле-Израэль» (Еврейского национального фонда), а также входил в городское и всеукраинское руководство общества «Тарбут» и других организаций; в 1921—1925 гг. был заместителем председателя подольской еврейской общины. Участвовал в девятом (1909, г. Гамбург, Германия) и тринадцатом (1923, г. Карловы Вары, Чехословакия) Сионистских конгрессах и различных всероссийских сионистских съездах. Преследовался царскими властями за сионистскую деятельность. Дважды (в 1922 и 1924 гг.) арестовывался советскими властями, после чего в 1925 г. был выслан из СССР. По приезде в Эрец Израэль работал в различных организациях, в том числе был секретарем комитета Союза русских евреев в Эрец Израэль. Много печатался в различных периодических изданиях.

Гребень, Марк (Мордехай) Григорьевич⁹⁰ [гебраизированная фамилия Заира (Зеира), 1905, г. Киев Киевской губ. — 1968, г. Тель-Авив, Израиль] — израильский композитор. Родился в семье, почитавшей канторское пение и хасидские мелодии. Учился на механико-математическом факультете Киевского университета. Музыкой занимался самостоятельно. В 1921 г. вступил в организацию «Ха-Шомер ха-Цаир», был членом совета городского штаба. В 1924 г. был арестован за сионистскую деятельность и выслан в Эрец Израэль. Поначалу жил в киббуце, работал на стройке, мостил дороги, а с 1933 г. перешел на работу в «Хеврат Хашмаль» (Электрическую компанию Израиля) и обосновался в Тель-Авиве. После обучения композиции у иерусалимского профессора Шломо Розовского стал активно сочинять в различных музыкальных формах, но наибольшую известность и популярность приобрели его песни, написанные на слова различных поэтов, в том числе Рахели, Александра Пэнна, Авраама Шленского, Натана Альтермана. В его сочинениях переплетаются влияния восточноевропейских синагогальных и хасидских мелодий, русских романсов и революционных песен и сефардского музыкального стиля. Стал истинным создателем жанра израильской популярной песни. Биографический очерк о его жизни см.: Шалит Ш. «Я спою тебе древнюю песню любви...» (композитор Мордехай Зеира, 1905—1968)⁹¹. Его именем названа улица в Тель-Авиве.

Гурвиц, Абрам Исаакович⁹² [гебраизированная фамилия Иш-Гурвиц, 1876, г. Шавли Ковенской губ. (по данным анкеты) или 1875, г. Бельск Гродненской губ. (по другим данным⁹³) — ?] — активист сионистского движения, израильский предприниматель и общественный деятель. Учился в хедере, затем в коммерческом училище. Торговал текстилем в Лодзи, занимал руководящие посты на текстильной фабрике в Шавли (ныне Шауляй, Литва) и завершил карьеру заместителем директора московской обувной фабрики «Меркурий». С молодости занимался сионистской деятельностью. В 1918—1919 гг. был членом московского городского совета движения общих сионистов. После ареста на Всероссийской конференции в апреле 1920 г. в Москве переехал в Архангельск, где был избран главой городского совета движения общих сионистов. С окончанием Гражданской войны в Советской России вернулся в Литву, где сразу принялся за сионистскую деятельность, в частности в «Керен ха-Захав», «Керен ха-Йесод». С возобновлением после войны алии в Эрец Исраэль в 1922 г. выехал с первой группой репатриантов из Литвы и с сертификатом (разрешением британских мандатных властей на въезд в Эрец Исраэль) под № 1 вместе с семьей осел в Экроне (так поначалу называлась мошава Мазкерет Батья). Здесь он занялся общественной деятельностью: основал и возглавил кооперативный банк «Альваа вэ-хисахон», был избран главой молочного кооператива «Мазкерет Батья», членом совета Центрального банка кооперативных учреждений Эрец Исраэль и т. д.

Гурвиц, Дов Ильич⁹⁴ (1881, м. Решетилровка Полтавской губ. — 1948, г. Тель-Авив, Израиль) — израильский врач. Учился в хедере, сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости; в 1909 г. после обучения в Берлине и Бонне получил степень доктора медицины. С 1904 г. был членом Сионистской организации России. По возвращении в Полтаву был избран председателем городского Красного Креста и городской сионистской организации. Участвовал в работе одиннадцатого Сионистского конгресса в Базеле в 1911 г. Работал земским врачом в полтавской городской больнице. В январе 1914 г. переехал в Эрец Исраэль, где начал работать детским врачом в Яффо, а в июне того же года отправился навестить оставшуюся на Украине семью, где его настигла Первая мировая война. Призванный в армию, все годы прослужил заведующим отделением земской больницы в Полтавской губ. После большевистского переворота был в 1919—1920 гг. призван в Красную армию, работал в военном инфекционном госпитале, а также в полтавской детской инфекционной больнице и одновременно открыл там же бактериоло-

гическую лабораторию. Наряду с профессиональной активно занимался и сионистской деятельностью: был главой местной сионистской организации, членом руководства полтавской еврейской общины и членом городского совета, а также активно сотрудничал с руководством Всероссийской сионистской организации в Петрограде. Неоднократно (в 1922 и 1924 гг.) арестовывался большевистскими властями. В 1925 г. получил разрешение на выезд в Эрец Исраэль. По приезде стал работать в больничной кассе «Клалит» в Хайфе, а спустя несколько месяцев начал работать детским врачом в тель-авивской больнице «Хадасса». Через какое-то время по приглашению руководства он, уже известный врач в «ишуве», перешел на работу в больничную кассу «Клалит». Однако в 1933 г. после убийства Х. Арлозорова и поднявшейся в Эрец Исраэль травли правого лагеря ему как убежденному правому сионисту, открыто выступившему против начавшихся преследований, пришлось под прямым давлением покинуть больничную кассу и перейти к частной практике. Не являясь членом партии ревизионистов, он тем не менее в годы вооруженной борьбы ЭЦЕЛ оказывал его бойцам всяческую профессиональную и финансовую помощь. Был известен своими врачебными проверками детей в кварталах бедноты. Автор многих статей в медицинских журналах.

Дольник, Соломон Борисович (Беркович)⁹⁵ (1901, г. Рудня Могилевской губ. — 1986, г. Холон, Израиль) — активист сионистского движения, к которому присоединился в юности: в 1917–1918 гг. был членом «Кадимы», в 1921–1923 гг. — «Хе-Халуца». В 1919–1921 гг. служил в Красной армии. По специальности инженер-геодезист. Участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С конца 1950-х гг. вновь занялся активной сионистской деятельностью. В 1966 г. был арестован и осужден за распространение сионистской и антисоветской литературы (ст.70 часть1) на 4 года лагерей *строгого режима* (несмотря на то что был инвалидом войны и уже в мордовском Дубравлаге был признан инвалидом 2-й группы и освобожден от работы). В Израиле с 1971 г.

Злацин, Бенцион Моисеевич⁹⁶ (гебраизированная фамилия Зив, 1893, м. Звенигородка Киевской губ. — 1969, г. Петах-Тиква, Израиль) — израильский педагог. В молодости примкнул к сионистскому движению: в 1917–1920 гг. был членом «Цаирей Цион», в 1924–1926 гг. — «Хе-Халуца» (национально-трудового); в 1917–1926 гг. был активистом общества «Тарбут»; избирался членом ЦК «Хе-Халуца»; участвовал во Всероссийском сове-

шании «Цаирей Цион» (Петроград, 1917 г.), 7-й Всероссийской конференции сионистов (Петроград, 1917 г.), Всероссийской конференции «Хе-Халуц» (Москва, январь 1925 г.) и др. В 1926 г. приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь, замененным высылкой в Эрец Исраэль. В Эрец Исраэль с 1928 г. В 1930—1936 гг. — директор начальной школы в Тверии. Первый директор школы в Раанане (1936—1950 гг.). Его именем названа начальная школа в Раанане.

Идельсон, Авраам Исаакович⁹⁷ (гебраизированная фамилия Эйлон, 1894, г. Волковыск Гродненской губ. — 1974, г. Тель-Авив, Израиль) — российский и литовский общественный деятель и израильский предприниматель. В 1915—1921 гг. учился на экономическом факультете Петроградского технологического института. В 1913—1921 гг. был одним из создателей петербургской студенческой организации «Хе-Хавер» (в 1914—1917 гг. был председателем всероссийского Центра организации), затем входил в организацию «Общих сионистов», с 1925 г. примкнул к сионистам-ревизионистам. В 1917—1921 гг. был членом ЦК Всероссийской сионистской организации, а в 1921—1925 гг. — членом ЦК Сионистской организации Литвы. Участвовал в работе одиннадцатого Сионистского конгресса в 1913 г. в Вене (в качестве гостя) и двенадцатого Сионистского конгресса в 1921 г. в Праге. Делегат российских и литовских сионистских съездов и конференций. Арестовывался в ноябре 1916 г. вместе с другими членами руководства «Хе-Хавера» и в апреле 1920 г. вместе с другими делегатами Всероссийской конференции в Москве. В 1916—1917 гг. сотрудничал в «Финансовой газете». С 1921 г. жил в Литве. В Эрец Исраэль с 1927 г. Стал одним из создателей и руководителей промышленности и торговли в Эрец Исраэль, в частности активно занимался организацией различных выставок в Эрец Исраэль и участием в международных выставках. С 1948 г. руководил правительственной типографией Государства Израиль.

Каганович, Иехуда-Лейб-Гершон Менахемович⁹⁸ (1879, м. Стара Белица Могилевской губ. — 1949, г. Тель-Авив, Израиль) — активист российского сионистского движения и израильский предприниматель и общественный деятель. Родился в семье известного раввина, получил традиционное образование. Стремление его матери к переезду в Эрец Исраэль вкупе с чтением книг и газет на иврите породило в нем стойкие сионистские убеждения, поначалу выражавшиеся в постоянных пожертвованиях на различные учреждения Эрец Исраэль. Получил в Гомеле профессию бухгалтера и стал работать в нефтяной компании. В 1897 г.

вступил в движение общих сионистов и вскоре стал членом секретариата гомельской окружной организации. В 1901–1922 гг. был секретарем гомельской окружной сионистской организации. Был также секретарем обществ любителей языка иврит и ивритских писателей. В 1923 г. стал представителем одесского общества «Ховевей Цион». Участвовал в качестве делегата во всероссийских сионистских конференциях в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки, 1906 г.), Петрограде (1917 г.) и Москве (1920 г.) и ряде окружных конференций. Был арестован вместе с другими участниками московской конференции, а выйдя на свободу, продолжил нелегальную сионистскую деятельность в Белоруссии и на Украине, организовывая там подпольные кооперативы, банки и другие сионистские учреждения. В Эрец Исраэль с 1923 г. (его братья вместе с некоторыми другими членами семьи переехали в Эрец Исраэль еще до Первой мировой войны и, купив землю в Реховоте, с переменным успехом занялись виноградарством). Вскоре по приезду по предложению Ассоциации ремесленников основал в Тель-Авиве и возглавил Ремесленный банк, а также занялся активной общественной работой: был казначеем «Дома Бялика» и «Брит ха-Ришоним», членом совета движения общих сионистов, совета общества друзей Еврейского университета, ревизионного совета «Дома Ахад ха-Ама» и многих других. На постах члена президиума всеизраильского кооперативного совета и др. сыграл важную роль в развитии израильского кооперативного движения. Был основателем журналов «Кооперация» и «Кооперативный дневник».

Каплан, Израиль-Ноах Григорьевич⁹⁹ (гебраизированная фамилия Хакоэн Каплан, 1884, г. Чернигов Черниговской губ. — 1964, г. Иерусалим, Израиль) — активист сионистского движения и израильский общественный деятель. Учился в хедере и иешивах; получил также частное светское образование. Активно занимался сионистской деятельностью: был членом Сионистской организации России и движения «Мизрахи»; уполномоченным одесского комитета «Ховевей Цион» в Чернигове, членом правления общества любителей языка иврит, председателем черниговского отделения Сионистской организации России, а также председателем местного филиала еврейского ссудо-сберегательного товарищества «Алваа вэ-Хисахон», казначеем комитета помощи еврейским беженцам в годы Первой мировой войны, главой городской еврейской общины и т. д. Арестовывался большевистскими властями. Выслан из СССР в 1923 г. Несколько лет жил в Литве. Был членом руководства местной еврейской автономии, где занимался издательской деятельностью. В Эрец Исраэль с

1926 г.¹⁰⁰ Некоторое время был редактором газеты «Ха-Бокер». Активно занимался общественной деятельностью. Был членом национального и иерусалимского советов партии общих сионистов, членом землячества выходцев из Литвы и т. д. Был делегатом шестнадцатого Сионистского конгресса (1929 г., Цюрих) и многих других международных сионистских конференций. Много печатался в периодической прессе.

Кауфман, Абрам Иосифович¹⁰¹ (1885, г. Мглин Черниговской губ. — 1971, г. Тель-Авив, Израиль) — общественный деятель, лидер еврейской общины Китая и Дальнего Востока. С юности примкнул к сионистскому движению: с 1898 г. стал членом сионистского кружка «Бней-Цион» в Перми, а с 1901 г. — Сионистской организации России. В 1908 г. окончил медицинский факультет Бернского университета. Был заместителем председателя Бернского академического ферейна (Союза еврейских студентов). С 1912 г. жил в Харбине (Китай), где в 1921—1943 гг. работал главным врачом основанной им еврейской больницы. В 1912—1927 гг. — председатель харбинского городского комитета Сионистской организации Дальнего Востока, с 1922 г. — ее председатель, уполномоченный Всемирной сионистской организации, Еврейского агентства, Еврейского национального фонда и «Керен ха-Иесод» на Дальнем Востоке. В 1921—1943 гг. — редактор русскоязычного еженедельника «Еврейская жизнь». Был делегатом трех Сионистских конгрессов. Активно занимался общественной работой: в 1912—1919 г. — заместитель председателя, а в 1919—1931 и 1933—1945 гг. — председатель харбинской еврейской общины, с 1938 г. — председатель Национального совета евреев Дальнего Востока, возглавлял почти все общественно-культурные организации харбинских евреев. В 1913—1926 гг. был гласным харбинской городской думы. После вступления Советской армии в Харбин в 1945 г. арестован и приговорен к 25 годам «исправительно-трудовых лагерей» по обвинению в шпионаже. Освобожден в 1956 г. В Израиле с 1961 г. Работал врачом в Рамат-Гане. Написал мемуары «Лагерный врач: 16 лет в Советском Союзе: воспоминания сиониста» (Тель-Авив: Ам Овед, 1973) и много статей по истории еврейских общин Дальнего Востока. По материнской линии был правнуком основателя движения ХАБАД Шнеура Залмана из Ляд.

Костринский, Яков Мордухович¹⁰² (1895, г. Городец Гродненской губ. — 1982, г. Реховот, Израиль) — активист сионистского движения и известный израильский агроном. Окончил Харьковский сельскохозяйственный институт. С юности примкнул

к сионистскому движению: с 1920 г. — член «Цаирей Цион», с 1921 г. — Сионистской трудовой партии («Хитахдут») и «Хе-Халуц» (после раскола — нелегального). Был членом ЦК Сионистской трудовой партии, делегатом Всероссийской конференции «Хе-Халуца» (Харьков, январь 1922 г.). В 1922–1924 гг. состоял в харьковском нелегальном объединении еврейских студентов. Неоднократно арестовывался большевистскими властями, в 1924 г. приговорен к 3 годам ссылки в Казахстан. В Эрец Исраэль с 1925 г. Работал на опытных агрономических станциях в Изреельской долине и Реховоте, а с 1951 г. — в сельскохозяйственном институте Вулкани в Бейт-Дагане. В 1927–1929 гг. участвовал в селекционных работах по улучшению качества хлопка, ставших первыми из многочисленных достижений будущего института Вулкани; был первым израильским исследователем, занявшимся селекцией нута (или, как его еще называют, «турецкого гороха»), из которого готовится популярнейшее ближневосточное блюдо — хумус; вывел новый сорт кунжута (именуемого также «сумсумом»).

Красногорский, Пейсах Абрамович¹⁰³ (гебраизированная фамилия Ифхар, 1904, г. Нежин Черниговской губ. — 1985, г. Герцлия, Израиль) — израильский общественный деятель и активист поселенческого движения. Окончил хедер, иешиву и среднюю школу. С молодых лет примкнул к сионистскому движению, став с 1922 г. членом ЕВОСМ, а с 1924 г. — также «Цаирей Цион» и нелегального «Хе-Халуца». Трижды (в 1924, 1925 и 1926 гг.) арестовывался большевистскими властями. После последнего ареста был приговорен к трем годам ссылки в Туркестан (г. Полторацк, ныне Ашхабад), которая была заменена высылкой в Эрец Исраэль. В Эрец Исраэль с 1927 г. По приезде вступил в «квуцу» (сельскохозяйственное объединение) «Мишмар ха-Шарон» в Герцлии, ставшей в ту пору местом организации новых поселенческих «квучот», позднее основавших такие населенные пункты в округе Шарон, как Шфаим и Ришпон. Был рабочим в Нес-Ционе, Реховоте, Рухаме, Гедере и Герцлии. Был членом «Хаганы» и активистом местного самоуправления, в частности секретарем рабочего совета Герцлии. В 1960–1966 гг. — первый мэр получившей статус города Герцлии. Его именем названа улица в Герцлии.

Ласков, Давид Юльевич¹⁰⁴ [1903, г. Атбасар (по данным анкеты) или г. Омск (по другим данным)¹⁰⁵] Акмолинской обл. — 1989, г. Хайфа, Израиль] — израильский инженер и военный деятель. С юности примкнул к сионистскому движению. В 1922–1924 гг. учился на медицинском факультете Томского университета, от-

числен за сионистскую деятельность. В 1924–1927 гг. изучал архитектуру в Ленинграде. Был членом нелегального «Хе-Халуца». В Эрец Исраэль с 1928 г. после удавшегося со второй попытки нелегального перехода советско-китайской границы. В 1932 г. закончил архитектурный факультет хайфского Техниона. Был членом организации «Хагана». В 1940–1945 гг. служил добровольцем в британской армии. С 1948 г. в Армии обороны Израиля (ЦАХАЛ). Во время Войны за Независимость воевал в качестве инженер-офицера бригады «Голани». После войны занимал должности инженер-офицера Южного, а затем Северного округа, с 1957 г. — заместитель начальника инженерных войск. Создал и возглавлял ИФТАХ — подразделение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ инженерных войск ЦАХАЛ. За большой вклад в обороноспособность страны удостоен Премии Израиля, двух премий Министерства обороны и степени почетного доктора Техниона. Скончался в возрасте 86 лет, все еще находясь на действительной службе в звании «тат-алуф» (бригадного генерала). Был занесен в книгу рекордов Гиннеса как самый старый строевой военнослужащий в истории.

Левин, Наум Менделевич¹⁰⁶ (1905, г. Витебск Витебской губ. — 1967, г. Тель-Авив, Израиль) — израильский политический деятель и предприниматель. С юности участвовал в сионистском движении: в 1921–1924 гг. — член «Хе-Хавера», входил в московский горком, Оргбюро и секретариат организации, участвовал в IX Всероссийской конференции «Хе-Хавера» в Ленинграде в январе 1924 г. Дважды арестовывался: в 1923 и 1924 гг. После второго ареста выслан в Эрец Исраэль. Окончил хайфский Технион (первый выпуск) по специальности «инженер-строитель». В Технионе был главой студенческого совета. В 1924–1931 гг. был командиром роты в «Хагане» и одновременно активистом движения сионистов-ревизионистов, в 1931–1937 гг. — командир в отколовшейся от «Хаганы» «Хагане Леумит» («Национальной обороне»), иногда называвшейся «Иргун Бет» («Организация 2»), но гораздо более известной под названием ЭЦЕЛ («Иргун Цвай Леуми»). Он был заместителем командира «Иргун Бет» и руководителем «Бейтара» Эрец Исраэль, а также членом национального руководства движения «Херут». В 1955–1965 гг. был членом Кнессета от движения «Херут», работал в финансовой комиссии Кнессета. Был директором ряда заводов и фирм, членом президиума Ассоциации промышленников Израиля и главой национального объединения деревообработчиков. Его именем названа улица в Афуле.

Левитан, Давид Менделевич¹⁰⁷ [1903, г. Двинск Витебской губ. (ныне г. Даугавпилс, Латвия) — 2006, г. Рамат-Ган, Израиль] —

деятель российского и израильского физкультурного и спортивного движения. В юности примкнул к сионистскому движению. В 1920—1921 гг. секретарь новороссийского общества «Маккаби». С 1921 г. активист (а с 1924 г. секретарь) московского общества «Маккаби». Участвовал в создании МОЛГИС («Московского общества любителей гимнастики и спорта»), преподавал гимнастику в Государственном еврейском театре «Габима» как в Москве, так и в Эрец Исраэль. В 1925—1926 гг. был мобилизован в Красную армию, где служил офицером по физической подготовке. После демобилизации был направлен на учебу в Московский институт физической культуры, откуда в 1928 г. был исключен, а вскоре арестован и сослан на Южный Урал, где продолжил работу по физическому воспитанию населения в гимнастических и легкоатлетических кружках. В Эрец Исраэль с 1930 г. По приезде работал сначала чернорабочим, а затем инструктором физического воспитания, в 1932 г. был избран членом руководства общества «Ха-Поэль». В 1941 г. стал заниматься подготовкой учителей физического воспитания и практическим физическим воспитанием различных групп населения на севере Эрец Исраэль. В 1950—1968 гг. — ответственный за физическую культуру и спорт в движении «Алия ха-Ноар» («Молодежная алия») Еврейского агентства. Подробнее см.: Миллер У. Давид Левитан как зеркало еврейского физического воспитания¹⁰⁸.

Ледерман, Исаак Перецович¹⁰⁹ [гебраизированная фамилия Ледор, 1903 (по данным анкеты) или 1901 (по другим данным¹¹⁰), м. Жеребково Херсонской губ. — 1989, г. Холон, Израиль] — активист сионистского движения и израильский педагог. Окончил хедер, гимназию и одесский Новороссийский университет. С молодости занимался сионистской деятельностью, был членом «Цаирей Цион» (с 1917 г.), «Хе-Халуца» (с 1919 г.), Сионистской трудовой партии («Хитахдут») (с 1920 г.). Участвовал в конференциях «Хе-Халуц» (Киев, 1922 г.) и Сионистской трудовой партии (Москва, 1924 г.). В конце 1924 г. был избран членом Всесоюзного совета «Хе-Халуца». В 1922—1924 гг. был членом совета одесского общества «Тарбут». В 1920—1921 гг. избирался членом совета университетского студенческого общества. Неподобно арестовывался большевистскими властями. В 1924 г. был выслан в Казахстан, а в конце 1928 г. — в Эрец Исраэль. По приезде поступил в Иерусалимский университет. Через год после приезда получил приглашение работать в школе, и так началась его педагогическая карьера. Сменив несколько школ в Хайфе и Тель-Авиве, он на 24 года «задержался» в тель-авивской школе «Геула», после чего работал директором средней школы «Островский» в Раанане. Одновременно выступал с лекциями и

издавал книги и статьи на самые различные темы по экономической географии Эрец Исраэль, Ближнего и Среднего Востока и Азии и истории еврейского поселенческого движения в Эрец Исраэль. С 1938 г. был членом «Хаганы». Участник Войны за независимость 1948–1949 гг.

Ливонгин, Ихмель-Йосиф Иехудович¹¹¹ [1861 (по данным анкеты) или 1864 (по другим данным¹¹²), г. Орша Могилевской губ. — 1936, г. Ришон ле-Цион, Израиль] — писатель и общественный деятель. В 1888 г. окончил Московское высшее техническое училище (по специальности инженер). Сионистской деятельностью занялся в 1890-х гг. Вместе с М. Усышкиным, И. Членовым и А. Идельсоном был основателем московского кружка «Бней Цион»; член кружков «Бней Моше» и «Ховевей Цион», Сионистской организации России (член московского комитета). В апреле 1920 г. был арестован вместе с другими участниками Всероссийской сионистской конференции. С 1922 г. в Эрец Исраэль. Занимался пропагандой кооперативного движения. Автор ряда романов и повестей.

Лоткер, Арье Яковлевич¹¹³ (1903, г. Нежин Черниговской обл. — 1995, г. Тель-Авив, Израиль) — активист сионистского движения. Учился в хедере и русскоязычной еврейской гимназии, где также обучали ивриту. Был членом «Цаирей Цион». В 1922 г. был арестован, приговор к ссылке в Сибирь был заменен на высылку в Эрец Исраэль. Приехав в 1923 г., присоединился к «квуче» (сельскохозяйственной коммуне) «Маавар» («Переход») возле Петах-Тиквы, впоследствии ставшей киббуцом Гиват ха-Шлоша. С 1925 г. был членом движения ревизионистов. Несколько лет работал на цитрусовых плантациях в Рамат-Гане, после чего в 1929 г. поступил на работу в тель-авивскую полицию. В 1937 г. был послан ночным охранником в банк. В 1939 г. ему было поручено в качестве ответа на британскую «Белую книгу» заминировать железнодорожное полотно в Тель-Авиве между ул. Алленби и Герцля. Был приговорен к трем месяцам административного ареста, как было сказано в приговоре, «для общественного спокойствия». С 1940 г. начал работать в тель-авивской мэрии сначала в должности служащего, а затем — городского контролера. Активно участвовал в создании ревизионистской фракции в Гистадруте (Всеизраильской федерации трудящихся), а позже — рабочей группы в движении ревизионистов, ставшей ядром будущего «Ха-Гистадрут ха-овдим ха-леумит» («Национальной федерации трудящихся»), — созданного в 1934 г. сто-

ронниками ревизионистского течения альтернативного профсоюзного объединения. Был членом ЭЦЕЛ, где занимался сыскной деятельностью. С момента создания Государства Израиль стал членом движения «Херут». Брат Григория (Цви) Лоткера.

Лоткер, Григорий (Цви) Яковлевич¹¹⁴ [1901, г. Киев Киевской губ. (по данным анкеты) или г. Нежин Черниговской обл. (по другим данным¹¹⁵) — 1949, Израиль] — активист сионистского движения. Окончил гимназию, после чего учился в Киевском и Ленинградском политехнических институтах. В 1916–1917 гг. был членом организации сионистской молодежи, в 1917–1925 гг. — «Цаирей Цион». Входил в местные комитеты организаций. В 1922 г. участвовал в работе киевской конференции «Цаирей Цион». В 1922–1924 гг. четырежды арестовывался большевистскими властями. В Эрец Исраэль с 1925 г. Работал секретарем в медицинском центре «Штраус» в Тель-Авиве. В 1926 г. вступил в «Хагану». Активно занимался переводами с русского языка на иврит, прежде всего литературы по военной тематике. В 1936 г. закончил курсы инструкторов самообороны, после чего объездил всю страну. С началом Войны за независимость в 1948 г. настоял на своем призыве, хотя по возрасту уже не подлежал воинской службе, и отказался проходить службу в «Мишмар ха-эзрахи» (частях гражданской обороны). Участвовал в боях за Яффо, Лод и Рамлу, в битве за Латрун получил осколочное ранение. Погиб в бою в марте 1949 г. Брат Арье Лоткера.

Лурье, Моисей (Моше) Самойлович¹¹⁶ (1891, г. Вологда Вологодской губ. — 1961, г. Тель-Авив, Израиль) — активист сионистского движения и деятель израильского здравоохранения. Окончил хедер и гимназию, учился на медицинских факультетах Петербургского и Киевского университетов, стажировался в педиатрии в Берлинском университете и окончил специальные курсы школьных врачей. В 1917 г. начал работать врачом в еврейской и городской больницах Киева, в 1919–1921 гг. был директором и одновременно врачом в киевском доме ребенка и врачом — в военном госпитале. К сионистскому движению примкнул в 1908 г. еще в гимназии. В 1909 г. стал инициатором создания в Вологде «Союза сионистов». В 1909–1910 гг. был членом руководства Союза еврейских студентов Петербурга. В 1911–1917 гг. входил в руководство движения «Цаирей Цион» в Киевском округе, был членом отрядов еврейской самообороны в Киеве. В 1917–1920 гг. создатель и руководитель демократической фракции «Цаирей Цион» Украины и Белоруссии. В 1917 г. входил в руководство киевской еврейской общины, был заместителем председателя Сioane

нистского комитета Украины, представителем во Всероссийской сионистской организации в Петербурге. В 1920–1922 гг. — член центра партии СТП («Хитахдут»). В 1922 г. был арестован вместе со всеми участниками нелегальной конференции «Цаирей Цион» в Киеве и сослан в г. Владимир, где работал директором и врачом дома ребенка, а также преподавал на различных курсах. В 1923 г. был выслан из СССР. Поначалу приехал в Берлин, где стал работать секретарем в обществе ОЗЕ и занялся публицистикой, а в 1925 г. приехал в Эрец Исраэль. Здесь он начал работать детским врачом в больничной кассе в Афуле и вступил в партию «Поалей Эрец Исраэль». Однако его публикации, направленные против расширения влияния и власти Еврейского агентства и Гистадрута, привели к тому, что ему пришлось уйти с работы. Переехав в Тель-Авив, он начал работать частнопрактикующим детским врачом, а также врачом в поликлинике Объединения врачей. В самом объединении он начал заниматься общественной работой и вскоре обрел известность и влияние в профессиональной среде. С 1938 г. он стал активистом движения ревизионистов, занимал влиятельные посты в руководстве движения, выступал в прессе. В мае 1944 г. он был без предъявления какого-либо обвинения арестован и по закону о чрезвычайном положении заключен в концентрационный лагерь в Латруне, а в октябре вместе с еще 251 заключенным переправлен сначала в Эритрею, а затем в январе 1945 г. — в Судан, откуда спустя месяц был освобожден под надзор полиции.

Март, Меир Моисеевич¹¹⁷ (1905, м. Попеляны Ковенской губ. — 1948, Израиль) — деятель российского и израильского физкультурного и спортивного движения. С юности примкнул к сионистскому движению: с 1920 г. был членом «Маккаби» (секретарь Центрального совета). В 1924 г. арестован большевистскими властями, приговорен к двум годам ссылки, замененным высылкой в Эрец Исраэль. В 1925–1926 гг. на стажировке в копенгагенском Королевском институте физического воспитания. По возвращении преподавал в иерусалимской школе и одновременно вел секцию гимнастики в «Маккаби». С 1927 г. — в Хайфе. На двух первых Маккабиадах в Эрец Исраэль (1932 и 1935 гг.) был техническим руководителем соревнований по плаванию. Был редактором «Йедион Иргун ха-Морим ле-Хитамлут» («Вестника Общества учителей гимнастики») и первым редактором журнала «Ха-Хинух ха-Гуфани» («Физическое воспитание»). В 1948 г. после начала Войны за независимость стал руководителем военной подготовки молодежи в Иерусалимском и Тель-Авивском округах. Погиб в автомобильной катастрофе.

Маршов, Арон Элизерович¹¹⁸ (1879, г. Прилуки Полтавской губ. — 1967, г. Реховот, Израиль) — российский и израильский общественный деятель и врач. Учился в хедере и иешивах. Медицинское образование получил в Кенигсберге, Вене и Базеле (здесь стал доктором медицины). С юности примкнул к сионистскому движению: был членом кружка «Ховевей Цион», Сионистской организации России, «Поалей Цион», Сионистской трудовой партии. Был главой конотопской еврейской общины. В 1922 и 1923 гг. арестовывался большевистскими властями. До 1924 г. работал врачом в Вятке и Конотопе. В Эрец Исраэль с 1924 г. Был членом «Ха-Поэль ха-Цаир», затем МАПАЙ (был членом секретариата). Был членом национального совета Керен ха-Йесод. Работал в тель-авивской больнице «Хадасса», затем врачом в Реховоте, поначалу в частном кабинете, а с возникновением в Реховоте «Общедоступной больничной кассы» (ныне именуемой «Меухедет») там. Был организатором первой в Реховоте станции скорой помощи. Неустанно занимался не только профессиональным, но и общим самообразованием (был постоянным членом кружка известнейшего философа И. Лейбовича и т. д.). Его именем названа улица в Реховоте.

Матов, Иосиф (Йосефон) Соломонович¹¹⁹ (гебраизированная фамилия Саарони, 1901, г. Кременчуг Полтавской губ. — 1990, г. Холон, Израиль) — участник сионистского движения в России, один из организаторов ленинградской группы молодых ивритоязычных писателей. Друг А. Пэнна и Х. Ленского. В 1927 г. был арестован в Ленинграде и осужден к 3 годам ссылки в Сибирь за «антисоветскую деятельность». С 1929 г. в Эрец Исраэль, где продолжал литературную деятельность. Перевел на иврит многие произведения русской литературы, в том числе произведения И. С. Тургенева, «Архипелаг ГУЛАГ», «Раковый корпус» и «Август 1914» А. И. Солженицына, «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова, «Моя жизнь в искусстве» К. С. Станиславского и др.

Меерович, Соломон (Шломо) Григорьевич¹²⁰ (гебраизированная фамилия Моризель, 1904, г. Рига, Латвия — 1985, г. Тель-Авив, Израиль) — активист сионистского движения в России и израильский политический и общественный деятель. Родился в семье известного сионистского деятеля Григория (Цви) Яковлевича Мееровича, бывшего делегатом нескольких всероссийских сионистских съездов, в том числе в 1917 г. в Петрограде и в 1920 г. в Москве. Рос в кругу русско-ивритской сионистской интеллигенции. Учился в средних школах Витебска и Москвы, в 1924 г.

окончил факультет общественных наук Московского университета. Уже в школьные годы стал организатором юношеского сионистского кружка, возглавлял витебское отделение общества «Хе-Хавер». Был членом «Хе-Хавера» и ЕВОСМ. В студенческие годы был членом руководства московской сионистской организации, горкома и ЦК «Хе-Хавер» и ЦК ЕВОСМ; участвовал в восьмом (Москва, 1922 г.) и девятом (Петроград, 1924 г.) съездах «Хе-Хавера» и других сионистских конференциях; работал в Комитете помощи голодающим еврейским колониям (1922 г.). Активно занимался легальным и нелегальным изданием сионистской периодики и литературы. В годы учебы в Московском университете был членом студенческого комитета факультета и знаменитого выпавшими на его долю преследованиями со стороны большевиков «Комитета помощи голодающим» («Помгол»), активно участвовал во многих студенческих акциях той поры (борьба за университетскую автономию, участие в похоронах известного анархиста князя П. А. Кропоткина и студенческих демонстрациях в защиту свободы слова и совести). Неоднократно арестовывался большевистскими властями. Последний арест в 1924 г. привел к высылке в Эрец Израэль. Являясь активным поборником халуцианского «возвращения к земле», сразу по приезде присоединился к «квудце» (сельскохозяйственной коммуне) «Юг», объединявшей молодых халуцианцев Нес-Ционы и Реховота, и начал работать на цитрусовых плантациях, строительстве дорог и в каменоломнях, а спустя некоторое время продолжил трудиться уже в качестве сельскохозяйственного рабочего в киббуце Дгания Алеф. В 1924–1930 гг. был одним из инициаторов и активистов движения международной поддержки молодых сионистов в Советской России. Участвовал в четырнадцатом (Вена, 1925 г.) и пятнадцатом (Базель, 1927 г.) Сионистских конгрессах и других международных сионистских конференциях. Присоединившись после приезда в Эрец Израэль к движению «Ха-Поэль ха-Цаир», через год образовал в Нес-Ционе группу «рабочих-ревизионистов». В 1928 г. уехал продолжать обучение в Париж, где окончил юридический факультет Сорбонны, а также занимался в Высшей школе политических наук. В Париже был избран в Центр французского отделения Союза ревизионистов и был представителем Центра во Всемирном совете движения ревизионистов. В 1927–1934 гг. был членом редколлегии и постоянным автором органа ревизионистов газеты «Рассвет». После возвращения в 1933 г. в Эрец Израэль продолжил активную работу в движении ревизионистов. Стал одним из основателей альтернативного «Ха-Хистадрут ха-овдим ха-леумит» («Национального союза трудящихся») ревизионистского направления. В 1936–1937 гг. был директором фонда «Тель-Хай» в Эрец Исра-

эль и одним из основателей «Института Жаботинского». Сразу после смерти З. Жаботинского в 1940 г. отошел от политической деятельности. Заняв пост заведующего отделом труда союза промышленников, приложил много усилий для координации действий союза и Еврейского агентства, а позже — правительства Израиля. Являясь членом высшего суда по трудовым конфликтам, внес немалый вклад в разработку первых коллективных договоров. После провозглашения Государства Израиль активно работал в сфере связей с Международной организацией труда. В 1955 г. стал заместителем генерального директора Министерства промышленности и торговли, где сконцентрировал свои усилия на исследовании сбыта, разработке торговых договоров с другими странами. Затем возглавил отдел информации и международных связей и отдел защиты отечественного производителя в Союзе промышленников. В 1953 г. вернулся к политической деятельности, вступив в партию общих сионистов в надежде способствовать объединению всех сионистских сил страны и становлению общенародной партии либерального направления. Внес значительный вклад в укрепление связей Израиля с африканскими странами, в особенности Либерией, Сьерра-Леоне, Ганой и Нигерией. С 1956 г. исполнял обязанности консула Либерии в Израиле.

Мокобоцкий, Нехемия Моисеевич¹²¹ [гебраизированная фамилия Маккаби, 1914, г. Седльце Седлецкой губ. (по данным анкеты) или г. Минск Минской губ. (по другим данным¹²²) — 2007, ?] — активист сионистского движения и израильский общественный деятель. Учился в хедере, иешиве и светской школе. С юношеских лет примкнул к сионистскому движению, с 1928 г. был членом «Ха-Шомер ха-Цаир» (национального). В 1938—1941 гг. находился в заключении в лагере. В Израиле с 1957 г. Занимался преподавательской деятельностью. Был одним из инициаторов создания Объединения олим из СССР, Организации узников Сиона и Землячества выходцев из Белоруссии. Автор воспоминаний «Проблеск во мраке» ([Тель-Авив]: «Маккаби», [1981?; 1991]).

Норман, Исаак Мордухович¹²³ [настоящая фамилия Сумановский, 1897 (по данным анкеты) или 1894 (по другим данным¹²⁴), м. Дубово Киевской губ. — 1971, г. Тель-Авив, Израиль] — израильский литератор и театральный деятель. С юности примкнул к сионистскому движению: был членом организации «Цаирей Цион», избирался в ленинградский и ташкентский горкомы и окружкомы. В Самарканде руководил любительским театром на иврите. В 1926 г. арестован большевистскими властями и приго-

ворен к 3 годам ссылки, замененным высылкой в Эрец Исраэль, куда приехал в 1927 г. В 1930-х гг. вместе с А. Шленским, Н. Альтерманом, Л. Гольдберг и др. участвовал в издании журнала «Турим».

Петроковский, Шолом Арьеви́ч¹²⁵ (1905 (по данным анкеты) или 1906 (по другим данным¹²⁶), г. Винница Подольской губ. — 1981, кибуц Кинерет, Израиль) — активист сионистского движения и израильский общественный деятель. В юности примкнул к сионистскому движению: был членом организации «Бней Цион», затем — сионистов-социалистов, а в 1922–1928 гг. — «Хе-Халуц». Неоднократно арестовывался большевистскими властями; в 1924 г. был выслан в отдаленные районы Украины, спустя год переведен в Казахстан, а еще год спустя — в Сибирь. В 1928 г. был выслан в Эрец Исраэль. После недолгого пребывания в Петах-Тикве переехал на север, где занимался сельским хозяйством и служил в отрядах еврейской самообороны в Иорданской долине. С тех пор вся его жизнь была посвящена общественной деятельности и безопасности еврейского ишува и Государства Израиль. В 1975 г., когда ему было уже под семьдесят лет, он пошел добровольцем в «Синюю бригаду», занятую ремонтом подбитых в бою танков. В 1977 г. за особые заслуги перед израильским сельским хозяйством был удостоен звания «Почетный полевод».

Пугачев, Шнеур-Залман Яковлеви́ч¹²⁷ (гебраизированная фамилия Амиав, 1879, г. Конотоп Черниговской губ. — 1934, г. Вена, Австрия) — деятель сионистского движения и педагог, основатель первой в Варшаве ивритской школы. Получил традиционное и светское педагогическое образование. С молодости примкнул к сионистскому движению. Вместе с Ш. Л. Гордоном возглавил варшавский «Кружок любителей иврита». После переезда с началом Первой мировой войны из Варшавы в Москву основал там первую в России среднюю ивритоязычную школу. С 1915 г. — член ЦК Сионистской организации России. Работал в ивритских школах в Москве и Берлине. Считается одним из основателей современной ивритоязычной школы. В 1919 г. основал в Малаховке (близ Москвы) первую ивритоязычную педагогическую коммуну, закрытую под давлением Евсекции. В апреле 1920 г. был арестован вместе с остальными участниками Всероссийской сионистской конференции. В 1921 г. выехал в Варшаву, а затем в Берлин. В Эрец Исраэль с 1924 г. Был основателем сети «детских деревень» (педагогических центров) в Эрец Исраэль (Рамат-Ган, Афула и т. д.). Его сын Эммануэль Амиран (Пугачев, 1909, г. Варшава, Польша — 1993, г. Тель-Авив, Израиль) стал известнейшим израильским композитором, «отцом израильской песни», чьим именем названа одна из тель-авивских улиц.

Пэнн, Александр Иосифович¹²⁸ [1905, с. Акимовка Таврической губ. (по данным анкеты) или 1906, г. Нижнеколымск Якутской обл. (по другим данным¹²⁹) — 1972, г. Тель-Авив, Израиль] — выдающийся израильский поэт. Оставшись сиротой в десятилетнем возрасте, скитался по России, пока в 1920 г. не поселился в Москве, где окончил среднюю школу, учился в Государственном институте слова, посещал Государственный техникум кинематографии. С юных лет начал писать стихи на русском языке. Вошел в круг московских поэтов. Увлекался С. Есениным, Б. Пастернаком и особенно В. Маяковским, чье влияние он явно испытал и за что впоследствии был назван «ивритским Маяковским». Со временем сдружился не только с русскими поэтами И. Рукавишниковым и С. Есениным, которые ввели его в литературные круги и помогли с первыми публикациями в «Крестьянской ниве», но и с членами молодежного сионистского кружка Д. Левитаном, Д. Ласковым, М. Мартом, Р. Кричевской, Э. Бриллиантом, А. Басиным и А. Виршувом. Многие из них были активистами московского «Маккаби», и Пэнн, естественно, также вступил в это общество, занялся боксом и даже стал инструктором. Помимо того он посещал и секцию бокса незадолго до того созданного общества «Динамо», где не только тренировался у прославленного в будущем заслуженного мастера спорта СССР и заслуженного тренера СССР, а в ту пору уже победителя международных соревнований К. В. Градополова, но и сам выступал в роли тренера. В Эрец Исраэль с 1927 г. Работал на апельсиновых плантациях, стройках, сторожем, стал одним из первых тренеров по боксу в тель-авивском обществе «Ха-Поэль». Был одним из активных создателей первой в Эрец Исраэль киностудии «Моледет» («Родина»). Поощряемый А. Шленским, Пэнн начал писать на иврите. Его первые стихи в Эрец Исраэль были напечатаны в 1929 г. в журнале «Ктувим». Поначалу писал лирические стихи, но с 1934 г. стал все более склоняться к социально-политической тематике. В 1930-х гг. был членом репертуарной комиссии театра «Габима». С 1947 г. редактор литературного приложения к газете Коммунистической партии Израиля «Коль ха-Ам». После Шестидневной войны 1967 г. вышел из партии из-за ее, как он выразился, «националистического упадка». На иврите были изданы семь сборников стихов Пэнна: три прижизненных — «Тэвель бэ-мацор» («Вселенная в осаде», 1948), «Кулям ки-ахад» («Все как один», 1952), «Ле-орех ха-дерех» («Вдоль дороги», 1956) и четыре посмертных — «Хая о ло хая» («Было или не было», 1972), «Рехов ха-‘эцев ха-хад-ситри» («Улица односторонней печали», 1977); «Лейлот бли гаг» («Ночи без крыши», 1985), «Ха-Ширим» («Стихотворения», 2005). Многие его стихи были положены на музы-

ку. Пэнн перевел на иврит ряд стихотворений и поэм Маяковского («Мивхар ширим» — «Избранные стихотворения», 1950) и был одним из составителей сборника переводов на русский язык «Поэты Израила» (М., 1963). Сборник стихов Пэнна в переводе на русский язык «Сердце в пути» (М., 1965; редактор и автор предисловия Д. Самойлов; более трети стихотворений переведены с иврита автором) — первое советское издание, которое посвящено творчеству одного израильского поэта. Его именем названы улицы в Тель-Авиве, Петах-Тикве, Ашдоде и Ход-ха-Шароне.

Рабинович, Арон Исаакович¹³⁰ (1901, г. Могилев Могилевской губ. — 1945, г. Иерусалим, Эрец Исраэль) — деятель сионистского и израильского рабочего движения. Учился в Петроградском политехническом институте. С юности участвовал в сионистском движении: в 1917–1923 гг. был членом «Цаирей Цион» и партии сионистов-социалистов, а с того же 1917 г. — и членом «Хе-Хавера»; избирался на конференции «Цаирей Цион» и «Хе-Хавера», в 1922–1925 гг. — член ЦК «Хе-Хавера». Неоднократно арестовывался большевистскими властями, в 1925 г. приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь, замененным благодаря главе «Политического Красного Креста» Е. П. Пешковой на высылку в Эрец Исраэль. В Эрец Исраэль с 1927 г. В 1929 г. во время арабского мятежа был арестован британскими властями за доставку оружия отрядам Хаганы. В 1932 г. был избран секретарем иерусалимского рабочего совета. Впервые в Иерусалимском округе добился подписания трудовых договоров между рабочими и строительными подрядчиками, а также руководил окончившейся победой рабочих нашумевшей в то время забастовкой рабочих пищевого завода Фрумина, что резко повысило авторитет Гистадрута (профсоюзов Эрец Исраэль). Сыграл важную роль в объединении разрозненных рабочих организаций в единую партию МАПАЙ. В 1935 г. представлял МАПАЙ на Девятнадцатом Сионистском конгрессе в Люцерне. В 1939 г. был избран членом исполкома и секретариата Гистадрута. Благодаря его усилиям было заключено первое в истории ишува соглашение о выплате к заработной плате компенсационной надбавки за рост дороговизны. Во время Второй мировой войны, в 1943 г., представлял Гистадрут в делегации «Лиги помощи Советскому Союзу» (известной как «Лига Ви» от английского слова «победа»), посланной в Тегеран для встречи с советскими представителями, а в 1945 г. был представителем профсоюзов Эрец Исраэль на Всемирной конференции профессиональных союзов. Ему посвящена специально выпущенная книга «Бэширут ха-овэд ха-иври: Аарон (Роня) Рабинович вэпаалав: дварим бэктав вэбэальпэ» («На службе еврейского пролетария: Аарон (Роня) Рабинович и его деятельность: статьи и выступления»). Тель-Авив, 1962).

Рабинович, Исаак Львович¹³¹ [1887, м. Попеляны (по данным анкеты) или Вешвяны (по другим данным¹³²) Ковенской губ. — 1971, г. Иерусалим, Израиль] — организатор еврейского спортивного движения в Польше и России, израильский политический деятель. Окончил технологический институт в Саксонии (дипломированный инженер). С юности примкнул к сионистскому движению: в 1903—1908 гг. был членом студенческих сионистских организаций в России и Германии. Один из основателей общества «Маккаби» (в 1912—1926 гг. секретарь). С 1920 г. — председатель правления Всероссийского союза еврейских спортивных клубов «Маккаби». Организатор молодежного движения «Маккаби ха-Цаир» (с 1923 г. «Ха-Шомер ха-Цаир»). Был членом последнего (действовавшего нелегально) Всероссийского сионистского центра. В 1925—1926 гг. вместе с профессором Д. Шором активно сопротивлялся преследованиям сионистов со стороны большевистских властей. В 1926 г. арестован и сослан на 3 года в Казахстан. В Эрец Исраэль с 1929 г. Был активистом общества «Маген», призванного оказывать помощь «узникам Сиона» в Советской России. В 1933 г. вступил в «Хагану». В 1933—1953 гг. возглавлял «русский» отдел Еврейского агентства (Сохнута) и отвечал за «русскую» собственность в Государстве Израиль. Автор воспоминаний «Ми-Москва ад-Йерушалаим» («От Москвы до Иерусалима», Иерусалим: Рубин Масс, 1957).

Райхман, Ананий (Ханания) Соломонович¹³³ (1905, м. Гришино Екатеринославской губ. — 1982, г. Тель-Авив, Израиль) — известный израильский писатель, поэт и переводчик. Родился в интеллигентной семье, учился в школе с преподаванием на иврите. С детства принимал участие в сионистском движении: в 1917—1922 гг. был членом различных молодежных организаций, а в 1922—1926 гг. — «Цаирей Цион» (входил в руководство екатеринославской организации) и ЕВОСМ. Был арестован большевистскими властями. В 1926 г. уехал в Эрец Исраэль. Блестящий знаток иврита, он быстро стал популярным как у взрослых читателей, так и у детей. Писал под псевдонимами Ави-Авшалом, Х. Бен-Шломо, Ханания Ран. Автор таких известных книг собственных стихов, переводов и сборников афоризмов, как «Мишират ха-‘олам» («Из мировой поэзии», 1942; 2-е доп. изд., 1964), «Питгамим у-михгамим» («Афоризмы и эпиграммы», 1955, 2-е изд., 1990), «Дваш ве-‘окец» («Мед и жало», 1960), «Иврит аллиза» («Веселый иврит», 1975). Среди его переводов на иврит — произведения И. А. Крылова, З. Жаботинского, Р. Баумволь, на русский язык — Н. Альтермана.

Сахнин, Авраам Гаврилович¹³⁴ (1905, г. Полтава Полтавской губ. — 1986, г. Хайфа, Израиль) — активист сионистского движения и израильский педагог и общественный деятель. С юности примкнул к сионистскому движению: в 1921—1924 гг. был членом «Гистадрута», в 1924—1926 гг. — ЕВОСМ; избирался членом полтавского, харьковского и московского горкомов, в 1925—1926 гг. — членом ЦК ЕВОСМ, делегатом Всесоюзной конференции ЕВОСМ в Ленинграде (сентябрь 1925 г.) и ленинградского совещания ЕВОСМ (февраль 1926 г.). Неоднократно арестовывался большевистскими властями, в 1926 и 1933 гг. приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь и Среднюю Азию. В 1936 г. при помощи руководителя «Политического Красного Креста» Е. П. Пешковой на основании закона о воссоединении семей получил разрешение на выезд в Эрец Исраэль. Учился в Харьковском технологическом институте. Был заместителем директора технологической школы при хайфском Технионе, членом городского совета и заместителем мэра г. Хайфы. Был удостоен звания «Почетный гражданин Хайфы». Его именем названа улица в Хайфе.

Стеймацкий, Ефим (Иехизкиэль) Маркович¹³⁵ (1900, ? — 1983, Тель-Авив, Израиль) — основатель старейшей и крупнейшей в Израиле книготорговой фирмы. С юности примкнул к сионистскому движению: в 1916—1924 гг. был членом организации «Цаирей Цион», затем партии сионистов-социалистов и «Хе-Халуца». Избирался членом городских и окружных комитетов в Феодосии и Брянске, делегатом окружных и всероссийских конференций. Неоднократно арестовывался большевистскими властями. В 1922—1924 гг. жил в Берлине, где учился экономике и юриспруденции, а в качестве заработка занимался книгоизданием. Был членом движения сионистов-ревизионистов с момента основания. В Эрец Исраэль с 1925 г., куда приехал на торжественную церемонию открытия Еврейского университета в Иерусалиме и где решил остаться, поскольку обнаружил растущий рынок сбыта книг на иностранных языках, прежде всего среди иммигрантов и британских солдат. В том же году открыл первый книжный магазин на иерусалимской улице Яффо, затем в том же году в Хайфе (в 1939 г. был сожжен во время арабского мятежа) и в 1948 г. — на улице Алленби в Тель-Авиве. В 1927 г. магазин «Стеймацкий» был открыт в Бейруте, а в ходе Второй мировой войны магазины фирмы были открыты также в Багдаде, Каире, Александрии и Дамаске. (Естественно, все магазины в арабских странах были закрыты после начала в 1948 г. Войны за независимость). К 2005 г. фирма, владевшая более чем 150 магазинами в 68 городах и населенных пунктах Израиля, а также

Лондоне и Лос-Анджелесе, и контролировавшая более чем 40 % израильского книжного рынка, была частично (а двумя годами позже — полностью) приобретена другой компанией, но и при новых владельцах сохранила свой бренд, поскольку в Израиле известно: «Книги — это “Стеймацкий”».

Узиелов, Моисей (Моше) Абрамович¹³⁶ (гебраизированная фамилия Узиели, 1888, г. Мстиславль Могилевской губ. — 1946, г. Тель-Авив, Эрец Израэль) — российский и израильский общественный деятель. Получил традиционное и светское образование, окончил Харьковский университет (дипломированный фармацевт). С 1905 г. примкнул к «общим сионистам», был членом ставропольского (1906 г.), бахмутского (1907–1912 гг.), московского (1912–1920 гг.) городских комитетов, московского окружного комитета (1917–1918 гг.) и временного ЦК (Москва, 1919–1920 гг.). Участвовал в различных сионистских конгрессах и конференциях (1911–1920 гг.), в том числе десятом Сионистском конгрессе в 1911 г. в Базеле. Руководил московскими еврейскими организациями «Явне» и «Ховевей сфат эвер». В годы Первой мировой войны был секретарем Комитета по оказанию помощи евреям-беженцам. Входил в правление московской еврейской общины (в 1917 г. был ее секретарем); был членом президиума Всероссийского ЦК еврейских общин (Москва, 1918 г.). В 1919 и 1920 гг. арестовывался большевистскими властями. В Эрец Израэль с 1921 г. Работал секретарем общинного совета Тель-Авива. Его памяти посвящен сборник «Ковец зикарон ле-Моше Узиели: маамарим вэ-нэумим аль хайяв вэаводто ха-цибурит вэха-ционит бэмээлат шана лептирато» (Сборник в память Моше Узиели: статьи и выступления о его жизни и общественной и сионистской деятельности в связи с первой годовщиной его кончины. Тель-Авив, 1947).

Фишер, Иосиф Аронович¹³⁷ (гебраизированная фамилия Ариэль, 1893, г. Одесса Херсонской губ. — 1966, г. Иерусалим, Израиль) — израильский дипломат и журналист. Окончил историко-филологический факультет одесского Новороссийского университета. С молодости примкнул к сионистскому движению: с 1911 г. был членом «Союза еврейских учащихся» в Одессе, с 1912 г. — «Цаирей Цион», а с 1913 г. — «Хе-Хавера» и организации общих сионистов. Был членом ЦК «Хе-Хавера», с 1917 г. — заместителем члена ЦК Сионистской организации России, в 1919–1924 гг. — членом ЦК «Цаирей Цион». Кроме того, был членом ЦК Украинской Центральной Рады, гласным Одесской городской думы, членом Украинского Учредительного собрания.

Неоднократно арестовывался царскими и большевистскими властями (в 1915 г. был приговорен к ссылке в Сибирь, в 1922 г. — к двум годам тюремного заключения, которое отбывал во Владимирском центре). В 1924 г. был выслан из СССР. Сначала жил в Берлине (где публиковался в эмигрантской газете «Дни»), в июле того же 1924 г. переехал в Эрец Исраэль, где с первых дней работал в Керен Каемет ле-Исраэль (Еврейском национальном фонде). В 1925 г. переехал в Париж, где начал руководить отделением фонда. Спустя год получил французское гражданство. Прожил во Франции 25 лет. Основал газету «La Terre Retrouvée» и был ее редактором. В годы Второй мировой войны при содействии «Джойнта» занимался сбором средств на спасение евреев (их укрытие, переправку в нейтральную Швейцарию и пр.). В 1950 г. вернулся в Израиль. С 1952 г. работал в израильском Министерстве иностранных дел (в 1952—1957 гг. возглавлял израильскую дипломатическую миссию в Брюсселе; был организатором визита королевы Елизаветы в Израиль). Впоследствии работал заведующим отделом внешних сношений Национального Института памяти жертв Катастрофы (Шоа) и героизма «Яд ва-Шем». Был одним из создателей общества «Израиль—Франция».

Хаскин, Исаак Моисеевич¹³⁸ (1905, м. Кракинов Ковенской губ. — 1979, г. Тель-Авив) — активист сионистского движения и израильский общественный деятель. Учился в хедере и Слободской иешиве. С началом Первой мировой войны семья переехала в г. Прилуки Полтавской губ., где его отец стал городским раввином, а он продолжил обучение в обосновавшейся с началом войны в городе ломжинской иешиве. В 1922—1924 гг. учился в Киевском политехническом институте. Был активистом ЕВОСМ и «Хе-Халуца» (в 1923—1925 гг. был членом полтавских комитетов обеих организаций), за что был арестован и приговорен к ссылке на северный Урал, замененной высылкой из СССР. В Эрец Исраэль с 1925 г. По приезде присоединился к квуче «Даром» («Юг») в Реховоте и стал сельскохозяйственным рабочим. В 1927 г. стал одним из основателей «Общества интенсивного поселенчества», обосновавшегося в 1933 г. в мошаве Кфар Билу (возле Реховота). Во время работы в Реховоте присоединился к движению «Ха-Поэль ха-Цаир». С 1929 г. — член «Хаганы», член командования Южного округа. В ходе Войны за независимость осенью 1948 г. принимал непосредственное участие в операции «Иов» (или «Десять ударов») на Южном фронте. Был делегатом многих съездов движения «Ха-Поэль ха-Цаир» и партии МАПАЙ, членом Центра партии, одним из основателей рабочего совета Реховота. Занимал ряд ответственных постов в городских организациях и Гистадруте (Всеизраильской федерации трудящихся).

Хен, Иехизкиэль Элизерович¹³⁹ [1887 (по данным анкеты) или 1882¹⁴⁰ или 1888¹⁴¹ (по другим данным), м. Богуслов Киевской губ. — 1952, г. Тель-Авив, Израиль] — израильский педагог и политический деятель. Получил традиционное еврейское религиозное образование. С 1903 г. был членом движения общих сионистов. В 1918 г. входил в состав совета петроградской еврейской общины. Учился в киевском учительском институте общества «Тарбут». В Эрец Исраэль с 1925 г. Работал преподавателем и инспектором в педагогических учреждениях Гистадрута (Всеизраильской федерации трудящихся), преподавал в Педагогическом колледже им. Левинского в Тель-Авиве. В 1951—1952 гг. депутат Кнессета от Партии труда; был членом парламентской комиссии по образованию и культуре.

Цвик, Лев (Арье) Бенционович¹⁴² (1906, м. Осиповичи Минской губ. — 1973, кибуц Бейт ха-Шита, Израиль) — активист сионистского движения. В молодости присоединился к сионистскому движению: с 1922 г. — к «Кадиме», позже — к ЕВОСМ и «Хе-Халуцу» (национально-трудовому); избирался членом горкомов этих организаций. Неоднократно арестовывался большевистскими властями; в 1925 г. приговорен к 3 годам ссылки в Сибирь. В Эрец Исраэль с 1929 г. Несмотря на свое происхождение из религиозной семьи, присоединился к кибуцу Кфар-Гилади. В кибуце по состоянию здоровья занимался финансовой и организационной работой. В начале 1930-х гг. был послан движением «Хе-Халуц» в Польшу, откуда сумел доставить в Эрец Исраэль группу нелегальных иммигрантов. Работал в кооперативном центре Гистадрута. Со временем перешел в кибуц Бейт ха-Шита. Его сын Дан погиб в боях за горы Гильбоа во время Войны за независимость.

Ценципер, Лев (Арье) Рафаилович¹⁴³ (гебраизированная фамилия Рефаэли, 1900, м. Освея Витебской губ. — 1977, г. Тель-Авив, Израиль) — российский общественный деятель и израильский историк сионистского движения. Родился в сионистски настроенной семье (его отец, управляющий помещьем в Псковской губ., хотел уехать в Эрец Исраэль, но не смог по семейным обстоятельствам). В 1918—1925 гг. учился на медицинском и физико-математическом факультетах Московского университета и арабском отделении Московского института востоковедения (бывшего Лазаревского института восточных языков). Сионистской деятельностью занялся еще в годы учебы в реальном училище. С 1917 г. — член организаций «Цаирей Цион» и «Хе-Хавер» (был секретарем отделения и московского горкома). В 1920—1922 гг. был секретарем нелегального Центрального си-

онистского бюро (координационного органа российских сионистов). После объединения в 1924 г. организаций «Хе-Хавер», «Цаирей Цион», «Кадима» и др. в Единую Всероссийскую организацию сионистской молодежи (ЕВОСМ) был избран членом ЦК и редактором ее русскоязычных печатных органов «Даркейну» («Наш путь») и «Идийот» («Известия»). В 1925 г. был арестован и приговорен к трем годам ссылки, спустя полтора года замененным на высылку в Эрец Исраэль (куда он приехал в ноябре 1926 г.). Здесь он сначала работал на различных заводах Тель-Авива, а с 1933 г. занимался издательской и административной работой (в частности, работой в печатном органе тель-авивского муниципалитета), а также сбором и изданием материалов по истории сионистского движения в России (его богатейший архив по этой проблематике хранится ныне в Центральном сионистском архиве в Иерусалиме). Автор нескольких книг, в том числе «Эсер шнот ха-редифот» («Десять лет преследований», 1930), «Ха-Ционут бе-Русия» («Сионизм в России», 1941), «Па'амей ха-геула» («Шаги освобождения», 1951), «Ба-маавак ла-геула» («В борьбе за освобождение», 1956), а также сборников собственных стихов и переводов русских поэтов на иврит и ивритоязычных — на русский язык.

Шнейдерман, Арье Эфраимович¹⁴⁴ (гебраизированная фамилия Шнери, 1899, г. Екатеринослав (ныне г. Днепропетровск) Екатеринославской губ. — 1977, г. Бат-Ям, Израиль) — активист сионистского движения и израильский общественный деятель. К сионистской деятельности примкнул в 1915 г. после работы вместе с другими гимназистами-евреями по помощи еврейским беженцам из прифронтовой полосы. Стал членом руководства сионистского учебного кружка. В 1917 г. вступил в движение «Цаирей Цион» и был избран членом городского совета, где занялся вопросами культурного воспитания сионистской молодежи. В 1917–1922 гг. учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе. В этот период был членом одесского городского комитета «Цаирей Цион», занятым культурно-просветительской работой в среде еврейской молодежи региона, организацией новых отделений движения, а в 1921 г. был избран представителем во Всероссийский центр движения «Хе-Халуц». В 1921 г. участвовал в организации помощи голодающим. В 1922 г. на Третьей Всероссийской конференции «Цаирей Цион» в Киеве был избран в состав Центра движения. После массовых арестов был в том же году избран в состав «чрезвычайной тройки», осуществлявшей руководство движением в масштабах всей страны. В этом качестве посетил Москву, Петроград и другие города. В 1923 г. был арестован на конспиративной

квартире в Киеве и приговорен к ссылке в Сибирь, откуда спустя год усилиями «Политического Красного Креста» был выслан в Эрец Исраэль. По приезду в 1925 г. поступил на работу в мэрию Тель-Авива, где дошел до должности директора канцелярии инженерного отдела. Присоединился к движению ревизионистов, где в 1928 г. был избран в состав Центра. В 1939 г. по идеологическим причинам покинул движение и принял активное участие в создании «Партии еврейского государства», став в ней секретарем Центра, но вскоре отошел от партийной деятельности. В 1958 г. участвовал в редактировании нескольких томов «Писем Зеева Жаботинского» и вошел в состав директората «Института Жаботинского». В течение всей жизни много публиковался в русско- и ивритоязычной периодике.

Шохтман, Борух Иосифович¹⁴⁵ (1890, г. Балта Подольской губ. — 1956, г. Иерусалим, Израиль) — известный израильский библиограф. Получил традиционное и общее образование, закончив экстерном гимназию, затем учился в Гейдельбергском, Киевском, Петроградском и одесском Новороссийском университетах (последний окончил в 1920 г. с дипломом историка). С молодости принимал активное участие в сионистском движении сначала в Балте, а затем в Гейдельберге и Одессе. Был членом движения «общих сионистов», «Цаирей Цион», Сионистской трудовой партии («Хитахдут»), обществ «Хе-Халуц» и «Хе-Хавер». Был заместителем председателя балтского комитета движения «общих сионистов», председателем одесских комитетов «Хе-Халуца» и Сионистской трудовой партии. Был делегатом Всероссийской сионистской конференции (Петроград, 1917 г.) и нелегальной окружной конференции «Цаирей Цион» (Одесса, 1922 г.). В 1922 г. был на короткое время арестован большевистскими властями. В Эрец Исраэль с 1925 г. Окончил Еврейский университет в Иерусалиме. Еще в годы учебы в Еврейском университете начал работать в Национальной и университетской библиотеке, где благодаря своим глубоким знаниям, любви к ивритской литературе и феноменальной памяти быстро завоевал славу одного из лучших библиографов страны. Длительное время был членом редколлегии «Кирьят Сефер» (ежеквартального библиографического издания иерусалимской Национальной и университетской библиотеки) и директората Центрального сионистского архива. Был организатором разнообразных выставок ивритоязычной литературы во многих уголках Эрец Исраэль. Много публиковался в различных изданиях. Был смертельно ранен в Иерусалиме солдатом иорданского Арабского легиона. Правнук третьего Любавичского Ребе Менахема Менделя Шнерсона (Цемаха Цедека) по материнской линии.

Эпштейн, Элияху Менахемович¹⁴⁶ [гебраизированная фамилия Эйлат, 1902 (по данным анкеты) или 1903 (по другим данным¹⁴⁷), г. Сновск (ныне г. Щорс) Черниговской губ. — 1990, г. Иерусалим, Израиль] — известный израильский дипломат и востоковед. С юности примкнул к сионистскому движению: в 1918—1924 гг. был членом «Цаирей Цион» и «Хе-Халуц», одновременно в 1920—1922 гг. — студенческого общества «Хе-Хавер». Был членом Центра нелегального «Хе-Халуца», членом ЦК «Цаирей Цион» и членом киевского окружного комитета «Хе-Хавера». Входил в штаб еврейской самообороны г. Сновска. Дважды арестовывался большевистскими властями. В начале 1920-х гг. учился на медицинском факультете Киевского университета. В 1923 г. был делегатом на Всемирной конференции «Хе-Халуца» в Данциге (ныне Гданьск), в ходе которой занимался поиском путей нелегальной алии («брихи») сионистов из СССР. В январе 1924 г. вместе с еще десятками сионистов бежал из СССР в Латвию, где с помощью тогдашнего главного раввина Риги и будущего члена израильского Кнессета Мордехая Нурока обзавелся документами, необходимыми для въезда в Эрец Исраэль. В Эрец Исраэль с 1925 г. По приезде вступил в организацию «Ха-Поэль ха-Цаир», работал на стройках и плантациях, затем учился в Еврейском университете в Иерусалиме и Американском университете в Бейруте, где специализировался в ближневосточной проблематике. В 1931—1934 гг. был корреспондентом агентства Рейтер и ряда еврейских газет в Сирии и Ливане, в 1934—1945 гг. работал в ближневосточном отделе политического департамента Еврейского агентства, затем в политическом представительстве Еврейского агентства в Вашингтоне. Убеждение президента США Г. Трумэна в необходимости создания еврейского государства во многом обязано его усилиям. В 1948—1950 гг. был послом Израиля в США и членом делегации Израиля в ООН, в 1950—1959 гг. — послом Израиля в Великобритании. С 1959 г. перешел на научную работу: в 1959—1962 гг. заведовал кафедрой стран Азии и Африки в Институте изучения рабочего и кооперативного движения, а в 1962—1968 гг. был президентом Еврейского университета в Иерусалиме. Автор нескольких книг, в том числе мемуаров, и многих аналитических статей, посвященных вопросам истории и политики ближневосточного региона. Его именем названа кафедра истории стран мусульманского Востока Еврейского университета в Иерусалиме.

Ямпольский, Мордехай Владимирович¹⁴⁸ (1902, м. Добровеличковка Херсонской губ. — 1981, г. Хайфа, Израиль) — активист сионистского движения, израильский инженер и спортивный

деятель. В 1924 г. окончил инженерный факультет Одесского университета. С юности примкнул к сионистскому движению: с 1917 г. был членом ученической сионистской организации, с 1918 г. — «Цаирей Цион», с 1918 г. — «Хе-Халуца». Был секретарем одесского комитета помощи голодающим и членом правления одесского ссудо-сберегательного товарищества. В 1924 г. арестован большевистскими властями и выслан. С 1925 г. в Эрец Исраэль. В 1925—1929 гг. работал на осушении болот, строительстве водозаборных сооружений и Хайфского порта, владел землеустроительной конторой. В течение полувека была активным деятелем общества «Маккаби», принимал участие в организации в Хайфе чемпионатов страны и Маккабиад по плаванию, внес значительный вклад в строительство на севере Израиля различных спортивных сооружений. В 1951—1957 гг. был первым председателем Федерации спорта Израиля и членом национального Олимпийского комитета.

* * *

Считаю своим приятным долгом выразить искреннюю признательность раву Зееву Вагнеру за полезные консультации.

---

¹ См., например: Гильбоа Ш. Тнуат «Цаирей Цион» бе-Русия ми-мапехат февруар 1917 вэад ле-пилюг ха-тнуа бэ-1920. (Движение «Цаирей Цион» в России от Февральской революции 1917 г. до раскола движения в 1920 г. На иврите). Тель-Авив, 1989; Туркенич М. Яков Мазе — ха-манхиг ха-циони ха-ахарон шель ха-кехила ха-йехудит бе-Москва (1860—1924). [Яков Мазе — последний лидер московской еврейской общины (1860—1924). На иврите]. Рамат-Ган, 2002; Крапивин М. Ю. «Еврейский вопрос» в жизни Советского общества: (октябрь 1917 г. — начало 30-х гг.). Волгоград: Перемена, 2003; Морозов Б. Высланные в Палестину: из истории борьбы с сионизмом в Советской России // Диаспоры. 2003. № 2. С. 202—228; Galili Z., Morozov B. Exiled to Palestine: the emigration of Zionist convicts from the Soviet Union, 1924—1934. London: Routledge, 2006.

² Центральный Сионистский архив в Иерусалиме (далее — ЦСА). Фонд F30. Папки 121/1—127. Краткое описание этих анкет вкупе с указанием на проведенный выборочный (100 анкет) ЭВМ-анализ см.: Пивовар Е. И., Симонова А. В. Формирование базы данных по истории сионистского движения в Советской России 20-х годов по материалам участников движения // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 1998. Март. № 23. (<http://kleiu.asu.ru/aik/bullet/23/16.html>). Достаточно скупые, неполные и иногда неточные данные о некоторых из респондентов можно найти на сайте общества «Мемориал»: «Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 г.» (<http://socialist.memo.ru/lists/bio/index.htm>).

³ ЕВОСМ («Единая Всероссийская организация сионистской молодежи») — молодежная сионистская организация, возникшая в 1924 г. в результате объединения организаций «Хе-Хавер», «Цаирей Цион» и «Кадима».

⁴ «Хе-Халуц (национально-трудовой, или народно-трудовой, или нелегальный)» — молодежное движение, выделившееся в результате раскола «Хе-

Халуца» в 1922–1923 гг. и отстаивавшее сионистско-пролетарский характер своей организации.

⁵ «Цаирей Цион» («Молодежь Сиона») — сионистское рабочее движение умеренно-социалистического толка, действовавшее преимущественно в России. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/14599>.

⁶ «Хе-Халуц» («Пионер») — молодежное движение, целью которого была подготовка еврейских юношей и девушек к поселению в Эрец Исраэль. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/11153>.

⁷ «Цаирей Цион — Хитахдут» («Молодежь Сиона — Объединение», СТП) — сионистское движение, образовавшееся в марте 1920 г. после объединения части партии «Цаирей Цион», не слившейся с социалистами-сионистами, и партии «Ха-Поэль ха-Цаир» в единое движение «Хитахдут ха-оламит шель “Ха-Поэль ха-Цаир” вэ-”Цаирей Цион”» («Всемирное объединение “Ха-Поэль ха-Цаир” и “Цаирей Цион”», сокращенно — «Хитахдут»). С августа 1922 г. движение называется «Мифлеет ха-Авода ха-Ционит — Хитахдут» [Сионистская трудовая партия («Хитахдут»)]. В августе 1932 г. движение объединилось с партиями «Поалей Цион» и сионистами-социалистами.

⁸ «Ха-Шомер ха-Цаир» («Молодой страж») — детское и юношеское скаутское движение социалистического направления. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/11087>.

⁹ «Хе-Хавер» («Товарищ») — студенческое сионистское общество, основанное в 1912 г. обучающимися в западноевропейских университетах еврейскими студентами из России и позже перенесшее свою деятельность в Россию; распалось в 1925 г. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/11152>.

¹⁰ «Общие сионисты» (Гистадрут ца-Циони ха-Клали) — центристская партия в составе Всемирной сионистской организации. Выступала за бесклассовый сионизм, построенный на сотрудничестве различных социальных групп еврейского общества, а также в защиту частной собственности и свободы инициативы. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/13036>.

¹¹ Сионисты-социалисты (ПСС, ЦС, ЦСП) — партия, выделившаяся из «Цаирей Цион» в 1920 г. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/13825>.

¹² «Маккаби» — сионистская спортивная организация. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/12585>; Миллер У. Российское «Маккаби» (исторический очерк) // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М.: Дом еврейской книги, 2009. № 10–11. С. 68–110.

¹³ Сионистская организация России («Альгеймайн Цион», СОР) — общероссийская организация, возникшая в 1898 г. и ставшая «праматерью» множества российских сионистских организаций различных направлений.

¹⁴ «Кадима» («Вперед») — сионистская студенческая организация.

¹⁵ «ЦС Югенд-Фербанд» («Ционистишер социалистишер югенд фербанд», «Молодежная лига сионистов-социалистов», ЦСЮФ) — сионистско-социалистическое молодежное объединение, находившееся под эгидой партии сионистов-социалистов.

¹⁶ «Поалей Цион» («Рабочие Сиона») — сионистско-социалистическая партия. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/13247>.

¹⁷ «Ха-Тхия» («Возрождение») — молодежная сионистская организация.

¹⁸ «Хе-Хавер ха-Цаир» («Молодой товарищ») — молодежная сионистская организация.

¹⁹ «Бней Цион» («Сыны Сиона») — студенческие кружки, существовавшие в первые годы сионистского движения России в разных городах империи (Москва, Одессе и т. д.).

²⁰ Сионисты-ревизионисты — политическое течение в сионистском движении. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/13824>.

²¹ «Ховевей Цион» («Любящие Сион») — движение, основанное из разрозненных кружков и групп (главным образом из России) «Хиббат Цион» на I съезде в Катовице в 1884 г. и явившееся связующим звеном между идеей возвращения к Сиону и началом политического сионизма, провозглашенного Т. Герцлем на I Сионистском конгрессе. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/14536>.

²² «Прахеи Цион» («Цветы Сиона») — юношеская сионистская организация.

²³ «Дрор» («Свобода») — сионистско-социалистическая молодежная организация.

²⁴ «Еврейский союз социалистической молодежи» (ЕССМ) — организация, возникшая в 1923 г. в результате распада общества «Хе-Хавер» и проповедовавшая симбиоз сионистской и марксистской идеологий.

²⁵ «Хе-Халуц ха-Цаир» — сионистско-социалистическое юношеское движение.

²⁶ «Гадера» — сионистская молодежная организация.

²⁷ «Мизрахи» — движение религиозных сионистов. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/12759>.

²⁸ «Хе-Халуц (легальный)» — молодежное движение, выделившееся в результате раскола «Хе-Халуца» в 1922–1923 гг. и стоявшее на платформе коммунистической идеологии.

²⁹ «Тарбут» — еврейская просветительно-культурная организация, под эгидой которой в период между двумя мировыми войнами была создана сеть образовательных учреждений на иврите в странах Восточной Европы. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/14042>.

³⁰ Подробнее см.: Черников В. Дело сионистов: (апрель–июнь 1920 г.) // Архив еврейской истории. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 5. С. 159–201.

³¹ ЦСА. Ф. F30. Папка 121/2. Анкета 62.

³² Там же. Папка 122/1. Анкета 81.

³³ Там же. F30. Папка 125/1. Анкета 307.

³⁴ Там же. F30. Папка 122/2. Анкета 77.

³⁵ См.: <http://www.library.ru/help/docs/n10349/yk1922.txt>.

³⁶ См.: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/document/deport/dekret.htm>.

³⁷ Интереснейшие воспоминания об этих событиях оставил И. Рабинович в своей книге «Ми-Москва ад Иерушалаим» («Из Москвы до Иерусалима», Иерусалим: Рубин Масс, 1957). См. также: Морозов Б. Указ. соч.; Morozov B. Out of Soviet Union // Galili Z., Morozov B. Op. cit. P. 14–40.

³⁸ Подробнее о деятельности «Политического Красного Креста» в СССР 1920-х гг. в целом и о его борьбе за замену сосланным сионистам ссылки в Сибирь или Среднюю Азию высылкой в Эрец Исраэль см.: Леонтьев Я. В. Политический Красный Крест в стране серпа и молота // Общая газета. 1996. № 42 (170). 24–30 октября (<http://socialist.memo.ru/books/html/leont09.htm#z2>); Должанская Л. «Дорогая Екатерина Павловна...» Российский политический Красный Крест и организация «Е. П. Пешкова. Помощь политическим заключенным» // Здравый смысл. 2008. Зима. № 1 (46) (<http://www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/46/dolzanskaya.htm>); Здравый смысл. 2008. Весна. № 2 (47) (<http://www.atheismru.narod.ru/humanism/journal/47/dolzanskaya.htm>).

³⁹ См.: Галили З. Советский опыт сионизма: экспорт советской политической культуры в Палестину // Ab Imperio. 2003. Winter. № 4. P. 329–376; Galili Z. Introduction: Zionism in Soviet Russia // Galili Z., Morozov B. Op. cit. P. 8 (здесь список дополнен А. И. Рыковым); см. также: <http://abimperio.net/cgi-bin/aishow.pl?idlang=2&state=shown&idnumb=30>. Об отношении Держинского к сионистам см. также: Измозик В. С. Ф. Э. Держинский, ОГПУ и сионизм в середине 20-х годов // Вестник Еврейского университета в Москве. 1995. № 1 (8).

С. 141–146; Morozov B. Out of the Soviet Union: the exiles and Pompolit // Galili Z., Morozov B. Op. cit. P. 15, 91, 94–96.

⁴⁰ З. Галили ошибочно резко повышает ранг Катаняна до непосредственно Генерального прокурора, коим он никогда не был (см.: Galili Z. Introduction: Zionism in Soviet Russia...). Кстати, подобная aberrация свойственна не только ей и присутствует в современной историографии под видом, скажем, такого приписываемого ему поста, как «прокурор ОГПУ» (см., например: <http://www.memo.ru/history/deport/polyan1.htm>), хотя в действительности номенклатура ОГПУ никак не предполагала прокурорских должностей (см., например: <http://www.memo.ru/history/NKVD/STRU/index.htm>). По-видимому, это связано с тем, что в обыденной жизни той поры Катаняна зачастую называли «прокурором СССР по надзору за ОГПУ», но это не было официальным названием его должности.

⁴¹ Подробнее об этой организации см.: <http://www.eleven.co.il/article/12172>.

⁴² Подробнее об этой организации см.: <http://www.eleven.co.il/article/13053>.

⁴³ Подробнее о «Биробиджанском проекте» см.: <http://www.eleven.co.il/article/10642>.

⁴⁴ ОСО — «Особое совещание при коллегии ОГПУ». Подробнее об этом внесудебном карательном органе см.: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/289788>.

⁴⁵ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 223. Л. 199. Цит. по: Morozov B. Out of Soviet Union... P. 31. Пер. с англ. языка мой. — У. М.

⁴⁶ ЦСА. Ф. F30. Папка 125/1. Анкета 335.

⁴⁷ Там же. Папка 125/2. Анкета 356. «Квучой» называлась первичная организация ряда сионистских движений, в том числе «Хе-Халуца».

⁴⁸ Там же. Папка 126/1. Анкета 388.

⁴⁹ Там же. Папка 126/2. Анкета 416.

⁵⁰ Там же. Папка 124/3. Анкета 269.

⁵¹ Там же. Папка 124/2. Анкета 247.

⁵² <http://ru.local.co.il/EventPage.asp?nav=3,50,4,4,24470>. Первоначально статья была напечатана в израильской русскоязычной газете «Секрет».

⁵³ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/3. Анкета 277.

⁵⁴ Рапопорт Я. Л. На рубеже двух эпох: Дело врачей 1953 года. М.: Книга, 1988. См. также: <http://lib.ru/MEMUARY/1953/rapoport.txt>.

⁵⁵ См.: <http://ru.wikipedia.org>.

⁵⁶ О жутком нервном напряжении, в котором постоянно пребывал Матвей Блантер, сочувственно пишет в своих воспоминаниях А. Кончаловский: Кончаловский А. Низкие истины: Семь лет спустя. М.: ЭКСМО, 2007 С. 29. См. также: <http://yanko.lib.ru/books/cinema/konchalovsky-down.htm>).

⁵⁷ Биографические данные основываются на материалах русскоязычных «Российской еврейской энциклопедии» (М.: Российская академия естественных наук: Российско-израильский энциклопедический центр: «Эпос», 1994; Интернет-версия: <http://rujeu.ru>) и «Электронной еврейской энциклопедии» (www.eleven.co.il), а также уникального ивритоязычного источника биографической информации в 19 т.: Тидхар Д. Энциклопедия ле-Халуцей ха-Ишув вэ-Бонав (Энциклопедия пионеров заселения ишува и его строительства). Тель-Авив: Тидхар, 1947–1971. С. 196. Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>

⁵⁸ ЦСА. Ф. F30. Папка 126/1. Анкета 394.

⁵⁹ См.: Абрамский Яков Хацкелевич // Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 г. (<http://socialist.memo.ru/lists/bio/12.htm#n31>).

⁶⁰ Там же.

⁶¹ ЦСА. Ф. F30. Папка 125/1. Анкета 314.

⁶² Там же. Папка 123/1. Анкета 165.

⁶³ См.: <http://yaakov-alperovich.ad-olam.co.il>.

⁶⁴ ЦСА. Ф. F30. Папка 125/1. Анкета 313.

⁶⁵ Там же. Папка 122/2. Анкета 130.

⁶⁶ Там же. Папка 121/2. Анкета 63.67. См.: Российская еврейская энциклопедия. Т. 1. С. 104. (Интернет-версия: <http://rujeu.ru>)

⁶⁸ План создания автономного еврейского анклава в Восточной Африке, предложенный правительством Великобритании Всемирной сионистской организации в 1903 г. в качестве альтернативы созданию еврейского государства в Эрец Израэль. Подробнее см.: <http://www.eleven.co.il/article/14198>.

⁶⁹ ЦСА. Ф. F30. Папка 125/2. Анкета 366.

⁷⁰ Там же. Папка 121/1. Анкета 26.

⁷¹ См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 637. (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>)

⁷² Примечательно, что: а) в «Общем алфавите жителей Москвы» за 1901 г. присутствует один Боровой, но нет ни одного Бурового (см.: <http://moskwa1901.nagod.ru/1/50.htm>); б) во «Всероссийском генеалогическом древе» есть шесть Боровых и ни одного Бурового (см.: <http://baza.vgd.ru/1/3942/>); в) среди евреев, носивших или носящих фамилию «Боровой», прославились историк Саул Яковлевич (см.: <http://www.eleven.co.il/article/10712>) и предприниматель и политик Константин Натанович (см.: <http://dic.academic.ru>). Вместе с тем в ивритоязычном написании фамилии «Буровая» и «Боровая» выглядят совершенно одинаково. Таким образом, можно, как мне кажется, утверждать, что даже патронимическая самоидентификация семейства Фани Буровой несет в себе определенное ивритоязычное (что в более широком контексте означает «сионистское») начало.

⁷³ ЦСА. Ф. F30. Папка 126/2. Анкета 410.

⁷⁴ См.: Шалит Ш. Сестры Буровые // Еврейская старина (интернет-альманах). № 23. 2004. Ноябрь (<http://berkovich-zametki.com/AStarina/Nomer23/Shalit1.htm>); Galili Z. Postscript: Two fates // Galili Z., Morozov V. Op. cit. P. 75–84.

⁷⁵ ЦСА. Ф. F30. Папка 123/2. Анкета 189.

⁷⁶ Там же. Папка 121/2. Анкета 38.

⁷⁷ См.: Пархомовская Р. Идемте же отстроим стены Йерушалаима: Евреи из России в Эрец Израэль и Государстве Израиль. Кн. 2. Они создавали историю. Иерусалим: Научно-исследовательский центр «Русское еврейство в зарубежье». 2006. С. 103–117.

⁷⁸ ЦСА. Ф. F30. Папка 122/1. Анкета 18.

⁷⁹ Подробнее см.: Белый город (Тель-Авив) — <http://ru.wikipedia.org>.

⁸⁰ ЦСА. Ф. F30. Папка 122/2. Анкета 136.

⁸¹ Хевра Кадиша Тель-Авива (<http://www.kadisha.biz/ShowItem.aspx?levelId=59689&template=18&ID=94272>).

⁸² ЦСА. Ф. F30. Папка 121/2. Анкета 61.

⁸³ Там же. Папка 123/1. Анкета 142.

⁸⁴ Подробнее см.: <http://www.diclib.com/cgi-bin/d1.cgi?base=bse&page=showid&id=50349>.

⁸⁵ «Офаким хадашим» («Новые горизонты») — художественное объединение, возникшее в Израиле в 1948 г., утверждавшее в искусстве приоритет потребностей и интересов простого человека перед потребностями и интересами государства и находившееся в своем творчестве под влиянием современного европейского искусства, в том числе таких художников, как Пабло Пикассо и Жорж Брак.

⁸⁶ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/1. Анкета 227.

⁸⁷ См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 5368 (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>).

⁸⁸ ЦСА. Ф. F30. Папка 121/2. Анкета 75.

- ⁸⁹ См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 1578 (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>).
- ⁹⁰ ЦСА. Ф. F30. Папка 121/1. Анкета 8.
- ⁹¹ См.: «Заметки по еврейской истории» (Интернет-издание). № 3 (206). 2009. Февраль (<http://berkovich-zametki.com/2009/Zametki/Nomer3/Shalit1.php>).
- ⁹² ЦСА. Ф. F30. Папка 121/2. Анкета 67.
- ⁹³ См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 190 (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>).
- ⁹⁴ ЦСА. Ф. F30. Папка 122/1. Анкета 91.
- ⁹⁵ Там же. Папка 126/2. Анкета 427.
- ⁹⁶ Там же. Папка 124/3. Анкета 285.
- ⁹⁷ Там же. Папка 121/1. Анкета 14.
- ⁹⁸ Там же. Папка 122/1. Анкета 79.
- ⁹⁹ Там же. Папка 126/1. Анкета 395.
- ¹⁰⁰ Согласно анкете. По другим данным, в 1935 г. (см.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 791; Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>).
- ¹⁰¹ ЦСА. Ф. F30. Папка 126/2. Анкета 411.
- ¹⁰² Там же. Папка 124/3. Анкета 280.
- ¹⁰³ Там же. Папка 123/1. Анкета 170.
- ¹⁰⁴ Там же. Папка 124/2. Анкета 249.
- ¹⁰⁵ Российская еврейская энциклопедия. Т. 2. С. 125. (Интернет-версия: <http://rujen.ru>).
- ¹⁰⁶ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/1. Анкета 229.
- ¹⁰⁷ Там же. Папка 125/2. Анкета 343.
- ¹⁰⁸ См.: Миллер У. Давид Левитан как зеркало еврейского физического воспитания. Алеф: ежемесячный международный еврейский журнал. 2002. № 11 (903). С. 44–45 (<http://www.peoples.ru/sport/teacher/levitan/>).
- ¹⁰⁹ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/2. Анкета 264.
- ¹¹⁰ См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 4043. (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>).
- ¹¹¹ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/1. Анкета 211.
- ¹¹² См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 252. (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>).
- ¹¹³ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/1. Анкета 209.
- ¹¹⁴ Там же. Папка 122/2. Анкета 133.
- ¹¹⁵ Интернет-портал Министерства обороны Израиля (<http://www.izkor.gov.il/izkor86.asp?t=4668>).
- ¹¹⁶ ЦСА. Ф. F30. Папка 123/2. Анкета 195.
- ¹¹⁷ Там же. Папка 124/1. Анкета 220.
- ¹¹⁸ Там же. Папка 124/1. Анкета 203.
- ¹¹⁹ Там же. Папка 124/3. Анкета 295.
- ¹²⁰ Там же. Папка 126/1. Анкета 392.
- ¹²¹ Там же. Папка 126/2. Анкета 422.
- ¹²² См.: Маккаби Н. Проблеск во мраке. [Тель-Авив]: Маккаби, 1991. С. 9.
- ¹²³ ЦСА. Ф. F30. Папка 121/1. Анкета 23.
- ¹²⁴ Сайт службы ритуальных услуг «Хевра Кадиша Тель-Авив — Яффо» (<http://www.kadisha.biz>).
- ¹²⁵ ЦСА. Ф. F30. Папка 123/2. Анкета 175.
- ¹²⁶ Интернет-портал киббуца Кинерет (<http://www.kinneret.org.il/kinneret/yizkorPage.asp?id=103>).
- ¹²⁷ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/2. Анкета 258.
- ¹²⁸ Там же. Папка 124/3. Анкета 269.

- ¹²⁹ Российская еврейская энциклопедия. Т. 2. С. 415. (Интернет-версия: <http://rujen.ru>)
- ¹³⁰ ЦСА. Ф. F30. Папка 123/1. Анкета 159.
- ¹³¹ Там же. Папка 124/3. Анкета 298.
- ¹³² См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 2281. (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>).
- ¹³³ ЦСА. Ф. F30. Папка 121/2. Анкета 58.
- ¹³⁴ Там же. Папка 126/1. Анкета 388.
- ¹³⁵ Там же. Папка 125/1. Анкета 307.
- ¹³⁶ Там же. Папка 122/1. Анкета 77.
- ¹³⁷ Там же. Папка 126/1. Анкета 393.
- ¹³⁸ Там же. Папка 121/2. Анкета 71.
- ¹³⁹ Там же. Папка 125/1. Анкета 303.
- ¹⁴⁰ См.: Интернет-портал Кнессета Государства Израиль (http://www.knesset.gov.il/mk/heb/mk.asp?mk_individual_id_t=381).
- ¹⁴¹ См.: Российская еврейская энциклопедия. Т. 3. С. 288. (Интернет-версия: <http://rujen.ru>)
- ¹⁴² ЦСА. Ф. F30. Папка 126/1. Анкета 380.
- ¹⁴³ Там же. Папка 121/1. Анкета 1.
- ¹⁴⁴ Там же. Папка 124/1. Анкета 212.
- ¹⁴⁵ Там же. Папка 121/1. Анкета 32.
- ¹⁴⁶ Там же. Папка 121/2. Анкета 59.
- ¹⁴⁷ См.: Тидхар Д. Указ. соч. С. 2893. (Интернет-версия: <http://collections.tourolib.org>)
- ¹⁴⁸ ЦСА. Ф. F30. Папка 124/1. Анкета 219.

Список сокращений

- ВЦИК — Всесоюзный центральный исполнительный комитет
- ГПУ — Государственное политическое управление
- ЕАК — Еврейский антифашистский комитет
- ЕВОСМ — Единая Всероссийская организация сионистской молодежи
- ЕССМ — Еврейский союз социалистической молодежи
- Комзет — Комитет по земельному устройству трудящихся евреев при президиуме Совета национальностей ЦИК СССР
- МАДА — «Маген Давид Адом», «Красный щит Давида» (израильская служба скорой помощи)
- МАПАЙ — «Мифлегет Поалей Эрец Исраэль», Рабочая партия Эрец Исраэль
- МОЛГИС — Московское общество любителей гимнастики и спорта
- ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление
- ОЗЕТ — Общество землеустройства еврейских трудящихся; полное название — Всесоюзное общество по земельному устройству трудящихся евреев в СССР
- ОСО — Особое совещание при коллегии ОГПУ
- СТП — Сионистская трудовая партия
- УК РСФСР — Уголовный кодекс РСФСР
- ЦИК — Центральный исполнительный комитет
- ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- ЦКК ВКП(б) — Центральная контрольная комиссия Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)
- ЦСЮФ — «Ционистишер социалистишер югенд фербанд» (идиш; на русском языке — «Молодежная лига сионистов-социалистов»)
- ЭЦЕЛ — «Иргун Цвай Леуми», «Национальная военная организация»

ДОКУМЕНТЫ

ФРОНТОВЫЕ ПИСЬМА

(из писем еврея — солдата Первой мировой войны)

Публикация, вступительная статья и примечания

В. Е. Кельнера

Первая мировая война стала для России катастрофой. Однако последующие события: революции и Гражданская война — надолго заслонили трагедию 1914–1917 гг. Эта война вовлекла в свою орбиту миллионы людей. Евреи призывались в ряды русской армии на общих основаниях. Но в отличие от представителей других народов, они до марта 1917 г. не имели возможности служить в качестве офицеров. Более того, антисемитские традиции, которыми вслед за правящей элитой было проникнуто все армейское руководство¹, ставили военнслужащих евреев в особое положение. Историография непосредственного участия евреев в войне в составе русской армии практически отсутствует². Гораздо большее внимание специалистов привлекли события 1915–1916 гг., когда еврейское население прифронтовой полосы и Галиции было подвергнуто массовым коллективным репрессиям и тотальному выселению в глубь страны³.

Опубликованное эпистолярное и мемуарное наследие, оставленное нам евреями — участниками этой войны, также весьма незначительно⁴. А между тем влияние всей совокупности событий той войны на историю евреев в России оказалось огромным. За годы войны в армию было призвано, по разным оценкам, от 400 до 500 тыс. евреев. Политика властей и антисемитизм в армии сделали их отношение к государственной власти в стране еще более отрицательным и радикальным, чем это было ранее. Ход событий первых месяцев войны создавал впечатление о возможности некой гармонизации русско-еврейских отношений. Патриотический подъем, охвативший страну, затронул и еврейское население. Особенно патриотично была настроена русско-еврейская интеллигенция и жители крупных городов. С полной поддержкой политики правительства выступили в Государственной думе депутаты-евреи⁵. Значительная часть еврейства надеялась на то, что активное участие в войне и массовое проявление патриотизма приведут власти к решению о ликвидации дискриминационного законодательства и уравниению в правах с коренным населением⁶.

Первоначально русская армия успешно теснила германские войска. В сентябре—октябре 1914 г. была захвачена почти вся Восточная Пруссия. Однако вскоре немецкие войска перегруппировались и, получив подкрепление, начали контрнаступление, завершившееся окружением и почти полным уничтожением Второй русской армии под командованием генерала А. В. Самсонова. Русские войска отошли на территорию Литвы. Дислокация войск, а затем и бои происходили на территории традиционного проживания евреев. Значительная часть солдат чуть ли не впервые столкнулась с местечковым еврейством в местах его компактного проживания. Соприкосновение двух культур в условиях военного времени никогда не бывает благотворно, а в данном случае это проходило еще и на фоне прочных антисемитских предрассудков и под влиянием военных неудач. В армии открыто велась антисемитская пропаганда. Все это приносило дополнительные трудности и моральные страдания солдатам-евреям.

Одним из таких солдат был и вольноопределяющийся Самуил Ефимович Систрин (1884—1914). Уроженец Витебска, он после сдачи в 1907 г. экстерном экзаменов за гимназический курс поступил на Юридический факультет Московского университета, который окончил в 1912 г. В дальнейшем он работал делопроизводителем в Петроградском отделении Общества распространения производительного труда среди евреев⁷. Судя по всему, к своим обязанностям он относился не только ревностно, но и творчески. С. Е. Систрин разработал и предложил руководству ОРТа собственный метод «сплошных переписей еврейского ремесленного населения». С докладом об этом он выступил в феврале 1914 г. на совещании Комитета ОРТа с представителями местных отделений⁸. Этот метод получил одобрение и незадолго до войны был опробован им при обследовании «еврейского промышленного огородничества в Ковенской губернии»⁹. Метод был столь оригинален, что на молодого сотрудника обратил внимание такой признанный специалист в этой области, как Б.-Д. Бруцкус¹⁰.

Самуил Систрин был еврейским интеллигентом, прошедшим путь аккультурации и воспринимавшим русскую культуру как родную. Он не был религиозен и к иудейству относился как к некоей национальной традиции. Подобно многим еврейским интеллигентам той поры, он считал необходимым быть патриотом и гражданином России, несмотря на национальное неравенство своего народа. Эти убеждения привели его в ряды русской армии, в которой он честно хотел исполнить свой долг.

Письма он посылал своему близкому другу Белле Майзель и брату Зале (Залману). Самуил Систрин, человек явно не без некоторых литературных способностей, подробно описывал каждодневный военный быт. Много места он уделял рассказу о

психологии простого человека на войне. В этих письмах для нас особое значение имеет то, как он передает чувства еврея и интеллигента, оказавшегося не только в инациональной, но и в другой культурной среде. Следует отметить, что и для него, человека городской русско-еврейской культуры, не просто было адаптироваться к быту местечкового еврейства. Хронологически письма охватывают конец лета — осень 1914 г., то есть начальный период войны, когда армия еще как будто не была захвачена массовым антисемитским психозом. Однако С. Е. Систрин внимательно фиксирует проявления антисемитизма в солдатской среде. Все это делает эти письма ценным источником, дающим представление о психологии евреев-солдат Первой мировой войны.

Самуил Ефимович Систрин погиб в Восточной Пруссии 10 декабря 1914 г.¹¹ Руководство ОРТа приняло решение увековечить его память, учредив фонд его имени. Этот фонд формировался из личных средств членов Комитета ОРТа и предназначался для субсидирования образования несовершеннолетних братьев и сестер С. Е. Систрина¹².

Публикуемые письма находятся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в фонде С. Л. Каменецкого (Ф. 332. Д. 72). Юрист по образованию, Каменецкий много лет работал в руководящих органах Общества просвещения среди евреев в России, был активным еврейским общественным деятелем в Петербурге. Письма С. Е. Систрина, отложившиеся в его архиве в копиях, видимо, предназначались к публикации в сборнике «Пережитое». Этот сборник в качестве продолжения одноименных вышедших в свет в 1908—1913 гг. четырех томов он хотел издать в 1918 г. За разрешением и с просьбой о финансовой поддержке для этого он обращался в соответствующие советские органы¹³. В указанном им содержании нового издания значилась и рубрика «Письма». Разрешение на издание не было получено, и большинство собранных ценных материалов по истории евреев в дальнейшем не публиковалось.

Эти письма дошли до нас в машинописных копиях и с сокращениями, сделанными теми, кто непосредственно готовил их к печати. Часть текста, та, что касалась еврейской тематики, выделена синим карандашом.

На последнем листе письма неизвестной рукой написано: «Убит 1-го декабря под Сохачевым»¹⁴.

---

¹ См., например: Генералы и евреи (Докладная записка начальника Генерального штаба Я. Г. Жилинского) / Публ. и коммент. А. Литвина // Вестник еврейского университета. 2000. № 4 (22). С. 273—290.

² Так, никак нельзя отнести к исследовательской литературе книгу В. А. Белова «Евреи и поляки на войне» (Пг., 1915). Более чем спорными являются

ся и соответствующие пассажи в монографии Й. Петровского-Штерна «Евреи в русской армии: 1827–1914» (М., 2003).

³ Яшунский И. Российское еврейство и мировая война. М., 2000; Лор Э. Новые документы о русской армии и евреях во время Первой мировой войны // Вестник еврейского университета. 2003. № 8 (26). С. 245–268; Документы о преследовании евреев // Архив русской революции. Берлин, 1928. Т. 19. С. 245–284; Из черной книги русского еврейства. Материалы для истории войны 1914–1915 гг. // Еврейская старина. 1918. Т. 10. С. 195–296; Гольдин С. Русское командование и евреи во время Первой мировой войны // Мировой кризис 1914–1920 гг. и судьба восточно-европейского еврейства. М., 2005. С. 29–46; Lohr E. The Russian Army and the Jews: Mass Deportation, Hostages, and Violence during World War I // The Russian Review. 2001. Vol. 60. P. 404–419; Goldin S. Deportation of the Jews by the Russian Military Command, 1914–1915 // Jews in Eastern Europe. Jerusalem, 2000. Vol. 41. P. 42–61.

⁴ Дубнов С. М. Из истории еврейского солдата: Исповедь одного из многих. Пг., 1918; Каценельсон Е. Из недавнего прошлого. Гомель, 1917; Островер Л. И. В серой шинели: Записки 1914–1918 гг. Киев, 1925; Днепровский А. Записки дезертира: Война 1914–1918 гг. N. Y., 1931; Войтоловский Л. Н. Вскочил кровавый Марс. М., 1998. Единственным источником, регулярно публиковавшим письма фронтовиков, остается еврейская периодическая печать того времени.

⁵ Из недавнего прошлого: Речи еврейских депутатов в Государственной думе за годы войны. Пг., 1917.

⁶ Русско-еврейский поэт, активный член Партии конституционных демократов Михаил Гальперин в первые дни войны в стихотворении «Россия» писал:

Рука с рукой, — герои-братья,
Вступили вы на страшный путь,
И смерти цепкие объятия
Смущением не колеблют грудь...

Увидя тучу злого рока
Над милой родиной своей,
Быстрее грозного потока
Вы понеслись на помощь ей...

И сбылся сон: народы-братья,
Мы стали общою семьей,
Умолкли стоны и проклятья
Над славной Русскою землей...

Исчезнут распри и раздоры:
Всех примеряет вольный стяг,
И смелые стремятся взоры
Туда, где скрыт опасный враг...

О Русь, — твой путь велик и славен,
Ты победишь в святой борьбе, —
Ты видишь: каждый сын твой равен
Любовью пламенной к тебе.

Друзья лишь в черный день нужны нам, —
И вот — настал тревожный час...
Взгляни-же: по твоим равнинам
Несется рать, — и сколько нас!..

О, мать, пусть больше не тревожит
Тебя удел грядущий твой, —
Он славу лишь твою умножит, —
Ведь каждый для тебя — герой!..

Я слышу зов к борьбе могучий:
Он сгонит прочь печали тень, —
Я верю: расплывутся тучи
И засверкает вечный день!..

(Цит. по: Гальперин М. Король крови. Пг., 1917. С. 39–40).

⁷ Рассвет. 1914. № 52. С. 36.

⁸ Отчет общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России за 1914 г. Пг., 1915. С. 95–101.

⁹ Бруцкус Б. С. Е. Систрин // Новый Восход. 1914. № 52. С. 16–17.

¹⁰ Там же. С. 16.

¹¹ Там же.

¹² Отчет Общества ремесленного и земледельческого труда среди евреев в России за 1915 г. Пг., 1916. С. 5.

¹³ Рукописный отдел Российской национальной библиотеки. Ф. 322. Д. 74. Л. 8.

¹⁴ Эта запись не соответствует дате, указанной в некрологе, опубликованном в журнале «Рассвет», согласно которому С. Е. Систрин «героически пал в бою под Сохачевым в 5 часов 10 декабря 1914 г.» (Рассвет. 1915. № 1. С. 29–30).

№ 1

15 августа 1914 г.

Дорогая милая Белла, у меня столь много впечатлений и переживаний, что прямо не знаю, с чего начать. Все это необработанный материал, в котором сам еще не успел ориентироваться. Обо многом и писать нельзя по условиям нынешнего времени. Чувствую себя весьма недурно. С солдатами живу неплохо — ко мне недурное отношение. Теперь население палатки состоит всего из трех лиц, включая меня. Соседи — один питерский рабочий, еще совсем молодой, успевший побывать в Америке, Англии и других местах. Очень милый юноша. Другой — деревенщина и еще милее. Раньше к этой компании присоединялся еще один — петербургский лакей — талантливый комик и даровитый декламатор. Сочиняет экспромты, стихотворения по каждому поводу с редкой быстротой... Я злейший враг всякого цинизма и оказался в среде, где все сводится к цинизму, самому беззастенчивому. Первые дни мне это причиняло глубокие неприятности — теперь я уже привык и выступаю даже в качестве оценщика сравнительной остроты каждого потуга. Предлагаю Вам благодарную тему по психологии: «Психология цинизма». Мне трудно Вам передать, в каких отвратительных формах и с каким постоянством эта сторона проявляется у людей, не только у «простых», но т. н. интеллигентных, как только последние оказываются вне обычных светских условий. Как правило, можно принять, что не только не существует внутренних сдерживающих стимулов; наоборот, у каждого, очевидно, существует потребность в том, чтобы говорить и смаковать гадости — потребность, не удовлетворяемая* в обычной обстановке по внешним только мотивам. Однако заболтался в психологии, к которой Вы не считаете меня призванным.

Мы расположены в очень красивой местности, ведем чисто растительный образ жизни. Ложусь спать в палатке, весьма грязной, в 9-м часу, встаем в 6 часов, а часто и раньше, и спешим на речку умываться; затем собираем хворост для кипячения собственных котелков чая. Занятия. К солдатскому обеду еще не привык, но начинаю его одолевать, так как обедать негде и покупать нечего. Приходилось поэтому жить впроголодь.

---

* Выделено в тексте.

Появились новые радости: достанешь где-нибудь молоко или «ситничек»¹ к чаю, разрешит кто-нибудь переночевать на сеновале и т. д. и искренне радуешься.

Делали довольно большие пешие переходы с нагрузкой в 70—80 фунтов. Ко всяким испытаниям можно привыкнуть — я же переносу сравнительно легко.

Вскоре предстоит отъезд на прусскую границу в сферу жесточайших сражений. Молитесь за меня. С мыслью о возможной смерти я примирился. Чего я боюсь — это быть изувеченным. Бог милостив и избавит меня от такого испытания.

Настроение у меня бодрое. О будущем думаю без страха. Сожалел бы, если бы не пришлось непосредственно участвовать в бою. Это вызывается, конечно, меньше всего моим патриотизмом.

Пишите: 68 пехотная дивизия, Красносельский полк, 11 рота, вольноопределяющемуся такому-то. Привет Лизе и матери. Целую, Ваш Самуил.

№ 2

Шавли, 28 сентября 1914 г.

Вчера приехал сюда. Завтра следую дальше. Из Риги выехал в вечерних сумерках. Серое облачное небо, густой туман, вне и внутри. В последнее время очень чутко реагирую на состояние погоды и вид неба. В момент отъезда я почувствовал себя страшно одиноким в жизни; мир мне кажется чуждым, далеким и суетным. Но это настроение продолжалось недолго, я вновь бодр и без страха смотрю вперед, каково бы ни было это будущее. На нашу долю выпала тяжелая, рискованная задача. Хотелось бы писать обо многом, в особенности о впечатлении, произведенном на меня еврейским населением и его отношением к войне и воинству, но не здесь об этом место распространяться. Бедные, бедные, несчастные евреи. Ну, дорогая, до следующего письма, прощайте, впереди большие пешие переходы.

Самуил.

№ 3

30 сентября. Шавли

Привет дорогая. Вчера написал Вам открытку. Уезжаем завтра, 1 октября. Добросердечные евреи за меня дерутся: обедаю у общественного раввина, ночую у очень милого аптекаря, а сейчас меня потащил завтракать какой-то коммерсант с довольно симпатичным лицом. Вечером зашел в синагогу, заслушался мудрой речи какого-то еврея, комментировавшего Пятикнижие.

Он говорил об избранничестве евреев, об их исторической и все-ленской миссии, о том, что величайший грех еврейского народа — это отчаяние в наступлении лучшего будущего. Мысли он черпал из Торы, в которой все «предусмотрено» и все «начертано». Большим вдохновением звучали его слова. Ему можно было только завидовать. Вопросы «для чего» и «почему» у него не существуют.

Посмотрел «гакофес» и неожиданно даже для себя получил «гакофе»². В синагоге встал поближе, у дверей, хотел попасть в качестве «солдата» на ужин к богатому «баал-боту»³, но, к сожалению, меня никто не пригласил, хотя остальных солдат «разобрали» — помешали шнуры вольноопределяющегося⁴.

Наряду с этим вниманием, которому мог бы позавидовать любой «ешиботник», довольствующийся «днями», обнаруживается глубокое непонимание со стороны всех доброжелательных евреев — всячески утешают, развлекают, когда я ни в том, ни в другом не нуждаюсь. Неприятно то, что в их отношении слишком мало космополитического, между «своим» и «чужим» ходит резкая грань.

В продолжение 3-х дней, которые я пробыл здесь, пытался уловить дух и настроение еврейского общества в связи с текущими событиями. Не стану здесь делиться впечатлениями. Скажу лишь, что если еврейский солдат, жаждущий найти оправдание тем жертвам, которых от него требует настоящий момент, стал бы искать его в еврейских настроениях и чаяниях, он был бы жестоко разочарован.

Этой мысли могло быть посвящено гораздо больше слов и выражений, но мне сейчас говорить много не хочется.

А между тем как мучительно хочется найти такое определение, как моральную опору к той готовности жертвовать, которую я сейчас ощущаю...

Нам предстоят тяжелые, чрезвычайно рискованные задачи. На случай тяжелого изувечения я с собой захватил цианистый калий... Чувствую себя хорошо, бодро.

Ну, дорогая, прощайте до следующего дня.

Самуил.

Еще раз прощайте.

№ 4

4 утра 2-го октября

...Ночевка в лесу на расстоянии трехдневного перехода от неприятеля. В лесу разбиты палатки; около горящих костров стоят озябшие солдаты. Я дежурю. Чудная осенняя ночь. Настраивает

романтически. Хочется думать совсем не об ужасах войны. На душе так спокойно и мирно, что война кажется чем-то несерьезным, детской игрой, а не битвой народов.

За вчерашний день прошли 25 верст с полной амуницией. Усталости не чувствую — поход переношу пока легко. В походной жизни много интересного. Большое оживление вносит кавалерия, скачущая вперед и назад и грохот ползущей артиллерии. Проходил по вековым рошам, встречались необычайно красивые места.

Утро. Пьем чай вместе и обедаем в 6 часов утра. Перешел на казенную пищу. Щи даже показались вкусными.

Возможно, что уже через два дня вступим в бой. Если возможно будет, напишу о результатах.

В 8 часов утра двинулись в поход. В 12 часов дня сделал большой привал на час. Закусил: хлеб, сыр и молоко. Полежал на спине.

6 часов вечера, остановились на ночевке в распрегрязнейшем местечке. Купили двух уток, ходили из дома в дом с просьбой очистить их; затем искали гою для за жаривания. Проклятые утки. Из-за них мы не ложимся спать, а так тянет на отдых, хочется распрямить плечи, ноги.

Остановились в доме еврея. Во всех вольноопределяющихся видит евреев и страшно пристает с расспросами, где родился, чем занимался, кто родители и т. д. ...

№ 5

7 октября

Дорогой друг, вчера 6 октября получил Ваших два письма от 18 и 20 сентября по адресу действующей армии. Ваши письма меня глубоко трогают, дорогая Белла, они мне очень дороги. Сейчас находимся в 17—18 верстах от неприятельских позиций. Сегодня остановились на неопределенное время в лесу. Квартирой служит холодный и темный хлев, который до последней минуты продолжал служить совсем иным целям. Отныне будем постоянно находиться в полной боевой амуницие, днем и ночью. Уже 7 дней как мы не читали газет, должно быть будем надолго оторваны от внешнего мира. Одни говорят, что взяли Краков, другие — что сдали Варшаву. Я достаточно критически, конечно, отношусь к этим слухам, но они характеризуют полнейшую нашу неосведомленность о происходящих событиях. Пища казенная, пока удовлетворительная, к новым условиям я приспособился, с большой легкостью одолеваю все трудности походной жизни. Их мало чувствую. До нас долетает уже артиллерийская канона-

да, пока она на нас, в особенности на меня, абсолютно никакого впечатления не производит. Не знаю, как я себя буду чувствовать в непосредственном бою — до сих пор же я не испытывал и не испытываю никакого страха. Хладнокровие и спокойствие для меня самого являются неожиданными. И это наряду с сильной жаждой жизни, которая все больше у меня назревает.

Последние три дня проводил в еврейском местечке. Впечатление во всех отношениях безотрадное. Всякий раз при столкновении с еврейской действительностью мною овладевает отчаяние в полном смысле слова. В этом мире столько тяжелого, трагического и в то же время жалкого... противоречивого, что теряешь всякую надежду на то, что когда-нибудь и здесь засветит солнце, излечатся и распрямятся больные телом и душой евреи. Как мало радости и надежды кругом. Пишите мне о своих настроениях, мне они интересны при всяких условиях и всегда. Передайте, пожалуйста, общее содержание письма Зале, не знаю, удастся ли ему написать, если может, пускай присылает газету. Писать на коленях не особенно удобно, и я прекращаю письмо. Будьте, дорогая, здоровы, пишите, привет Эсфири Михайловне, Зале.

На днях присылаю подробное письмо.

№ 6

8 октября

Ночью, когда вздремнул в лесу, меня разбудили, получилось письмо от родителей и от Вас (от 1 октября). Отсутствие достаточного света не дало мне возможности прочесть все письмо. Всю ночь я пролежал, и все думал о Вас, Белла. Настало утро. Уединился под дерево и прочел Ваши дорогие строки. Вы так волнуетесь и тревожитесь от отсутствия писем, а между тем я Вам пишу довольно часто, при всякой возможности и, во всяком случае, чаще, чем кому бы то ни было. Неужели мои письма не получают?

Часов в 6 утра позавтракал, сварили картошку с салом, м. б., будет еще чай, достоинства весьма относительного. В лесу прохладно, но хорошо.

Пишите почаще. Только что мне подали еще Ваших два письма — от 27 и 28 сентября. Они меня очень взволновали, Дорогая, хорошая, весь тон их, характер так же индивидуальны, как глубоко индивидуальна Ваша яркая личность.

Об одном я сожалею: отчего не телеграфировал Вам о встрече в Риге. Я Вас очень хотел вызвать, но не решился, не осмелился. Страшно жалею. Ах, как я много теряю из-за своей щепетильности.

Белла. Милая, не волнуйтесь, пока я нахожусь в безопасности положительно.

Вы в письме упомянули о нелепой игре судьбы. Если бы Вы знали, сколько к тому же нелепого наблюдаешь в конкретной обстановке, где эта игра разворачивается. Порою тяжелее переносить эти мелкие, но живые человеческие нелепости, чем сознавать бессилие человека в переживаемый нами исторической трагедии. Кругом так мало интеллигентного, идейного и бескорыстного, а между тем как бы то ни было переживаемый момент благоприятен именно для проявления этих атрибутов человеческой души.

Печально, обидно...

№ 7

12 октября

Ваши 3 письма из Бешенковичей я получил только на днях. С такой аккуратностью доходят письма в действующую армию. Писал Вам несколько раз в Бешенковичи — одно письмо довольно подробное. Хорошая, дорогая Белла, о чем бы Вам писать? Так много бы хотелось говорить и рассказывать. В последнее время у нас потребность делиться с кем-нибудь переживаниями, думами, а здесь для этого совсем нет подходящей компании. Вольноопределяющиеся — милые парни, да и только. «Вопросы» и «сомнения» и рассуждения на абстрактные темы их мало захватывают. Очень жаль, что не веду дневника.

На днях переехали на новый бивуак. Я с другими вольноопределяющимися поселился на чердаке. Квартира весьма и весьма неудобная, холодная, уже не говоря о том, что там нет ни электричества, ни телефона, к которым я всегда имел слабость. С удовольствием поболтал бы с Вами по телефону, сидя на своем чердаке. Получив отпуск на Новый год в Ригу, я по пути заехал домой. Повидаться с родными. Этим предупредил к себе приезд матери. Убивается бедная, хотя я делаю все возможное, чтобы успокоить ее. Тяжело было с ней расстаться.

Вообще пребывание в родном городе принесло мне много горечи и разочарования. Дело в следующем.

Ушел я на войну с легким и бодрым настроением. Откуда такая воинственность? Не все сводится к одному патриотизму. Вся неудовлетворенность и недовольство обыденной жизнью последних лет прорвалось со стремительной силой. Жившие во мне всегда стремления (уже начавшиеглохнуть) к «иным делам» и подвигам проснулись. Внутри что-то зашевелилось, дрогнуло. Наступила возможность себя испытать, измерить свои способ-

ности к самопожертвованиям, делам, не связанным с конкретными личными благами. Вы видите, здесь дело было не в войне в собственном смысле.

Но кроме этого или на фоне этого настроения выступали другие мотивы: подавление германского милитаризма и хотя бы слабая вера в то, что победоносный исход войны может принести русскому еврейству облегчение в его неисчислимых страданиях и гонениях.

Но вот приезжаю на родину. Со всех сторон, не говоря уже о родных, начинаются «охи» и «ахи» по поводу постигшего меня несчастья и последствий, которые могут наступить в ближайшем будущем для меня, если дойдет дело до боя. Сочувствия — хоть отбавляй; понимания — ни крупинки. Вообще, когда я в настоящее время слышу жалобы чисто личного характера, мне становится неловко. События так велики и всеобъемлющи, мировая катастрофа так потрясающе страшна, что не для личных жалоб теперь время. Это меня настраивает на минорный лад. Затем слухи об отношениях «сфер» к еврейскому вопросу, ни в чем не изменившихся, гнусные деяния поляков, погромная агитация в некоторых кругах русского и польского общества — все это меня так расстроило и причинило глубокую горечь. Я даже потерял стыд и срам и без уважения к своему военному костюму зарыдал, как малый ребенок. Слезы глубочайшей обиды и горя, все, в чем могло выразиться чувство отчаяния и беспомощности, которое было вызвано всеми этими обстоятельствами.

Служба, я думаю, для меня теперь будет многим труднее, чем раньше...

№ 8

13-го октября

Заля, дорогой, приходится сожалеть, что собираюсь тебе писать в минуты тяжелых переживаний, упадка настроений. Чувствовал себя совсем хорошо. Поход внес много оживления. Служба стала интереснее. Время проходит незаметно. Целыми сутками не вылезает из леса, а осень стоит прекрасная. От неприятеля мы на расстоянии 20 верст. Пока остановились и дальше не двигаемся. Время от времени к нам долетает артиллерийская канонада. Встречаем ее в высшей степени спокойно.

Ну, а теперь настроение (извините) паршивое. Перед выступлением в поход скоропостижно скончался командир полка. Был назначен временный, а теперь приехал новый командир. С виду очень храбрый и грозный офицер. Лично я от него уже получил при встрече два замечания: «Громче надо отвечать» и на следую-

ший день: «Плохо отвечаете». Оба раза я ответил на приветствие «Здравие желаю», но недостаточно энергично. Эту сторону службы никак не могу одолеть; сегодня он принимал полк. Вызвал перед всем фронтом всех вольноопределяющихся, из них выделил окончивших высшие учебные заведения. Их оказалось двое, в том числе и я. Вопросы, где окончили, как давно, как фамилия, и т. д., когда сдавал на прапорщика. Я быстро вывел из неловкого положения: «Я иудейского вероисповедания, Ваше Превосходительство — пауза. Едите из котла? Так точно. Сколько расходуете в месяц денег, откуда берете? Сумма неопределенная. Получаю по мере надобности. Отвечайте определеннее. Назвал сумму довольно скромную. На что Вы тратите столько денег? Впредь не транжировать». При этом он очень долго поправлял мне фуражку на голове. Засим он обратился к остальным вольноопределяющимся. Покончив с ними, были особо вызваны все евреи полка (я вторично не вышел, о чем очень жалею) и обратился к ним со следующей речью: «Вы слышали, что евреи уклоняются от боя? Что евреи боятся одного вида пули и прячутся за обозами?» Из всех евреев отозвался один: «Никак нет».

«Я против евреев собственно ничего не имею, но первого колблющегося в бою расстреляю. Об этом запомните».

«Слушаемся, Ваше Высокопревосходительство». Как подобные речи должны повлиять на настроение интеллигентного еврея, Вы можете себе представить. И сейчас нахожусь во власти этого настроения.

Нравственную пытку доставляет и характер занятий в последнее время. Предстоят бои, а здесь идут усиленные занятия по отданию чести, маршировке, ружейные приемы и т. д. ...

№ 9

14 октября

Уже несколько дней — около недели — как от Вас нет писем. Мне очень грустно, и я их с тоской ожидаю. Сегодня тяжелый у меня день. Нездоровится. На дворе слякоть — сыро и туманно. Положение неопределенное. Скорее бы в бой, быть раненым и вернуться в Питер хотя бы на некоторое время.

Живем теперь в еврейском доме — я и несколько товарищей вольноопределяющихся. Приходится переживать неприятные минуты в связи с глубокой традиционностью местных евреев. Это вносит осложнения и отчужденность во взаимоотношения солдат и населения.

Дорогая, пишите непременно. Безумно хочу Вас повидать.
Привет Эсфири...

24 октября

Вчера, 23-го, отправил Вам открытку. Был несколько утомлен после бессонной ночи в карауле. Там же пережил несколько тяжелых, неприятных минут. В сарае было холодно, зашел в соседнюю, единственную жилую избу погреться. Застал несколько артиллеристов за следующей беседой: «Из-под Варшавы пишут земляки о больших успехах русского оружия. Кроме этого, пишет мой брат: “Больше всякого врага бойся жидов, за золотой продадут все и всех. Дави их, этих гадов, без пощады всякой и где кто может”. На этом беседа кончилась, так как было замечено мое присутствие. Как на меня должны влиять подобные слова и мысли, вам себе не трудно представить. Может быть, я нехорошо, не политично поступаю, не вмешиваясь, не доказывая, не защищая и т. д., но подобная активность, к каким бы благодарным последствиям она ни привела, мне не по силам, я их внимательно слушаю или спешу скорее ретироваться, чтобы уши мои не слушали таких приятных речей. В данном случае я испытал чувство некоторого успокоения, узнав, что говорившие артиллеристы — петербургские легковые извозчики, которые дальнейшим своим поведением и грубостью «вообще» («не национальной») восстановили против себя всех наших солдат, заглянувших, как и я, в эту избу.

Вчера с 12 часов дня до 12 часов дня 24-го находился в полевом карауле. Стоял на посту. Обязанности — остановить всех проходящих и проезжих по шоссе мирных и военных. У первых осмотреть документы, у вторых — специально условный пропуск; также осмотреть повозки. Приходилось останавливать людей всяких чинов и положений. Особенно предупредительное отношение проявляют евреи (их немного). При приближении к часовому и на отклик «Стой» они почтительно кланяются, снимают шапки, чего другие не делают (напуганы, бедняги). Узнав в моем лице еврея, они сейчас же становятся бесцеремонными. «Это, кажется, Иегуда», и все или значительная часть их почтения ко мне пропадает. Свой обязанности, разумеется, исполняю очень строго, и одну «бездокументную» еврейку с повозкой вернул на заставу, предоставив офицеру решить вопрос о пропуске. От единоверца, по-видимому, она не ожидала такой непреклонной строгости, на посту стоял по сменам два часа каждая. Отдыхал у опушки леса под открытым небом. Ночью в промежутках прикорнул у огонька. Очень люблю бывать в полевом карауле — хоть он довольно утомителен. На время уходишь от толпы, оказываешься в условиях, более располагающих к интимным пере-

живаниям. Погода очаровательная — холодная, суровая, но сухая и чистая осень.

В карауле бываю в обществе более любимых солдат. Состав моего кружка пережил некоторые изменения с начала службы. Когда-то кому-то в письме я характеризовал каждого из его членов — не знаю, может быть, письмо это было к Вам.

Ночью лежали у огонька. С одной стороны, караульный начальник, унтер-офицер, из коночных кондукторов, умный, человек большого здравого смысла, остроумный и весьма удачно иронизирует. «А за что меня убьют?» — вдруг почти спросонок обратился он ко мне неожиданно с вопросом. Пауза продолжительная... «А что теперь думает Федоровна, господин Систрин?» (Федоровна — это его жена). Когда я читаю солдатскую газету, он обычно обращается: «А погляди-ка, что здесь пишут о моей Федоровне».

Другой солдат, мой любимец, — петербургский фабричный, необыкновенный скандалист и безнадежный пьяница; но в нем есть что-то независимое, стихийное, что всегда питает его протестантские чувства против несправедливости (заметь, он весьма груб), что определяет мои симпатии к нему. Жену не любит, здорово ее колотил. Я их заочно примиряю. Меня он тоже очень любит. То же спросонок: «А почему я, господин Систрин, не покатал своего Кольку (маленький трехлетний сынишка, который все твердит, что папку убили) на поезде, когда он в последний раз об этом просил. Я чувствую, что не придется мне исправить этот грех». Я ему обещал, в случае возвращения в Питер, покатавать Кольку на автомобиле...

В таких отрывочных и случайных беседах прошла ночь под таинственной ночной тишиной в лесу. Ночью достали грязную водицу, вскипятили чай и закусывали. Питаемся, как говорят солдаты, «самосильно», что означает в данном случае «весьма основательно». Как раз, когда я стоял на посту в 1 часу ночи, проходил дозор от нашей роты; передали, что вольноопределяющимся имеются письма. Попросил его передать следующему дозору (солдаты, назначенные для связи между караулами), чтобы тот для меня захватил эти письма. В 1 часу сменился и, сидя за огоньком, все время напряженно ожидал этих писем. Вздремнул, без 10 минут в 5 часов меня разбудили и подали письма, а в 5 часов я должен был заступить на пост. Осталось ровно столько времени, чтобы наскоро прочесть эти письма, а на посту уже обдумывать то, что в них написано.

Днем получил еще два письма от 17-го. От промежуточных дней письмо еще не дошло. Получили ли у Эрманта от меня цветы и еще кое-что? Вы не подтверждаете, Белочка, получения одного моего очень длинного письма от 2-го или 3-го октября с описанием трехдневного перехода. Получили? (Меня отвлекли.

Откуда-то попала телеграмма от 23-го «Вольноопределяющийся, читай нам, что там пишут; нет ли чего о мире?» И вольноопределяющийся с комментариями прочел телеграмму).

Любопытная деталь. В письме от 12-го Вы пишете, что Ал. Як. просил передать мне привет. За пять минут до получения этого письма я во время перехода с одного места на другое думал о Вас, каким-то путем вспомнил о Ал. Як. и решил, что если Вы ее встречаете, то, вероятно, получу от нее через Вас привет. Первый раз подумал об Ал. Як. И посмотрите, как своевременно. Ее привет мне очень приятен. Поблагодарите ее за меня.

№ 11

25 октября

Милая, хорошая моя.

Начал было писать Болотину, но прекратил его — стала долетать до нас артиллерийская канонада. Слегка задрожала земля. Расстояние можно определить в 20—25 верст. Выстрелы отчетливые и громкие. Одно мгновение — и жуткость миновала. Теперь пишу Вам под звуки уже более редких выстрелов. Однако знайте, что мы находимся вне сферы огня и довольно далеко от нее. Может быть, еще очень долго будем здесь находиться.

Сегодня утром отправил Вам длинное письмо. Недавно получил Ваших два письма от 15-го и 16-го.

Дорогая, я пишу Вам не реже почти, чем через день. Постараюсь писать каждодневно. Но нет уверенности, что с такой аккуратностью. Бывает иногда, что письмо не с кем отправить в тот же день, особенно когда мы находимся в полевом карауле. Учитывайте это, и, может быть, далее спокойно будете относиться к замедлению в получении писем. Хотел Вам что-то очень важное писать, но мысли мои спутались, кто-то зачем-то ко мне обратился и нить прервалась. Белочка, судя по Вашим письмам, Вы преувеличиваете тяжесть условий и опасность положений, в которых я нахожусь, по крайней мере в настоящий момент. Под открытым небом приходится ночевать не так часто, да и это не так тяжело. Сегодня, например, мы поместились в крестьянской избушке. Квартирные условия, правда, не совсем роскошные. Комната небольшая (половина комнаты Зали), потолок низкий, земляной пол. Поместилось 25—30 человек. В теле недостатка нет. Через два дня, может быть, опять уйдем в местечко С. Однако я сам чувствую лучше здесь при худших условиях, чем в местечке. Люблю вольный простор полей и лесов.

Голода, жажды еще не испытывал. До этого еще далеко, а может быть, они совсем нас минуют.

Ваши письма — это единственное, что я сейчас имею и чего с тревогой и волнением жду каждый день. Спасибо, родная, что не лишаете меня этой радости. Да, Белочка, я ощущаю какую-то неловкость — Вы преувеличиваете степень моих страданий и лишений. Мне от этого сознания очень тяжело, стыдно. Не ввожу ли я в заблуждение, не жалуясь ли в письмах. Это было бы несправедливо и неверно. Среди многих миллионов неведомых мне товарищей, которым судьба посылает грозные и страшные испытания войны, условия, в которых мы находимся, чрезвычайно благоприятны. О них многие мечтают, а мы не жалуемся.

А не хотел бы вернуться? Не участвовать в бою? Объяснения в другом письме. Просите Залю высылать газету; выслал ли он деньги?

Желаю Вам спокойного, мирного состояния души. Ради Бога, возьмите себя в руки.

Белочка, целую. Опускаю голову Вам на плечо.

№ 12

1 ноября 1914

Вчера написал Вам несколько слов. В последние дни много передумал и перечувствовал — жаль, что всего этого не зафиксировал в виде писем к Вам. По мере приближения к боевым действиям, а мы от них находимся на бесконечно малом расстоянии, настроение безразличия и бесцветности заменяется некоторым душевным подъемом и активным настроением. Не поймите это как рвение в бой. Несмотря на всякие несправедливости судьбы к евреям, я все больше прихожу к тому непоколебимому убеждению, что долг русского еврейства — находиться в рядах действующей армии наряду с другими народностями. Все инсинуации и измышления, сыплющиеся даже в настоящий трудный момент на голову еврейства его вековыми врагами, должны разбиться вдребезги при столкновении с фактами действительности — исполнения евреями их «гражданского долга». Война пройдет, начнется трезвый анализ и критика, разгорится национально-политическая борьба, и евреям никто не посмеет бросить в лицо позорные обвинения. Я не говорю о Замысловских² и других злоумышленных клеветниках, а о той обширной массе, которая никогда не теряет способности оценивать факты действительности в их полном значении. Укажу Вам на другую сторону дела. В городах черты, где мне приходится бывать, еврейскими недоброжелателями распускаются среди солдат самые вздорные слухи, и мне кажется, что пребывание в рядах армии солдат-евреев значительно обезвреживает вредоносное влияние этой агитации. Каж-

дый еврей-солдат — это как бы маленькая плотина, сдерживающая напор презрения и ненависти к евреям, к которым так легко восприимчива душа всякого еврея. Пусть Вам не покажется нескромным с моей стороны заявление, что я в среде многочисленных солдат иногда чувствую себя защитником чести своего народа. В сознании того, что солдаты по возвращении на родину в ответ на инсинуации, направленные против евреев, вспомнят, что рядом с ними и не хуже их сражался еврей, «еврейчик» или жид, я черпаю глубокое нравственное удовлетворение. Это дает мне возможность думать и чувствовать, что жертвы, которых от меня потребует война, вплоть до жизни, окажут несомненную услугу бедному и страдающему еврейскому народу.

Никогда я столько не думал о евреях и еврействе, как теперь. У меня сильное желание и готовность служить своему народу, как никогда. Как жаль, как больно, что наряду с этим, я в непосредственных повседневных столкновениях с евреями чувствую себя от них очень далеким, что-то мешает мне к ним подойти близко и запросто. Если хотите, я не свободен даже от чувства неприязни... об этом, впрочем, не хочется сейчас говорить. Внутреннее противоречие, полное трагизма и, как думается, свойственное многим евреям.

Теперь 11 часов вечера. Сидим в ожидании первой тревоги к выступлению. Совсем не далеко от нас (несколько верст) гремит артиллерийская канонада — обстреливаются неприятельские позиции. Оживленно и интересно. Страху никакого. На днях нашей роте пришлось ночку провести в окопах. Ночь поистине ужасная. Сильно лил дождь, ветер, тьма египетская; в окопах вода. До перестрелки дело не дошло. То отделение нашей роты, в котором я нахожусь, случайно не попало на этот раз в окопы. Вообще-то живем теперь в довольно большом пограничном местечке, в свободных и, пожалуй, роскошных квартирах, покинутых обывателями после вступления в это местечко пруссаков. На днях провели день в очень благоустроенной квартире какого-то ветеринарного врача, русского подданного. Всюду следы паники и разгрома. Шикарная мягкая мебель, дорогие обои, разбитая посуда, разбросанные книги на разных языках, новое дорогое пианино посреди комнаты, по сторонам грязная солома, окурки и т. д. Больше всего мне было досадно видеть, как валявшиеся по всем углам фотографические карточки разбирались любопытными, не сознававшими, какое, быть может, лишнее [страдание] они этим причинят обитателям квартиры, если тем суждено будет вернуться. По мере возможности охраняю и уговариваю карточки не трогать... Теперь живу с товарищами в довольно приличной комнате рядом с ротой. Скверно то, что погода неблагоприятная — осенние дожди, слякоть, слякоть, грязь.

На днях с другими солдатами зашел в одну польскую семью чаю напиться. Заговорили о набеге пруссаков, об их отношении к населению. Разглагольствовали две хорошенькие польки... А вот евреи вредят вам. Когда пруссаки напали, они себя хорошо чувствовали. К приходу русских солдат — разбежались. Евреи очень трусливы и первыми покидают город. Их пруссаки не трогали, а других разоряли... Вдруг речь неожиданно перешла на тему о том, как какая-то горничная влюбилась в прусского офицера — заметили, что я еврей, и разговор переменяли. Впечатление тяжелое. Обыкновенно (это не первый случай) я в спор и опровержение не вступаю. На этот раз не выдержал. После продолжительной паузы начал задавать некоторые вопросы, из ответов на которые впоследствии было легко сделать выводы, противоречивые первоначальным заявлениям о кознях и трусости евреев. Польки были посрамлены, а солдаты почувствовали некоторую неловкость за свое легкомысленное доверие ко всяким абсурдным заявлениям. Настроение после этого стало несколько лучше.

Сегодня необыкновенно удачный день — удалось овладеть позицией в частной бане, натаскали дров, воды и с грехом по полам помылись.

№ 13

2 ноября

Воскресенье. 8 часов утра. Артиллерийская стрельба возобновилась.

Сейчас получил от Зали 20 руб. Из дома пишут, что Исаак пробыл один день в Витебске.

3 ноября

Утром отправил Вам длиннейшее письмо. Весь день идет жаркий бой в 5—7 верстах от нас. Гремит артиллерия, пулеметы, ружья. Выбивают германцев из укрепленных позиций, расположенных по ту сторону нашей границы. Появились раненые. Есть и убитые. В бой уже введена часть наших сил. Мы с каждой минутой ждем приказа о выступлении на поле сражения. Наступление наше продвигается успешно.

С колокольни католической церкви наблюдал за боем. Видно, как разрывается шрапнель. При появлении первых раненых что-то дрогнуло внутри, но быстро вернулось обычное в последнее время настроение.

Бой возобновился с большим упорством. Выступаем. Пока настроение уравновешенное, спокойное.

Самуил.

№ 14

5 ноября

Привет с неприятельской территории. Условия похода необычайно тяжелые, даже для войны. Отсутствие дорог, грязь по колону, холод. О бое сообщу...

Дорогая, не знаю, дойдет ли это письмо. Очень трудная доставка.

Пятые сутки в окопах, в центре артиллеристского боя. Шрапнели, гранаты порядком надоели. Лежишь в окопе, притаившись или высовывая голову, ждешь, гадаешь, попадет или мимо пролетит. Кругом непрерывная канонада, ружейная, пулеметная.

Доведет Господь свидеться, расскажу.

Писем не получаю, привет друзьям, знакомым.

Ваш Самуил.

№ 15

6 ноября

Дорогая, вчера писал, но не уверен, что оно дойдет, как и настоящее.

Сегодня нас сменили. Отправят сегодня-завтра в передовую цепь пехоты. Бои жаркие, кровопролитные и упорные.

Вначале было жутко, теперь несколько привык, но не совсем.

Картины «Красного смеха»⁶.

Бесконечно думаю о Вас. Сподобит ли Господь Вас видеть, поговорить? Обнимаю, целую, целую.

Просьба.

Я родителям пишу все время только приветы. Если меня убьют, напишите им о моих настроениях, где и как я жил и находился в последнее время. Привет Зале и другим.

№ 16

7 ноября

Дорогая, родная Белочка, шлю Вам привет из русских окопов на германской территории. Не стану Вам описывать условия жизни в окопах. Удобств очень мало... Остается только удивляться силе, выносливости и сопротивляемости нашего организма. Ах, эти ночевки... Сыро, морозно, холодно. Все, что было до сих пор, кажется легкой забавой на благоустроенном курорте.

Продвигаемся вперед по неприятельской территории. Боев серьезных пока не было, но под артиллерийским огнем мы уже прогуливались. Теперь мы составляем первую цепь, наступающую.

№ 17

10 ноября

Сегодня, 9 ноября, получил Вашу открытку, привет из родины от 2 ноября. Жаль очень, что мне не удастся Вам писать столько, сколько хочется, о своих переживаниях и впечатлениях. Для этого нет ни времени, ни подходящих технических условий. 4-го утром, в 5 часов утра, мы вышли из пограничного местечка, в котором находились в последнее время. Наша задача была обойти один из флангов неприятеля. Направились в сторону от шоссе. Шли на распаханной глинистой почве, под прикрытием непрерывного холодного осеннего дождя. Ноги погружались буквально по колени, шинель, амуниция удвоились в весе. Шли бесконечно долго, перешли границу и все продолжали нащупывать. И это хождение продолжилось с совсем небольшими перерывами до 2-х часов ночи следующих суток (5-го). Кружились по бесконечным полям и лесам, присесть нельзя было, так как всюду только грязь и болота, но впоследствии с этим незначительным неудобством перестали считаться. Шли мы под прикрытием своей артиллерии, обстреливавшей предполагаемые позиции неприятеля через наши головы. Орудийные выстрелы, звуки разрывавшихся шрапнелей вносили оживление в среду усталых солдат. Наконец, к трем часам ночи нас поместили в покинутом владельцами хуторе. Здесь я в комнате, битком набитой нашими солдатами, вздремнул часа три, оставаясь, однако в сидячем положении.

Во время движения на мою долю выпали довольно неприятные обязанности — конвоировать сзади роты семью арестованных пруссаков — стариков родителей и трех малых ребят. Вы можете себе представить, насколько труден был поход для этих частных лиц, если выносливые солдаты одолевали его не без чувствительного напряжения. Я был старшим конвоиром и еще три солдата. Приходилось торопить их, чтобы не отстать от своей части, удерживать своих товарищей от более энергичных мер воздействия прикладом. У меня сердце разрывалось при взгляде на этих невинных страдальцев. К чести одного моего начальства надо сказать, что оно вполне внимательно относилось к моему ходатайству об оставлении одного лишь хозяина семейства, а мать с детьми отпустить обратно. Впредь постараюсь в конвой

не попасть. В тот момент, когда этих пруссаков забрали, они были уверены, что их участь решена и что их ждет расстрел. И я это вполне понимал. Сколько мог, успокоил их по-немецки. На следующий день, 5-го, мы засели в окопы в переднюю линию против неприятеля. Здесь мы просидели с лишком два дня и две ночи, пока нас не сменили другие батальоны нашего полка. Если окопы вообще не представляют особых удобств, пребывание в них поздней осенью в сырую и холодную погоду является крайне мучительным. Ах, если бы Вы знали, что это за ночи, как они тянутся мучительно долго, без сна, без дум и без чувств. Сидишь, скомкавшись, и от холода зуб на зуб не попадает, а сверху бесконечно нудно моросит холодный пронизывающий дождь. Я все стараюсь отвлечь свое внимание, чувствую в другую сторону, но тщетно — ни на чем не могу сосредоточиться, мысли рассеивались, и я думал только о тепле и холоде. В такие минуты забываешь о неприятеле, об опасностях... Еще несколько таких ночей, и меткая пуля неприятеля покажется желанным избавлением от этих неприятных и весьма неинтересных ощущений.

Интересно страдание, глубоко оставляющее след в душе человека, его переживающего, но мне кажется, что в указанном смысле не может быть физических страданий, ни радостей. Есть только те или иные ощущения, мучительные, болезненные, но бесследно исчезающие. Ушел из окопов, оказался, например, в комнате, и забыто все то, что пришлось перетерпеть в них.

Эти два дня прошли без боя, происходили лишь перестрелки между разведочными отрядами. Наш полк понес уже некоторые жертвы, пока незначительные. Зато после окопов мы оказались в прекрасном помещении, благоустроенной прусской школе. Печать благоустройства и хозяйственности и культурности лежит вообще на всем, что встречаешь в стране одичавших пруссаков (правда, мои наблюдения еще незначительны). Ах, если бы Вы знали, какой разрушительный вихрь пронесется по той части страны, которая непосредственно прилегает к театру военных действий. Какое разлагающее и тлетворное влияние она оказывает в моральном отношении. Труд человеческий, творения культуры совершенно обесцениваются, разрушение ради разрушения — без нужды, без смысла и без пользы. Таковы следы посещения пруссаками наших городов и наоборот. Вы входите в квартиру беженца, убранную, благоустроенную, стоившую многих трудов и забот, и все моментально превращается в обломки, подвергается полнейшему разгрому. Присматриваешься и видишь, что это бессознательно, не от злой воли, но вполне гармонирует с тем общим настроением войны — «в военное время все можно». Всякие ограничительные нормы, внутренние сдерживающие импульсы теряют свою реальную силу и значение.

Зеркало разбивается для того, чтобы раму использовать на подтопку, пчелиные ульи разбиваются для того, чтобы воспользоваться медом, оставленным для зимнего питания пчел; тюлевые гардины, шелковые блузки — на портянки, носовые платки. Под мокрую солдатскую шинель одевается иногда фрак, хороший сюртук. Я собираюсь все овладеть столовой ложкой — я свою потерял, но как-то не решаюсь.

Питаемся мы хорошо — кому не лень, тот убивает свинью в 3—5 пудов, теленка, гуся, индюшку и варит себе котелок пищи. Оставлены без владельцев сотни тысяч голов скота. Воинское начальство со своей стороны предостерегает от неуважения к оставленной собственности.

Много забрано в плен прекрасных немок — обращение с ними вполне гуманное и предупредительное.

Эти невоенные действия, печальная инициатива которых, как Вам, вероятно, известно, принадлежит нашему разнужданному неприятелю, гораздо страшнее самой войны. Они надолго посеют рознь и вражду между воюющими народами и породят немало зла в жизни.

Письмо придется кончать. Завтра опять уходим в окопы. О результатах надеюсь Вам написать*.

...Сапоги починил, они больше не протекают, как несколько дней тому назад, и настроение поэтому более твердое. А на дворе морозы. Как-то посидим в окопах?

В общем, я настроен очень мирно, но спуску врагу не дам. Письмо вчера не пошло. Оказывается, в окопы сегодня не пойдем — вчера были в карауле для прикрытия артиллерии от возможных нападений. Ночь стоял на посту. Слякоть прошла. Морозы. Чарующая суровая красота ранней зимы. Бескрайние снежные поля, освещенные бледно-розовыми отблесками солнца. Подолгу люблю эту картину, если только ночами не холодно. Забываешь обо всех недугах. Мысли и чувства отвлекают от земной действительности, а на душе грустно, тоскливо. Почему и для чего, дорогая, на земле пронеслась эта разрушительная стихия, катастрофа войны. Мне кажется, что в душе всех солдат, и наших и прусских, живет мир и благоволение. Кто невидимый поднимает его руку, нажимает курок, производит выстрел, смертоносный и разрушительный, и воин вновь возвращается к мирному состоянию.

Не понять и не постигнуть того, как мирную толпу можно превратить в победоносную армию (а ведь это факт).

А я уже отведал немецкого вина и прекрасных сигарет.

---

* Далее, видимо, идет отрывок текста другого письма, предназначенного брату Залману. — В. К.

Где-то солдатики во дворе доят корову, доносятся граммофонные звуки немецкой оперетки, с любопытством оглядываются каски, снятые с убитых немцев. Я с товарищем вольноопределяющимся притащил из какого-то помещения очень удобный пружинный матрац с бархатной диванной подушкой. Рядом потрошат зарезанного борова, а рядом целая шеренга сидя производит разведки на конных блох и пеших неприятелей в пределах собственной одежды. Это полагается читать только Тебе, Заля, но не дамам. Кажется, заболтался. Прощай.

Письмо для Тебя и Беллы. 20 руб. получил. 10 еще нет.

№ 18

11 ноября

Вчера отправил Вам и Зале длинное письмо. Хочу с Вами поделиться впечатлениями о результатах одной разведки наших солдат. Наши разведчики отличаются вообще большой решительностью и отвагой. Не могу сказать, чтобы они были достаточно осторожны даже в меру необходимости.

После одной разведки не досчитались 6 человек, об участи их не было сведений два дня. Впоследствии оказалось, что четверо умерло, один легко ранен и увезен в плен, а другой тяжело ранен и лежит в прусской деревне. Надо было последнего спасти, и на выручку отправился довольно значительный отряд. Прусский разезд прогнали и подошли к избушке, где два дня лежал тяжело раненный. Оказалось, что пруссаки подобрали последнего — с собой они его взять не могли по некоторым причинам — поместили в избушку, приставили к нему для ухаживания старушку, жители деревни, скрывавшиеся от солдат, приносили ему перины, одеяло, варенье, сливки и прочее. Ему оказали трогательное внимание как прусские солдаты, так и жители. Принимались даже делать ему перевязку, но это не удалось за отсутствием надлежащих приспособлений.

Убитых пруссаки похоронили и над каждой могилой поставили крест.

Эти сведения меня глубоко взволновали, слезы умиления и грусти потекли у меня. Ведь в обществе и среди солдат культивируется мнение о том, что пруссаки добивают раненых, жестоко с ними обращаются, предоставляют трупы воронам и собакам. Это озлобляет солдат, они готовы ответить тем же, и вот вдруг такие неоспоримые, очевидные факты, на солдат они произвели прекрасное впечатление, вернулось человеческое, душевное настроение, и как-то легче стало вообще дышать. Об отношении наших солдат к убитым и раненым сообщу в следующий раз или при личной встрече.

14 ноября

Простите, дорогая, что вчера не писал — почти не было возможности. Не уверен, удастся ли сейчас довести письмо до конца. Маленькая комната, наполненная и переполненная солдатами, дым, грязь, на столе режут свинину, лук, картофель, невероятный шум. Мы вновь на передовой позиции. Подвигаемся вперед при незначительном сопротивлении неприятеля. Вчера день был интересный, по своей охоте ходил в разведку. Чаще всего наши разведки кончаются некоторыми потерями; не все, однако. Не скажу, что я без колебания решил сходить. Но именно наличность таких колебаний и заставила меня их преодолеть без особого труда. Вашу основную просьбу я имел в виду и усиливал мои колебания. Ушли мы верст на 4—5 впереди передовых окопов. Погода дивная, виды великолепные; величественная, нарядная зима. Предстояло нам осмотреть весь участок, две чащи лесные и некоторые подозрительные места. По пути заходили во все дома, осматривали, обыскивали сараи, чердаки и прочее. Чем больше удаляешься от позиций, тем напряженнее становится состояние разведчика. Зорко следишь по всем направлениям. Каждая черная и в особенности движущаяся точка на горизонте вызывает особое внимание, страстный обмен мнениями между разведчиками: кто это — человек или нет. Если да, то свой или неприятельский солдат. Особенно настораживаешься, подходя к заселенным или вообще заступаемым местам. Походишь с опаской, рассыпаясь и охватывая владения со всех сторон — как бы не последовала неожиданная встреча. На чердаке промелькнула кошка, солдат уверяет, что это человек шевельнулся — собственными глазами видел человека, взбираешься на чердак, где испуганная кошка зарылась в сено. В некоторых домах оказались еще жители — бледные, немощные. Встречают нас со страхом, но обращение мое и другого товарища на немецком языке вносит некоторое спокойствие. В одном доме оказались три старухи, две женщины средних лет, мужья которых ушли в прусскую армию, и две девочки — их дочери. Нам показали маленькую Гертруду, как бы выдвигая щит, заслон против возможных неприятностей со стороны солдат. С маленькой Гертрудой поздоровался, приласкал ее — жаль стало при виде милого, бедного ребенка. Как беспомощны эти оставленные на произвол всяких случайностей семьи... Сколько горя, сколько слез, нищеты и других страшных спутников войны. Они ужасны, их результаты глубже и болезненнее, чем сами военные действия. При обходе германских домов (прусских крестьян) приятно поражает чистота, уют, а главное, удобства жизни. Сколько времени долж-

но пройти, чтобы русский крестьянин достиг этой степени культуры, уровня потребностей.

Своих товарищей приходилось удерживать от разных соблазнов, весьма несоблазнительных. Полнейшее неуважение к чужой собственности, не оберегаемой карательными законами. Я присвоил себе лишь маленький цветочек для Вас, дорогая моя.

Кое-что нам проследить удалось, и некоторые сведения мы начальству доставили. На обратном пути зашли в домик, где живет швея при больной старухе матери. Бедность и болезнь последней не позволяют им бежать. Швея молоденькая и очень милостивая немочка. По дороге один солдат стащил пару десятков яиц, из которых швея приготовила яичницу. Напоила нас кофе с хлебом с маслом. Милые улыбки. Этим закончилась наша разведка.

№ 20

16 ноября 10 часов вечера

Днем сегодня отправил Вам два письма. Ждал от Вас письма, но не получил. Читал и перечитывал вчерашние. Безмерно благодарен за них, дорогая моя. У меня серьезная забота — куда девать накопившиеся письма. В вещевой мешок? Но во время сражения очень часто забрасывают всю амуницию, кроме патронов. В карман? Но они не помещаются. Пришить для них специальный карман с внутренней стороны мундира, но недостаточно. Хотелось отослать их Вам на хранение, но не хочу, чтобы это лучшее интимное сокровище было осквернено цензурой.

Днем сегодня копал окопы. Что будем делать завтра — не знаю.

Начинаю томиться бездеятельностью. Более энергичная деятельность ускорила бы развязку. Надоела очень окружающая среда. Цинизм, похабщина в неограниченных размерах создают отвратительное настроение. Теперь зима, и большую часть времени приходится проводить на людях — нигде нет спасения. Это какой-то ужас, бич... Я совершенно не переношу цинизма. Пытка порою невыносимая.

Кругом храпят, издают нелепые звуки, командуют «направо и налево», «коли» и т. д. Жрут весь день непомерно, пьют кофе ведрами. Все принарядились — кто во фрак, кто в сюртук, кто в мундир — нелепо и смешно — как в Кривом зеркале.

Перед сном зашел спор, кто поганее — собака или кошка. Ни у кого из талантливых юмористов Вы не найдете столько смешного, сколько было в этом споре. Решили, было, что поганее собака, так как без кошки человек «жить не может!» Почему это

так — никто доказать не может. Другое доказательство — кошку в церковь допускают, а собаку нет. Такими разговорами еще приходится быть довольным, так как тема безобидная, бывает гораздо хуже. Не шадят ни матери, ни жены и никого из близких и дорогих, если такие имеются, — цинизм властвует над всем. Он как бы извращает все их человеческие свойства и достоинства. Какая-то мерзость запустения. Негде искать спасения.

Впрочем, это Вам, вероятно, неинтересно... Жду завтра непременно письма.

Шлю привет Эсфири. Читайте письмо Золе.

Храните, Бела, мои письма. Если вернусь — извлеку из них объективный материал.

Сейчас проснулся один со словами: «Ты смеешься, а гляди, ведь заколят взаправду».

№ 21

17 ноября в 9 часов вечера

Утром в пять часов нас экстренно вытребовали для прикрытия артиллерии, артиллерии, обстреливающей с позиций неприятеля, дается для защиты отряд пехоты. В серьезных боях положение пехоты в таких случаях весьма тяжелое, она подвергается обстрелу неприятельской артиллерии.

Погода была ужасная, холодный проливной дождь — прошли 8 верст, промокли, продрогли. Ненастье, в связи с другими не известными нам обстоятельствами приостановили наступление.

Попали в немецкое местечко, небольшое, но очень уютное и благоустроенное. Сперва согрелись в народном доме, у нас в губернских городах таких нет. Затем устроились на частной квартире. По некоторым признакам оказалось, что это квартира немецкого еврея. Квартира богато обставленная, с некоторым вкусом (немецкого бюргера), на всем следы заботливого внимания. Жила молодая чета и маленький ребенок, но если бы Вы видели, во что моментально превратилась квартира... После самого жестокого погрома Вы не увидите картины такого разрушения — все разорвано и разбито вдребезги, процесс совершается приблизительно следующим образом. Солдат, весьма миролюбиво настроенный, начинает искать себе нужные вещи, преимущественно портянки и носки... Пока он находит то, что ему нужно, он рвет, разбрасывает и уничтожает все, что попадает под руку. Затем самый процесс разрушения доставляет ему некоторое удовольствие: для забавы фарфоровые умывальники разбиваются топором и т. д. Зрелище крайне тяжелое. Зато полнейшей непри-

косновенностью пользуется имущество жителей, оставшихся на месте, их никто не обижает.

После полудня сделали еще небольшой переход и остановились в имении какого-то немецкого фона. Латифундия — одна из богатейших. На всем в квартире — печать старины родовых традиций землевладельческого аристократа, и вот в этой обстановке появились солдаты в цилиндрах, крахмальном белье и прочем. Эти вещи, конечно, будут оставлены на месте, но картина поразительно комичная и грустная.

Я с товарищами нашел прекрасную комнату на мезонине со всеми удобствами барской квартиры. Затопили камин и во время сушки портянок и сапог (простите) читал немецкую беллетристику, лакомился вкусными вещами, немножко и помародерствовал — столовую ложку, носовой платок и почтовую бумагу. Активности, собственно, я не проявлял в данном случае.

Писем от Вас не было. Впрочем, мы далеко от штаба, и корреспонденция нам сегодня не доставлена.

Прекарачаю письмо, должен уйти на пост.

№ 22

20 ноября

Вчера вечером и сейчас настроение скверное. Упадок вызван следующими обстоятельствами. Утром от нашего взвода отправилась команда разведчиков. После 12 часов отправилась другая партия, в том числе и я. Исследовать предстояло немецкое местечко, где, по сведениям последних разведчиков, расположен был неприятель. Между прочим, шоссейные и другие дороги, ведущие в этот пункт, были немцами при их отходе минированы. На днях взлетел на воздух и разорвался на части наш солдат. Та же участь постигла несчастного крестьянина. Специально для взрывов фугасов мы прогоняли по дороге скот — разорвана корова. И вот при таких условиях надо было двигаться. Напряжение очень высокое. Еще до вступления в местечко товарищи стали заходить в расположенные по пути дома для обшаривания, а главное, поисков водки, вина и пива. Должен Вам сказать, что разведочные операции очень важны для всего хода военных действий. От степени точности разведочных сведений в значительной мере зависит как успех последующих боев, так и безопасность расположения своих частей. Ясно, произвести разведки в пьяном состоянии не следует — вред может наступить необычайный. Таковы практические мотивы, побудившие меня удерживать товарищей от выпивки. Но кроме этого страшно обидно видеть, как велико влияние вина, один призрак его может рас-

строить все планы, опрокинуть все расчеты. Война — большое зло. Но, раз возникнув, она требует от своих участников самого строгого, сознательного отношения. Нигде, может быть, так не важно то строгое исполнение своих обязанностей, долга, как на войне. Это вернейшее средство ослабить результаты великого зла. И вот, когда я вижу, как низменные побуждения отвлекают солдата, все его внимание в другую сторону, меня это угнетает, волнует или просто приводит в яростное состояние.

Пришли в местечко, неприятель, видимо, прошел несколько часов назад. Следовало нам это выяснить. Но вдруг в местечке, покинутом населением, — ренсковый погреб*. Масса казенных вин и других крепких напитков. Бросились, как хищники, сюда, забыв об обязанностях, опасности, не слушают команды старшего, разыгрались скрытые до сих пор страсти. Вперед не двигаются... У меня душа буквально надрывалась при виде этого недостойного зрелища. Я зашел в ренский погреб** 7, выгнал оттуда компанию, а в дальнейшем всячески им мешал заходить за вином и другими вещами, мне это ужасно противно. Я был очень резок и энергичен в своем протесте (несмотря на это, кое-кто успел надрызгаться). И вот на обратном пути стали на меня метать гром и молнии. Я все время молчал, выслушивая крайне обидные и незаслуженные резкости. Посыпались на меня обвинения и упреки в барстве, прислуживании начальству и всяких других гадостях. Не нашлось ни одного из 15 человек, который бы вместе со мной протестовал против этого безобразия — вот как вино объединяет вокруг себя без различия возраста, направления...

Ко мне солдаты относились хорошо, с некоторым уважением, и вдруг такой выпад. И за что? За мои действия, вытекавшие из искренних товарищеских побуждений. Безмерно больно и обидно.

А ведь первая партия вернулась вдребезги пьяная, обесценив этим очень ценные результаты разведки; кроме того, некоторые из этих солдат будут наказаны за пьянство во время исполнения служебных обязанностей.

В связи с этим я чувствовал себя глубоко одиноким и чуждым среди этой братии, способной растерзать человека, настроенного к ним доброжелательно, только за то, что он им мешает безобразничать. Сейчас больше писать не могу, нет настроения.

20 ноября 10 часов вечера

В 12 часов наша очередь сменить товарищей, сидящих в окопах.

Утром опять уйдем в помещение.

---

* Так в тексте.

** Так в тексте. — В. К.

Сегодня отправил Вам письмо. После этого последовали события, о которых хочу с Вами поделиться. Несколько солдат нашего полка (но не роты) отправились без ведома начальства в местечко, описанное мною в письме № 2, и напились вдребезги. На обратном пути они решили испытать судьбу и не обходить заложённых германцами мин (фугасов). Когда эта «шутка» прошла безнаказанно, они продолжили добиваться взрыва мины во что бы то ни стало: бросали камни, танцевали на фугасе... в результате последовал взрыв — двух убило насмерть, а двое тяжело ранены. Первые разорваны на мелкие части, а у раненых сорваны передние части лица (ослеплены). Таковы ближайшие результаты первого появления вина. Но они не единственные, я полагаю, что от него существенно пострадает разведочная служба, если не будут приняты энергичные и решительные меры к уничтожению отыскиваемого вина.

У нас в роте тоже весело. Один из моих ближайших начальников хватанул свыше меры и не перестает балагурить — у него вообще замечательный юмор, который с особой силой сказывается после выпивки. Чем дальше и ближе соприкасаешься с русским человеком, тем больше начинаешь любить юмор, проникающий всю русскую народную душу — мягкую, лукавую и добродушную.

За вчерашнюю обиду я уже получил некоторую компенсацию — участники кампании стараются выразить мне свои симпатии, кроме одного, от которого я лично отворачиваюсь, а некоторые, после выпивки, не щадя моей скромности, давали в слух довольно подробную и лестную характеристику.

Со двора доносятся оружейные выстрелы, вероятно, перестрелка между нашими разведчиками и передовыми неприятельскими разъездами. Когда их долго не бывает — мы начинаем скучать.

Сегодня получил от Лизы⁸ посылочку — теплые чулки, оделон, шоколад... Спасибо ей и Вам. Соберусь, напишу ей.

Доброй ночи, дорогая. Предстоит длинная, бессонная ночь, буду все думать о Вас.

Поделитесь с Залей.

№ 23

23 ноября

Вчера перед уходом на разведку отправил Вам письмо. Вернулся поздно вечером — усталый и возбужденный. Хотел поделиться впечатлениями, но свалился и заснул.

Пороху понюхал — боевое крещение получил. Наших 18 человек пошли в разведку, я с ними. Шли в сторону и вперед от

нашей позиции несколько верст. Проходили мимо места вчерашней катастрофы (взрыв фугасов). Смотрели по сторонам, останавливались, прислушивались к движению и топоту — ничего подозрительного. Стали приближаться к деревне. Впереди деревни — горка. Мы насторожились. Вдруг на горке, на расстоянии 600—800 шагов от нас выросли четыре фигуры. Ясно — неприятель определяет расстояние для постановки прицела. Не успели повернуться — грянули выстрелы. Наши моментально упав, применились к местности — кто за бугорок, кто в лощину, кто в канаву. Я как раз в этот момент находился в канаве с некоторыми другими, где и залег. Посыпался град пуль над головой и мимо ушей джжж... мелькнула мысль «конец всему» и исчезла, чтобы уже больше не возвращаться. Пролетит пуля — высунешь голову отыскать цель для стрельбы, да и любопытство одолевает. Только высунул голову, а проклятая уже вновь визжит. Напряжено думаешь все об одном: пролетит ли мимо или заденет, а потом кто кого уложит — они меня или я их. Против нас были неприятельские окопы, из которых и жарили. Ползком добрались до деревни — там достаточно прикрытий, деревянных, каменных зданий. Применились и начали отвечать. Неприятель замолк на время. Задача была выполнена отчасти — выяснили наличие неприятеля в данном месте. Осталось определить размеры его сил — самое трудное. Хотели было двинуться в наступление в атаку — авось переоценит наши силы — отступит (это бывало), но от этого воздержались. Стали отходить обратно. Едва успели пройти двести шагов, как по нам было дано четыре залпа большой силы — спасло нас то, что мы успели спуститься за холм. Если бы не это, если бы мы из деревни не ушли, мы основательно пострадали бы.

По пути мы обстреляли разъезд велосипедистов — у германцев очень развита велосипедная разведка. На обратном пути оживленные споры, доходящие до ссоры: кто смелый, кто был впереди, кто сзади. Достаточно ли решительно действовал первый взвод или нет. Захватили, конечно, винца, сыру, яблок, бесконечное число старых брюк, жилетов, к которым солдаты, почему-то питают особенную слабость, хотя в них совершенно не нуждаются. Возьмут, полюбуются пару дней, нагрузят себя, а потом бросят до следующего случая. Из роты к нам шел отряд на помощь, когда стрельба была там услышана. **Экзамен я вполне выдержал***.

Возвращаясь, мы с горы смотрели на нарядно освещенный Тильзит⁹. Последние дни немного устал. Уже две недели как почти не снимаем амуниции, спим в сапогах, шинелях, грязь необычайная, мечтаю о ванне и свежем белье.

---

* Выделено в тексте. — В. К.

Говорят, что наш полк сегодня отведут на некоторое время в резерв, заступит другая часть.

Надо мне писать ряд писем — вчера была большая почта, а скоро мы уходим в караул — в окопы.

Будьте здоровы, дорогая моя.

Начал получать «Русские ведомости», «Новый восход» и «Смоленский вестник», конечно, не аккуратно.

№ 24

23 ноября. 9 часов вечера

Дорогая, ограничусь кратеньким сообщением. Сегодня прошли 35 верст под дождем и в грязи. Усталость необычайная. Последняя часть пути мучительная. Завтра и послезавтра предстоит пройти еще 75–80 верст. Нас раньше на ночевку поместили в бане — в местечке все занято солдатами, но потом какой-то сердобольный еврей отыскал более удобную ночевку, где и шинель можно будет посушить. Сейчас с необычайным наслаждением пью чай (весь день хлебал из болота) из самовара со старой субботней халой. Блюдо прямо изысканное. Как я благодарен еврею за его хлопоты. Настроение было со вчерашнего вечера убийственное. Не могу Вам описать, что у меня на душе. Настроение вызвано обстоятельствами, имеющими лишь косвенное отношение к службе. Держали путь через Шавли¹⁰ по направлению к Риге или Варшаве. Уже в пути получил №№ «Нового восхода», «Русских ведомостей»¹¹, а также много писем от друзей. От Вас два письма от 15 и 10-го. В доме, где я ночую, сидит престарелый, подслеповатый еврей и учит талмуд при едва мерцающем огоньке. К нему, далекому от мирской суеты и еврейских гешевтов (простите за банальность), я почувствовал искренние симпатии. Охотно с ним поговорил, попросил «молиться за нас» — чтобы доставить ему приятное.

Будьте здоровы.

Привет Зале, Марье Сергеевне, последней хотел написать, но едва ли удастся.

№ 25

26 ноября

Дорогая моя, простите, что вчера не писал Вам. Этому мешала некоторая усталость от похода и отдаленность от почтового пункта. Во время похода напрягал все усилия, чтобы не отстать (заметный процент солдат это делает) от роты. Призывал

на помощь всю свою силу воли, и это мне удалось не без труда. Мнительность. Мне все кажется, что, если бы я отстал, многие бы сказали: «Жид манкирует службой» или нечто еще менее приятное. Полк заночевал в имении в 15 верстах от города. Я же еще с двумя товарищами, несколько отдохнув, побрел дальше, взяли почтовых лошадей и поехали прямо в Шавли. Стремилась мы в баню, где давно не бывали и куда очень тянуло. Основательно вымылся, облегченно вздохнул, мы об этом давно мечтали. После зашли в ресторан закусить; время позднее, 12-й час. Стали искать ночлега. В гостинице — все занято. Так мы усталые, изнуренные 4-дневным походом, почти засыпающие на ходу, бродили до второго часа в поисках ночевки. К знакомым я не решился, так как поздно стучаться, да и товарищей покидать неудобно. Наконец, при помощи какого-то молодого человека, мы устроились в грязных меблированных комнатах. Моментально заснули как убитые.

Утром сегодня прочел телеграммы в газете (бодрящего мало в них), пошел искать последний номер «Рассвета»¹², где я полагал найти Ваше произведение. Захожу к знакомым, на столе «Рассвет» № 47... Да, в нем Ваше стихотворение, посвященное мне («Моему другу — солдату С. С-ну»)¹³. С собою взять номер нельзя — попросил списать мне стихотворение — самому некогда было, надо узнать, где по приходе остановилась рота. Как мне близка и понятна отразившаяся в стихотворении глубокая скорбь и печаль Вашей благородной души. Неужели не будет конца обидам и оскорблениям? Неужели мы вечно будем так беспомощны?.. Не лучше ли тогда совсем не существовать, исчезнуть. Величайшее из оскорблений — это молчаливое и покорное перенесение незаслуженных обид и страданий. Из страниц «Нового восхода» я узнал об истории с еврейским населением г. Горжды¹⁴ и других. В этих фактах действительности еврей-солдат должен почерпнуть силу и бодрость для подвига и жертв? Тяжело, немислимо тяжело неверующему еврею.

№ 26

28 ноября, 10 часов утра, 60 верст от Варшавы

Все время непрерывно идут на встречу поезда с бесчисленным множеством раненых. Я видел только сестер милосердия, одетых в белое, угрюмо и строго делающих свое дело, и они мне показались святыми.

В Варшаве рассчитываю быть сегодня, оттуда, вероятно, пешком.

№ 27

29 ноября

Дорогая, сегодня выехали в Сохачев¹⁵. Отсюда направляемся на позицию, совсем не далеко от Сохачева. С сегодняшнего дня мы вступаем в область смерти и разрушения. Все, что было до сих пор под Тильзитом, лишь приятное развлечение, с тем, что нас ждет впереди. Кругом уже масса раненых, убитых. Не смолкает артиллерийская канонада. Ночные атаки, штыковой бой — так рассказывают только что привезенные раненые.

Настроение устойчивое, спокойное, готов ко всему.

Дорогая Белла, Вы должны мириться с замедлением в получении писем. Это письмо я еще успею переслать с кондуктором, дальнейшие — едва ли. Верьте, что я буду пользоваться всякой возможностью, чтобы писать Вам, но несомненно, что письма не будут доходить аккуратно. Вы же пишете, авось письмо дойдет.

№ 28

30 ноября

Дорогая, пишу пока возможно. Нахожусь еще не на позиции, а вблизи нее. Нельзя писать того, что происходит на нашем фронте «Висла—Варта». Много Вам известно из газет, но это не все. Упорство и отчаяние с каждой стороны достигают крайнего и невероятного напряжения. Слились две скалы. Пушки и пулеметы расплавляются от непрерывной стрельбы. Детали отложу до тех пор, пока сам не побуду. Между прочим среди немецких солдат, пленных и раненых, много пьяных. Некоторое удовлетворительное злорадство (невысокой пробы) мне доставил прием, оказанный нам местным польским населением. Крайнее недоброжелательство к солдатам, доходящее до жестокости, — стремление к наживе от солдат. В польских деревнях полк не только не пустили в квартиры, не хотели отвести и сараи. За все приходится платить очень дорого. Зато отношение нашего военного начальства в высокой степени корректно. К капризам поляков относятся с полным уважением. Я в последнее время проникся глубоким презрением ко лжи и лицемерию нашей печати реакционной и либеральной, и описанный факт усугубляет это отношение. вспомните, в каком восторге печать от приема, оказанного польским населением солдатам, и сопоставьте с моими впечатлениями, в результате сознательное заискивание пред надменной Польшей.

Настроение у меня спокойное, хочется скорее в окопы, в бой для скорейшей развязки — я не чувствую себя душевно усталым.

Хотел бы в эти дни написать несколько теплых душевных слов маме, не мог ее осведомить об истинном положении вещей.

Будьте здоровы, владейте собой, терпите, дорогая.

Читайте письмо Зале.

№ 29

1 декабря

Дорогая, пишу с позиции в 1 час ночи. Попался обозный, который, может быть, довезет письмо. Идет страшный артиллерийский бой. Мы прикрываем артиллерию.

---

¹ Ситничек — сытный хлеб — хлеб, испеченный из ржаной муки, просеянной через мелкое сито. («Ситный — не сытный» — народная поговорка).

² Гакофе; Гакофес (Гакафот) — синагогальная процессия вокруг Бимы в ходе празднования Суккота. На Биме в этот момент находятся почетные прихожане со свитком Торы.

³ Баал-бот — богатый хозяин. По традиции на субботу или в праздничные дни многие религиозные семьи приглашали в дом на обед бедных, иногородних учеников религиозных школ (ешиботников) и евреев-солдат.

⁴ Вольноопределяющийся — доброволец, обладающий высшим или средним образованием. После 3–6 месяцев прохождения службы вольноопределяющиеся, кроме лиц иудейского вероисповедания, имели право на сдачу экзамена на первый офицерский чин.

⁵ Замысловский Георгий Григорьевич (1872–1920) — публицист, правый политический деятель, один из лидеров антисемитского движения в России, депутат Государственной думы.

⁶ Имеется в виду рассказ Леонида Андреева «Красный смех». Опубликованный в 1904 г., этот рассказ был посвящен Русско-японской войне.

⁷ Вероятно, название винного погребца, происходящее от Рейнского вина, наиболее распространенного алкогольного напитка в Германии.

⁸ Лиза — сестра автора писем.

⁹ Тильзит (ныне г. Балтийск. Россия) — город в Восточной Пруссии.

¹⁰ Шавли (ныне г. Шауляй, Литва) — город Ковенской губернии.

¹¹ «Новый восход» — еврейский журнал, издававшийся на русском языке под ред. М. Г. Сыркина в 1910–1915 гг. В мае 1915 г. был преобразован в «Еврейскую неделю»; «Русские ведомости» — газета либерального направления, издававшаяся в 1863–1917 гг.; «Смоленский вестник» — либеральный еженедельник, выходивший в свет с 1873 по 1917 г.

¹² «Рассвет» — еврейский журнал, фактически орган сионистского движения, издавался на русском языке в 1907–1915 гг. под ред. М. Л. Цетлина и С. К. Гепштейна.

¹³ Белла Майзель

(Другу моему — солдату С. С-ну).

Мы тоже по первому зову явились,
Отвагою тоже сердца наши бились,
Мужей, и сынов, и отцов мы отдали,
Мы тоже на подвиг любви посылали
Своих дочерей, —

Где смерть и крушение,
И стон о спасенье,
И пляска безумных,
Кошмарных теней.
В одном лишь судьба нас со всеми сравнила:
На муки и смерть наравне посылала,
Да равную долю отваги, терпенья
На поле кровавом дала в утешенье,
Да в грозной борьбе
Неведомой силой
Со всеми сравнила,
Да в братской могиле,
И больше —
Нигде
Миллионы героев со славой победной
Вернутся счастливые к родине бедной,
И много чарующих песен, сказаний —
Поэзии чистых и вечных созданий,
С былым примирить —
И бури и грозы,
И гибель и слезы
Сияние правды,
Любви
Озарить.
Страдалица Бельгия, ныне защита
Тебе — благодарность веков и народов.
Не будет надменная Польша забыта,
Арена великих кровавых походов,
Но сумрачный свод
Без тени просвета,
Сомкнут над тобою,
Еврейский
Народ.
Бессильные слезы незримо роняя,
К Тебе, мой народ, я в тоске припадаю
И в прошлом — в божественно-чистом ученье,
Награду, любовь
За все униженья,
Печали, гоненья.
За подвиги, слезы
Обиды
И кровь.

(Рассвет. 1914. № 47).

¹⁴ Гаржды (Гарждей) — местечко Тельшевского уезда Ковенской губернии. Еврейское население этого и многих других населенных пунктов прифронтовой полосы по приказу военного командования в полном составе в период религиозных праздников и субботнего отдыха, насильно привлекалось к проведению окопных и прочих хозяйственных работ. Позднее в 1915 г. еврейское население этого местечка, как и тысяч других населенных пунктов, было насильно эвакуировано в глубь страны.

¹⁵ Сохачев — уездный город Варшавской губ.

«...ИНТЕРЕС К ВАМ ЕСТЬ...»

(Неосуществленные проекты поездки М. А. Алданова в Израиль и его издания на иврите)

*Публикация А. А. Чернышева (Москва), В. Хазана (Иерусалим).
Вступительная заметка и комментарии В. Хазана*

Герои нижеследующей публикации — известный писатель-эмигрант Марк Алданов (настоящее имя: Марк Александрович Ландау; 1886–1957) и супружеская чета Погребецких познакомились в Ницце. Погребецкие приехали туда в конце 1948 или в начале 1949 г., Алданов, вернувшийся из США, где он провел годы войны, поселился в Ницце в 1947 г.¹ и прожил в этом городе последние десять лет своей жизни.

Несколько слов о Погребецких².

Александр Ильич Погребецкий родился в Иркутске в 1893 г., здесь же окончил русскую гимназию. В 1910-е гг. вступил в партию эсеров³. Высшего образования не получил и, хотя в дальнейшем занимал ответственные должности, которые могли быть по плечу только весьма грамотному человеку, всю жизнь оставался фактически экономистом-самоучкой. Несмотря на отсутствие высшего образования, Погребецкий не только был финансистом высокого класса, одним из самых крупных знатоков рыночных отношений и денежного обращения на Дальнем Востоке, обладателем огромной коллекции вышедших из употребления денежных знаков (монет и бон) и пр., но и автором ряда книг, до сих пор остающихся уникальным источником исторической информации на эту тему: «Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции (1914–1924)» (Харбин, 1924)⁴, «Экономические очерки современной Японии» (Харбин, 1927), «Денежное обращение и финансы Китая» (Харбин, 1929), «На пути к золотому стандарту» (Харбин, 1930)⁵. Его имя включено в «Адресную книжку коллекционеров денежных знаков и бон, выпущенных на территории бывшей Российской империи» (М., 1925)⁶.

В 1917 или в 1918 г. Погребецкий женился на Маргарите Фадеевне Вольской. В годы Гражданской войны он был управляющим Народным банком в Иркутске⁷, а после образования Дальневосточной республики (апрель 1920; просуществовала до ноября 1922) — директором банка ДВР. В октябре 1919 г. у По-

гребецких родилась дочь Игорина (Ира). В начале 1920-х гг. семья поселилась в Харбине, где Александр Ильич после ликвидации, и ДВР и ее банка возглавил финансово-экономический отдел КВЖД (одновременно являлся членом правления дороги). В 1925 г. родилась вторая дочь — Моника. После продажи в 1935 г. КВЖД правительству Маньчжоу-Го Погребецкие в СССР не вернулись, а перебрались в Тяньцзинь, где, открыв финансовую контору («полубанк»), Александр Ильич продолжал заниматься коммерческой деятельностью. Из-за невозвращения в Советский Союз его советский паспорт был аннулирован, и он проживал по приобретенному португальскому. В 1942 г. старшая дочь поступила на химическое отделение Шанхайского университета, и вся семья переехала в Шанхай. В 1948 г., в преддверии революционных событий, Александр Ильич и Маргарита Фадеевна покинули Китай (младшая Моника уже училась в США, а у Игорина оставался на руках советский паспорт⁸) и отправились в только что возникшее Государство Израиль. Путь их лежал через Францию, где они сделали многомесячную остановку, и здесь, в Ницце, как было сказано, познакомилась с четой Алдановых — писателем и его женой переводчицей Татьяной Марковной (урожд. Зайцевой; 1893 — 24 ноября 1968).

Из Ниццы Погребецкие выехали 22 марта 1950 г. и, пробыв в Италии полтора месяца, отправились в Израиль. Первые два письма Александра Ильича и Маргариты Фадеевны, адресованные М. Алданову, написаны из Тель-Авива и датированы одним днем: 18 июня 1950 г. Письмо Маргариты Фадеевны, помимо поэтического описания неповторимого израильского пейзажа, содержит картину разрушений — последствий недавней Войны за независимость.

Одна из главных тем, обсуждаемая в письмах, — организация лекционного турне Алданова в Израиле и издание (по существу — переиздание) его книги «Современники» на иврите. Ни та, ни другая части проекта, к сожалению, не были реализованы: одной из главных причин стало то, что через короткое время после своего приезда в Землю обетованную Александр Ильич серьезно заболел, диагноз был беспощадный: рак печени. А в самом начале 1953 г. его не стало. Его близкий друг М. И. Клявер, также бывший член эсеровской партии, живший в Израиле, писал 30 марта 1953 г. М. В. Вишняку: «Не знаю, получили ли Вы сведения о смерти А. И. Погребецкого. Он умер в Тель-Авиве 3 месяца назад от рака печени. Это мой старый товарищ, с которым меня лично связывало 40 лет дружбы. Маргарита Фадеевна тяжело переживает потерю. Умер он молодым — ему был всего 61 год»⁹.

Сам М. И. Клявер, который тоже репатрировался в Израиль из Китая (в Тяньцзине он одно время работал в финансовом предприятии Погребецкого), занимался в Израиле книжной торговлей и представлял здесь нью-йоркское издательство им. Чехова¹⁰. В другом его письме к тому же М. В. Вишняку (от 24 ноября 1953 г.) содержится небезынтересная информация о русской книге в Израиле. Поскольку оно в каком-то смысле переключается с публикуемой ниже перепиской А. И. Погребецкого и М. Алданова, приведем его текст полностью.

Дорогой Марк Вениаминович,

от Вас опять нет давно писем. Видно, Вы решили отказаться от отправки сюда своих книг. Я думаю, что надо сделать так: отправьте мне три посылки книг без всяких разрешений. Это будет минимум 15 книг. Такое количество выдадут без затруднений. А в следующем месяце отправьте еще столько же. Это будет проще и лучше. Риск не очень большой. Я за последствия отвечаю.

Я получил письмо-предложение на совместную работу от Грегори Лунца¹¹. Он ссылается на Вашу рекомендацию. Пожалуйста, в пределах возможности информируйте меня о нем, так как его предложение пришло как раз вовремя, так как я работаю над расширением своего книжного дела. Вы сами понимаете, что чеховское издательство работает не столько для действительного книжного рынка, сколько для «исполнения программы». Они не хотят понимать, что книгу, даже пропагандную, надо уметь подать. Нельзя заполнять каталог только Алексеевыми¹² и Выше-славцевыми¹³, надо их подавать в сопровождении простой хорошей книги. Если нет русских авторов, то хороший переводной американский роман, занимательность которого будет глубже, чем Вилла Катер¹⁴.

Я очень рад за Слонима — его книга имеет успех у читателя¹⁵. Она с точки зрения читателя включает в себя два нужных элемента: серьезность исследования и занимательность изложения.

И еще просьба. Сообщите мне, пожалуйста, адрес журнала Керенского «За свободу»¹⁶. Его здесь на рынке нет, и я хотел бы наладить его получение и сам прочитать.

Также помогите еще в одном вопросе. Здесь есть спрос на румынскую, польскую, венгерскую и немецкую книгу. Имеются ли издания на этих языках у Ист Юропеан Фонд или они имеют только чеховское издательство < ? >. Имеются ли другие издания на этих языках < ? >

Простите, что утруждаю Вас, но это по-товарищески.

Привет сердечный и лучшие пожелания.
Ваш Клявер.

24 ноября 1953 г.

Как вытекает из другого письма М. Клявера М. Вишняку от 6 декабря 1953 г., он помогал А. Погребецкому в реализации «алдановского» проекта: «Мы с Погребецким разговаривали с ними <в издательстве> об издании одной из книг Алданова. Они предложили совершенно грошовый гонорар. И дело здесь не в гонораре (хотя это также не безразлично для автора), а в самом желании быть изданным в Израиле»¹⁷.

Проблема русского печатного (или звучащего) слова в Земле обетованной, где начиная с 20-х гг. можно было встретить немало видных представителей русско-еврейской интеллигенции, относится к числу хотя и не сегодня поставленных и отчасти даже исследованных, однако весьма далеких до своей исчерпанности¹⁸. Не лишено в этой связи интереса, что в уже цитированном письме М. Клявера М. Вишняку от 30 марта 1953 г. говорилось:

В принципе в Израиле имеется приличный рынок на русскую книгу. До сего времени рынок был заполнен дешевой советской книгой. И нужна большая работа, чтобы ее постепенно вытеснять. Надо иметь в виду, что старая кибуцная русская алия в массе своей мапамная¹⁹. Да и бенгурионовский мапай²⁰ не излечен полностью от некоторых просоветских иллюзий и предубеждений против эмигрантских изданий. Дело будет зависеть от того, как чеховское издательство будет подбирать авторов, как вообще будет вестись это начинание. Еще многое будет зависеть от того, создадут ли они такие благоприятные условия работы, которые дадут мне возможность работать над внедрением книги на рынок²¹.

Возвращаясь к тому, что визиту Алданова в Израиль и изданию/переизданию «Современников» на иврите помешала внешняя болезнь и смерть Погребецкого, важно подчеркнуть, что не стало человека, который мог бы «проталкивать» этот проект — бороться с действительными и мнимыми трудностями. Настоящая публикация лишний раз свидетельствует и убеждает в том, что иврит для эмигрантской русской литературы, равно как и сам подлинник, в отличие, скажем, от английского и французского, не был, как сказал бы Алданов, «высоковалютным языком». Хотя в Палестине/Израиле на протяжении минувшего века жило немало людей, хорошо русский язык знавших и не до конца потерявших связь с Россией, несмотря на то что не только в годы «большой алии» (начиная с 70-х и в особенности позднее, с конца 80-х и до сегодняшнего дня), но и в 50–60-е здесь выходили журналы на русском языке, демонстрировались советские фильмы (см., например, колоритный рассказ Погребецкого в письме от 3 сентября о восприятии на Святой земле фильма «Кубанские

казаки»), все-таки культурные инициативы, подобные обсуждаемой, — в силу разных причин, прежде всего экономических, но в определенном смысле и идеологических (не станем забывать, что в израильском политическом истеблишменте того времени, весьма советизированном, Алданов воспринимался как эмигрантский и, стало быть, антисоветский писатель), — если и не были заранее мертворожденными, то, во всяком случае, встречали на своем пути многочисленные и зачастую непреодолимые трудности, даже когда их продвигали подлинные энтузиасты, подобные Погребецкому²².

В данном случае, правда, проживи Погребецкий дольше, выход книги Алданова, наверное, состоялся бы, поскольку речь шла все-таки об ивритоязычном, а не о русскоязычном издании. Тем более что, напомним, подобные прецеденты к тому времени уже были известны: три алдановские книги — упоминаемые в письмах «Современники» вышли в Варшаве в 1929 (перевод осуществил Ицхак Липкин)²³, «9 термидора» (пер. Ицхака Ламдана) — в Тель-Авиве (1930) и «Убийство Троцкого» (пер. Давида Шохата) — также в Тель-Авиве (1941). Тем не менее факт остается фактом: несмотря на довольно-таки представительную в потенциале русскоязычную читательскую аудиторию, книгоиздательство и книготорговля на русском языке в Палестине/Израиле вплоть до упомянутых 70-х гг. оставались явлениями достаточно маргинальными. Объяснений здесь много, и в основном они не требуют углубленного анализа, ограничимся наиболее простым и здравым: для евреев, съехавшихся в Эрец-Исраэль из разных стран мира, иврит служил интегративным фактором новой социальной, а в будущем — и государственной общности. И хотя «общинно-земляческие» рефлексы то и дело давали о себе знать (как дают о себе знать по сей день), в то же время набирали силу механизмы единой — языковой, культурной, ментальной и пр. — психологии, создававшей сильное сопротивление общинной «секториальности».

Несмотря, однако, что ни планируемое книжное издание, ни визит Алданова в Израиль не состоялись, интересен сам по себе исторический факт их подготовки и даже возможного осуществления. Следует особо подчеркнуть, что на карте зарубежной России Эрец-Исраэль занимала хотя и сугубо специфическое, но вполне определенное место и была скреплена многочисленными и зачастую причудливыми связями и отношениями с социально-культурными событиями и процессами, происходившими в беженских общинах буквально на всей территории мирового эмигрантского рассеяния. Каким бы маргинальным ни был опыт этих связей и контактов, он тем не менее важен для установления адекватной картины культурных коммуникаций, иногда са-

мым неожиданным образом пронизывавших мировую российскую диаспору.

Уже после смерти Погребецкого Алданов был официально приглашен посетить Израиль. Известный журналист и музыковед Гершон Свет в очерке 1961 г., в котором он описывал свою парижскую встречу с вдовой писателя Татьяной Марковной, рассказывал с ее слов о том, что городской голова Тель-Авива М. Намир, который одно время был послом Израиля в Москве, в 1954 году послал официальное приглашение Марку Александровичу приехать с Татьяной Марковной в Израиль на несколько недель, быть их гостями и гостями союза писателей. Покойный Алданов был очень тронут приглашением, но тогдашнее состояние его здоровья не позволило ему им воспользоваться²⁴.

Не исключено и даже более чем вероятно, что приглашение М. Намира было прямым результатом деятельности Погребецкого.

Между прочим в той же беседе с Г. Светом Татьяна Марковна вспоминала о том, что Алданов посещал Святую землю до Первой мировой войны:

«В те годы, — рассказывала она, — ездил в Палестину и Бунин, опубликовавший свои впечатления в книге «Святая земля»²⁵. Алданов собирался написать рассказ на тему Экклезиаста, но не успел. Смерть унесла с ним и ряд других невоплощенных литературных планов»²⁶.

Письма печатаются по оригиналам, хранящимся в Архиве русского зарубежья в Доме-музее М. Цветаевой (Москва): письма Алданова — оп. 4, ед. хр. 13, ИП 771/2, письма Погребецких — оп. 4, ед. хр. 13, КП 779/1. Публикаторы благодарят руководство Дома-музея за предоставленную возможность их публикации.

В заключение хочется выполнить приятную обязанность и поблагодарить Михаэля Флейшмана, зятя А. И. и М. Ф. Погребецких за сообщение биографических сведений о них.

---

¹ См. в его письме И. А. Бунину от 19 января 1947 г.: «<...> Я благополучно приехал в Ниццу и снял небольшую квартиру без обязательств о сроке. Сколько останусь здесь, не знаю...» (Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 152. С. 171).

² Краткую биографическую справку об А. И. Погребецком без указания дат рождения и смерти см.: Хисамутдинов А. А. Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе и Южной Америке: Библиографический словарь. Владивосток, 2000. С. 241, см. также: Сорокина М. Ю. Снова востоковеды... (Материалы для библиографического словаря «Российское научное зарубежье») // Диаспора: Новые материалы. СПб.; Париж, 2005. Т. 7. С. 668.

³ См.: Хазиахметов Э. Ш. Роль бывших ссыльных в политической борьбе 1917–1918 гг. в Сибири // Исторических ежегодник 1997 (спецвыпуск). Омск, 1999. С. 103–112.

⁴ В Hoover Institution Archives хранится английский typescript этой книги (пер. Елены Варнек): *Monetary Circulation and Currencies of the Russian Far East during the Revolution and Civil War*.

⁵ См.: Слабина Л. А. Из истории денежного обращения на Дальнем Востоке в 20-е годы XX в. // Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в 1917–40-е годы XX в. Владивосток, 2002. С. 120–134.

⁶ См.: Глейзер М. М. Бонистика в Петрограде — Ленинграде — Санкт-Петербурге. СПб., 1998. С. 113.

⁷ См. упоминание о нем в этой должности на заседании иркутской городской Думы 28 октября 1918 г., где дебатировался вопрос о праздновании годовщины чехословацкой республики или его отклонении (об этом сообщила иркутская газета «Свободный край». 1918. № 364; цит. по: Мельгунов С. П. Трагедия адмирала Колчака. Т. II. Ч. III. Белград, 1931. С. 51).

⁸ Игорина вместе с мужем, Михаэлем Флейшманом, приехала в Израиль в 1951 г.

⁹ Hoover Institution Archives, Stanford University. M. Vishniak Collection. Box 4.

¹⁰ Проживая в Китае, М. Клявер публиковался в эмигрантских периодических изданиях, выходивших в Европе, см., например, его статью «Демократия или советы?» (Воля России. 1930. Кн. 9. С. 766–773).

¹¹ Григорий Максимович Лунц — букинист, книгопродавец, приятель М. Алданова.

¹² Николай Николаевич Алексеев (1879–1964), правовед, общественный деятель; имеется в виду его книга «Идея государства: Очерки по истории политической мысли», вышедшая в изд-ве им. Чехова в 1955, т. е. к моменту написания этого письма существовавшая в виде готовящегося издания.

¹³ Борис Петрович Вышеславцев (1877–1954), философ, социолог, литературный критик, публицист; в изд-ве им. Чехова увидели свет две его книги: «Кризис индустриальной культуры: марксизм, неосоциализм, неолиберализм» (1953) и «Вечное в русской философии» (1955).

¹⁴ Вилла Катер (полное имя: Вилела Сиберт Катер; 1873–1947), известная американская писательница.

¹⁵ Имеется в виду Марк Львович Слоним (1894–1976), общественно-политический деятель, литературный критик, литературовед, публицист, переводчик, журналист; член партии эсеров. По всей вероятности, имеется в виду его книга «Три любви Достоевского» (Нью-Йорк, 1953).

¹⁶ Речь идет о журнале нью-йоркской группы партии социалистов-революционеров «За свободу»; выходил с мая 1941 по июль 1947 г. (всего вышло 18 номеров).

¹⁷ Эти письма хранятся: Hoover Institution Archives, Stanford University. M. Vishniak Collection. Box 4.

¹⁸ Из относительно недавних работ на эту тему см.: *Jews and Slavs. Vol. 17: The Russian Word in the Land of Israel, the Jewish Word in Russia* / Ed. by V. Khazan and W. Moskovich. Jerusalem, 2006.

¹⁹ Мапам (Мифлегет по'алим ха-меухедет — Объединенная рабочая партия) — левосоциалистическая партия, основанная в 1948 г. в результате объединения левых группировок в израильском рабочем движении; возникла для создания левой оппозиции партии мапай (см. след. примеч.), которую они обвиняли в отказе от социалистической идеологии. Основная поддержка осуществлялась со стороны кибуцного движения.

²⁰ Мапай (Мифлегет по'алеи Эрец-Исраэль — Рабочая партия Эрец-Исраэль) — социал-демократическая партия, созданная в 1930 г.; ее руководителем в эти годы был премьер-министр Израиля Давид Бен-Гурион (1886—1973).

²¹ Hoover Institution Archives, Stanford University. M. Vishniak Collection. Box 4.

²² В качестве параллели к этому см. нашу публикацию «Книги Софьи Прегель в Израиле (По переписке Б. Ю. Прегеля и В. А. Залкинда)» (Иерусалимский библиофил: Альманах III. Иерусалим: Филобиблон, Институт еврейских исследований, 2006. С. 154—162), которая воспроизводит нечто аналогичное по характеру проблематики: не состоявшаяся в Израиле начала 1970-х гг. книготорговая акция, связанная с распространением мемуарной трилогии эмигрантской поэтессы, редактора и общественного деятеля С. Ю. Прегель «Моя жизнь», которую затеял ее брат Б. Ю. Прегель.

²³ То есть на следующий год после оригинального русского издания (Берлин, 1928).

²⁴ Свет Гершон. Встреча с Т. М. Алдановой // Новое русское слово. 1961. № 17513. 19 февраля. С. 8.

²⁵ Вдова писателя ошибается: у Бунина не было такой книги, хотя он, разумеется, посещал Палестину весной 1907 г. и впечатления от этого путешествия многообразно отразились в его творчестве. Возможно, имеется в виду бунинская книга «Весной, в Иудее» (Нью-Йорк, 1953), названная по одному из вошедших в нее рассказов.

²⁶ Свет Гершон. Встреча с Т. М. Алдановой.

М. Ф. Погребецкая — М. А. Алданову

18 июня 1950, Тель-Авив

Дорогой Марк Александрович!

Много раз мне хотелось написать Вам за это долгое время с чудесных нищенских дней... Бережно храню воспоминания о захватывающем интересе Ваших бесед, о Вашей приветливости, о голубизне глаз... И несу их через все красоты Ривьеры, через голубизну моря, через горы, через поля цветов, цветущего миндаля, белоснежных и розовых магнолий, камелий, через их ароматы (каждый из них будит в нас воспоминания былого), через нежную, молодую светлую листву и в только что прикрывшихся свежей листвой, через суровую темную хвою (пьянящую своим терпким ароматом), через красочные горы и долины, через снежные вершины гор, розоватые от лучей заходящего солнца, с голубыми и синими тенями, через музеи, театры, картины, скульптуры (бродя по Флоренции, любясь творениями Микеланджело, вспоминала прочитанное с большим интересом о нем в Вашей книге!). Любимым местом был холм Микеланджело, где на фоне неба красиво вырисовывается его Давид (хотя и копия с его великого творения), с этого холма неопиcуемый вид: у ног расстилается Флоренция, а кругом море зелени, цветов, гор, вблизи радующих пушистыми коврами зелени и разноцветными полями, а вдали очертаниями и синево́й... Но воспоминания проносила не только через восторг виденного, красивого, незабываемого, но и через грусть, боль разрушений этого кровожадного чудовища — войны (видели Специю — второй город Италии по разрушению во время войны...² и многое другое)...

Здесь мы чувствуем себя хорошо (хотя грусть и беспокойство о дочерях делает жизнь нереальной и неполноценной; хотя таковой ведь она и не бывает), встретили нас тепло и любяще. Страна красивая — строится и насаждается.

Были вчера в Галилее, какое необъяснимое чувство восторга и преклонения... ведь здесь бродил Христос! Неопиcуемой красоты озеро — сине-зеленоватое (от него веет покоем), дремлющее в объятиях берегов: с одной стороны, волнистые горы (сейчас их цвет беж), с другой — поля, оазисы деревьев, живописных зеленых полуостровов, редко здания, разные киббуцы; Иорданская долина с рощами, зданиями, полями, от долины веет свежес-

стью, полнотой и красотой. На меня нахлынули мысли, чувства, восторг, восхищение, и я не могла вынести, вышла из машины и прошла босыми ногами по раскаленным камням берега синезеленого красавца. Уезжая по горам, долго не могла оторвать взгляд от синевы озера под светлым, бесстрастным небом... Обрато ехали по горам, видели красавицу — Израильскую долину (запрещаю себе описывать)... Были в Иерусалиме, на полях сражений. Боль охватывает от виденного и слышанного, и понимаешь, что должны быть герои во всем, в большом и малом, чтобы вынести все, преодолеть и затем строить, творить. Видишь на каждом шагу, как сила любви к родине и народу заставляет остановиться пески; как на месте бывших песков расстилаются разноцветные ковры разнообразных полей... Здесь прекрасная молодежь — сабры (видела цветущие сабры — большие, страшные, причудливой формы кактусы; цвет красивый — желтые колокольцы, смотрящие вверх; плоды, говорят, сладкие, нежные, вкусные, причем плод (бывают желтые и красные) в колючей скорлупе и сбивают его крючком на длинной палке, а разбивают молотком, руками нельзя)³. И действительно, молодежь очень резкая (невежливы и эгоистичны, непонимающие и грубые порой), но по существу — хорошая, идейная, до самоотвержения защищающая свое и опять свое; идущая на трудную физическую работу, когда свободна от учения. Ах! Чувствую — надо останавливаться, а то массу драгоценного времени отниму у Вас. Об издателях написал Вам Ал<ександр> Ил<ьич>⁴. Я лишь добавлю, что разговаривала с друзьями, которые здесь издавались, и они говорят, что всегда в убыток, отдавая полностью, а иногда добавляя, за перевод.

Хотелось бы видеть Вас, зайти вместе в кафе, узнать, как чувствуете себя, что нового? И в Ницце ли Вы еще? Шлю Вам и Татьяне Марковне сердечный привет и пожелания всего лучшего.

Маргарита П<огребецкая>

Пожалуйста, передайте привет г. Мако и его очаровательной жене⁵.

---

¹ Речь идет о повести М. Алданова «Бельведерский торс» (1936).

² Ла-Специя (La Spezia), город в Северной Италии; административный центр провинции Специя; порт на Лигурийском море.

³ Слово «сабр» (от *иврит*. tzabr) имеет два значения: кактус и производное от него, подчеркивающее жизнестойкость и «колючий» характер, — уроженец Израиля.

⁴ Датированное тем же днем письмо А. И. Погребецкого также сохранилось в архиве М. А. Алданова, но из-за совершенно нечитаемого почерка автора оно в данной публикации не приводится.

⁵ Сергей Александрович Мако (1885–1953), живописец, график, сын художника А. Э. Мако. Эмигрировал сначала в Финляндию, затем переехал во Францию. С 1923 г. жил в Праге, затем снова во Франции. Соседействовал с Алдановыми в Ницце и написал несколько портретов Марка Александровича. См. нелюбезный отзыв И. А. Бунина о нем и его жене в письме к Алданову от 15 сентября 1947 г.: «Мако? Несчастный человек — пьяница и связался с молоденькой (вероятно, сучкой)! И неужели Вы дались ему позировать? Он, кажется, мучит тех, кого пишет, без конца, без стыда и совести?» На это Алданов писал (20 сентября 1947 г.): «Почему Вы так ругаете Мако? Он милый человек, а молоденькая жена его просто прелесть. Позирую я ему терпеливо, он пишет третий портрет, да еще во время сеансов угощает арманьяком. Иногда приходит туда и Адамович. Ему (Мако) очень хочется естественно написать Вас. Вы ни за что не согласитесь? Вас давно, кажется, не писали? Лишний портрет пригодится», на что Бунин в свою очередь отвечал: «Мако я не “ругал” — писал о нем полшутя. А как портретист он, кажется, и впрямь большой мучитель, пишет еще бесконечнее Сорина...» (Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 152. С. 187–190).

М. А. Алданов — Погребецким

15 июля 1950

Дорогие Маргарита Фадеевна, Александр Ильич.

Ваши милые письма пришли к нам не скоро. Мы с Татьяной Марковной путешествовали, хотя и не столь далеко, как Вы: были в Лондоне, в Париже. Сердечно Вас благодарю за все. Рады были добрым вестям о Вас. Действительно, Ваше письмо, дорогой Александр Ильич, разобрать было нелегко, и я не уверен, что все разобрал правильно, — Вы почерком делаете конкуренцию Маклакову¹. То, что я разобрал, очень, очень интересно, в частности все об «одноэтажной Палестине». Насколько я мог понять, Ваши планы выяснятся только еще месяца через два? Если покинете Палестину, то в Европу теперь ехать и не посоветовал бы. Мы и сами, быть может, поступили неблагоразумно, что из Англии вернулись в Ниццу: благоразумие требовало бы отъезда оттуда в Нью-Йорк. Визу в Америку нам продлили до 21 января. Если войны не будет, то в конце года отправимся в <Соединенные> Штаты². Если же война будет, то будем для спасения жизни искать возможности уехать куда угодно, но на пароходы и аэропланы в Америку тогда уже мест не получишь: все будет реквизировано.

И мне, дорогая Маргарита Фадеевна, очень хотелось бы посидеть с Вами в кофейне (на берегу моря? у Вас?) и послушать Ваши рассказы. Надеюсь, что еще с Вами встретимся и не в очень далеком будущем. Вероятно, Вы правы в том, что говорите о молодежи, о ее резкости, невежливости, эгоизме. Значит ли это, что жить Вам в Палестине будет трудно? Да и где не трудно?

По-настоящему жить можно только в той стране, где человек родился и провел детство. Мне это не было суждено. Боюсь, что не суждено и Вам.

Очень благодарю и за память о моих интересах, Вы меня тронули вниманием. Рад, что издатели в Палестине не отказываются издавать мои книги. В обморок, как Вы опасаетесь, от условий не падаю и даже арманьяка пить не буду. Дают сто палестинских фунтов за книгу — принимаю сто палестинских фунтов, согласно Вашему сообщению, за первое издание. Согласен на то, чтобы издатель сам выбрал из моих книг, что захочет, — только пусть мне теперь же сообщит, что он выбирает. Мне не совсем ясно, какого размера должна быть книга (Вы пишете, 10–15 листов, страницы в 1/32). Из небольших моих книг, по-моему, лучше всего годятся томик рассказов «Ночь в аэропорту»³ или повесть «Могила воина»⁴. Если же дело может идти о томе в 400–500 страниц, то годятся все мои книги. Переводить лучше всего не с русского, а с английского, так как для иностранных изданий я всегда сам добровольно делал сокращения (ничего не имею против новых сокращений, лишь бы не было никаких изменений). Если моих книг нельзя найти в Палестине (хотя, вероятно, можно), то можно выписать их от Скрибнера⁵. У меня ведь здесь есть далеко не все. Пожалуйста, попросите издателя выбрать книгу или книги, которые он желает у меня приобрести, и прямо послать мне контракт и деньги. Нисколько бы не отказался бы и от лекций, но на каком же языке? Ведь я, к сожалению, еврейского языка не знаю. Вы говорите также о 3000-летию Иерусалима в 1952 году. Неужели Вы заглядываете так далеко? Будет ли еще 1952 год?! Все же интересно, что это за конкурс. О царе Давиде я никогда не думал, а вот много лет подумываю о рассказе из жизни царя Соломона. Не знаю, он ли написал «Экклезиаст», но если бы меня спросили, какое величайшее произведение в мировой литературе, то я ответил бы: «Экклезиаст» и «Война и мир»⁶. Согласны ли Вы с этим? Чтобы закончить о делах: палестинским издателям верно легче выписывать книги из Англии, чем из Америки. Мой британский издатель Jonathan Cape⁷, «Истоки» по-английски называются «Before the Deluge»⁸. Не издадут ли их в двух томах по 250 страниц? Это было бы лучше всего. Могу выписать мои книги от издателей, конечно, и я. А проще всего поискать их в палестинских магазинах.

Здоровье мое «так себе». Такое же у Татьяны Марковны. В Париже повидали больных стариков Маклакова и Бунина. Скрипят.

Получили ли Вы после Вашего письма добрые известия о своих?

Мако я вчера видел и передал ему Ваш привет. Он очень Вам кланяется. А мы оба просим Вас принять наш самый сердечный привет и лучшие наши пожелания. Еще раз от души благодарю.

---

¹ Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957), общественно-политический деятель, юрист, публицист; член ЦК партии кадетов; депутат II, III, IV Государственной думы. С середины октября 1917 г. посол России во Франции (оставался неаккредитованным послом до октября 1924 г.). М. Алданов состоял с ним в переписке.

² Мысль о новой мировой войне, не «холодной», а именно shooting war — одна из лейтмотивных, пронизывающих настроения Алданова послевоенной поры, ею заполнена его переписка этого времени. Вот только несколько примеров. Он был потрясен созданием и испытанием атомной бомбы, о чем, например, писал в письме к Я. Г. Фрумкину 10 августа 1945 г., т. е. на следующий день после того, как американцы сбросили атомную бомбу на Нагасаки: «События меня потрясли. Я совершенно растерян атомной бомбой. Никаких разъяснений дать не мог бы: это не моя область, и я совершенно не понимаю, как бомба изготовлена — все думаю и не понимаю. Но, конечно, это величайшее событие в мировой истории. Ближайшее его действие благотворно, но дальше...» В другом письме, С. П. Мельгунову, от 14 сентября 1945 г., он вновь возвращается к теме атомной бомбы: «Кстати, она потрясла меня больше, чем война и революция 1917 года», в ответ на вопрос Алданова о возможности развязывания новой войны его одноклассник по Киевскому университету профессор А. П. Семенов писал: «Вы спрашиваете мое мнение о войне. Конечно, война означала бы для нас немедленную гибель. Если предполагать, что все будут рассуждать логически, то войны не должно быть. Демократии должны подвергнуться нападению, чтобы воевать, а Сталин не готов к войне. Но ведь Гитлер не был готов к войне! Однако это не помешало ему напасть. Тоталитарные режимы могут пасть жертвой собственной пропаганды» («Они служили своим идеям, и служили им с честью...»: (Из политической переписки М. Алданова) / Подг. текстов, примеч. и публ. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 6. С. 129, 131), см. еще в письме Алданова В. В. Набокову от 13 августа 1948: «Мы с Т<атьяной> М<арковной> во вторник уезжаем в Нишу (16 <августа>). Уезжаем на год — если ничего в мире не случится. Если же случится (проще говоря, война), то выбраться назад едва ли будет возможно, хотя мы все для этого сделаем. Тогда поминайте добром» (Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова / Публ., подг. текста и примеч. А. Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 138). Об Алданове-пессимисте см. воспоминания: А. Седых: М. А. Алданов // Седых А. Далекие, близкие. 2-е изд. New York, 1962. С. 34–36, в частности, А. Седых приводит фрагмент алдановского письма, разительного напоминающий то, что он писал Погребецким: «В С<оединенных> Штатах все, кажется, считают войну неизбежной. Я недавно считал “фифти-фифти”, но с каждым днем опасность войны становится все более реальной. Одно дело считать войну почти неизбежной, и совершенно другое дело желать ее. Теперь положение может стать (может, конечно, и не стать) катастрофическим в любой день. Думаю, что тогда делать? Даже с визой в С<оединенные> Штаты уехать тогда будет невозможно: все пароходы и самолеты будут реквизированы для американских граждан, а мы с Т<атьяной> М<арковной> апатриды. Тогда надо было бы уехать в Нью-Йорк окружным путем через Испанию, Египет, Палестину или Алжир. Но забавно и печально, что и туда мне транзитной визы не дадут; в Испанию, так как я либерал и антифранкист, в Египет, так как я европеец и еврей (они всех европейцев теперь люто ненавидят), в Алжир, так как я апатрид, а в Палестину, так как я

никогда не был ни сионистом, ни общественным деятелем. В Палестину все же дали бы — я “сгушаю краски”. Впрочем, все же надеюсь, что в 50—51 году войны не будет» (С. 39).

³ Имеется в виду сборник рассказов «A Night at the Airport» (New York: Ch. Scribner's Sons, 1949).

⁴ Повесть М. Алданова о Байроне «Могила воина» впервые была опубликована в журнале «Русские записки» (1938. № 13, 15 и 16), а затем вошла в его сборник «Пуншевая водка и Могила воина» (Париж: «Дом книги» и «Современные записки», 1940).

⁵ Известная американская торгово-издательская фирма «Charles Scribner's Sons», основанная в 1846 г. в Нью-Йорке. См. о ней в кн.: *Burlingame Roger. Of Making Many Books: (A Hundred Years of Reading, Writing and Publishing)*. New York: Charles Scribner's Sons, 1946.

⁶ О влиянии на него «Войны и мира» Алданов писал в своем раннем очерке «Толстой и Роллан» (1915), который был начат еще раньше — в 1911 г.; см. также его книгу «Загадка Толстого» (Берлин, 1923).

⁷ Герберт Джонатан Кейп (Herbert Jonathan Cape; 1879—1960), английский издатель и книготорговец; свою фирму (Jonathan Page and Company) основал в 1919 г. См. о нем: *Howard Michael S. Jonathan Cape, Publisher*. London: Jonathan Cape, 1971.

⁸ Роман «Before the Deluge» вышел в переводе Catherine Routsky (New York: Ch. Scribner's Sons, 1947).

А. И. Погребецкий — М. А. Алданову

Тель-Авив, 3 сентября 1950

Дорогой Марк Александрович!

Лишаю Вас удовольствия разбирать мой почерк, чему Вы, надо полагать, будете огорчены. Ваше письмо от 15.7 своевременно получил, отвечаю же не совсем «своевременно», ибо хотел ответить по существу, т. е. сообщить что-либо конкретное об издании Вашей книги, но дело обстоит на сей день так: издатели, с коими вел переговоры, продолжают интересоваться, но шортедж¹ с получением бумаги для печатания делает их «интересование» платоническим. Все же по приезде с курорта г-жи издательницы (каждый раз подчеркивающей, что она любит Вас, но отклоняющей твердо мои попытки как-либо «рублем» лишним измерить ее любовь) я имел с ней новую беседу. Она подтвердила еще раз свое согласие на издание, сказала, что ей потребуется примерно пара недель на возобновление в памяти того, что Вы понаделали в Вашем художественном творчестве, за этот же период она выяснит, что именно имеется здесь в библиотеках из Ваших книг на англ<ийском> яз<ыке>, как Вы рекомендовали. Я ознакомил ее с Вашим письмом. Отсутствие сейчас бумаги не смущает ее, так как, пока делают перевод (она согласна, что сделать его следует с англ<ийского> текста), появится и бума-

га, словом, в ср<единных> числах сего сентября я повторю свой визит к ней, и она уточнит, что именно выбирает для перевода, размер издания — она тоже предпочитает, за те же деньги, конечно, получить две книжки страниц по 200–250. Полагает, что большое произведение более ходко, нежели сборники рассказов, «Современники» «уже перестали быть таковыми». (Суета сует и всяческая суета!² Увы! Увы!)

Вот если бы ей выдумать «современников» пугающего Вас 1952 года, т. е. прозорливо заглянуть вперед, то ее оптимизм сразу нашел бы отражение и в ее практицизме. Платить деньги может только здесь, ибо разрешение на перевод вряд ли получит. Но все это будет значиться в проекте того контракта, который будет послан Вам на просмотр и одобрение. Имела удовольствие она — показать мне, а я — увидеть Ваш портрет, как видно, из какого-то издания. Портрет этот они уменьшили уже в размере и оклишевели для-ради помещения вместе с соответствующим (а быть может, и не совсем «соответствующим» текстом о Вас в томе III «Еврейской энциклопедии», которая, и весьма хорошо, издается ими здесь на иврите). Свойственная мне застенчивость не позволила мне попросить проглядеть и заготовленный редакцией «Энциклопедии» текст, но если сочтете удобным — черкните, и я от Вашего имени попрошу в частном порядке проглядеть его Вас самого. Не думаю, что в тексте могут быть какие-то ляпсусы, труд редактируют люди вполне компетентные, но все же «свой глаз» был бы лучше. На мое предложение достать Вашу «более сегодняшнюю» карточку она философски заметила (тем более что на изготовление клише уже израсходовались), что «он был и такой», возражать против чего у меня не было оснований. Из моего желания, чтобы какое-либо учреждение или общество пригласило Вас сюда для прочтения лекции или цикла лекций, гарантировав Вам проезд (билеты) сюда и обратно для Вас и Татьяны Марковны, пока ничего не выходит, ибо «еврейских» тем у Вас нет, а на общие темы не на языке страны приходит весьма небольшая аудитория (указывают на опыт с приездом В. М. Чернова³). Однако в принципе интерес к Вам есть, а аудиторию музея Дизенгофа в Тель-Авиве⁴ можно будет получить бесплатно, вопрос лишь в том, кто возьмется за организацию этой «антрепризы» и пожелает ли этот «кто-то» гарантировать (оплатить) проезд, без таковой гарантии легко вручить дело и Обществу писателей, и Иерусалимскому университету, и, быть может, культотделу Гистадрута⁵, с коими на днях думаю побеседовать на эту тему — их инициатива была бы гарантией на успех. Если же отбросить «покрытие расходов по проезду», а подойти к этому как к визиту сюда за свой риск, с тем что, уже будучи здесь, сами с кем-то договоритесь о ряде лекций, то это было бы совсем просто.

Прожить же здесь пару недель всегда можно будет в нашей второй комнате, тем более что снимаем мы их у старого знакомого и хорошо знающего все, что написано Вами, у г-на Евзерова⁶, который много помогает мне по Вашему делу и ныне возглавляет организацию всяческих будущих выставок и «годовщин», в том числе и 3000-летия Иерусалима и тот конкурс «на царя Давида», о чем я уже писал Вам. О Вашей «ориентации» на царя Соломона я сказал ему, он заявил, что и этот царь пригодится при следующем их съезде и торжествах [уже 1953 (!) год], посвященных «Еврейской культуре». Здесь люди все умеют использовать для шагания вперед.

От Мих<айла> Наумовича недавно имели большое письмо, пишет, что очень занят, на Восток пока не едет, а приезд сюда на пару недель считает не исключенным, лишь дата осуществления этой идеи неуловима. Вот хорошо бы всем нам усесть за хотя бы и скромный, но вполне винопитный местный стол, пригласить еще неплохую местную братию старорежимных интеллигентов, а таких здесь немало: в глазах скорбь народа, а радио стоит на русских песнях, и на полке и «Современ<ные> записки»⁷, и Алданов, и Бунин, и старик Ключевский, и плюсквамперфектный Бельтов⁸. Была в кино картина советская и неплохая «Кубанские казаки», комедийно-музыкальная, так зал был полным полон скорбящих воздыхателей (не о казаках же!) и при песнях казачьих смотришь: вот-вот либо расплачутся, либо сами запоют. Прошлое оно прошлое, никуда не денешь. Как здоровье Ваше и Татьяны Марковны, Вам обоим от нас привет сердечнейший. Привет и Мак'ам обоим, что слышно о судьбе его картин, увезенных «сыном № 1» в Англию? Сейчас здесь д-р Брутер из Ниццы, пойти к которому Вы как будто намеревались. Еще не видели его и не выяснили, состоялась ли Ваша встреча; если сами себя уговорили не пойти, жаль очень, нам хотелось бы (говорю это по доверенности от всех «Вас читающих») знать, что Вы не игнорируете наши интересы, заботясь о себе. Выяснил, что хороший, давний «кармель»⁹ не хуже арманьяка, значит, страна как страна, а если всякие закусовые антуражи у вас изысканнее да и пообширнее, так ведь вам — Европе — годочков-то побольше, чем Израилю, хотя по счету «от царя Давида» и значитя четырехзначная цифра, по секрету же сказать, ведь ребенку всего-навсего годика три, ну даже от Герцля ведя счет, и то двузначная цифра будет. Так, подойдя к тому, что видишь, диву даешься, до чего же «концентрированный содержанием» и достижениями получился отрезок времени, так, какая-то ничтожная терция на божьих часах. Недавно ночью на ремонтируемой улице, где выколупали асфальт, засели мы с Маргаритой Фадеевной задними колесами в песок, так что и трактор еле вытащил, я прямо доволен был, что получил наглядный урок истории города, я

им здесь все не совсем верил, что еще десять лет тому назад они ходили по колено в песке, в дюнах. На днях поехал с приятелем посмотреть участок, который он пару лет тому назад «по плану» купил на окраине города Хулона¹⁰. Приехали: город есть, правда, совсем новенький, еще бармицва не праздновал¹¹, а участка нет; искали — нашли «за третьей дюной», подойти нельзя — ноги проваливаются, но местный младо-сторожил утешает: ничего, годика через три шоссе и водопровод подойдут и к тебе, большие деньги заработаешь. Вот уж где можно получить наглядный урок терпения... и оптимизма. А они здесь все такие, хотя с новой волной «безыдейной иммиграции» появилась разновидность Хомо спекулятис, лозунг прост — что можно, рви скорее.

Дружески жму руку. Ваш Ал. Погребецкий

---

¹ От *shortage* (*англ.*) — нехватка, дефицит.

² Возможно, бессознательный ответ цитатой из Екклесиаста на алдановскую оценку в предыдущем письме.

³ О посещении Палестины в 1934–1935 гг. одним из лидеров партии эсеров В. М. Черновым см.: Хазан В. О поездке В. М. Чернова в Палестину // История и культура российского и восточноевропейского еврейства: новые источники, новые подходы. М., 2004. С. 324–332.

⁴ Музей расположен в доме первого мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа (1861–1936) на скверот Ротшильд (бульвар Ротшильда), который он после смерти жены Цины (1930), решил пожертвовать городу, чтобы увековечить ее память.

⁵ Гистадрут (хистадрут) — дословно: федерация (иврит). Профсоюзная организация Израиля.

⁶ Александр Эммануилович Евзеров (в Палестине принял фамилию Эйзер; 1895–1973) в 20–30-е гг. был одним из самых энергичных и умелых организаторов торгового и промышленного хозяйства в Палестине. Родом из Петербурга, он окончил в российской столице гимназию, затем учился в Психоневрологическом институте и на юридическом отделении университета, однако образование завершил уже в Томске, куда перебрался в 1915 г. Здесь же начал сионистскую деятельность: с 1916 г. возглавлял местное отделение студенческой сионистской организации «Гехавер». После Февральской революции 1917 г. входил в сионистские комитеты евреев Сибири и Урала. С октября 1917 г. редактировал «Известия временного Западно-Сибирского районного комитета Сионистской организации» (с ноября — «Известия Западно-Сибирского райкома Сионистской организации») и до февраля 1918 г. — журнал «Сионистская мысль». В 1919–1920 гг. являлся членом редколлегии еженедельного общественно-политического и литературного журнала «Еврейская жизнь» (Иркутск). В 1920 г. решил переехать в Палестину и добирался туда через Монголию и Китай. Какое-то время жил в Китае как представитель международного профсоюза сионистов, основал там (совместно с инженером М. А. Новомейским) и редактировал (сначала в Шанхае, затем в Харбине) еженедельник известий Палестинского информационного бюро на русском языке «Сибирь–Палестина». В 1921 г., приехав в Палестину, первое время работал в составе группы «Сибирь» на строительстве дорог и посадке цитрусовых. Однако после болезни ему пришлось оставить физический труд и поселиться в 1923 г. в Тель-Авиве. Участвовал в создании журнала «Miskhar ve-ta'asia»

(«Торговля и промышленность») (1923) и в организации различных торговых и промышленных компаний. По его инициативе и при неизменном участии прошло свыше 40 выставок продукции Эрец-Исраэль в 17 странах мира. Он стал главным устроителем т. н. восточных ярмарок-выставок в Тель-Авиве, которые приобрели международный размах — в них участвовало около 40 стран мира. Он же придумал эмблему этих ярмарок — «крылатый верблюд» [так называется одна из глав в книге «Путешествие в Палестину» (1937) эмигрантского поэта и писателя А. Ладинского, жившего в Париже и посетившего Ближний Восток в 1936 г. по заданию газеты «Последние новости»]. В 1949 г. по инициативе Евзерова в Иерусалиме развернулось строительство Дворца Наций (Binjaney ha-Uma). С конца 50-х занимался в основном журналистикой, в том числе радиожурналистикой — был редактором и ведущим передач на русском языке на радиостанции «Голос Израиля», транслировавшихся на СССР. В 1959—1963 гг. под его редакцией издавался ежемесячный журнал на русском языке «Вестник Израиля» (с 1959 — член редколлегии, с 1960 — гл. редактор), а в 1963—1967 гг. — двухмесячник «Шалом». В дальнейшем являлся руководителем службы информации экономического отдела Еврейского агентства, а также занимался проблемами экспорта израильской продукции за рубеж. О его сибирском периоде, когда он, по всей вероятности, познакомился с Погребецкими, см.: Мучник Ю. М. Из истории евреев в досоветской Сибири. Томск, 1997. С. 35—47. Самодетельный поэт и любитель литературы, Евзеров собрал большую и ценную библиотеку русской поэзии, которую в 70-е гг. передал в Национальную библиотеку Израиля (Иерусалим). Его поэтический экспромт на книге эмигрантского поэта Д. Кнута «Насущная любовь» (Париж, 1938) воспроизведен: Хазан В. Довид Кнут: из новых материалов // Еврейский книгоноша. 2005. № 7. С. 50.

⁷ Крупнейший эмигрантский журнал, издававшийся в Париже с 1920 по 1940 гг. (всего вышло 70 номеров).

⁸ Бельтов — псевдоним Георгия Валентиновича Плеханова (1856—1918), деятеля российского и международного социал-демократического движения, философа, пропагандиста марксизма.

⁹ Сорт вина.

¹⁰ Правильно: Холон («песчаный» — иврит). Город, расположенный на Приморской равнине Израиля, в 4 км на юго-восток от Тель-Авива; был основан в 1933 г.

¹¹ Бар-мицва — возраст совершеннолетия у мальчиков, достигающих 13 лет; у девочек (бат-мицва) — 12 лет.

А. И. Погребецкий — М. А. Алданову

24 ноября 1950, Тель-Авив

Глубокоуважаемый и дорогой Марк Александрович!

Получили ли Вы мое письмо от сентября с. г.? Дополнительно хочу сообщить Вам, что издательство «Массада» дало мне положительный ответ по вопросу издания Вашей книги. Остановились они на «Современниках», отчасти (а может, и главным образом) по той причине, что таковые в свое время были уже переведены на иврит при выпуске их в Варшаве¹. Наличие перевода, который им ничего не будет стоить, соблазняет их. Владельцы

поручили штату обследовать, имеется ли здесь кто-либо, представляющий интересы варшавских издателей, и нет ли других препятствий к «использованию» того перевода. Если с этой стороны все будет обстоять в порядке, то они, списавшись с Вами, займутся выправлением прежнего текста перевода. Конечно, их соблазняло пополнить «Современников» кем-либо из более «сегодняшних» персонажей, но прямо они мне это не высказали, а я сделал вид, что не понял их косвенных разговоров на эту тему, ибо, имея их предложение на уплату всего Вам здесь ста паундов за это право переиздания, я считаю, что и те «Современники» еще слишком молоды для них. Тем более что и на самом деле многие из них еще действуют на арене современности. Второе дело, которое лично нас с Марг<аритой> Фадеевной занимает более, — это вопрос о возможности Вашего и уважаемой Татьяны Марковны приезда сюда, мысль о чем я не оставил. Я исхожу, во-первых, из высказанного Вами желания осуществить таковой приезд, если технически, материально и календарно это оказалось бы возможным, а во-вторых, из Вашего сообщения, что не позднее 21 января б<удущего> г<ода> Вы должны уже быть в САСШ. На эту тему я при содействии владельцев «Массада» имел беседу с г. Барашем — председателем Ассоциации писателей Израила². Он отнесся положительно к идее организации Ваших лекций здесь, обещал по приезде сюда оказать Вам всяческое содействие, но... в отношении покрытия путевых и пр<очих> расходов (на двоих, как прошу я) сказал, что они, будучи только Ассоциацией писателей Израила, а гл<авным> образом не располагая спецфондами, ничем заранее обязаться не могут. Он рекомендовал мне побеседовать, сославшись на его — Бараша — принципиальное согласие, с главой культуротдела Гистадрута, известным и весьма уважаемым в стране Аврахамом Левинсоном, кстати сказать, переведшим на иврит «Евгения Онегина»³. На мое горе, он оказался тяжело больным и вернется на работу еще не скоро. Но я в начале недели имел беседу с его заместителем г-ном Шварцем и одним из основных руководителей отдела Нахумом Фридманом. Оба они не забыли еще русский язык, оба знают, и любят, и ценят Вас, а потому для них вопрос не в принципиальной плоскости, а в самой что ни на есть практической — сколько это будет стоить, гл<авным> обр<азом> в валюте, на какую аудиторию можно рассчитывать и что именно и на каком языке будет предмет Вашего выступления? Я веду себя так, как будто бы я всю жизнь был импрессарио — на все соглашаюсь, все считаю преодолимым и любую аудиторию недостаточно вместительной. Они полагают, что рассчитывать более чем на 200–300 чел<овек> русских слушателей (если лекция будет на русском яз<ыке>) или 150–200 чел<овек>, если

будет на франц<узском> или др<угом> европ<ейском> языке, нельзя. Расходы в валюте я условно назвал в размере стоимости двух билетов на аэроплан или пароход из Франции сюда и обратно (а быть может, это можно осуществить уже на Вашем пути в САСШ?) Расходы здесь — это только оплата дней жизни в стране, связанных с днями лекций. Всякий раз езды «экстра» по стране — дело лично Ваше или Ассоциации, если она пригласит Вас быть здесь ее гостем. О теме возможных лекций я ничего не мог сымпровизировать, не имея на то Ваших указаний, но сказал, что тема будет либо литературная (быть может, зачитание чего-либо еще не опубликованного), либо историческая с уклоном во что-либо актуальное. Словом: теперь Вам надлежит самому высказаться обо всем изложенном выше, в частности о желании и времени возможного приезда, о минимально приемлемых для Вас условиях, о теме и т. п. Я сказал, что при оплате ими проезда и расходов на проживание здесь — сборы с лекций, быть может, могут пойти уже им самим на покрытие их расходов по устройству этого «турне». Было бы хорошо возможно скоро получить Ваши указания по всем этим вопросам. Должен подчеркнуть, что самый вопрос о позиции в этом деле Гистадрута еще не выявлен, никаких обещаний, кроме как обещания «обсудить этот вопрос», я еще не имею, и возможно любое, в том числе и отрицательное по каким-либо причинам, решение. Я хочу лишь быть готовым на случай их положительного решения.

Как идет жизнь? Улеглись ли немного «европейские тревоги»? Ведь ко всему, в том числе, быть может, и к дамоклову мечу, можно привыкнуть? Мы здесь живем неплохо, наши богемно-студенческие привычки и легкость, с которой переносим какие-либо частные неудобства и пр., помогают нам не драматизировать отсутствие иногда мяса или какой-либо фруктины или прислуги и т. п. Встречаемся с интересными людьми, ездим по стране, все еще знакомимся с жизнью вне городов, находим остатки старой формации идеалистов начала века. Даже терминология у них осталась начальновековая. Недавно был здесь С. А. Кусевицкий⁴, помимо громадного удовольствия от его концертов получили уже «фри оф чарж»⁵ не меньшее удовольствие от двух вечеров, проведенных в очень маленьком кругу у него дома, когда можно было обо всем говорить и все слушать просто от человека очень интересного, полного шарма и персоналити⁶. Он взялся возглавлять музыкальную и зрелищную часть будущего фестиваля международного в Иерусалиме в <19>51-м и «Давидовых торжеств» в 52-м году. Постановка пьесы-оратории-симфонии-эдиповых зрелищ на тему жизни Царя Давида и его эпохи задумана широко, конкурс на музыку будет проведен через «фонд Кусевицкого» при Национальной библиотеке в Вашингтоне, а текстовая часть

либо будет заказана местным писателям, либо будет объявлен междунар<одный> конкурс на написание этой постановочной, рассчитанной на хоры и др. массовые действия пьесы. Подумайте, нет ли в ней интереса для Вас. Кусевицкий весь горит в предвидении этих зрелищ на фоне иерусалимских гор и исторического фона, связанного с местом и эпохой. Мои письма всегда длиннее, нежели бывают первоначальные мои намерения, когда я сажусь за них. Простите. Маргарита Фадеевна на неск<олько> дней уехала в Натанию, потом собирается поехать на пару недель в Кенеру на озеро, там есть и минеральные источники от всяких ревматич<еских>, сердечных, мышечных и пр. болей, вот только от тоски по ребятам вряд ли это поможет, а это, пожалуй, основное ее недомогание (о себе молчу!)⁷ Так что привет от нее пишу самоуправно, надеюсь, протестовать не будет. Обоих Вас приветствую и я. Надеюсь, что Вы повстречались все же с д-ром Брутером и посоветовались с ним о себе?

Дружески жму руку.
Ваш Ал. Погребецкий

---

¹ См. об этом во вступительной заметке.

² Ашер Бараш (1889–1952), еврейский (ивритоязычный) писатель, теоретик литературы, переводчик; один из основоположников современной ивритской литературы реалистического направления. Родился в Восточной Галиции (г. Лопатино). Ребенком учился в хедере, но прошел курс государственной гимназии. Хотя учился в Польше и Германии, хорошо владел русским языком. Приехал в Палестину в 1914 г., преподавал в школе (Тель-Авив) и в реальном училище (Хайфа).

³ Авраам Левинсон (Лодзь, 1891–1955, Тель-Авив), ивритский писатель (писал также на идиш), переводчик, редактор, адвокат, сионистский деятель. Репатриировался в Эрец-Исраэль в 1936 г., с 1939 г. возглавлял отдел образования и культуры в Гистадруте. Перевел на иврит роман Пушкина «Евгений Онегин» (1937).

⁴ Кусевицкий Сергей Александрович (1874–1951), дирижер, контрабасист, музыкальный деятель. В 1920 г. эмигрировал, в 1924 г. поселился в США.

⁵ Free of charge (англ.) — бесплатно.

⁶ Сергей Кусевицкий приезжал в Израиль в конце сентября и пробыл здесь полтора месяца: первый концерт с его участием состоялся 2 октября, последний — 11 ноября в тель-авивском Огел Шем Холл он дирижировал бетховенской симфонией «Эротика», которая исполнялась в Израиле впервые. Гастроли Кусевицкого в Израиле носили не только концертный или эстетико-педагогический характер, но и были связаны с широкой культурной миссией вообще. См., например, его интервью газете «Jerusalem Post»: Rose June. Israel's Music Needs a Home (1950, October 23).

⁷ Речь шла о дочери Игоре и ее муже Михаэле, оставшихся в Китае (см. во вступительной заметке).

М. А. Алданов — А. И. Погребецкому

4 декабря 1950

Дорогой Александр Ильич.

Я чрезвычайно тронут Вашими заботами о моих книгах в Палестине, от души Вас благодарю. Конечно, я согласен на то, чтобы издательство само выбрало книгу по его усмотрению. Не скрою, выбор «Современников» меня удивляет (Вы им этого не говорите): я понимаю, экономия на переводе имеет значение, но разве уж перевод так дорого стоит? И все-таки могут ведь выйти неприятности с тем переводчиком: кто его знает, где он находится теперь? Если же он увидит, что книга в его переводе уже напечатана, то он может, грозя судом, потребовать больше, чем взял бы за перевод новый переводчик. Я о нем настолько ничего не знаю (начиная с его фамилии), что не был даже уверен: действительно ли он перевел книгу на древнееврейский язык, а не на идиш. Это ведь было очень давно. Все мои договоры с издателями, в том числе и по этой книге, хранились у меня в полном порядке до войны. Затем, как Вы знаете, в 1940 году немцы разграбили или вывезли все из моей парижской квартиры, и у меня ни единого старого договора не осталось (с той поры, конечно, скопилось много новых). Поэтому я ничего издательству «Массада» сказать об этом не могу. Если они настаивают именно на «Современниках», то я, когда будет все оформлено, могу написать для них предисловие «up to date»: два этюда в этой книге, «Черчилль» и «Сталин», естественно, устарели. Я в предисловии соответственно и выскажусь. Могу добавить другой этюд из других моих книг — у меня ведь несколько книг портретов. Сделаю это, когда они заплатят Вам эти сто фунтов (сколько это в долларах?), иначе ведь могут передумать, и мой труд пропал бы. Все же я предпочел бы, чтобы они взяли какой-либо мой роман (тоже написал бы предисловие): мне очень хотелось бы так или иначе напомнить о себе старым еврейским читателям и «представиться» новым, которые чрезвычайно меня интересуют и вызывают, потому что я о них знаю, очень большие мои симпатии.

Во всяком случае, настоящим письмом даю Вам формальные полномочия заключить за меня контракт и, главное, получить с них деньги.

Я искренне благодарен коллегам Барашу и Шварцу и ценю их внимание и благожелательное отношение. Но и независимо от условий, как же мне теперь приехать в Палестину? Наша виза в С<оединенные> Штаты кончается 21 января. Мы уже имеем

билеты на пароход, отходящий из Гавра в Нью-Йорк 12 января. Правда, мы собираемся через несколько месяцев вернуться во Францию, и тогда я с радостью приехал бы повидать Палестину (Татьяна Марковна в особенности об этом мечтает). Но Вы видите, что происходит в мире! Хотя билеты и визы в Америку есть, я не уверен, что мы еще успеем уехать. Если война начнется до 12 января (такая возможность не исключается), то все пароходы или места на них будут немедленно реквизированы, и мы тогда окажемся в западне². Не скрою, я в этом случае возлагаю надежды на Палестину и, в частности, на Ваше дружественное расположение. Ведь евреям визы в Палестину не надо? Пароходы и аэропланы, совершающие отсюда рейсы к вам, едва ли будут тотчас реквизированы. Я тогда Вам телеграфирую, — быть может, нам (частно, за плату) предоставят место на одном из них. Для этого, верно, нужна будет протекция в Палестине. Все же я сохраняю надежду, что войны еще не будет.

Я был у Брутера, все по-прежнему. Предписал режим, я не очень его соблюдаю. А что такое у Маргариты Фадеевны? Надеюсь, ничего серьезного. Вы пишете о «тоске по ребятам». Я очень понимаю и сочувствую и ей, и Вам. Татьяна Марковна тоже говорила мне, как это Вам, верно, тяжело. Но ведь они в полной безопасности. Неужели с той поры ничего нового? А каковы Ваши планы? Вы о себе так мало пишете.

Всей душой хотел бы участвовать в фестивале, но не вижу, что я мог бы сделать в этой области. И, по-моему, это надо предоставить палестинским писателям. Им ведь, верно, живется немногим лучше, чем русским эмигрантам.

Отмечено ли было в палестинских газетах 80-летие И. А. Бунина? Оно было в ноябре³. Андре Жид поместил о нем восторженную статью в «Фигаро», Андре Пьер — в «Монд»⁴. Отметил, кстати, в ней и в высшей степени достойное поведение Ивана Алексеевича в пору немецкой оккупации (он четыре года укрывал и кормил у себя одного еврейского журналиста, который таким образом и спасся⁵). В Палестине, кажется, его издавали. Но издадут ли еще?⁶

С месяц тому назад я послал Вам свою новую химическую работу, вышедшую по-французски у Эрмана⁷. Я послал по простой почте и не заказным. Надеюсь, Вы получили?

В сентябре у Скрибнера вышел по-английски мой роман «The Escape» («Ключ» и «Бегство» в одном томе). Критика была, за тремя-четырьмя исключениями, очень хорошая, часто даже слишком лестная. Бюро вырезок уже прислало мне не то 70, не то 80 рецензий. Но продажа, кажется, не очень блестящая: у американцев теперь все русское не в милости.

Мы оба шлем Вам и Маргарите Фадеевне самый сердечный привет, самые лучшие пожелания. Еще раз спасибо за все.

---

¹ См. вступительную заметку.

² Ср. текстуальное совпадение этой в фразы с тем, что он писал в более раннем письме к Е. Д. Кусковой (4 октября 1948 г.): «Если будет война, то единственное убежище — это С<оединенные> Штаты или Англия, так как весь континент будет захвачен очень скоро. Виза в Америку у нас есть, но удастся ли тогда уехать, конечно, неизвестно, так как все пароходы и аэропланы будут реквизированы для американских граждан, — я не хотел натурализоваться там; видно, с нансенсовскими паспортами будем жить до последнего дня» (Из переписки М. А. Алданова и Е. Д. Кусковой / Публ., предисл. и примеч. Е. Эткинда // Евреи в культуре Русского зарубежья: Сборник статей, публикаций, мемуаров и эссе. Вып. 1: 1919–1939 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 338).

³ 80 лет Бунину исполнилось 22 октября. Наши попытки найти в израильских газетах отражение этого события не увенчались успехом; по всей видимости, для Израиля оно прошло незаметно и материалы, связанные с бунинским юбилеем, в печати не появлялись.

⁴ Статья А. Жида «Pour les 80 ans d'un réfractaire» была напечатана в «Le Figaro» (1950. 23 octobre); статья А. Пьера «Un jubilé littéraire. Ivan Bounine a quatre-vingts ans» в «Le Monde» (1950. 24 octobre). Алданов писал о них Бунину 30 октября 1950 г.: «Статья Жида была прекрасна. Статьи Андре Пьера я не читал: покупаю “Le Monde” не каждый день» (Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 153. С. 168).

⁵ Речь идет о журналисте, литературном критике, мемуаристе Александре Васильевиче Бахрахе (1902–1985), которого Бунин укрывал в годы Второй мировой войны на своей вилле «Жаннетт» в Грассе. Бахрах был демобилизован из французской армии, куда записался добровольцем, в средиземноморском курортном городке Сент-Максим, получил направление в департамент Вар. Пробираясь оттуда в Ниццу, он зашел проведать Буниных и попросил разрешения переночевать. Впоследствии Бунин говорил: «Попросился на одну ночь, а остался на четыре года». См. об этом в кн. А. Бахраха «Бунин в халате» (1979).

⁶ Произведения Бунина многократно переводились на иврит и идиш; упомянем о некоторых, наиболее заметных переводах и изданиях на этих языках. Рассказ «Рикша № 7» вошел в идишистский сборник «Kneht» (Рабы), изданный в 1926 г. Культур-лигой в Киеве, куда были включены писатели — представители разных национальных литератур. В 1928 г. в тель-авивском издательстве «Naretz» в переводе М. Познанского вышел рассказ «Человек из Сан-Франциско» (в 1940 г. переиздана тель-авивским издателем П. Гинзбургом). В 1946 г. в изд. «Масада», том самом, где планировалось издание книги Алданова, увидел свет томик переведенных на иврит повестей и рассказов Бунина: «Ahavato shel Mita» («Митина любовь») (пер. И. Лихтенбойма). В 1960 г. в Тель-Авиве в переводе А. Фишкина вышла книжка с двумя бунинскими рассказами: «Сны Чанга» и «В ночном море». Й. Бароновский в 1974 г. перевел книгу «Весной, в Иудее». В 1981 г. в переводе Ц. Арада и Э. Зусмана издан сборник избранных бунинских рассказов под общим заглавием «Ha-adon mi-San-Francisco» («Человек из Сан-Франциско»). Наконец, в 2008 г. Р. Хен перевел на иврит книгу «Shderot afelot» («Темные аллеи»).

⁷ Алданов имел образование химика: в 1910 г. он окончил Киевский университет Св. Владимира по двух факультетам — по юридическому и физико-математическому (естественное отделение); в том же году вышла его работа «За-

коны распределения вещества между двумя растворителями» (см.: Guershooon Colin A. Mark Aldanov: An Appreciation and a Memory // Slavonic and East European Review. 1957. Vol. XXXVI. December. P. 37). В 1913 г. стажировался в Париже у проф. химии В. Анри; автор ряда научных работ по химии [включая две книги на французском языке: «Actinochimie» (1936) и «De la possibilité de nouvelles découvertes en chimie» (1950)], которые публиковались им на протяжении всей жизни, несмотря на безыронический скепсис Дон-Аминадо в одном из писем к нему (от 8 августа 1945 г.): «В то, что Вы займетесь химией, я, дорогой Марк Александрович, не верю. Проклятие или благословение, — но писательство тяготеет над Вами ныне и присно. И слава Богу!» [Сходившиеся параллели: (Из переписки Дон-Аминадо с Марком Алдановым) / Публ., предисл. и коммент. И. Обуховой-Зелинской // Евреи в культуре Русского зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. V / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1996. С. 201].

**«ВОПЛЬ ДЩЕРИ ИУДЕЙСКОЙ» 26 ЛЕТ СПУСТЯ.
ПРОЕКТ ЕВРЕЙСКОЙ РЕФОРМЫ 1829 г.
И ЕГО АВТОР**

*Публикация, вступительная статья и примечания
В. М. Лукина и О. Ю. Минкиной*

В Российской империи конца XVIII — первой половины XIX в. единственной возможностью легального участия евреев в политической жизни была деятельность в составе совещательных органов с ограниченными полномочиями: еврейских депутатий или, в худшем случае, апелляция к различным государственным деятелям и учреждениям. Только таким способом евреи могли представить свои интересы власти. Разнообразные проекты еврейской реформы, политические и экономические обоснования благотворной роли евреев в государстве, полемические выступления в защиту еврейской религии и традиционного образа жизни или обличительные сатирические памфлеты, высмеивавшие и то, и другое, оказывались не достойным печати¹, как в Западной Европе, а облекались в форму записок и прошений еврейских представителей в различные государственные учреждения.

Публикуемое ниже сочинение с длинным названием «Проект о благоустройстве расстроенного положения народа еврейского, до миллиона людей обоего пола, в России обитающего, с некоторыми по сему предмету изъяснениями, со времени присоединения от Польши с разными провинциями к России» отложилось в делах «Секретного архива» (СА) III отделения Собственной его Императорского величества канцелярии. Секретный архив в настоящее время является частью фонда III отделения (Ф. 109) Государственного архива Российской Федерации в Москве (ГА РФ).

Архивное дело² (Ф. 109. СА. Оп. 3. Д. 2312), содержащее «Проект»³, включает в себя еще два других подобных документа: «Сочинение о состоянии евреев в России»⁴ за подписью Карла Фоделло⁵, датированное 8 апреля 1827 г., и «Записку о замечаниях евреев насчет предполагаемого им правительством преобразования»⁶ без подписи и даты. (Есть основания предполагать, что автором «Записки» был известный еврейский общественный

делец, черниговский купец первой гильдии Элизер Литман Фейгин⁷, а сама «Записка» составлена в 1830 г.)

Эти три сочинения, касающиеся положения и путей преобразования российских евреев, изначально хранились среди других секретных дел в архиве управляющего III отделением, который не входил в структуру общего архива III отделения. В 1880 г., при упразднении III отделения и образовании Департамента государственной полиции Министерства внутренних дел, из дел этого архива был сформирован так называемый «Секретный архив». Возможно, тогда же или при упорядочениях Секретного архива в советское время три близких по времени и тематике текста были объединены в одно архивное дело с общей пагинацией.

Единственная известная на данный момент рукопись «Проекта» не содержит имени автора и даты составления. О времени завершения работы над ним свидетельствует напутственное пожелание его автора правительству пересмотреть ведущие к «тяжкому изнеможению» евреев законоположения, принятые «доселе с 1820 по 1828 год». Вероятно, тогда же (в конце 1828 — начале 1829 г.) «Проект» был подан либо в Четвертый Еврейский комитет⁸, либо непосредственно в III отделение и оказался в поле зрения, а затем и в архиве управляющего III отделением М. Я. фон Фока⁹. Возможно, фон Фок заказал для себя копию с «Проекта» — сохранившийся экземпляр представляет собой не оригинальный авторский текст, а писарскую копию. (В этом экземпляре не достает приложений под литерами А и В, упоминаемых автором.)

Напомним, что, еще будучи директором «Особенной канцелярии» Министерства внутренних дел, фон Фок по долгу службы оказался среди членов Четвертого Еврейского комитета с момента учреждения в 1825 г. «Директорского комитета», он оставался там и после упразднения Особенной канцелярии Министерства внутренних дел при образовании III отделения в 1826 г. Осуществляя связь между Еврейским комитетом и Министерством, а затем также своего рода контроль над Комитетом со стороны III отделения, фон Фок стал одним из наиболее деятельных его сотрудников. Не случайно в его архиве в III отделении оказались упомянутые выше сочинения, составленные в период его службы в Еврейском комитете. О его профессиональной заинтересованности в решении «еврейского вопроса» свидетельствуют также дело из архива III отделения «Переписка действительного статского советника М. Я. фон Фока по делам Еврейского комитета»¹⁰. Примечательно в этой связи покровительство, которое на протяжении многих лет фон Фок оказывал уже упоминавшемуся выше выкресту из немецких евреев Карлу Фоделло, выступавшему в качестве знатока еврейских реалий.

«Проект о благоустройстве расстроенного положения народа еврейского...» был подан, вероятно, в 1829 г., во время активной разработки четвертым Еврейским комитетом «Положения о евреях». К этой работе сотрудники Комитета приступили в конце 1826 г., по окончании работы над «Уставом рекрутской повинности и военной службы евреев» (утвержденным 26 августа 1827 г.) и завершили предварительный вариант «Положения» в декабре 1830 г., еще при жизни фон Фока. По словам автора, его «Проект» был предназначен «служить к соображению» членов Комитета в отсутствие в нем еврейских «депутатов». В 1829 г. «Проект» оказался едва ли не единственным выступлением в защиту русского еврейства от стереотипных обвинений, обсуждавшихся в заседаниях Комитета. Особенности текста проекта (использование автором цитат из Талмуда, гебраизмов в ашкеназском произношении, например «Йевамос»¹¹, синтаксических калек с древнееврейского, например «и вот драгоценные слова [такого-то]») позволяют установить еврейское происхождение автора.

Проект находится в ряду предложений, выдвигавшихся евреями Российской империи властям начиная с Первого раздела Польши. Преимущество его по отношению к сложившейся традиции еврейских проектов подчеркивается и прямыми совпадениями выражений и способов аргументации с рядом аналогичных текстов 1773 — первой половины 1820-х гг. Более же всего бросается в глаза использование слегка видоизмененных цитат из «Вопля дщери иудейской» Лейбы Неваховича (1803 г.). Примечательна также осведомленность автора в государственной политике по отношению к евреям за последние десятилетия. Автор довольно точно цитирует правительственные постановления разных лет и не получившие широкой огласки материалы административной переписки. Наряду со сведениями, которые подтверждаются другими документами эпохи, он сообщает факты, не обнаруживающиеся в известных на данный момент источниках, например о поставке еврейскими депутатами при Павле I голубого бархата «для придворной надобности». Такая осведомленность, впрочем, не являлась уникальной для еврейства (по крайней мере высших слоев еврейского общества) того времени. Так, в памфлете переселившегося в конце XVIII в. в Лондон «просвещенного» еврея из Белоруссии Соломона Беннета довольно близко к тексту пересказывается рескрипт Екатерины II белорусскому наместнику П. Б. Пассеку¹². Очевидно, тексты указов и даже вырабатывавшиеся в правительственных учреждениях проекты преобразований достаточно свободно циркулировали в еврейской среде, что вызывало вполне объяснимое недовольство властей, приписывавших это явление «проискам» еврейских депутатов¹³.

Вполне вероятно, что Лев Невахович являлся автором «Проекта» или по крайней мере был привлечен к этой работе. В пользу этого предположения говорят обильные цитаты из книги Неваховича «Вопль дочери иудейской» использованные в основном в вводной и заключительной частях проекта, а также язык и стиль документа. Многократное использование собственных текстов встречается у ряда еврейских представителей той эпохи¹⁴. Свободное обращение с текстами, несколько напоминающее постмодернистский подход, характеризовало и литературную манеру Неваховича. Так, в 1811 г. он «дарит» своему покровителю А. А. Шаховскому материалы к трагедии «Дебора, или торжество веры»¹⁵, в 1829 г. в предисловии к своему «предложению» (не переводу!) первых пяти книг «Мыслей о философии истории человечества» И. Г. Гердера признает, что «сличая перевод с подлинником, читатель в некоторых местах найдет перемены, в пятой же книге значительные отступления. Вольность сия не только не противна духу незабвенного сочинителя, но и соответствует воле его»¹⁶. «Центонно-парафразное» построение текста и одновременно свобода выражения мыслей переводчика, являлись, по всей видимости, наследием традиционной культуры, в рамках которой Невахович получил первоначальное образование¹⁷.

В пользу авторства Неваховича свидетельствует также сопоставление текста публикуемого проекта с близкими по содержанию и стилю проектами Неваховича начала 1820-х гг. Они были препровождены полномочным представителем императора в Царстве Польском Н. Н. Новосильцевым на рассмотрение Александру I¹⁸. В проекте «О российских бумажных деньгах» Невахович отмечал: «Не менее заслуживают внимания живущие в некоторых российских губерниях евреи», которых «можно назвать мертвым членом общества, который, не только сам не производит ничего к умножению народного богатства, но еще истребляет произведения других»¹⁹. Невахович предлагал привлечь евреев к фабричному труду. Важно, что Невахович писал здесь не о евреях вообще, как о «паразитирующем» народе, который надо занять «полезным» трудом (в этом случае логика автора проекта совпала бы с логикой администрации), а о низших слоях еврейского общества. Именно их необходимо было «преобразовать», тогда как участие богатых евреев в этом процессе было желательным, но не обязательным²⁰. С евреями «надлежит обходиться с крайнею осторожностью, шадить даже сколько возможно их предрассудки и привычки и вообще приобретать полное их доверие. Надлежит показать им на всяком шагу, что во всем наблюдается совершенная справедливость, и что никакая власть не может им причинить ни малейшего насилия или обиды»²¹.

Против предположения об авторстве Неваховича, казалось бы, могут свидетельствовать встречающиеся в тексте стилистические и орфографические ошибки, однако последние могли являться следствием небрежности переписчика, а сложный «запутанный» синтаксис и некоторая «туманность» слога характерна, например, для философского произведения Неваховича «Человек в природе, или переписка двух просвещенных друзей»²², в меньшей степени — для «Вопля дщери иудейской». Именно из-за такого стиля Н. Н. Голицын в свое время охарактеризовал тексты Неваховича как «галиматью»²³. Содержание и слог проекта полностью коррелируют с тем, что нам известно о личности и сочинениях Неваховича. Автор, с его сентиментальностью, несколько наивной и старомодной верой в идеалы Просвещения и гуманности, местами сбивчивой, эмоциональной речью, вполне мог быть «тем самым» Неваховичем, автором «Вопля дщери иудейской».

Циркуляция проекта как анонимного (притом, что автор мог быть лично известен чиновникам, рассматривавшим проект) также соответствовала правительственной практике того времени²⁴. Однако более вероятным на данный момент представляется предположение о том, что Невахович только принимал участие в подготовке «Проекта». В пользу данного предположения могут свидетельствовать стилистические и грамматические несообразности заключительной части «Проекта», а также не характерное для Неваховича лаконичное «Заключение». Возможно, Невахович не участвовал в написании заключительной части «Проекта» и в его редактировании. Обилие точно цитируемых документов вызывает мысль о тщательной предварительной подготовке текста «Проекта», в которой могло быть задействовано несколько человек.

Первый проект переустройства еврейской жизни в Российской империи был составлен вскоре после Первого раздела Польши в 1773 г. «просвещенным» могилевским купцом Беньямином Шпеером. Многие элементы проекта Шпеера получили развитие в дальнейших памятниках этого жанра. К ним относятся обязательный исторический обзор с упором на описание несправедливостей, обрушившихся на еврейский народ, антипольский настрой, призыв к альянсу двух элит: традиционной еврейской верхушки и новой российской администрации (при этом низшие слои еврейского общества могли быть использованы правительством для реформаторских экспериментов, таких как привлечение еврейских нищих к земледелию)²⁵. Определенное сходство с проектом Шпеера имеет и публикуемый нами проект. С 1790-х гг. с различными проектами еврейской реформы выступал известный подрядчик и общественный деятель Нота Ноткин²⁶ (покровитель Неваховича, которому наряду

с А. И. Перетцем была посвящена версия «Вопля дщери иудейской» на иврите²⁷).

Однако широкое распространение жанр «еврейского проекта» приобрел в правление Александра I и Николая I в силу неизменных усилий этих двух императоров обратить деятельность евреев на пользу российского государства или по крайней мере нейтрализовать якобы причинявшийся ими «вред». Начало или активизация деятельности очередного Еврейского комитета стимулировали и составление соответствующих проектов, в которых авторы стремились представить чиновникам «объективную» картину еврейской жизни и повлиять на направление деятельности комитета и ее конечный результат. С этой точки зрения «Вопль дщери иудейской» Л. Неваховича столько же принадлежит жанру подобных проектов, сколько литературе (не случайно текст «Вопля» впоследствии так органически вплетается в текст делового документа). Жанр проектов вбирал в себя элементы других жанров, как литературных, так и внелитературных: исторические описания, публицистику, дидактические сочинения, жалобы, программы преобразований. Впрочем, границы между литературными и нелитературными жанрами в тот период существенно отличались от современных: так, «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Опыт теории партизанского движения» Д. В. Давыдова и даже «Опыт теории налогов» Н. И. Тургенева считались образцовыми литературными произведениями²⁸.

Проекты представителей российского еврейства в первые десятилетия после разделов Польши, существенно отличались и по направленности, и по риторике от современных им проектов еврейских реформ в государствах Западной Европы. Евреи в Европе добивались отмены отдельного законодательства о евреях и упразднения статуса евреев как отдельного сословия²⁹. Евреи же «бывшей Польши», оказавшиеся подданными Российской империи, продолжали отстаивать свой статус в качестве особой корпоративной группы и добивались повышения правового статуса именно этой группы (или, чаще, только еврейской элиты). Программа преобразований, которую отстаивали еврейская элита Западной Европы, а также сторонники еврейской эмансипации из числа политических и общественных деятелей этих стран, включала в себя не только изменение правового статуса евреев, но и изменение еврейской традиции и даже специфических ментальных черт, якобы присущих евреям. Выступления отдельных влиятельных евреев или легитимных еврейских представителей перед властью или обществом в качестве обязательного элемента включали в себя признание еврейских «недостатков»³⁰.

В свою очередь, в Российской империи риторика «исправления» евреев активно использовалась правительством, но не была популярна среди еврейских представителей, подчеркивавших

«несправедливое» отношение к евреям со стороны государства и общества. Выступления против традиционного уклада были присущи лишь отдельным критически настроенным евреям, чья оппозиционность могла быть обусловлена не идеологическими предпочтениями, а личными конфликтами с кагалом. Риторика «просвещения» использовалась и официальными еврейскими представителями, и евреями, выступавшими с частными инициативами, для достижения различных, зачастую противоположных целей.

Публикуемый проект, с одной стороны, имеет черты «европейской» модели — указание на отмену специального законодательства о евреях, критика (впрочем, весьма мягкая и приглушенная) еврейского образа жизни и образования, отсутствие разделения еврейского общества на высшие и низшие слои и характеристика еврейского населения как единого целого. К чертам, характерным для «российской» модели, в публикуемом проекте относится выделение в качестве основных проблем различных аспектов взаимоотношений еврейского общества с внешним миром, негативная характеристика польской администрации, апология традиционного социального и экономического уклада, религиозной жизни, требование повышения статуса ряда общинных институтов [раввината, «хеврот» (еврейских цехов)] и включения их в государственную систему.

Стиль еврейских проектов и прошений испытывал сильное влияние эстетики сентиментализма. Именно эта эстетика оказывалась подходящей для выражения гуманистических идеалов («ищите в евреях человека и будьте уверены, что найдете его»³¹), призывов к толерантности и милосердию, описания страданий евреев. Примечательно, что этот стиль обнаруживается не только в произведениях профессионального литератора Неваховича, но и в прошеньях, казалось бы, далеких от российской изящной словесности купцов и кагалных, не говоря уже о еврейских депутатах и поверенных³². Публикуемый нами проект представляет собою яркий образец подобного стиля.

Композиционно «Проект» состоит из трех частей. Он открывается хронологическим очерком основных правительственных мер по отношению к евреям, проведенных в жизнь со времен Екатерины II до первых лет царствования Николая I. В следующей части помещены «изъяснения» автора по поводу обвинений евреев в разорении крестьян, в уклонениях от хлебопашества и военной службы, в контрабанде, в использовании христианской крови для ритуальных целей, в совращении христиан в иудаизм и проч. Наконец, в заключительной части «Проекта» изложена программа преобразований, которая содержит развернутые предложения об отмене принятых правительством ограничительных мер и рекомендации по организации образования ев-

реев, регламентации купечества, возобновлению деятельности официальной институции еврейских представителей. По сути дела, все «изъяснения» и рекомендации Проекта противостоят расхожим обвинениям, обсуждавшимся в заседаниях Комитета и принимаемым ими решениям.

Каковы же идеологические позиции, с которых автор ведет этот спор?

Противопоставляя предпринятые российскими монархами меры постепенной эмансипации евреев тем ограничениям в правовой и экономической сферах, которые происходят от «зависти» и «мщения», «ненависти и презрения» отдельных групп населения и местной администрации, автор всецело уповает на «деспотического Монарха», который «действием благодетельного Правительства» искоренит темные инстинкты своих подданных. Тогда как в «Вопле дщери иудейской» призывы к толерантности были обращены и к российскому, и к еврейскому обществу, в публикуемом проекте отношение окружающего населения к евреям всецело зависит от государства. Насилие власти по отношению к евреям легитимирует тем самым проявления антисемитизма в обществе, приучает остальных подданных к мысли, что с евреями можно делать все, что угодно. Таким образом, автор солидаризируется с мнениями ряда еврейских общинных лидеров, высказанными еще в начале XIX в. необычайно четко и дерзко³³ (тон проекта, впрочем, отличается большим тактом и осторожностью).

О близости автору идей Гаскалы свидетельствуют и его размышления о «нравах народа», которые не являются «врожденными», а зависят от «воспитания», от «стеснения разных обстоятельств», сопутствующих народу на его историческом пути. Заняв патерналистскую позицию маскила, автор вынужден признать «душевные немощи» евреев, однако он уверен, что эти «нравственные болезни» «удобны к излечению», если известны их «настоящие причины», и в качестве вернейшего средства он предлагает «уравнять оных [евреев] с прочими подданными».

Полностью в духе Гаскалы выдержано и предложение автора об организации в городах и крупных местечках школ и пансионов для обучения еврейских «юношей грамоте российской, немецкой, польской, а ежели успеют, то и французской, и наукам, в коммерции нужным». Убежденный в том, что обучение будет содействовать не только усовершенствованию знаний коммерции и промыслов, но «лучшему благоустройству еврейского народа в общежитии, просвещении и нравственности», автор предлагает в качестве меры привлечения в школы еврейских детей предоставить им бесплатно, по получении аттестата, звание купца третьей гильдии и различных привилегий при трудоустройстве в городских и губернских учреждениях.

Разделяя в целом взгляды европейского Просвещения и его еврейского варианта — Гаскалы, автор «Проекта» весьма далек от какого-либо радикализма. Его основная цель — оградить традиционное еврейское общество от чрезмерно грубого вмешательства государства. Отметим в этой связи, что столь значимое в программе Гаскалы предложение об организации образования еврейского юношества является пятнадцатым по счету среди двадцати двух предложений Проекта.

Существенной для уточнения идеологической позиции автора является его апология Талмуда как текста, трактующего признанный христианами Ветхий Завет в полном соответствии с его сакральным содержанием. Остроумно и доходчиво для русской бюрократии он поясняет, что если приравнять «Библию Моисееву» к «именным Высочайшим указам», то Талмуд следует приравнять к «указам Правительствующего Сената», и «что в первых написано высоким слогом и весьма кратко», то в последних «немало бывает уже распространения, но за всем тем никогда не может последовать противу настоящего смыслу именного повеления ни убавления, ни малейшего прибавления».

Также и в своем отношении к общинному управлению автор остается на позициях, весьма далеких от маскильской критики кагала, находя прагматические объяснения необходимости функционирования этого учреждения в той форме, в которой оно сложилось. Он выступает также за сохранение и упрочение всего «духовного сословия» общины, к которому, помимо уже признанного властями раввина, следует отнести «двух или трех наставников религии» и «от трех до пяти почтеннейших лиц», которые войдут в состав раввинского суда.

В отличие от радикальных маскилов, автор Проекта не высказывается и в поддержку недавно введенной воинской службы евреев, а предлагает «определить вместо одного рекрута целое семейство для упражнения хлебопашеством» или, ссылаясь на положительный опыт Отечественной войны 1812 г., рекомендует заменить солдатскую лямку секретной службой евреев при армейских командирах для сообщения им «точнейших сведений» о неприятеле, «расположении и намерениях оного». Более того, он с удовлетворением отмечает, что при службе евреев в разведке им не придется «в костюме своем сделать какую-либо перемену», потому что «в своей древней одежде» они будут иметь «преимущество».

Довольно наивное предложение «О способах употребления евреев в армии» в свете только что принятого жесткого «Устава рекрутской повинности», на наш взгляд, введено автором ради того, чтобы, напомнив высшей русской бюрократии о проявленном евреями в 1812 г. патриотизме, заявить, что власти и в дальнейшем могут на него рассчитывать, если «не нарушат закон

и обряд» евреев. В этом условии заключена квинтэссенция программы защиты еврейства, не случайно и композиционно оно размещено автором в середине программной части.

Чтобы оградить еврейское общество от крутых преобразований, затеваемых правительством, автор предлагает начать их с экономической элиты — купечества. Купцам вменяется в обязанность знание языков, число которых возрастает от гильдии к гильдии. Купцам предстоит участвовать и в органах городского самоуправления, где они должны будут «носить непременно национальную русскую одежду». Требование знания языка лидерами традиционного общества — раввинами — звучит гораздо мягче: «Чтобы знал хотя бы несколько российской грамоте».

Проект в целом (и по риторике, и по содержанию) кажется анахронизмом на фоне наступившей суровой эпохи, когда идеология правительства в еврейском вопросе обрела окончательную четкую и жесткую форму. Отказавшись от сотрудничества с еврейским представительством, власть перешла в режим «ручного управления», насильственного «исправления» евреев. Автор проекта апеллирует к отдельным положительным сторонам политики прошлых царствований, перспективам, которые открывались перед евреями в предшествующий период: «Если бы не кончина благотворного и проницательного императора Александра I, то ускорило бы довершить в святости благонамерение свое изгнать искры ненависти и презрения к сему несчастному народу». Развивать именно эту политическую линию своих предшественников призывает анонимный автор Николая I, несколько наивно взывая к его «человеколюбию»: «Имейте к ним [евреям] жалость!» Особое место в ряду выделяемых в «Проекте» положительных аспектов занимает привлечение еврейских депутатов к разработке законодательства о евреях.

Возобновление еврейского представительства при Четвертом еврейском комитете в проекте мотивировалось тем, что, «по крайней мере, сим прекратиться может ропот и вопль сего народа, находящегося об участи своей неизвестным», а в случае избрания новой депутации евреи успокоились бы «в надежде на Бога и царя». Исполдволь автор использует давний концепт угрозы «еврейского бунта»³⁴. План возобновления еврейского представительства в проекте включал выборы восьми депутатов отдельно по группам, объединявшим еврейские общины нескольких губерний (один депутат от Виленской и Минской губерний, один — от Курляндской и Лифляндской, один — от Киевской, Волынской, Подольской и Таврической и т. д.). Таким образом, имели бы место не многоступенчатые выборы, как в 1818 г.³⁵, а более органичное для структуры еврейского общества того периода региональное представительство. При этом восемь депутатов определялись как минимальное приемлемое

число. В данном случае автор проекта являлся выразителем настроений, широко распространенных в среде еврейской элиты конца 1820 — начала 1830-х гг.³⁶ (период маркируется упразднением, официально, временным, еврейской депутации в 1825 г. и окончанием работы Четвертого еврейского комитета в 1835 г.). Надежда на повышение статуса евреев, которой проникнут весь данный проект, воодушевлявшая еврейскую верхушку на протяжении первых десятилетий после разделов Польши³⁷ не оставляла и более трезво смотревших на жизнь кагалных.

Восхваление предыдущих царствований (особенно панегирических характеристик удостоивается Екатерина II, «богиня», приютившая несчастных польских евреев под своими «золотыми крыльями»³⁸) в проекте несло вполне определенную смысловую нагрузку. То, что описывалось в проекте как достижения предшествующих монархов, являлось на самом деле «программой», которой рекомендовалось следовать царствующему императору. Подобный прием был использован, к примеру, в «Похвальном слове Екатерине II» Н. М. Карамзина, обращенном в действительности к только что вступившему на престол Александру I.

Вместе с тем автор проекта не скрывает и негативных сторон еврейской политики предшественников Николая I. Тогда как выселение евреев из Москвы, положившее начало «черте оседлости», подается довольно мягко и инкриминируется недостаточной толерантностью московского купечества, проводившиеся при Александре I регулярные выселения евреев из сельской местности предстают во всей своей жестокости: «В самое зимнее время и жесточайших морозов внезапно изгнаны силою местного начальства более 40 ты<сяч> душ обоего пола из деревень. Самое живое воображение не может себе представить бедствий, претерпенных несчастными, кои принуждены были расположиться с малолетними, по части слабыми детьми своими при перекрестках по дороге, по снегу, подобно бивуакам, и не знали сами, куда взять направление, из числа коих немалое количество от холоду и голоду погибли и преданы даже мучительной смерти». Евреи для автора — прежде всего страдающие люди, из той же плоти и крови, что и их мучители.

«Проект о благоустройстве расстроенного положения народа еврейского...» является исключительно важным источником по еврейской истории и культуре конца XVIII — первой четверти XIX в., стоящим в ряду аналогичных проектов и предложений, выдвигавшихся в предшествующие десятилетия представителями еврейской элиты, увидевшими в переходе польских территорий под власть Российской империи возможность повышения своего статуса. Однако жизнь «под сенью державного орла российского» оказалась весьма далекой от лучезарных надежд, по-

следним ярким выражением которых является публикуемый ниже документ.

Текст проекта публикуется в современной орфографии, с сохранением ряда стилистических особенностей оригинала.

---

¹ Единственным исключением являлась публикация в 1803 г. «Вопля дщери иудейской» Л. Неваховича. Невахович Йехуда-Лейб бен Ноах (после крещения в 1806 г.: Лев Николаевич) (1776, Летичев – 1831, Санкт-Петербург), русско-еврейский писатель, переводчик. Подробнее о нем: Гессен Ю. И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С. 79, 81, 85–97, 136–139; Гессен Ю. И. История еврейского народа в России. М.; Иерусалим, 1993. С. 142–143; Lederhendler E. The Road to Modern Jewish Politics. Political Tradition and Political Reconstruction in the Jewish Community in Tsarist Russia. New York, 1989. P. 54, 100–102; Рогачевский А. «Верноподданный еврей»: новые данные о Лейбе Неваховиче // Вестник Еврейского университета в Москве. 1992. № 1. С. 129–132; Топоров В. Н. На рубеже двух эпох: к новой русско-еврейской встрече (Л. Невахович и его окружение) // Славяне и их соседи. М., 1994. Вып. 5. С. 182–218; Fishman D. E. Russia's First Modern Jews. The Jews of Shklov. New York, 1995. P. 80–92, 94–100, 125–128; Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев. М.; Иерусалим, 2000. С. 205–208, 311, 318; Фельдман Д. З. Страницы истории евреев в России XVIII–XIX вв. М., 2005. С. 91, 250–255, 271.

² ГА РФ. Ф. 109. СА. 1829 г. Оп. 3. Д. 2312

³ Там же. Л. 1–39.

⁴ Там же. Л. 40–121.

⁵ Подробнее о нем см.: Ю. Г. [Гессен Ю. И.] К истории еврейских типографий. Крещенные евреи Зандберг и Фоделло // Еврейская старина. 1909. Вып. 2. С. 251–255.

⁶ ГА РФ. Ф. 109. СА. 1829 г. Оп. 3. Д. 2312. Л. 122–158.

⁷ Подробнее о нем см.: Забытый общественный деятель. Записка купца Фейгина на имя императора Николая I / публ. Ю. И. Гессена // Еврейская старина. 1911. Вып. 3. С. 394–402; Гессен Ю. И. История еврейского народа в России... Т. 2. С. 8–10, 62, 71, 82; Фельдман Д. З. Князь М. С. Воронцов и еврейский коммерсант Е. Л. Фейгин: 20 лет знакомства // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. Петушки, 1999. Вып. 4. С. 139–149; Фельдман Д. З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв. Опыт архивного исследования. М., 2005. С. 258–268.

⁸ Четвертый Еврейский комитет, учрежденный в 1823 г., первоначально состоял из четырех министров: внутренних дел, юстиции, финансов и народного просвещения. В 1825 г. в помощь ему был организован Комитет по еврейскому вопросу из директоров департаментов вышеупомянутых министерств. Таким образом, Четвертый Еврейский комитет с 1825 г. и до своего закрытия в 1835 г. состоял из министерского и директорского комитетов.

⁹ Фок Максим (Магнус Готфрид) Яковлевич фон (1774–1831), с 1811 г. помощник правителя Особенной канцелярии Министерства полиции, с 1813 г. управляющий Особенной канцелярией Министерства полиции. В 1817–1826 гг. директор Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, с июля 1826 г. управляющий III отделением Собственной его императорского величества канцелярии. Почетный член Вольного общества любителей Российской словесности (с 1816 г.).

¹⁰ ГА РФ. Ф. 109. 4-я экспедиция. 1827. Д. 176–6.

¹¹ «Йевамот»: имеется в виду один из трактатов Талмуда («Йевамот»).

¹² К истории западно-русских евреев. Из сочинения Соломона Беннета // Еврейская библиотека. СПб., 1873. Т. 4. С. 12. Ср. с публикацией данного рескрипта (16 июля 1786 г.): Голицын Н. Н. История русского законодательства о евреях. СПб., 1886. Т. 1. С. 346.

¹³ Подробнее об этом см.: Минкина О. Ю. «Разнеслись между нами разные слухи». Политическая культура евреев Российской империи первой четверти XIX в. // Архив еврейской истории. М., 2007. Т. 4. С. 321–338.

¹⁴ Так, дословно совпадают «автобиографические» части двух прошений бывшего еврейского депутата Лейзера Диллона. Одно прошение (24 января 1829 г.) было адресовано А. Х. Бенкендорфу, другое (24 декабря 1830 г.) Николаю I [САНПР. НМ 2/9450.10 (оригинал: ГА РФ. Ф. 109. 1 экспедиция. Д. 67). Л. 1–2; 33–34 об.]; совпадают основные части прошений купца Янкеля Гершенсона министру духовных дел и народного просвещения А. Н. Голицыну (апрель 1819 г.) и Александру I (6 мая 1819 г.) (РГАДА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 229. Л. 16–19 об.). Старшина гагала местечка Оникштины Берко Копылов дважда (в 1819 и 1821 гг.) подавал А. Н. Голицыну одно и то же прошение (САНПР. НМ 2/9827.1; оригинал: LVIA. F. 620. Ap. 1. b. 28. l. 76).

¹⁵ Эпизод иронически обыгрывается в анонимной эпиграмме на А. А. Шаховского, записанной в лицейском дневнике А. С. Пушкина (28 ноября 1815 г.): «Еврей мой написал “Дебору” / А я списал» (Пушкин А. С. Собрание сочинений. Т. VII. С. 297).

¹⁶ Мысли, относящиеся к философической истории человечества по разумению и начертанию Гердера. СПб., 1829. С. I–II.

¹⁷ Отметим, что подход Неваховича вызвал активное неприятие рецензента в «Московском телеграфе» (1829. № 17). Невахович выступил с возражениями, изданными отдельной книгой (Разбор рецензии на книгу под заглавием «Мысли, относящиеся к философической истории». СПб., 1830). Он утверждал, что без внесенных переводчиком изменений «книга [Гердера] не могла бы произвести у нас никакой пользы» (Там же. С. 15).

¹⁸ ОР РНБ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 125. Л. 1. В сопроводительном письме Н. Н. Новосильцев писал императору: «...Один из российских подданных по имени Невахович, занимающийся здесь [в Царстве Польском] значащими торговыми оборотами и фабричными делами, представил мне разные рассуждения». «Считая, что сочинения сего рода, как бы ни было похвально намерение, в котором они писаны, должны всегда идти на суд правительства, а не на суд публики, в которой они ничего, кроме преждевременных и пустых толков произвести не могут», Новосильцев «принял меры, чтобы автор сих сочинений никому их не сообщал».

¹⁹ Там же. Л. 21.

²⁰ «Кроме бедных евреев, можно полагать, что со временем и богатые из них, видя на опыте успехи фабрик и быв ободряемы от правительства некоторыми льготами и преимуществами, стали бы принимать в том участие, обращая свои капиталы на заведение фабрик и употребляя мастерами и работниками своих собратий» (Там же. Л. 22 об.).

²¹ Там же. Л. 23. Аналогичные предложения Невахович повторил в проекте «О заведении в России фабрик» (Там же. Л. 61–65 об.).

²² Невахович Л. Человек в природе, или переписка двух просвещенных друзей. СПб., 1804.

²³ Голицын Н. Н. История русского законодательства о евреях... С. 426.

²⁴ Ср., например, случай с рассмотрением Государственным Советом проекта «одного из евреев», лично известного министру внутренних дел А. Б. Куракину (Журнал Государственного Совета. 14 июня 1809 г. // Архив Государственного Совета. СПб., 1878. Т. 3. С. 843).

²⁵ См.: Минкина О. Ю. Евреи и власть: депутатии 1773–1825 гг. в Российской империи // Исторические записки. 2007. № 10 (128). С. 166–170. См. также: Минкина О. Ю. «...употребить себя в пользу общества своего». К вопросу о взаимоотношениях маскилим, кагала и государственной власти в Российской империи конца XVIII — начала XIX в. // Вестник Еврейского университета. 2008. С. 32–51.

²⁶ Публикации проектов Н. Ноткина см.: Державин Г. Р. Сочинения. СПб., 1876. Т. VII. С. 353–354 («экстракт» проекта Н. Ноткина был опубликован в качестве приложения к «Мнению» Державина); Гессен Ю. И. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906. С. 443–446; «Принесет казне немалую прибыль». Нота Ноткин и его проект еврейской торговой компании / публ. Д. З. Фельдмана // Источник. 1994. № 4. С. 35–40. О новой интерпретации проектов Ноткина см.: Минкина О. Ю. «...употребить себя в пользу общества своего»...

²⁷ [Nevakhovich L.] Kol šoet bāt-yēhuda. Shklov, 1804. S. 2.

²⁸ Вяземский П. А. Эстетика и литературная критика. М., 1984. С. 396.

²⁹ См.: Hertzberg A. The French Enlightenment and the Jews. New York, 1968. P. 338–368.

³⁰ Кац Я. Исход из гетто. Социальный контекст эмансипации евреев. 1770–1870. М.; Иерусалим, 2007. С. 70–96.

³¹ Невахович Л. Вопль дщери иудейской. СПб., 1803. С. 34.

³² Ср., напр.: «Ежели единогласие обвиняющих не лишает еще обвиняемого права защищать свою невинность, ежели оправдание его приемлется с таким же расположением, как и обвинение, ежели глас робкий и трепещущий такую же силу может иметь, как и глас утвердительный, то сей кагал, возлагая надежду свою на правосудие правительства, осмеливается удостоверить, что содержание евреями в деревнях аренд не столько вредны, как заключают» («Начертание мыслей и суждений киевского еврейского кагала по случаю устройства его благоустройства». Не позднее 6 апреля 1804 г.; САНЖР. НМ 2/7928.8 (оригинал: ЦГИАУ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 433. Л. 7 об.); «престарелые, изувеченные, сироты и совсем бедные... лишились дневного пропитания, томятся голодом, питаются подаяннем... сей новый опыт излияния помилования толикого числа бедных евреев удостоится от Всевышнего Творца возмездия продолжением Вашего Высокопревосходительства вожденному здравию при всех благ в бесчисленные лета» (Прошение гродненского кагала министру финансов Е. Ф. Канкрину. 1 июня 1823 г.; РГИА. Ф. 560. Оп. 1. Д. 513. Л. 72–73); «Милостивые государи, вам пал счастливый жребий пециса о благополучии целого народа и соединить правдивую деятельность с нежными наклонностями сострадательного сердца... Чем жесточе поношение, отягощающее еврейский народ, тем славнее достоинство тех, кои его от оногo избавляют, и, слава Всевышнему, находятся такие особы, которые без всяких предрассудков единственно о том старались, чтобы всюду споспешествовать добру» (прошение «депутата» рижских евреев С. Г. Фридберга Четвертому Еврейскому комитету. 10 июня 1826 г.; РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 349 а. Л. 83).

³³ Так, Ицка Гельманович, поверенный евреев Каменец-Подольска в прошении, поданном в 1802 г. в Третий департамент Сената, утверждал, что ограничительное законодательство о евреях неевреи считают «нарочитым унижением для евреев и, возмня, что сии лишены от правительства единой доверенности и уважения, присвоили себе неограниченное преимущество» (Бершадский С. А. Положение о евреях 1804 г. Опыт исторического исследования оснований и мотивов этого законодательного памятника // Восход. 1895. № 6. С. 46). Киевский кагал в «мнении», поданном Первому еврейскому комитету в 1804 г., заявлял: «Поелику ничто на свете так сильно не действует на сердца народов, как по-

становления правительства... да обратит человеколюбивое правительство свое внимание на обстоятельство сие при предложении собственных постановлений к определению будущего быта евреев, дабы чрез какую-либо исключительность не лишились они и той доверенности, которой еще ныне пользуются, дабы чрез какое-либо различие не усилилось еще более уже отвращение к ним, которое и без того простолюдины питают в своих сердцах, дабы нарочитым отнятием у сего класса людей какого-либо права не причинить им пятна неизгладимого в памяти вдобавок к потомственному их предосуждению» (САНЖР. НМ 2/7928.8; оригинал: ЦГИАУ. Ф. 533. Оп. 1. Д. 433. Л. 6 об. — 7).

³⁴ Подробнее об этом см.: Минкина О. Ю. Российская власть и еврейское «буйство». 1823—1824 г. (готовится к публикации: *Ab Imperio*. 2008. № 3. С. 131—156).

³⁵ Подробнее об этом см.: Минкина О. Ю. Евреи и власть: депутации 1773—1825 гг. С. 187—188.

³⁶ К числу такого рода инициатив относились ходатайства виленского, минского и гродненского кагалов в 1826 г. (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 624. Л. 110) и повторное выступление виленского кагала в 1833 г. В последнем случае необходимость создания законосовещательного органа при центральной власти мотивировалась следующим образом: «Народ еврейский во всех статьях совершенно невиновен и напрасно оскорблен, и невинность свою достаточными изъяснениями успел бы доказать, если бы воспоследовало ему позволение прислать в столицу поверенных своих, хотя четырех со всего народа, как для представления правительству своих объяснений, так и для составления со стороны своей проекта нового устройства евреев (за представлением им составленного уже устава), который бы соответствовал цели и благонамерениям правительства и не разрушил бы основание благополучного существования еврейского народа, ибо, хотя народ сей не сомневается, что желанием милостивейшего монарха и высокого правительства есть привести его в лучшее благоустройство и утвердить его благосостояние, но никакое благодеяние, оказываемое кому-либо без предварительного сношения благодетеля с самим нуждающимся в оном о обстоятельствах и желании последнего, не может быть со всех сторон полным, тогда еще, когда здесь дело идет не об одном, а о сотнях тысяч семейств, составляющих народ израильский, который сильно оговорен и много невинно уже терпел, да не на малое, а на всегдашнее время. В таком разе евреи уповают на бога, что будет в силе оправдать себя пред августейшим престолом его императорского величества и обнаружить причины, по которым они доселе столь горько страдали» (Записка Виленского кагала о нуждах еврейского народа // *Еврейская старина*. 1911. Вып. 3. С. 97). Примечательно, что учреждение совещательной коллегии из четырех представителей еврейского населения империи описывалось виленским кагалом не как восстановление депутации, дискредитировавшей себя в глазах властей, а как создание принципиально нового института.

³⁷ Подробнее об устремлениях еврейской элиты конца XVIII — начала XIX в. см.: Минкина О. Ю. «Еврейское дворянство»... К истории взаимоотношений евреев и власти в Российской империи конца XVIII — начала XX вв. // *Империи и империализм нового и новейшего времени*. СПб., 2009. С. 202—207.

³⁸ Подобная риторика проникала даже в еврейские документы, не предназначенные вниманию российских властей. Так, в пинкасе погребального братства Каменец-Подольска за 1797 г. сохранился панегирик на древнееврейском языке в честь Павла I, который якобы «милостив к евреям, как отец к сыновьям, как орел, защищающий свое гнездо» (Petrovsky-Shtern Y. *Russian Legislation and Jewish Self-Governing Institutions: The Case of Kamenets-*

Podolskii // *Jews in Russia and Eastern Europe*. 2006. № 1 (56). P. 119). Ср. также в прошении И. Гельмановича, поверенного каменец-подольских евреев (1802 г.): «Гонимый роком чрез несколько веков и всеми презренный народ еврейский в конце прошедшего столетия увидел себя осененным крыльями державного орла российского» (Бершадский С. А. Положение о евреях 1804 г. ... С. 45). В целом, прошение Гельмановича, наряду с «мнением» киевского кагала 1804 г., обнаруживает немало общего по риторике и содержанию с «Воплем дщери иудейской» и публикуемым проектом.

**Проект о благоустройстве
расстроенного положения народа еврейского,
до миллиона людей обоего пола, в России обитающего,
с некоторыми по сему предмету изъяснениями,
со времени присоединения от Польши
с разными провинциями к России**

не ранее конца 1828 г. — не позднее 1829 г.

Кто ясно понимает и чувствует, кому он обязан всем своим блаженством, тот может ли не пламенеть любовью к своему государю и отечеству.

Чадолюбивая мать Севера!¹ Восприяв от всевышнего промысла под державу свою многочисленные народы и племена, в том числе и народ Израильский, в вечно неразлучное подданство всероссийское, положила в сердце своем пешишь непрестанно, дабы каждый язык и каждое сословие благоденствовало в ненарушимой тишине, спокойном наслаждении правилами своими, доводит каждую часть сего великого семейства до вожделенного состояния; и так каждый судить должен, что единая могущественная десница всероссийской императрицы Екатерины великой могла облегчить участь несчастного народа израильского.

В таком состоянии, когда иудеи, уничиженные долгое время, были гонимы из одного края земли в другой, представляя повиновение раздраженному року и игральнице злобы и своевольству, оставаясь даже без надежды улучшить влачимую ими жизнь, но вдруг увидели себя на берегах России, где внезапно солнце милосердия согрело бездыханное племя. Тут является богиня и златыми крылами осеняет злополучного, он воскресает².

Видев себя, ограждаемого российским щитом, избавленный несчастливец изумляется от толь внезапной благодати небес и не находит слов для изъяснения чувствуемой им признательности; слезы радости орошают бледное лицо его — прежнее название, учинившее его толико презренным и поруганным, уже отменяется... и украшается нарицанием еврея³, к благосостоянию коего невозбранно позволяют ему отправлять древнее свое богослужение⁴, за которое единственно так угнетаемо было его сердце, и потом именным высочайшим указом мая 21-го дня 1786-го года⁵ и Городовым положением⁶ усыновляя и уравнивая его в правах с прочими гражданами, удостоивают занимать места в судилищах, дабы сам мог решать участь своих собратий по благословенным

законам сего толико кроткого царствия⁷. В столичном городе Москве и губернском городе Смоленске с восторгом принят был тамошним именованым гражданством, позволено записаться там в купечество первой, второй гильдий, иметь публичные магазейны и открытые лавки с товарами (исключая банкиров)⁸. Словом, евреи были первоначальные в открытии торговли иностранными товарами из Саксонии по ярмонкам города Лейпцига и из прочих мест, от коих уже снабжались оными купечество обеих столиц и другие знаменитые города.

Се великие деяния премудрыя и ангелоподобной бессмертной государыни императрицы Екатерины II.

Но в самые последние дни царствования ея московское купечество или по видам ознакомления их с торговлею, или из зависти к представившемуся счастью евреям исходатайствовало от правительства запрещение на дальнейшие там в торговле действия евреев⁹.

Во время же царствования в Бозе почивающего императора Павла I евреи имели в столичном городе С.-Петербурге открытые магазейны с разными товарами для продажи, однако не в розницу, а токмо оптом¹⁰. Ему самому благоугодно было лично удостоить находящихся тогда в С.-Петербурге купечество и депутатов сего народа¹¹ покупкою от них 3 ты<сяч> ар<шин> голубого бархата для придворной надобности.

Напоследок, сделанные в С.-Петербурге насчет продажи товаров разные ограничения, по коим позволено было воспользоваться евреям токмо одною покупкою там российских товаров¹².

Благотворный и бессмертный государь император Александр I обращал человеколюбивейший взор на расстроенный дом Иаковля и, величественным жезлом своим помавая, вещал: да исправится; и тогда же, излив на подданных своих великую меру щедрот, именным высочайшим указом, в 9-й день ноября 1802-го года Правительствующему Сенату данным, чтобы учредить особый Комитет для составления положения о благоустройстве евреев, в России обитающих, и возвести сие въздыхающее племя в своей державе на высшую степень благополучия¹³. Но это еще не все; сей самодержец, имеющий самовластное право располагать участью своих народов, соизволил еще вызвать депутатов из сих самых, веками и другими народами уничтоженных, несчастливцев для объяснения своих нужд¹⁴.

Действия Комитета показали всевозможную кротость к некоторым новым способам, но для устройства оных требовалось значительное время и немаловажные со стороны казны издержки, и потому не могли быть приведены к своей цели¹⁵. А между тем в двух главнейших предметах, издревле и природных занятиях и промыслах, как то: о всеместной торговле и жительстве их по воле у помещиков по деревням — положил во первом (дабы не

могло последовать в богатстве христианского купечества какого-либо ущерба) ощутительные преграды, а во втором (дабы не продолжалось более бедности польских крестьян) строгие и вовсе запрещения¹⁶.

Преграды сии были неудобноисполнимы, по всей справедливости убеждали г<оспод> начальников из разных мест губерний войтить с своими представлениями насчет вытеснения евреев из деревень, тогда вечно блаженной памяти государь император Александр I, охраняя правоту священным усердием, высочайше повелеть соизволил: первоначально рассрочить сие на 3 года, а потом в рескрипте своем на имя действительного тайного советника Попова¹⁷ в 5-й день генваря 1809 года, определив под председательством его для евреев вторительный Комитет¹⁸; действие же 34-й статьи положения о переселении евреев из деревень впредь до повеления остановить.

Вот милосердные слова того рескрипта, в коем между прочим изображено:

«Изданным в 9-й день декабря 1804-го года Положением для евреев между прочим постановлено было с 1 генваря 1808-го года всех евреев вывести из сел, деревень, постоянных дворов и шинков.

В исполнении сего постановления встретились разные препятствия, кои по повелению моему особнным Комитетом были рассматриваемы и в уважение коих переселение евреев во всех присоединенных от Польши губерниях распределено на три года с тем, чтоб оно в течение 1808, 1809 и 1810-го годов было окончено.

Приступив к приведению сего предписания в действие, губернские начальства вошли с донесениями о новых препятствиях, представляющих не только затруднения, но и самую невозможность в переселении евреев.

Во внимание к тому стеснению, коему, по донесениям губернских начальств, народ сей при исполнении доселе изданных о переселении оного положений неминуемо должен подвергнуться, я признал за благо действие 34-й статьи положения 1804-го года, равно как и указа о постепенном переселении евреев 19-го октября 1807-го года, остановить впредь до повеления.

Намерение мое в том состоит, чтобы все вообще препятствия и затруднения, в переселении евреев встретившиеся, были в совокупности рассмотрены, дабы на сих окончательных соображениях можно уже было основать положительные по сему отношению меры.

К сему рассмотрению должно будет присоединить исследование тех мнений, кои от депутатов самих еврейских обществ о поправлении участи их в свое время по повелению моему были истребованы.

Министр внутренних дел доставит вам все до сего относящиеся сведения, вы из них усмотрите две главные статьи: во-первых, просьбы о некоторых в положении 1804-го года переменах, во-вторых, представление о вышеупомянутой невозможности переселить евреев по назначению.

Невозможность сия не от чего иначе главнейше происходит, как только от того, что евреи, по нищете их, не имеют сами способств, оставив настоящие их жительства, устроиться и обзавестись в новых их состояниях, кои избрать они должны. Правительство равным образом не может принять на себя водворения всех их на новых местах»¹⁹.

Сей комитет, окончив возложенное на него поручение составлением надлежащих о евреях положений²⁰, в первых месяцах 1812-го года представил на высочайшее благоусмотрение, но по наступлении тогда военного действия утверждения не последовало. Однако евреи, живущие по деревням на основании упомянутого высочайшего повеления, почти до десятилетнего времени нигде даже не были тревожены.

Но искры, впущенные прежнего мнения насчет жительства евреев в деревнях, не совсем затушены, и при каждом случае раздувались так, что евреи в некоторых губерниях соделались жертвою сего пламя, чему есть ближайшее доказательство, то есть, когда по встретившемуся в 1821-м году по двум малороссийским губерниям за недостатком дождей неурожаю хлеба вышло донесение одного только лица²¹, то сие обращено было к обвинению евреев, живущих по деревням даже без дальнейшего в том исследования, и несколько тысяч семейств все вообще изгнаны в одно время из тамошних сел и деревень²².

Вслед за сим по скудному урожаю в 1822-м году по двум белорусским губерниям простиралось сие несчастье к одним тоже невинным евреям, но все сие было источником желания тамошних г<оспод> губернских маршалов, кои распространялись к причинам на неурожай, якобы происшедший от евреев, занимающихся продажей вина по корчмам, отчего отняты все способы у крестьян к пропитанию. Тогда когда вовсе неприкосновенны к крестьянам те способы, коими занимались евреи²³. Однако же и тут тяжкая участь евреев постигла, ибо в 11-й день апреля 1823-го года по тем губерниям вышли совсем подобные прежним от правительства строгие запрещения даже не содержать на почтовых станциях лошадей, не быть евреям при содержателях поверенными, писарями, приказчиками и ни ямщиками²⁴.

Всерядный и бессмертный монарх провидением Всевышнего Творца услышал вопиющих много тысяч семейств невинных евреев, предвидевших гибельные несчастья при изгнании их внезапно из сел, а к другим способам в прокормлении себя с семействами ни с какой стороны и ни в чем не предваренных,

вняв горьких слез сих, к подножию милосердного престола катящиеся, высочайше повелеть соизволил рассмотреть сие немало-важное обстоятельство в Комитете г<оспод> министров и да указали между тем способы промышленности и прокормления таковых семейств на местах их жительства, чрез что евреи несколько ласкали себя надеждой, что правосудное правительство, простирающее руку благодетели своей всем несчастным, не захочет исторгнуть сих сильным действием власти из настоящего их состояния, внемлет печали их, дабы по крайней мере рассрочить сие на несколько лет, чтобы между тем могли бы таковые приготовить себе дальнейшие способы к пропитанию чрез какое-либо другое занятие (где даже и предположено было учинить таковую отсрочку впредь на восемь лет)²⁵.

Но увы, какой громовой удар! Что к несчастью сих жертвенников, до окончательного положения того Комитета и указания им по высочайшему соизволению предварительных способов для утоления голоду, в самое зимнее время и жесточайших морозов внезапно изгнаны силою местного начальства более 40 ты<сяч> душ обоего пола из деревень²⁶.

Самое живое воображение не может себе представить бедствий, претерпенных несчастными, кои принуждены были расположиться с малолетними почасты слабыми детьми своими при перекрестках по дороге, по снегу, подобно бивуакам, и не знали сами, куда взять направление, из числа коих немалое количество от холоду и голоду погибли и преданы даже мучительной смерти. Сие же от голоду смертное наказание, не в пример грознее, нежели умирающие от меча²⁷ [о каковом приключении и заразе, чрез тесноту и голод постигшие оных в Витебской губернии, городах Невеле и Городке, потом даже сам начальник той губернии не мог не упомянуть в донесении своем в Комитет г<оспод> министров²⁸]. Прочие же несчастливцы, хотя и удержались при жизни, но остались и поныне без всякой помощи и призрения. И хотя местное начальство старалось уверить правительство о попечении об оных и составлении местного о том комитета²⁹, но как в оном находились сочленами те же самые доносители губернские маршала, о коих выше сего упоминается, то, вероятно, что из чаши, напоенной горести, едва ли можно вообразить себе найти вкус сладости.

По перемещении же всех таковых изгнанцев в городах и местечках в немалом числе оных, то необходимое занятие теми же самыми способами, коими занимаются евреи, до того времени там водворенные, потому ни те, ни другие ныне достаточного пропитания себе снискать не могут. Впрочем, почти уже всем известно, что предполагаемое теми губернскими маршалами о евреях в 1812-м году вообще невыгодное мнение происходит от весьма скрытного источника³⁰, о коих, так равно и о истинных и

настоящих причинах бедности польских изнуренных крестьян, по поводу, что в тех местах по большей части сочленами всех присутственных мест, а в некоторых губерниях даже гражданскими и вице-губернаторами из польской нации, то евреи сами по себе не могут предпринять смелости в необходимо нужном столь истинном объяснении, но со временем правительство само по себе о том удостоверится [о чем из поверхности в особое дополнение под литерою А изъяснено будет]³¹.

За всем тем народ израильский, уповая на Бога, на кротость и щедрость монарха, что истина и справедливость не могут исчезнуть навеки, и если <бы> не кончина благотворного и пронизательного императора Александра I, то ускорил бы довершить в святости благонамерение свое, изгасить искры ненависти и презрения к сему несчастному народу, понапрасну простирающих.

Евреи, как и все прочие народы, желали быть счастливыми, и сие их бытие ви[де]лось часто пред ним, но, верно, счастье существо скоропроходящее — и чувство сострадания разило их надежду, умножая горести, и, подобно прошедшему, сердца их остались только наполненными бедствиями. Однако ж все расчеты человеческой предусмотрительности ничего не значат пред силою провидения; ибо во имя всемогущего Бога и подателя всех благ блеснул новый луч надежды, в ощущении которого евреи, в числе прочих угнетенных, видят восшествие на прародительский престол императора милосердного и чудотворного Николая I, державшего в деснице своей факел человеческого благоденствия. Всевышний творец обогатил его мудростию открыть в первые дни царствования таинство, более десяти лет для России угрожающее³², открыл и прекратил цели злонамеренных воев. Ему поручено покорить и побеждать диких азиатских царей и вот пророчество царя Давыда об нем: «Падут пред ним дикие, врагов его положит прав, поклонятся ему все цари, все народы будут покорны ему; ибо он избавит вопиющего бедного и угнетенного беспомощного, искупит душу их от коварства и насилия, и драгоценна будет кровь их пред очем его»³³.

Мудрый и благотворительный монарх, обожая деяния и благонамерения вечно незабвенной блаженной памяти возлюбленного брата своего императора Александра I, с восхищением желая довершить все без изъятия его предприятия, чрез патриотов проникает во все части империи толико пространной и разнообразной в физическом и моральном состоянии, проникает и все оживляется, то сими предметами возвышается душа народа Израиля.

Человеколюбивые Россияне!

Деяния Ваши чрезвычайны, величие подвигов ваших уменьшает или совсем уничтожает уныние побежденных вами народов, никому не постыдно быть Вам покоренным, вам, превы-

шающим самый рок. Когда вы повелеваете року, и рок опускает долу тяжкий и страшный свой жезл, то повелите ему: да престанет он гнать народ еврейский ни в чем и никогда³⁴. Так равно и в 10-летнем выше сего поименованном чувствами справедливости таинстве, ни один из них даже не подвержен был малейшему подозрению; а оставались навсегда верными сынами отечеству все-российскому³⁵. Имейте к ним жалость, обратите к ним нежные сердца ваши! Читайте со вниманием невинность их в нижезначенных изъяснениях по чистой совести и справедливости изложенных, а именно:

Изъяснение I

О мнимом обмане крестьян чрез продажу евреями в корчмах по деревням вина

Когда благонравственности и просвещение достигли в России до самой высшей степени, что даже вся Европа приведена тем к удивлению, и когда государственные законы в России довольно справедливы и достаточны, из коих, между прочим, по Городовому положению указом 1795-го года мая 3-го дня и высочайше подтвержденного положения о евреях 9-го декабря 1804-го года³⁶ евреи сравнены с другими российскими подданными, так что если бы один только человек из них сделался противу узаконения в чем-либо виновным, то не наказывается без суда и расправы, где по исследовании того дела должен быть обличен в своем преступлении свидетелями или прочими доказательствами, то посему-то и непонятно, когда что только относится к несколько тысяч семейств оных и даже что к целому народу оного вообще относящегося, не принимается уже в соображение никаких существующих законов³⁷, а разрешаются судьбы их по мнению представляемых от одних только лиц, без всякого исследования довершается приговор и приводится в исполнение. И хотя оные лица бывают и беспристрастны, однако и то быть может, что почерпнутое ими сведение происходит от таковых людей, кои сами имеют в том какое-либо намеренное презрение и даже личности, вроде мщения, и потому самому можно бы полагать, что все строгие меры, предприняты <е> вообще насчет целого народа оного в ограничении занятия и промыслу их, происходят от таковых же случаев и источников. Ибо, во-первых, когда и кем хотя бы и один раз евреи обличены были в мнимом обмане при продаже ими вина в корчмах крестьянам, и сие даже произойти не может потому, что тут же живут защитники тех крестьян, помещики или управляющие их, ключвойты³⁸ и сотские из числа тех самых крестьян и, наконец, исправники и заседатели нижнего земского суда беспрестанно объезжают по всем тем деревням, то всеконечно, те крестьяне не преминули бы об обидях

своих принести таковым жалобу. И кажется, что в продолжение времени до полувека со дня присоединения тех провинций к России таковые жалобы и производство по оным ни местное начальство, ни самое правительство никогда в виду не имело. Во-вторых, буде таковые просьбы когда-либо или в каком-нибудь месте действительно показались бы, то еще и тогда никакой бы беспристрастный судья не мог бы сию вину отнести на счет другого человека за то только, что он с виновным одной религии. В-третьих, когда ж сделать в том настоящий повальный обыск у самых даже помещиков, у коих евреи имеют в содержании корчмы, то, может быть, никакого подозрения на них в том не оказалось бы. В-четвертых, если бы и обличены были в том даже некоторые из них, то, сверх наполненного в священном описании примерного приключения и пощады Всевышнего³⁹ довольно можно руководствоваться и коренными государственными российскими законами⁴⁰, а тогда и евреи не могли бы столько быть обнесены правительством в обвинении оных без изъятия, и даже самые виновные, по малочисленности их, могли бы потому воспользоваться милостивого снисхождения правительства.

Изъяснение II

Касательно обвинения евреев о неимении хлебопашества и о прочих их занятиях

Обвиняют народ еврейский, что до полумиллиона мужского пола душ, в России обитающего⁴¹, занимаются токмо торговлею, ремеслом и корчмами по деревням, а никакую частью оных не имеют собственного хлебопашества, так что они будто в самом деле сами по себе составляют особым народом, имеющим собственную землю, чтобы тем обеспечить внутреннее продовольствие, то, во-первых, как сей народ не одарен малейшими особыми правами и преимуществами, а назван особым народом токмо по одной различности его религии, в прочем причислен к числу всех вообще подданных российских с несоразмерными в способах еще противу прочих разными ограничениями, то посему и не имеет возможности во всех предметах империи принимать участие; во-вторых, если принять в соображение всех вообще по России душ, платящих податей до 18,5 миллионов, в числе коих казенных и помещичьих крестьян и разного ведомства людей, которые упражняются одним токмо хлебопашеством, более 17 миллионов, затем занимающихся по всей империи купеческим, мещанским и ремесленным упражнением достальное количество душ полтора миллиона [в числе коих уже и еврей], посему, казалось бы, когда все сии предметы для государства тоже весьма необходимы, то евреи, занимающиеся оными способами и содержанием корчм по деревням, не в пример более оказыва-

ются тем для государства полезными, потому относительно торговли известно, что евреи все без изъятия грамотные, и по близости домашнего их языка к немецкому не нуждаются за границею в переводчиках и имеют в том издревле опытности, по крайней мере, преимущественно противу неграмотных торгующих крестьян. В рассуждении ремесленников, по ненахождению их в разных внутри России уездных и даже в некоторых губернских городах достаточного числа нужных мастеров, как то: часовых, золотых и серебряных дел, портных, резчиков печатей, винокуренных и водочных, жестяных и прочих дел и ремесленников, имеют в таковых из евреев, даже хотя во временном их там пребывании, большую необходимость.

Касательно содержания корчем по деревням, не отделяясь от существенной справедливости, признательно утвердить можно, что все вообще почти евреи трезвы и воздержны, то ежели определить на месте оных в корчмах из помещичьих польских крестьян, тогда тем самым отвлекутся по тем губерниям более ста тысяч таковых от настоящего и природного их занятия хлебопашеством и сельскохозяйственного их упражнения. Следовательно, ни от тех и ни от других в новых занятиях никакого успеха ожидать нельзя, и когда не отнимется в том воли у самих помещиков, то по местному усмотрению и опытности своей без всякого сомнения большая часть оных, а может быть, и все, объявят в том свое согласие.

Причем, известно и то, что долголетние привычки не иначе переменяются, как только нечувствительным направлением пользы к другой и лучшей цели, что все преобразования, производимые с поспешностию и крутым переворотом, были непрочны и что в исчислении причин, определяющих действия человеческие, необходимо нужно принимать в уважение частную выгоду и спокойствие, которое для человека всего дороже и вожделеннее, поддерживаемо свободою и направляемо законом, из чего видима внутренняя сила, их утверждающая⁴², существовало непоколебимое основание, временною и личною пользою положенное.

Изъяснение III

О обвинении одних токмо евреев по части контрабанды

Оскорбляют невинный народ еврейский без изъятия в погрешности участвованием их всех вообще в запрещенном товаре, одни по предубеждению к слухам от других, а прочие по ненависти, давно к евреям питаемой, и потому приняты правительством в 1825-м году несоразмерно строжайшие меры в запрещении евреям чрез то даже жительство по деревням в 50-верстное расстояние по всей линии пределов России к границе европейской

состоящей⁴³, а чрез сие открываются вновь бедствия в лишения много тысячей семейств жизненного и даже дневного пропитания. Да в примыкающих даже к азиатской границе Астраханской губернии и Кавказской области, в коих еще в 1804-м году последовало высочайшее соизволение селиться там евреям⁴⁴, и хотя ни малейшего подозрения в оном насчет евреев и последовать не могло, по неводворении там никого из оных даже и поныне, однако и тут последовало к единому их токмо поношению насчет постоянного жительства оных в тех местах строгие и вообще запрещения, что подлежит рассуждению: никакого народа на свете не осуждают по худым качествам и поступкам некоторых только собратиев его, как только одного сего несчастного еврейского. Ежели уличаются некоторые из оных в таком непозволительном поступке, то не народ и не религия к тому причиною, ибо коренным законом их сие тоже строго воспрещается⁴⁵ то как никакой народ вообще не без погрешности, то удивляться нечего, что и в самом притеснительном народе, как еврейский, тоже таковые иногда оказаться могут, но за всем тем пусть виновный осужден будет по всей строгости законов; за что же невинных много тысячей семейств с малолетними и негрешными детьми их, вдов и сирот, вовсе чуждых от преступления, других подвергнуть жестокому наказанию в лишении дневного и жизненного пропитания.

Правительству довольно известно, не говоря о конфискованных в г<ороде> Митаве у немцев христианского исповедания разных товаров, что даже в столичном городе С.-Петербурге весьма часто конфискуются при таможене у самых русских разного рода контрабанд, а иногда тоже весьма значительное количество оного в кораблях, к отличным банкирам адресованный, однако прочим таковым сей непозволительный поступок, верно, не считался и не считается в погрешности, следовательно, если бы и об народе еврейском не иметь противного заключения, то никогда не был бы он подвержен столь строгому оскорблению и не оставалось бы много тысяч семейств невинно в горестно бедственном положении, в коем они ныне находятся.

Изъяснение IV

О несоизмерном ограничении евреев даже во временном пребывании их в г<ороде> Риге

Положение, напечатанное посредством г<осподина> Санкт-Петербургского обер-полицмейстера в июле месяце 1827-го года под заглавием «Правила, сделанные вследствие высочайшего повеления, по соображению существующих законов о приезде евреев в города России на время»⁴⁶, есть весьма тяжкое для евреев по несообразности предшествовавших обстоятельств, ибо

по силе Высочайшего о евреях положения 1804-го года, декабря 9-го дня, § 28-й, между прочим дозволяется «фабрикантам, ремесленникам, художникам и купцам по делам их коммерческим приезжать на известное время во внутренние губернии и даже столицы». А ныне перетолковано слово, что коммерция значит токмо по делам вексельным, а о покупке российских товаров вовсе не упомянуто, и тем паче в Москве, где, как всем известно, простирается продажа товаров чрез тамошних фабрикантов евреям до 30 миллионов рублей в год, а иногда и более. В рассуждении художников и ремесленников присовокуплены вовсе новые слова, одних тех только, каковых в городе нет и кои для пользы общественной необходимы. Относительно же людей, для религии нужных, положено выслать их немедленно, тогда когда упомянутого высочайшего положения⁴⁷ в § 42-м довольно изображено: «Никто не может притеснять, ни даже беспокоить их в отправлении веры и в общей гражданской жизни ни словом, ни делом». Сверх того, последним постановлением вменяется в обязанность евреям представлять узаконенные свои паспорта не по порядку полицейскому начальству, но в губернское правление для получения из оногo позволения на пребывание шестимесячного времени, которое, с своей стороны, совокупно делает еще в том ограничение, не удовлетворяя просителя означенным уже шестимесячным сроком в один раз, но дает токмо на один месяц, по истечении коего должен каждый подавать о том вновь прошение. Обязанность сия, сверх напрасных издержек на писмоводство и гербовую бумагу, отвлекает просителя от настоящего своего дела, и он должен себя употребить единственно для ходатайства времяпребывания, оставив то, для чего по разным необходимым надобностям прибыл в столицу. Меры строгости со стороны местного начальства доведены быть могут даже в рассуждении самых промыслов не менее того непозволительными занятиями, и вот драгоценные слова бывшего С.-Петербургского военного генерал-губернатора покойного графа Михайла Андреевича <Милорадовича>⁴⁸, любителя всех вообще верноподданных российских без изъятия и евреев, последовавшие по поводу предпринятых мер насчет пребывания евреев в столице [по очевидному удостоверению в нецененное усердие их во время кампании 1812-го года противу неприятеля на пользу государства]⁴⁹. В предписании своем к г<осподину> обер-полицеймейстеру от 15-го октября 1823-го года за № 5914-м, наконец, должен «изъяснить, что как до сего времени евреи, имея или не имея права на жительство, здесь спокойно жили и, занимаясь, может быть, недозволительными им делами или промыслами, пользовались некоторым образом снисхождением к ним правительства, то мне бы весьма приятно было, чтобы при строгом <выполнении> всего, что ныне о евреях предписывается, соблюдена была воз-

можнейшая кротость и беспристрастность, дабы, при всей справедливости со стороны Правительства, предпринимаемые ныне меры основаны на правилах, не исполненных в свое время, не сделались ныне отяготительными для евреев». В ноябре месяце 1825-го года в таковом же по сему предмету между прочим изъяснено: «Сим лишены евреи способов, коими доставляли они себе с семейством своим пропитание и следовательно, остается обратиться им в те губернии, где они записаны, но в исполнении сего встретят большие затруднения, ибо путь им предлежит не близкий, а способы в доставлении себе с семействами пропитания не только в пути, но и в губерниях, еще не известны. Посему они, может быть, вынуждены будут обратиться вне столицы к средствам, менее дозволительным, нежели те, коими здесь доставали пропитание.

Все сии причины, равно как и то, что многие из евреев, здесь живущих, по нынешнему их положению не заслуживают никакого презрения со стороны правительства, поставляют меня в обязанность принять меры для доставления им необходимых средств к пропитанию без всякого их отягощения».

Изъяснение V **О обвинении в непринятии евреями полного участия** **в военных действиях**

Осуждают народ еврейский о непринятии оными никакого участия в военное время до издания об них особого вновь постановления, то, казалось бы, всяк согласиться должен, что побеждения неприятеля зависят не всегда от одних орудий, а иногда более от одних вернейших сведений его расположения и силы оногo. По сему предмету евреи в 1812-м году сами по себе отличнейшим образом оказали свои способности и усердие на пользу общества, о чем неоднократно упомянуто было в реляциях и публичных ведомостях, и вот что можно ближе всего привести на память о напечатанном тогда в «С.-Петербургских ведомостях»: город Витебск взят храбрыми нашими войсками с помощью усердных евреев⁵⁰.

Изъяснение VI **О неединообразном обвинении евреев**

Веки, народы обвиняют евреев, но почему же не обвиняют они их единообразно? Обратите внимание на историю — и видны многие противуречия: то в неверии, то в суеверии... Веки не успели еще открыть тщеты умыслов против них, как уже наступили новые — подобно звеньям неразрывной цепи, соединены оные к утеснению толико сего народа⁵⁰.

а) Давно ли перестали падать главы невинных чад Израила под мечом гнусной клеветы, обвинявшей их с неопределимою уверительностию в употреблении крови христианской во время их праздника, называемого «Пасха»?⁵²

Благодетельные чада Севера!

Кроткие монархи ваши научили вас взирать спокойным и беспристрастным оком на обряды богослужения различных народов, под щитом вашим живущих, но в те времена евреи не имели еще счастья быть подданными России. В те времена ненависть, сия адская фурия, успела уверить многих, якобы израильтяне в день одного праздника имеют надобность в сем ужасном зле. Тогда легковверные и скудоумные наущены были коварными и злокозненными душами подбрасывать ночью мертвого и изуродованного младенца под некоторый дом израильтянина, каковой злости угодно было назначить.

Блаженные памяти король польский Август Понятовский⁵¹, государь человеколюбивый и благоразумный, вострепетав от таковых противных человечеству наглостей, прекратил оные своею мудростию⁵². Наконец уже перестали находить убитых младенцев под домами еврейскими, и сие еще более доказало нелепость прежних наветов.

И до полувека евреи от сей ужасной клеветы были вовсе устранены, ибо всем без изъятия священным людям известно, что народу израильскому не то, что кровь человеческая, но даже и от скота и от птиц законом Моисеевым наистрожайше воспрещается, и даже проклинается душа его⁵³. Нельзя верить легкомысленным, которые полагают, что, может быть, сие разрешено в прочих еврейских книгах или в Талмуде, когда коренной их закон состоит единственно в библии Моисеевой, коим самым строго воспрещается чего прибавлять или убавлять⁵⁴ кто бы он таковой ни был, даже и пророк⁵⁵.

И как часто случается, что переходит из еврейской веры в христианскую немалое число людей, то таковые, ежели отнюдь сие было близко к справедливости, не преминули бы довести к сведению начальство без замедления, но ни в какие времена и никогда сие не последовало, и в неправде последовать не могло⁵⁶.

В нынешнем просвещенном столетии, хотя некоторые скудоумные или вроде мщения, вооружились по Гродненской губернии⁵⁷ возобновить сии нелепости, но бессмертный монарх Александр своим высочайшим именованным указом от 20-го февраля 1817-го года паки предал таковую умышленную выдумку забвению⁵⁸.

Но искры сего угрожающего еврейскому народу несчастья при каждом случае ненависти и презрения возобновляются, и так, что по найденному близ города Велижа, задавленному каким-то проезжающим отставным солдатом младенцу обра-

щают сие на невинных некоторых евреях⁵⁹. Но кроткий император Николай I высочайшим именным указом от 17-го марта 1827-го года на имя г<осподина> министра юстиции данным, несколько утешил по сему предмету унылые сердца несчастных евреев, в котором, между прочим, высочайше повелеть соизволил, «чтобы при следствии и судебном рассмотрении сего дела сохранены были с строгою точностию общие законы и высочайшее повеление 28-го февраля 1817-го года».

При востребовании же сего дела в С.-Петербург вместе с страдающими по оному уже несколько лет в заключении обоего полу евреями и теми самыми женщинами из христиан, кои приняты в сем злобном и несчастном деле свидетельницами, то народ еврейский остается в непоколебимой надежде на правосудие и мудрость правительства, что за все наглости при следствии, на месте делаемые, признает невинность тех несчастных семейств и тем таковое зло и легкомысленности прекратиться могут навеки.

б) Обвиняют народ израильский, якобы они почитают действием заслуги к религии прельстить и обратить из иных исповеданий в свое, то сие представляет не только против моральности и образа жизни оных и даже вопреки самого их закона, ибо, во-первых, всем неизвестно о нетерпимости к народу еврейскому, стеснения оного противу прочих в способах пропитания, то и непонятно, чем прельстить бы можно даже самого скудоумного — оставить господствующую религию и всю вольность, ему предоставленную, а принять таковую, чрез которую он вечно может быть преследуем; во-вторых, отступить от природного и древнего своего закону с доброю совестью никто не может; итак, какую пользу принесут им собратия без совести; в-третьих, закон самих евреев не токмо оного на них нигде не возлагает, а напротив того, строго и вовсе возбраняет⁶⁰ и тогда же, когда только существовало одно идолопоклонство; посему ежели таковое происшествие где-либо и оказалось бы, то сие не иначе, как по какой-либо слабости, переходящей из скудоумных, в том участвующих, то пусть виновные получают по мере вины наказание, по крайней мере, не отнесты сие на счет всей нации невинно.

с) Считают по одним только предположениям, что евреи могут по своему закону человека другого исповедания обманывать и несправедливо принести противу такового присяги, то вот священный закон Его, к сим предметам относящийся, повелевает и запрещает⁶¹ равным образом о соблюдении святости присяги даже противу личного его <блага>⁶² повелено им в полной мере быть преданным царю и отечеству, коему они подвластны, и о благоденствии оных не престать молиться к всевышнему⁶³, а когда объяснено уже и доказано, что слово «ближнего» распространяется вообще на людей без различности веры и религии, и коль скоро закон честен, то и истинные последователи его долж-

ны быть честны, почему и еврей, сохраняющий чистым образом свою религию, не может быть злым человеком, ни же худым гражданином.

Изъяснение VII О Талмуде

Предполагают, а даже с отвращением осуждают священные книги [Талмуда], якобы в нем разрешается в рассуждении общезнания нравственности и моральности вовсе противных правил даже законодателя Моисея, то, во-первых, когда Талмуд существует уже более 1500 лет, и если бы действительно бы заключалось в нем что-либо вредное к человечеству, неужели по сие время не нашлись бы такие мудрецы, кои в состоянии бы были написать противу оногo свое возражение, во-вторых, довольно известны в нынешнем просвещенном веке богословные писатели; писал ли кто противу оногo что-либо? А тем более Папа Римский и митрополиты православного греческого и прочих исповеданий. В-третьих, во всем без изъятия законе Божиим, сверх начальнаго, весьма часто присовокупляется новыми пояснениями, кои суть для подтверждения начальнаго и не для послабления оногo. В-четвертых, всяк согласится, что толкование закона Божия слабым умом человеческим несть подкрепление оногo, а токмо во всем послабление, и если бы позволить умом смертных людей во всякое время перетолковать закон Божий, то давно все религии подвержены бы были по разности таковых умов вовсе уничтожению; так равно осуждающие насчет Талмуда. Из числа самых легкомысленных Израиля или переходящий вовсе из оногo по желанию льготной жизни говорят о том, о чем они полного понятия не имеют. В-пятых, когда уже выше сего, в изъяснениях V-м и VI-м, доказано из самого Талмуда весьма здравое нравучение и моральности во всех без различия наций и религий, неужели они в других книгах будут противоречить сами себе? А тем более тогда тоже объяснено и всем известно, что коренной закон ест Библия Моисеева и пророки, к Библии издревле принадлежащие. Все сие без изъятия основано подкреплением пяти книг Моисеевых, в коих строго возбраняется прибавлять или убавлять что-либо, кто б он такой ни был, хотя бы и пророк, тогда такового нельзя уже считать священным, то само по себе разумеется, что славящие Талмуд, если чего-либо дерзнули написать в противность онагo, то самое евреи имели бы к ним уже не почитание, но надлежащее презрение.

А если бы в общем смысле о Талмуде объяснить примерно, то равняя по необходимости Библию Моисееву к именным высочайшим, а Талмуд <к> Правительствующего Сената указам, и часто видно, что в первых написано высоким слогом и весьма

кратко, а до последнего, при отправлении такового для исполнения по разным губерниям, немало бывает в оном уже распространения, но за всем тем никогда не может последовать в оном противу настоящего смысла именного повеления ни убавления, ни малейшего прибавления.

Изъяснение VIII **О продолжительном презрении к народу еврейскому**

Иудейское племя осуждено многими умами к презрению, одно имя «иудей» производит уже в произносителе и слушателе оного некоторое странное и необычайное движение. Имя сие учинилось несносным, презренным, поруганным и неким страшлищем для детей скудоумных.

О христиане, славящиеся кротостию и милосердием! Имейте к ним жалость, обратите к ним нежные сердца ваши!.. Что? Ужели оне не достойны лучшего имени? Есть ли бы они отвергли свой закон, чтобы уравниаться в правах, то сделались бы чрез то достойными? Ибо отступать от закона, как уже и выше изъяснено, с доброю совестью невозможно. Итак, какую пользу принесут вам собратия без совести? Оставьте им свободу мыслить и говорить по закону, доставшемуся им в наследие от праотцев их. Кто не нарушает общественного благополучия, кто поступает согласно гражданским правам, тому оставьте говорить так, как он мыслит, призывать Бога по своему или предков его мнению, и искать блаженства там, где уповает оное найти. Из чего же иначе заключаете, что еврейский народ заслуживает презрения? Почему вы с такою решительностию отвергаете оный от сердец ваших?⁶⁴

Если же со времени рассеяния народа израильского и соединения его к России малая часть оного, может быть, не так себя вела, чтоб заслужить благосклонность правительства, то просвещенное и именитое лицо рассудить может, что верное средство сделаться подлинно презренным есть всегда напрасно быть презираемым, что пороки их — суть плод сего продолжительного презрения. И еще удивляться должно, что среди обид и прискорбия, кои их часто обременяют, самая большая часть сего народа сохранила хотя некоторые добродетели. Тем более же прискорбно презрение простонародное к ним, и по недостатку совершенного просвещения почитают действием заслугу к религии при каждой встрече человека другой религии, в том числе и еврея, в открытых местах и даже по улицам, не пропускают его без обиды несносными словами, и если бы не страх строгости полиции, то не преминул бы обидеть тоже и руками в противность даже высочайшего о евреях Положения 1804-го года⁶⁵, то единое средство к соединению сердец простонародных с прочими зависит от

внушения отцов церковей священной обязанности в любви ближнего без различия религий и наций, ибо не Отец ли один и Бог один создал всех нас⁶⁶, и что евреи не язычники, а происходят от весьма древнего народа тогда, когда Мидия и Персия питались в лесу желудями, когда Европа едва была устроена и когда в одном Египте только существовало несколько человек, умевших читать и писать, от сей-то дальней эпохи народ израильский был одарен обширным царством, древнюю их столицу, царей их, православный Давыд и премудрый Соломон, даже в самых глазах притеснителей их и поныне первую считают священной, а последних обожают. Псалтирь Давыда, царя израильского, и поныне по всему земному шару преимущественно употребляется к проповеди во всех без изъятия церквях, в книгах бытия Моисеева, наблюдаемого ими более 3500 лет, на каждой странице наполнены моральность, образование и просвещение. У какого на свете народа законы, писанные и ими, существуют толь долгое время после его падения и рассеяния, и потому заслуживали бы от простонародных даже несколько почтения. Но если уволить их от того, то, по крайней мере, принимали бы оных с тем веротерпением, которого требует человечество и священное пророчество Малахия⁶⁷. И потом первоначально загаситься может к ним всякое к ним напрасное пренебрежение, а потом сама по себе обнаруживается взаимная любовь к ближнему без различий.

Православные россияне, вы, которые живете с сим народом вкупе, вы должны ведать, что для них добродетель так же священна, как и вам, примечайте только, вы увидите между ними множество людей, сохраняющих свято слово свое, множество милосердных, подающих руку помощи бедным не только своим, но иноплеменным; даже в самом Талмуде постановлено сие за священную обязанность и хотя противу язычника⁶⁸ что многие из них великодушно прощают обиды, вы увидите в них благодарность, воздержанность и почитают старцев, увидите также, с каким чувствованием обожают они тех людей из иноверцев, которые с ними поступают милостиво и им благоденствуют, и с каким благоговением вспоминают они своего государя⁶⁹.

А ты, сын России! Благослови стон свободы, счастье к славе под скипетром внука Екатерины, правнука преемников Петра Великого.

Между вами находится множество таких, которые, имея сношения с ними по немаловажным делам, были свидетелями великодушных их поступков и благодарственных чувствований. Горе, горе только то, что никто таких примечаний не открывает.

Ежели и случилось кому заметить в некоторых из них что-нибудь противное, то по сему еще нельзя судить обо всех вообще; равно как находятся некоторые с разными пороками между

христианами, невозможно подобным образом судить обо всех единоверцах их⁷⁰.

Произведенные над иудеями чрез несколько веков мучения произвели в христианских народах не выгодное об них мнение, может быть, они сами тому причиною и, может быть, они сами покровительствовали их наглости? Итак, вы живете с народом, не зная сердца оного. Что же побуждает человека прибегать к подлости, низости и непозволительным занятиям, ежели не отчаянность в несчастьи и недостаток, коих лишены всех гражданских прав, отнятие всех средств к пропитанию чрез несколько веков, гнали, пролили их кровь, словом, довели их до такой крайности, что принуждены они были употреблять разного рода низкости, тонкости, дабы снискать себе дневное пропитание и вот до чего отчаянность доводит может даже просвещенных и благонаправленных людей⁷¹. Человек довольный не прибегает никогда к низкостям, требующим многих трудов, которых без сильных и побудительных причин никто не употребляет. Мы видим множество примеров, до чего доводит недостаток в естественных нуждах даже самых несмысленных животных, которые в таких случаях изменяют натуре своей. Рассуждают и даже самые преузнаменитые лица, якобы евреи по-напрасному ропщут о своем неблагополучии, то примечайте только бедствия, встречавшие их даже в последнем пятилетнем времени.

а) Изгнание оных из деревень в двух белорусских губерниях более 40 тыс[яч] душ обоего пола, кои и ныне почти лишены даже дневного пропитания⁷².

в) Столько же по сему предмету, полагать можно, таковых несчастливцев и по двум малороссийским губерниям⁷³.

с) Ежели не более, то по крайней мере столько же находилось по деревням около границы в пятидесятиверстном расстоянии⁷⁴.

д) Изгнанием из внутренних губерний винокуренных и водочных мастеров и разных ремесленников, кои снискивали без малейшего вреда другим там себе временное пропитание, тоже не менее как до 2000 семейств, и чрез внезапное переселение всех таковых в тех местах, где они бывають приписанными к ревизии, не только, что они не могут в скором времени придумать себе с семействами какого-либо способу к дневному пропитанию, но даже и те, кои прежде того ужились в тех местах, ныне чрез оных приходят год от года в нищету и самое расстроенное положение⁷⁵. В последней же степени стеснение для евреев было еще то, что воспрещено выдавать паспорта всем вообще без изъятия, даже и купцам, со дня обнародования рекрутского устава до совершенной отдачи повсеместно рекрут, то есть на трехмесячное время. Тем самым пресечено было и малейшее с кем нужно по делам сношение, и всякое занятие, и от того многие были лишены с

семействами способу к дневному пропитанию. Напротив того, известно, что евреи не могут иметь тех способов, кои вообще все помещики имеют к исполнению такового назначения. Итак, повинясь власти, принуждены были издерживаться наличными деньгами для отыскания из разных отдаленных мест приписных к ним людей на содержание оных вольнонаемной стражи для караула таковых и тому подобного. Вообще почти превысили платимую ими сию повинность деньгами, следственно, несчастливые евреи несли бремя повинности противу прочих вдвойне, и деньгами, и натурою, то по всему тому из чего бы иметь им силу какого-либо духа в какие-либо предприятия на пользу общественную, и хотя переменить сердца и мысли есть дело труднейшее в свете и требующее, может быть, долгого времени, но известно, что предприятия россиян имеют всегда быстрейшие и почти невероятные успехи.

Дух Севера взывает ваших дел. Итак, да утвердит он новую и блистательную эпоху, переменяв образ мыслей об уничтоженных и слезящих сыновей Израиля⁷⁶.

Неоспоримо, что нравы народов различны и что каждый имеет особенные нравственные склонности. Так и евреи, но нельзя признать, что сии склонности народу врожденные. Неужели натура производит людей уже прилепленными к таковым вещам, коих прелесть зависит только от предрассудков? Нет, воспитание всему причиною, воспитание зависит от распоряжения и привычки тех, которые дают оное и которых распоряжение зависит также от воспитания... Какая удивительная взаимность! Воспитание от распоряжения — распоряжение от воспитания. Какое же начало оной взаимности? Нет в природе действия без причины и нет причины без действия. Нравы народов образуются чрез стеснение разных обстоятельств, состояние нравов столько же необходимо по течению вещей в моральном мире, как естественные действия в физическом, когда мы не питаем вражды к человеку, удрученному телесными болезнями, а только сожалеем об нем, то имеем ли причину ненавидеть человека, страждущего душевными немощами? Нравственные болезни столь же удобны к излечению, как телесные, нужно только узнать настоящие причины оных.

Милосердый монарх! Желая излечить раны болезненных евреев, назначив третичный комитет⁷⁷ для особого рассмотрения сего обстоятельства и для прочего благоустройства сих несчастных, то как каждый врач при начатии болезненных излечений старается всеми мерами узнать причину и источник происхождения оной, так и по сему немаловажному предмету тоже необходимо нужно бы, до начатия нового действия, <на>ходить прежде в том недостатки и повод происхождения оных. Казалось бы, что главные в том причины состоят только в двух словах, как то:

«ненависть и презрение», при каждом случае к сему несчастному народу открывающиеся. Сии несчастные два слова истребить может единственно деспотический монарх действием благодетельного правительства, ибо когда только в чем-либо их противу прочих подданных ограничить в способах, то тем самым возрастать будет к ним паки всеобщая нетерпимость, и как с помощью всевышнего, кротости монарха и мудрости правительства Россия достигла уже до самой высшей степени просвещения, терпящего всех наций и религий без изъятия, то устранение дальнейшего затруднения в поправлении участи народа израильского состоит только в том, чтобы не разлучить промыслы и пропитание людей по части в разности в религии, но единственно по преданности и верности каждого великого семейства к своему государю и благоотечеству. Затем и еврейскому народу, до миллиона людей обоего пола, в России водворенных, о верности и преданности их, уже довольно испытанных, предоставить вольно с каждым иметь сообщение, уравнивать оных с прочими подданными, без малейшего в способах различия, первоначально на ограниченное время, потом бы токмо на 50 лет. И тем самым ненависть и всякое презрение к ним исчезнут навсегда, чрез что даже обычай их во всем перемениться может⁷⁸. А потом правительство в скором времени само собою более и более удостоверится в преданности сего народа за таковое неограниченное для них счастье и благополучие быть во всяком случае для Отечества своего всероссийского полезными и усердными. В чем служить может опытом устройство, к коему приведены уже евреи в разных государствах, как то: в Англии, Франции, Пруссии, Голландии и в прочих германских землях⁷⁹, кои, сохраняя их совести, не делая ни малейшей прикосновенности к ремеслам, допущены ко всему без изъятия способам и промышленности наравне с прочими подданными, чрез каковые необузданности достигли по части коммерции и по фабрикам в наивысшей степени, так что значительные из оных банкиры оказываются сверх тех государств даже и для всей Европы весьма полезными. Потому и видно, что чрез вольное сообщение с народами и обычай их переменились, достигли к цели надлежащей благодетельности, просвещения в науках для пользы даже всенародной, так что отличаются добродетелями и разными сочинениями, заслуживающими всеобщего одобрения.

Буде же все вышеизъясненные причины не могут еще иметь места для заслужения высокого внимания правительства, а полагает за все непременно учредить, в особенности для народа еврейского ограниченные правила, то по крайней мере со всевозможным снисхождением и кротостию не к дальнейшему их стеснению в способах, но с некоторыми приращениями для вечного блага оных.

К сему, казалось бы, почти за необходимое в <с>толь немаловажном деле, от коего так сказать, и участь до миллиона людей обоего полу с малолетними детьми сих навек зависит, принять в руководство высочайшее для управления Губерний учреждение «О нерешении участи многочисленных душ без депутатов», и сообразно высочайшего соизволения в том, при первом Комитете⁸⁰, и по таковому же в Царстве Польском, и донныне существующему⁸¹, позволить тоже избрать теперь депутатов или поверенных, хотя бы из каждых двух или трех губерний, в коих евреи имеют постоянное жительство, по сериозному благонадежному человеку, и именно: из Гродненской губернии и Белостокской области одного, из Виленской и Минской губерний одного, Курляндской и Лифляндской губерний одного, из двух белорусских одного, из двух малороссийских одного, Киевской и Волынской одного, Каменец-Подольской и Таврической одного, Екатеринославской и Херсонской одного же, а всего токмо восемь человек. Таковые должны быть избираемы обществом не иначе как из числа опытных и сведущих купцов первой и второй гильдий, знающих непременно хотя бы один российский язык, читать и писать, в случае же в том недостатка, то иметь им к себе таковых вроде товарищей или помощников из купцов третьей гильдии, и хотя бы из мещан.

Позволить оным беспрепятственное пребывание в С.-П<е-тер>бурге до окончания Комитетом всего об одних <оных> положения, дабы таковые могли бы по общему сведению о способах каждой губернии и обо всем прочем по известности им свойств и способности своего сословия, удостоиться с кем следует иметь личное объяснение.

И хотя оный Комитет, наверно, имеет в виду все от прежних депутатов в объяснении, но время оных и нужда может доказать на самом деле несоразмерные в том различия, а по крайней мере сим прекратиться может ропот и вопль сего народа, находящегося об участи своей в неизвестности, а тогда, в надежде на Бога и царя, что объяснением о всех их нуждах чрез своих собратий, правительство, наверно, не оставит без особенного внимания.

Между тем до прибытия оных могут служить к соображению хотя бы нижеследующие предметы, извлекаемые по обстоятельствам прошедшего времени в самом существе и представляемые возможную пользу.

1

Проект о постоянных дворах и прочем занятии по деревням

Во всех губерниях, от Польши к России присоединенных, от несколько веков немалое число евреев из посредственного, даже самого бедного, состояния находили способы к снисканию про-

питания себе по жительству их в заездных корчмах по разным деревням и селениям, состоящим тут же, нанятием у помещиков мукомольных и сукновальных мельниц, дойного скота, наконец в некоторых местах и необработанные земли для хлебопашества и сенокоса, при оных корчмах находящихся, и содержанием разных местных продуктов для продажи проезжающим и промышленникам. Проводили жизнь свою благополучно тем еще более, что евреи, живущие по деревням, не знали насчет одежды и прочего никакой прелести, так что в продолжение некоторого времени могли чрез таковую их экономию приобрести себе достояния и потом, хотя с помощью сродников, постепенно переходили в купеческое звание по разным городам и местечкам. Ныне же по часто делаемым начальством от нескольких лет насчет жительства евреев в корчмах разным переменам, не могут уже оные иметь по-прежнему никаких запасов мелочных продуктов, да к тому, по упадению купеческих промыслов, не токмо, что прежние, не могут уже иметь достояния переходить в купечество, но даже из самых купцов первой и второй гильдий по пресечении способов торговли для избежания увеличенных по городам и местечкам расходов, принужденны оставить там свои дома без возвратного вознаграждения по ненадобности в том других, и искать для дневного пропитания с семействами последние убежища по заездным корчмам. Затем, если всех таковых лишить <средств> внезапно, то значит отнять и последний способ в жизненном их дневном пропитании. К другим же занятиям еще никаких средств не имеется, а правительство тоже не принимает на себя оказать им в том какую-либо помощь (как то: в высочайшем рескрипте 1809 года января 5-го дня, на имя действительного тайного советника Попова данном, между прочим, о том упомянуто⁸²). В таком положении могут быть доведены до совершенного бедствия и несчастья сверх всякого чаяния, что многие тысячи семейств с малолетними детьми подвергнутся голоду, болезненному и даже смертному приключению, как уже о том по двум белорусским губерниям сие и признано было⁸³. А тогда все старания и попечения правительства могут быть тщетны. К предотвращению чего, по крайней мере, оставить сие на воле хотя самих помещиков, кои, кажется, не захотят быть причиною и свидетелями такого печального зрелища на местах в отнятии у них последнего куска хлеба без малейшего другим народам вида.

Поелику же в тех только одних губерниях, кои от Польши присоединены, производится продажа вина в самых заездных корчмах, кои должны служить единственно для проезжающих постояльми дворами, а не для собеседования крестьян тех деревень, где они, употребляя много вина, иногда чрез меру, тем приходят в леность и даже в неспособность к работе. Проезжающие же, по необходимости, останавливающиеся в корчмах для ноч-

лега, нередко терпят чрез то большие неудовольствия и даже неприятности в нужном им путевом отдохновении.

То казалось, что нисколько <не> может быть тем помещикам во вред или в тягость, если переименовать те корчмы в постоянные дворы, а продажу вина производить им отдельно, как то читится повсеместно внутри России.

Отдачи же таковых постоянных дворов и кабаков для продажи вина отдельно в арендное положение евреям или кому другому предоставить в том полной воле самих помещиков, яко властности в собственности их.

В казенных же селениях может зависеть сие от тамошних казенных палат по местному их рассмотрению, и когда сие признано будет правительством за удобное переименовать те корчмы в одни постоянные дворы, тогда уже жительство евреев в оных к тамошним крестьянам никакой прикосновенности иметь не может.

2

О деревнях по малороссийским губерниям

Малороссийские губернии одарены природным избытком всех продуктов и дешевиною во всех съестных припасах, весь народ живет там благополучно, в числе коих были и евреи. Но гнев Всевышнего, постигший те губернии в 1821 году, а вслед за тем в 1822 году и две белорусских скудным урожаем, обратился потом к одним только евреям запрещением по оным жительствова в корчмах по деревням и селениям⁸⁴. В толь краткое время опыт доказывает расстроенное их положение, что даже и самые крестьяне немало чрез то стеснены. Посему в первых двух губерниях почти каждый деревенский крестьянин имеет по несколько десятков четвертей хлеба для продажи, в чем составляет все его состояние, то, когда евреи имели жительство в корчмах, по связи оных с подрядчиками собратий их и даже с самими провиантскими комиссионерами, имели часто порученности в покупке для них провианта и фуража, чрез что и те крестьяне могли воспользоваться сим случаем в продаже своего хлеба довольно хорошими ценами. Ныне же, по отдаленности деревень от городов и местечек, крестьяне должны везти свой хлеб для продажи в одни только торговые дни и отдавать по какой бы цене ни было, дабы не прокормиться там и возвратиться поспешнее домой и к сельскохозяйственным занятиям. О горестном же положении евреев по двум белорусским губерниям само правительство довольно известно, и выше сего подробно объяснено о том бедствии, встретить могущем тамошних крестьян и даже самих тех помещиков. А как Всевышний пощадил уже потом тех народов как по двум малороссийским, так и по двум белорусским губерниям изо-

бильным урожаем, то не благоугодно ли будет правительству сим же утешить и несчастных тамошних евреев позволением возвратиться им на прежнее жилище по деревням и селениям, то же по воле и согласию самих помещиков, для содержания в аренде по трактам постоянных дворов, харчевен и тому подобных заведений, дойного скота, мукомольных и сукновальных мельниц и других оброчных надобностей, быть у помещиков поверенными, винокурами, разного рода ремесленниками и других услужениях сообразно надобности с свободным при них проживанием.

3

О позволении евреям несколько расширить жительство свое

Положением о евреях в 1804 году между прочим назначено по тогдашнему числу оных до 175 тысяч душ ревизских для жительства их тринадцать губерний⁸⁵. А как всякий народ времени от времени умножается, то и евреев в течение 23-летнего времени от издания того положения то же немалое число прибавилось. А сверх того, многочисленные евреи увлечены неприятелем из Царства Польского и прочих мест во время нашествия его в 1812 году в Россию, как потом добровольно остались на жительстве в России, в тех же самых губерниях, кои евреям для жительства назначены, и включены в общую ревизию по числу евреев, после того учиненному⁸⁶, так что ныне простирается число евреев противу прежнего больше, нежели вдвое. Да к тому и иногородние купцы, промышленники и ремесленники из разных мест России, даже самые иностранцы в немалом числе водворились в тех же самых губерниях, чрез каковое стеснение народу как торговлю, так и вообще всеми промыслами пришли до самой степени упадка. То по уважению к сим истинным причинам можно бы было позволить стесненным в тех местах евреям то же расширить несколько жительство свое, хотя только в одних граничащих с ними соседственных губерниях, как то: Псковской, Смоленской, Слободско-Украинской и Лифляндской, повсеместно, руководствуясь толико во всех отношениях Городовым положением № 104 и 110-м и Устава цехов 1799 года⁸⁷, учредить им таковых цехов, хотя бы отдельно от христиан независимо от оных, чрез что как торговли, так и все промыслы, а тем паче по способности заведения в тех местах разных фабрик и хлебопашества, предпринять может во всем оном живейший успех.

4

О помещичьих местечках

В помещичьих местечках издревле по общему и добровольному согласию евреи устраивали на собственном их иждивении дома, лавки, синагоги и богодельные здания, то дабы нынешние

в тех местах помещики и впредь от таковых в другие руки переходящие не могли бы без ведома правительства, самовластно наложить на евреев противу прежнего с ними положения никаких новых налогов, потому, во-первых, что при покупке ими тех местечек имели того от евреев получаемого дохода в виду, и согласились на покупку оного, во-вторых, поелику по местечкам главнейший их доход состоит в питейном откупе и провизионном сборе, каковой уже сам по себе увеличен противу прежнего почти в десять крат, а единственно по поводу торговли и промыслов евреев, там живущих, и к ним по сим предметам приезжающих из разных мест людей, сверх того, в-третьих, крестьяне тех помещиков, как живущие в самых местечках, так и прибывающие из их деревень на торговые дни по три раза в каждую неделю, получают чрез тех же евреев в продажу своих продуктов разного рода местных припасов неравномерные выгоды.

5

О запрещении содержания евреям в услужении крестьян

Запрещение содержания евреям в услужении крестьян не в пример более относится к женского пола самых крестьян, потому что из числа мужского не имеющих никакого хозяйства и хлебопашества старцы и дряхлые для заплаты помещикам своим оброчных денег и прокормлению себя отнюдь никаких способов более не имеют, как только нанимаются у хозяев в дворники, а женский пол, по большей части вдовы и сироты, тоже принуждены искать способы для прокормления себя посредством службы у хозяев. А как сословие дворянское почти все без изъятия имеют для услуги собственных людей, из русских же и иногородних купцов и промышленников, временно в тех местах большею частию пребывающих, живут в заездных и постоянных дворах, то по кратковременном их пребывании не имеют в заведении никакого хозяйства. Прочие, кои живут с семейством, те привозят работников и работниц из своих мест, из России, не находят надобности и затруднятся оным. Затем во всех тех губерниях, кои приобретены из Польши, те крестьяне не могут найти нигде более себе убежища, как только у одних евреев, и когда вышеизъясненные № под л<итерую>: Б. уже доказано, что ослабление христиан в религии их есть, в противность даже еврейского закона, то в уважение к сим крестьянам, несчастным жертвам бедности, казалось бы, что можно позволить им приискивать себе пропитание, где они могут найти, без изъятия, хотя бы и у евреев, тем еще более, что предоставляется удобность та, что крестьяне обоего пола, старые и дряхлые, не быв в состоянии отлучиться в какое-либо место отдаленное для услуг, находят ближе на самом месте своего жительства безнуждное и необходимое пропитание у евреев, с другой сторо-

ны, для легкомысленных в противузаконное покушение отвращением от религии довольно служить может страх закона, на сей предмет строжайше установленного⁸⁸, как и во всех прочих предметах государств, сие суть единое преградоу.

6

О торговле, промышленности и ремесленниках

Известно, что коммерция и торговля есть ветвь из одних важнейших предметов империи, и когда монархи всероссийские, пекущиеся о благе всех своих подданных вообще, без различия наций и религий, то, всеконечно, не пожелает и народу еврейскому истления, каковой даже во всех столицах земного шара [исключая токмо одну Гишпанию и Португалию] повсеместно в оных имеет настоящее жительство, дома, лавки, синагоги, без малейшего от других коренных подданных в торговле и промышленности различия. Россия же, отличаясь своею добродетелию противу прочих, оставляя всех в завоеванных провинциях разных наций народов даже на прежних их правах, как то: Швеции и Польши, то еврейский народ поступил в Россию в числе последнего <раздела>, не отлучить бы их тоже от прав и преимуществ, дарованных им от польских королей по разным конституциям, тем паче последнего из них короля Августа Понятовского⁸⁹, или присоединить их к всенародным российским правам безысключительно от всех коренных подданных. Если же сие невозможно, то по крайней мере позволить и сему народу наслаждаться беспрепятственно хоть временным пребыванием внутри России столицных и прочих городов по разным предметам, как то: по внутрироссийским городам для покупки там товаров, разных продуктов и оптовой продажи там таковых во всякое время года и по ярмаркам, на точном основании мнения Государственного Совета 29 мая 1814 года, в коем между прочим изъяснено сими словами: «Доколе не последует общего по сему предмету постановления, свободу торговли на всех в России существующих ярмарках вообще всем состояниям предоставить беспрепятственно на одно время продолжения оных, то же ремесленникам, мастеровым и чернорабочим людям в обеих столицах. Сверх того, по необходимой надобности, и именно по процентам и апелляционным делам Правительствующего Сената производящимся, по долгам и претензиям, следуемым от самой казны и от партикулярных лиц по подрядам поставкам и винным откупам, купцам первой и второй гильдий, поверенным и приказчикам их, как покупки и продажи товаров и продуктов, так и для покупки разных инструментов и краски для суконных фабрик, евреям в польских губерниях самими содержимых, а ремесленникам и художникам, хотя бы и на правах иностранцев, в тех местах без малейшего препятствия находящихся, увольняя

оных от бремени лишнего затруднения, чрез губернские правления сим делаемые, а быть им, как и прежде, равно как и прочие, подведомственными Управе благочиния.

Во время их там пребывания, равно как жены, так и дети их, для благопристойности имеют носить не все, конечно, немецкую одежду, но и национальную русскую без всякого от других таковых отличия»⁹⁰.

7

О губернаторских паспортах

Ограничение в непрерывном получении одними евреями на проезд внутри России и <в> столичные города от самих г<оспод> гражданских губернаторов паспортов сопряжено с большими затруднениями и с немалыми остановками, а тем более даже прискорбно для купцов первой и второй гильдии, платящих в казну значительные суммы гильдейских денег, да за бумагу паспорта особую и немалую пошлину, чтобы не имели с оными повсеместного свободного проезда и временного пребывания. Сверх того, часто случается купцам по коммерции и по прочим делам, и даже по обязанности с казною отлучившимся по разным занятиям в дальнейших губерниях с плакатными паспортами и даже в Царство Польское, куда с таковыми же ехать уже разрешено⁹¹, и там встречается экстренная надобность отправления самих или ж поверенных своих в столицы или в другие внутрироссийские города, то по отдаленности от жительства своего не имеют уже возможности в исходатайствовании тогда от г<оспод> гражданских губернаторов особого на тот предмет паспорта, в таком случае должны вовсе приостановить дела свои и нести немалозначащие убытки.

Тоже иногда случается по тяжёлым делам необходимая надобность поспешно отправляться в С.-П<етер>бург, тем паче имевшие процессы с помещиками, в коих иногда начальник губернии имеет сам участие, или же жалобу на губернское правление, где он сам председательствует, то все таковые не могут уже ожидать в получении такового паспорта ни малейшего успеха, чем всем таковым пресечен путь в искании от вышнего начальства справедливости и защиты, то по сим немаловажным причинам не исключить бы и евреев из общих узаконений, позволить прибытие их повсеместно с плакатными паспортами.

8

О несоразмерном стеснении евреев в г<ороде> Риге

Печатное положение [рижского г<осподина> генерал-губернатора на немецком языке]⁹² о несоразмерном стеснении евреев, торгующих издревле продуктами в г<ороде> Риге, нема-

люю причиною служить может к пресечению торговли продуктами там и в отнятии способа к пропитанию трудолюбивых евреев, в занятии их там с древнего времени тяжелою и черною работою. Потому, во-первых, называя евреев, живущих в разных российских губерниях иностранцами и купцами первой и второй гильдии, назначает первоначальный срок пребывания их в г<ороде> Риге только 8 дней, кои потом должны оставлять свою торговлю, а заниматься токмо по части требования отсрочки по мере надобности, каковая сопряжена с особенными затруднениями. Во-вторых, требуется как от купцов, так равно и от чернорабочих людей, прибывающих работниками на судах и плотях, чтобы непременно имели губернаторские паспорта, о чем в высочайше подтвержденном Положении о евреях в 9-й день декабря 1804-го года об г<ороде> Риге вовсе не упомянуто, а токмо для пребывания внутри России и в столицах. Тем более сие затруднительно для рабочих людей, кои не могут иметь даже в том никакой возможности, потому что едва ли успевают отыскивать таковой работы, иногда при самом отправлении судов и плотов, тогда время уже нисколько не терпит в исходатайствовании себе таковых паспортов. В-третьих, назначая квартиру для всех прибывающих там евреев, тесниться непременно только в особенных трех домах под названием «жидовский гербирг»⁹³. Сверх подобные тому притеснения между прочим, уполномочивая в § 51-м собственного своего положения под л<итерою>: С. Р. тамошнюю полицию, за ненаблюдение вышеизъясненных его правил наказать евреев телесным наказанием по 50-ти ударов палками [что неоднократно и было исполнено], каковые жестокие его и самовластные наказания и без ведома правительства положение нисколько не сообразно с российскими узаконениями и ни с шведскими правами, ибо если за несколько веков пред сим и положено бы было какое-либо ограничение насчет пребывания евреев в г<ороде> Риге и назначены были, может быть, тогда иностранцами, то единственно по поводу, что те губернии, в коих они доньше жительство имеют, принадлежали тогда к польскому, а Лифляндия — к шведскому владению⁹⁴, понеже как сама Лифляндия, так и те области находятся вообще под одним скипетром всероссийским, не принадлежат более к названию иностранцев, а могут наравне с прочими подданными всероссийскими питаться монаршею милостью и в г<ороде> Риге. А напоследок, как упомянутое его положение учинено токмо им самим без утверждения верховного правительства, можно бы все оное уничтожить и позволить евреям продолжать там торговлю и прочие занятия на том самом основании, на коем пользовались до вступления его в сию должность более полувека, то же и с плакатными паспортами. За всем тем предположение к освобождению чернорабочих от правил, служащих им тяжестию, что еще

более приохотят их к трудолюбию, как в портовых местах, равно и великороссийских губерниях без изъятия, и в столицы можно дать им льготу в некотором разделении насчет пошлин при выдаче плакатных паспортов, ибо занятие их не составляет таковой выгоды, какая извлекается по другим частям, обязанным одинакою платою за паспорта.

9

О хлебопашестве

Правительство непременно желает, чтобы евреи занимались и хлебопашеством в тех местах, где они имеют настоящее жительство, на каковой предмет довольно количество свободной земли указано будет к отводу. Но уже опытом доказано, что даже во время вызову из-за границы иностранных поселенцев до отводу им назначенной земли терпели по несколько лет даже в пище большой недостаток, чрез что многие из них и удалились в разные места для снискания себе какого-либо пропитания. В отвращение же таковых бедствий и для евреев необходимо нужно до начатия переселения их предварительно удостовериться в точности земли и удобности жительства на местах. А потому не благоугодно ли будет правительству для вящего успеха учредить, во-первых, в С.-Петербурге Канцелярию опекунства для переселенцев евреев, согласно таковому же для иностранных колонистов в 1763-м году июля 22-го дня учрежденному и высочайше утвержденному⁹⁵, и для избежания в сем случае видимой издержки на содержание Канцелярии, можно возложить сие хотя на С.-Петербургское Экономическое Общество⁹⁶. Во-вторых, таковое же правление под названием Конторою по всем тем губерниям, в коих евреи имеют жительство, в которое определить из самих евреев два человека сочленами для того, чтобы, по известности им более свойства своего народа и способности их, могли бы они доставить в оную контору об всех точное сведение и потом им же отправиться обще с землемерами на места, где для отводу по числу семейств окажутся удобные земли, и для прочего заблаговременно приготовления нужного там устройства, коим назначить жалованье на проезд по мере надобности.

Относительно определения для таковых поселенцев временной со стороны казны ссуды и о количестве земли на каждую душу предоставить им воспользоваться существующими на то узаконениями по сему же предмету для иностранных колонистов в 1762-м году декабря 4⁹⁷ и 1763 годов июля 22 дня⁹⁸, высочайше утвержденными.

Поелику таковое прочное устройство требует несколько лет, то можно бы было для предохранения от голоду многочисленных семейств бедных евреев впредь до настоящего там устройства и

дабы приучить оных к такому для них новому занятию снабдить всех таковых между тем хлебопашественными землями при каждом городе тех губерний, где они жительство свое имеют, в двойном количестве находящимися, дабы могли тем прокормиться с семействами своими, кои по образованию в том и когда достигнут в тех годах несколько урожайного времени, могут иметь способы потом сами по себе переселяться в дальние губернии без всякого употребления на то от казны денежной ссуды. Впрочем? оспособля хозяйственные действия евреев, необходимо нужно селиться на пустопорожних землях казенного имения, в каждой губернии находящихся, лишь бы имели нужные к тому удобства, при реках и лесах, и на постройку же жилищ отпустить казенные леса. Также позволить каждому семейству применять в услужение себе одного сельского крестьянина для узнания чрез оного в точности хлебопашечного упражнения на основании § 14 Положения 1804 года, но отнюдь не долее, как на первые два или три года. Платеж в казну по истечении первых 10-ти льготных лет в преимущество и льготу в платеже казенных податей оставить на точном основании § 18 помянутого Положения 1804-го года.

Напоследок, в-третьих, по рекрутскому набору от христиан не сделано ни малейшего ограничения насчет тех из них, кои занимаются хлебопашеством, и токмо об одних евреях в изданном уставе об отправлении ими вновь таковых повинностей в натуре между прочим в § 64 и 65 изъяснено: «Евреи, переселенные в значительном числе на особых землях для упражнения в хлебопашестве, освобождаются от рекрутской повинности с детьми на 50 лет, а занимающиеся земледелием в малых обществах увольняются от оной повинности на 25 лет»⁹⁹, из чего явствует предпочтительное желание правительства даже противу рекрутской повинности приохотить евреев наиболее к земледелию, то поелику еврейский народ торжественно принял бы на себя при каждом наборе вместо одного рекрута представить добровольно целое семейство к переселению в значительном числе на особых землях для упражнения в хлебопашестве, кроме казенных лесов на постройку жилья, не требуя в наличности от оной никакой суммы, а примут на себя как путевые на них издержки, так равно водворение оных на новых местах, снабжение оных нужным числом волов и лошадей и на прочие надобности из числа платимого ими до сего за рекрута деньгами по 500 <рублей>, что по примеру нынешнего набора с 500 душ два рекрута составило бы суммы до 800 ты<сяч> руб<лей>, то и весьма достаточно могло быть на употребление по числу душ всех евреев до 1600 семейств и так далее, совокупно с тем. Поелику сии деньги суть казенные, то, дабы таковые могли совершенно поступать в казну, самые поселенцы примут на себя обязанности взнести оные по принадлежности таким образом, то есть по истечении обыкновенных

10-ти льготных лет платить ежегодно по равной части. В чем, однако, сии обязанности могут оставаться на ответственности всех обществ еврейских, каждое за свою часть по расчислению отдельно.

10

О способе употребления евреев при армии

Выше сего, в изъяснении V, упомянуто, что победа над неприятелем бывает не всегда одними орудиями, а иногда более чрез точнейшие сведения о нем, расположении и намерении оного, в чем уже евреи довольно оказали в 1812-м году свое усердие, о коем даже самому монарху лично тогда было известно во всей подробности, и по возвращении в г<ород> Вильно в генваре 1813-го года всемилостивейше соизволил усчастливить евреев собственноручным Высочайшим начертанием «С благоволением принимаю службу народа еврейского и его кагалов, надеюсь, что они оправдают мое доверие к ним»¹⁰⁰. А сверх того, в 29 день июня 1814 года № 37 посредством генерал-адъютанта князя Волконского¹⁰¹ письменно объявлено сими словами: «Государь император, изъявляя высочайшее свое благоволение кагалам за усердную и ревностную службу находившихся при Главной квартире его императорского величества депутатов, повелевает прислать тех самых или таковых же и в С.-П<етер>бург»¹⁰². Следовательно, если правительству благоугодно будет уважить изъяснение в предыдущем проекте насчет повинности евреев, то определить вместо одного рекрута целое семейство для упражнения хлебопашеством. А сверх того, при открытии кампании можно будет сделать насчет употребления оных при армии особыми поручениями надлежащее в том положение, как то: возложить на всех вообще еврейский народ или кагалов оных о доставлении евреями на сей предмет опытных людей в особо хорошем поведении для нахождения оных при Главной квартире и таковых же корпусных и дивизионных, и даже при каждом отряде, сколько по исчислению главнокомандующего армиию воспотребуется, назначив всем таковым для них с семейством оных нужное содержание, по мере надобности.

Притом для ободрения оных к достижению в том немало важном предмете вящего успеха, необходимо нужно удостоверить оных в свободном и беспрепятственном отправлении своей религии и прочих обрядов, и даже что не обязаны будут в costume своем сделать какую-либо перемену, а тем более потому, что в своей древней одежде они могут еще преимущественно под разными видами достигнуть к надлежащему успеху.

Хотя сии занятия, как всем небезызвестно, есть не менее противу вооруженных сопряжены с жизненною опасностью, но

известно и то, что еврей, коль скоро ни в чем не нарушает его закон и обряд, готов при каждом случае предать себя на жертву отличнейшим усердием для своего государя на пользу благоотечества всероссийского.

11 О фабриках

В Положении 1804 года, между прочим, в 20-й и 21-й статье предоставлена евреям свобода и преимущество в заведении фабрик наравне с прочими подданными российскими, с одобрением оных денежною ссудою без залогу, ограничиваясь, однако ж, в том поручительством других евреев благонадежных. Возобновлено о том же 1808 года июля 30-го дня высочайше конфирмованном докладе г<осподина> министра внутренних дел, в коем, между прочим, в 1-м и 2-м пунктах изображено о том сими словами: «Что евреи без привычки и склонности к земледелию, с одной стороны, а с другой, не имея по бедности средств к построению себе жилищ и прокормлению себя с семействами в городах и местечках, охотно обратятся в фабрики, где, вероятно, работа доставит им тотчас верное пропитание, нужно только теперь отпустить капитал для произведения оных ссуд, а желающие заводить фабрики как из помещиков, так и из евреев, без сомнения, отыщутся, коль скоро сия мера учинится известною. Сверх того, могут заведены быть в Малороссийских и Новороссийских, равно как в Астраханской и Кавказской губерниях, посредством евреев на основании изданного об них в 1804-м году Положении и полные суконные фабрики, поелику им во всех тех губерниях селиться дозволено. Потребные к тому мастера должны быть вольнонаемные, а работники так вольные или из приписных евреев»¹⁰³.

Поелику же правительством о несостоятельности почти всех вообще евреев ныне более приведено в известность и потому что еврей собственным иждивением никаких фабрик устроить <не могут>, и под поручительством других благонадежных евреев назначенною со стороны казны ссудою воспользоваться не могли, то ныне единственное только в том средство, когда правительство всеми мерами старается в умножении повсеместно разных казенных фабрик, то не благоугодно ли будет учредить таковые и в западных губерниях, кои одарены природою разными тому нужными способами и где много тысяч душ бедных евреев обоего полу, и даже малолетние их дети, по недостатке там рабочих людей, питаться могут по сему случаю работою рук своих, а при назначении таковым достаточного содержания, наверно, не преминут употребить своей прилежности в том, так что в непродолжительном времени немалое число оказаться могут в подмасте-

рях, и даже [в] самые фабриканты способными и тем способом евреи иметь будут возможности потом сами по себе возобновлять для всенародной пользы разные фабрики, на каковой предмет сама необходимость требует обещать евреям некоторые льготы или преимущество к вящему оных поощрению, ибо по опытам известно уже, чем более правительство оказывает расположение, тем подданные его один против другого, помимо всех их затруднений, силится и достигает усовершенствования своей цели, составляющей общественную пользу.

12 О коробочном сборе

В высочайшем положении о евреях¹⁰⁴, § 50, между прочим, изображено: «Чтоб избрать кагалных членов на три года с утверждением начальства для сбора казенных податей». Обязанность сия часто остается за теми, кои не имеют ни торговли, ни верного пропитания, а из числа состоятельных людей по занятиям их торговлею и промышленности стараются всемерно от таковой обязанности удалиться, почему к первым теряется общества уважение, и чрез то последовала во взыскании казенных податей значительная недоимка. Для лучшего же обеспечения впредь взыскания оных податей можно предпочесть способ, имеющийся во всех без изъятия городах и местечках, издревле устроенный самими евреями под названием «коробочного сбора», собираемый при резании по еврейскому обряду скота, птиц и сему подобного, каковой доход повсеместно учрежден единственно для уплаты из него казенных податей, то по слабому распоряжению тех кагалных членов оным доходом, и по употреблению ими из одного для уплаты за них повинностей, и для прочих по обществу надобностей, оказались в уплате настоящих казенных податей большие недостатки. Засим если сей доход зависеть будет от непосредственного распоряжения самих казенных палат, отдавая оный ежегодно тем же евреям с публичного торгу на законном основании на откуп платежом тех денег не кагалам, а токмо прямо в уездное казначейство, то сим, наверно, все казенные подати повсеместно без доимочного из одного дохода могут быть уплачены, как то по всему Царству Польскому таковой же доход еврейской и понеже отдается тамошним начальством также евреям чрез публичную лицитацию¹⁰⁵ на откуп, чем заменяются все следующие от них в казну подати. В случае же по каким бы обстоятельствам сей доход оказался недостаточным, то тогда возложить на то общество увеличить оный доход по мере надобности новыми способами, предоставить, однако же, в том собственно общества распоряжение без участия в том местного начальства, лишь бы доход сей на тот предмет был достаточен.

Засим, когда упомянутый коробочный сбор поступит в казенное ведомство, тогда уже евреи никаких других источников иметь не могут в уплате взимаемого дворянскими маршалами, по числу душ евреев ежегодных податей под названием земских повинностей для поставки на почтовых станциях лошадей, починку дорог и сему подобного. А как сии повинности относиться могут только на счет дворянства, имеющего собственных крестьян и лошадей, то не благоугодно ли будет правительству евреев от упомянутого налога впредь уволить. Буде же сие невозможно, то евреям, яко соучаствующим в сем сборе в каждой губернии на немалую сумму, следовало бы, по крайней мере, в настоящем распоряжении оным сбором иметь со стороны своей каждой губернии хотя по два депутата или же предоставить сие членам магистрата или градской думы губернского города, из числа евреев определяемых. А напоследок, по крайней мере, не исключить евреев по сему предмету из общих правил и не запретить им находиться при торгах в казенных палатах во время отдачи таких станций, и когда цены ими объявлены будут выгодные для пользы общества, тогда оставить таковые за ними повсеместно и беспрепятственно; ибо со времени содержания евреями почтовых станций ни от кого из числа проезжающих не последовало в неисправности их каких-либо жалоб начальству, а против того, всем таковым без изъятия известно, что не токмо казенные, но даже партикулярные люди отправляются на оных со всею возможною поспешностию, без всяких прижимок постановки в лошадях, каковые у них имеются всегда сверх назначенного количества для сбережения оных от усталости. А обнесены в том пред правительством одними только губернскими маршалами Белорусской губернии; по вышеизложенным причинам ненависть их к евреям, а может быть, и для того, чтобы уездные маршала в содержании всех таковых станций по такой цене, по каким им самим определить угодно будет, не имели бы при торгах чрез понижение евреями в ценах ни малейшего препятствия, ибо даже и доньше большая часть оных в содержании самих тех маршалов, то как содержание почтовых станций евреями никому не во вред, а напротив того, приращение пользы общественной из того источника, что еврей, вступая в торги на содержание станций, ищет дневное пропитание, не имея в соображении надобностей, приличных званию помещика. Следственно, казалось бы, что можно оставить их и впредь повсеместно при тех промыслах позволить иметь поверенных, писарей и ямщиков из евреев или христиан на прежнем основании, ибо самим содержателям и прочим необходимо нужно иметь жительство или временное пребывание в самих почтовых станциях для отправления во всякое время пассажиров.

14 О кагалах

Когда выше, в 11-м пункте изъяснений, способ для взимания с евреев всех казенных податей с коробочного сбора заслуживает внимания правительства, то к лучшему устройству гражданской части между евреями предоставить им выбор кагалов на прежнем основании [до издания об них в 1804 году Положения], существующего на одногодичное время и без участия в том местного начальства, тогда уже не откажутся даже самые почтеннейшие из оных принять сию обязанность на себя. К тому нужно объяснить издревле существующие, что значит обыкновенное слово «кагал» не что иное значит, как «собрание»¹⁰⁶, т. е. избираемые лица целого общества по добровольному согласию из ежегодно первенствующих жителей в предстательство по разным общественным обстоятельствам и предметам, как то:

а) иметь бдительное наблюдение, чтобы все казенные подати своевременно были вносимы;

б) в исходатайствовании от лиц оного у начальств и разным инстанциям по встречающимся в том часто надобностям;

с) разбирательство маловажных между собратий своих споров, вроде словесных судей¹⁰⁷ [по всей России существующих]. Тут же содержание духовного суда и прочих духовных служителей, к религии принадлежащих, под ведомством оных состоящих;

д) в преподавании помощи неимущим и больным, сиротам, вдовам и даже в погребении умерших и сему подобного благочиния, ими же от себя на разные части разделяемого. А по истечении года отдается в том обществу надлежащий отчет, то для обольщения в принятии на себя таковой обязанности из числа самых первенствующих необходимо нужно предоставить сей выбор как по городам, так и местечкам, по-прежнему самому обществу, без малейшего в том и в отчетах со стороны местного начальства участия. В поощрение общества еврейского их к усовершенствованию его действий в отношении благодеяния совершенно неимущим вдовам, сиротам и больным зависит необходимая ссуда из градских сумм и приказов общественного призрения наравне с прочими подданными.

15 О школах или пансионах

Для лучшего благоустройства еврейского народа в общежитии, просвещении и нравственности, совокупно для усовершенствования способов по коммерции и разным промыслам, завести школы на основании высочайше утвержденного доклада г<осподина> министра народного просвещения в 14 день февраля

ля 1827 года об заведении таковых для татар¹⁰⁸, а буде сие невозможно, то учредить хотя на собственном их иждивении по всем городам и знаменитым местечкам училища или пансионны для обучения юношей их грамоте российской, немецкой, польской, а ежели успеют, то и французской, сверх того, и наукам, в коммерции нужным, составляя из учеников комплект по губернским городам не менее, как на сто человек, а по уездным и значительным местечкам по числу ревизских душ с каждых ста по два ученика без различия лет и возраста оных; иметь им на то число нужных учителей, и коих преимущественно избрать из самих евреев, если окажутся в том способными. Всем таковым училищам и пансионам находиться под особенною защитою и покровительством самих г<оспод> гражданских губернаторов; и общества как в суммах на сей предмет собираемых, так равно и об успехах оных должны будут им же лично отдавать надлежащий отчет. На первый же случай до назначения и избрания обществом на то особенных доходов, для поспешнейшего содействия по сему предмету, позволить им взять взаимобразно из коробочного сбора единовременно всеместно по двести рублей. Буде же евреи в течение первого года после обнародования сего сами не убеждены будут учинить в том надлежащее распоряжение, тогда г<оспода> гражданские губернаторы могут устроить таковыя на их счет, назначая по мере надобности по числу душ их на то годовой доход. По окончании же учениками своих курсов, буде пожелают удостоиться приличного в том экзамена, то для поощрения таковых даровать им преимущество, чтобы по получении в том надлежащих аттестатов исключить их из мещанского оклада и представить им право пользоваться купеческим третьей гильдии бесплатно. Вместе с открывающимися способностями не понуждать учеников ходить в училища более четырехгодичного времени, а преимущество, обозначенное для них в Положении 1804 года, или купеческое звание предоставить получить по желанию их. Сверх того, те, кои способны будут к письмоводству и пожелают определиться по канцеляриям в тех местах, где собратия их находятся сочленами, как то: в градские думы, магистраты и полиции — могут быть приняты с определением жалованья наравне с прочими по установлению, а потом могут достигнуть и сочленами оных. Впрочем, не возбраняется им заниматься по письменной части в других канцеляриях, буде сочлены оных пожелают. Сверх того позволить таковым же определиться в комиссионеры и помощники по соляной части на основании высочайше утвержденного положения для временной Комиссии о снабжении солью государства в 19 день сентября 1810 года, в котором между прочим в § 4-м изображено: «Комиссионеры и их помощники избираются также из людей, совершенно знающих

сие дело, несмотря ни на чины, ни на состояние, они могут быть принимаемы из градских обществ»¹⁰⁹.

16

О подтверждении свободного отправления евреям с детьми их повсеместно своей религии и обрядов

Нельзя скрыть соображение о том, что в числе евреев, как и в прочих народах, есть такие, которые или по собственной простоте, или по убеждению других станут мыслить, чрез что учение детей их в школах и пансионах, могут быть по молодости своей отвлечены от Моисеева закона, то обнадежить их торжественно в дарованных им пред сим высочайших правилах относительно терпимости их религии, и что могут свободно отправлять везде, публично, свойственно своей религии, молитвы и прочие обряды как на месте жительства их, так и во время пребывания оных внутри России и в столицах, без малейшего со стороны правительства и полиции в том препятствия, и посему дети их могут находиться в училищах или пансионах, в назначенных ими самими каждодневно часах [исключая праздничных и субботних дней], и коих не должно учить там ничему, противному Моисееву закону, достальное ежедневное время употребить родителям их или родственникам по своему усмотрению, как для обучения закону божию, так и национальной грамоте и сему подобного; и даже во время хождения тех учеников в школы и пансионы могут употреблять свою одежду без малейшей ни в чем перемены. Наконец, как святость религии есть главным основанием верности и преданности к Отчеству, то нельзя же ослаблять и еврейскую религию, а насчет духовного сословия требуется еще некоторое подкрепление, именно: сверх одного раввина могут иметь повсеместно двух или трех наставников религии в звании их «моуре», «герае»¹¹⁰ и «магид»¹¹¹, и от трех до пяти почтеннейших лиц так называемого «бездин»¹¹² в звании духовной словесности. Суд, возможно, наказал, чтоб каждую поступившую на него жалобу по части религии, общежития и словесные, денежные споры, исключая поголовные и прочие противу начальства преступления понуждать посредством градской и земской полиции, дабы явился в оный суд, а в неудовольствии их приговором может каждый взять апелляцию в присутственные места по принадлежности.

17

О неперменной обязанности еврейским купцам знать российской и прочей грамоте

По истечении шестилетнего времени от обнародования нового о евреях положения, кто пожелает тогда вновь записаться в купеческое звание, должен быть непременно грамотный, имен-

но: в третьей гильдии должен знать хотя бы одной русской грамоте, во второй гильдии к тому же и польский, да в первой гильдии сверх того непременно и немецкой грамоте без того, чтобы не могли пользоваться преимуществами, купцам принадлежащими.

18

О выборе в члены магистрата и думы не из мещан, а токмо из купцов

После сего же в члены магистрата и градские думы избирать из евреев, не из мещан, а из купцов по губернским городам в ратманы¹¹³ и шестигласные из купцов третьей гильдии, а бургомистров и градских голов из первой, а не иначе из второй гильдии. В уездные же города, буде нет никого из них во второй гильдии, то всех таковых избрать хотя из купцов третьей гильдии и, как выше уже изъяснено, то само по себе все таковые будут знающие российской грамоте, во время же нахождения их в оной должны носить им непременно национальную русскую одежду.

19

О раввине и прочем духовном названии

Относительно избрания раввина по Положению 1804 года нужно присовокупить, чтобы, сверх согласия общества того города или местечка, иметь ему хоть от некоторых раввинов письменное удостоверение о способности его в сем звании и чтобы знал хотя бы несколько российской грамоте¹¹⁴.

20

О неплатеже впредь в Царстве Польском собираемого дохода токмо с иностранных евреев, называя российских таковыми же

Облегчая участь евреев в воззрении на терпимость жалкого состояния, не будет излишним, но суще справедливым постановить правилом, чтобы прибывающие на время по торговле и промышленности в Царство Польское живущие в России евреи были освобождены от взыскиваемой тамо якобы с иностранных евреев подати, называемой глейт, и за ежедневные билеты¹¹⁵.

21

О нахождении при следственных делах евреев членов магистрата из числа оных повсеместно

Необходимо нужно постановить правилом, чтобы при всех вообще следствиях, в которые будет входить еврей, находился один член магистрата из еврейского общества депутатом, руководствуясь, во всяком случае, законным правилом.

О позволении находиться в С.-Петербурге поверенным от всего народа еврейского

Обращая внимание на дела еврейского общества, требующих призрения от правительства без посредства местной власти и дабы ускорить оными, не возбранить сему народу иметь от лица своего уполномоченных, двух или трех почтеннейших лиц из купцов первой или второй гильдии, с помощниками, писарями и служителями во всякое время в столичном г<ороде> С.-Петербурге для объяснения всех нужд своего сословия пред правительством. По истечении же каждых трех лет общество может уполномочить тех самых или других на место оных, по собственному общества желанию¹¹⁶, назначая всем таковым приличное жалованье и содержание раскладкою по числу душ оных, но отнюдь не более как по пять копеек на каждого ассигнациями.

Заключение

Все изложенные в сем кратком изъяснении доводы прошедшего и настоящего события с народом еврейским, во множественном числе одного удостоверяют всех и каждого, что народ сей не имеет у себя постоянных способов, терпел и терпит бедствия более народу его названия, чему он повинуется провидению Всевышнего и власти правительства. Но, быв сотворен естественно с людьми других религий, чувствует горести одинаково, он давно стонет за постоянными способами промышленности, но цель сия по различным стечениям не доходит до точки спасения, оставляя народу еврейскому, питаясь надеждою о его благоустройстве, повторять одни и те же терпения. Что не представлялось к утешению в несколько времени, то не осталось запечатленным на своем месте, но к вящему прискорбию евреев усилились ненавистие и презрение от других и единоплеменных понятием почти по одним мыслям, а не по точному обследованию вины, и сгоняют с твердого места на место зыблемое тысячи семейств, не имеющих даже дневного пропитания, которое бы могло поддержать силы к перенесению одного лишь повинования, забыв уже о том, что веками приобретенные трудами в поту лица при изгнании все пропало, умирают невольны и ждут лишь одного священного взгляда и покровительства милосердного своего монарха. Бог вручил ему сей бесприютный народ, и он ждет отеческой его пощады.

Повергаются сии изъяснения в надежде, что правительство не оставит войти в ближайшее рассмотрение и соображение с теми, доселе с 1820 по 1828 год в разные времена изданными в особенности для евреев постановлениями, кои представляют им

тяжкое изнеможение и желание одного какого-либо постоянно-го с ними окончания, когда же не в отменение вовсе сих постановлений, то хотя бы впредь до повеления о приостановлении их ходатайствовать высочайшее соизволение.

Напоследок, в отношении Положения о евреях 9-го декабря 1804 года для облегчения участи их исключить статьи с 30 по 39-ю¹⁷, а прочие, с некоторыми переменами сообразно сему изъяснению, оставить в своей силе.

ГА РФ. Ф. 109. Сл. Оп. 3. Д. 2312. Л. 1–39. Писарская копия.

---

¹ Имеется в виду Екатерина II, российская императрица (1762–1796). Ср.: «Благородные Россияне! — деяния ваши чрезвычайны; величие подвигов ваших уменьшает или совсем уничтожает уныние побежденных вами народов. Никому не постыдно быть вами покоренным, вам превышающим самый Рок. Когда вы повелеваете Року, — и Рок опускает долу тяжкий и страшный свой жезл; то повелите ему, да престанет он гнать народ Иудейский! — Ведаю, что переменить сердца и мысли есть дело труднейшее в Свете и требующее, может быть, столетнего труда; но ведаю и то, что предприятия Россиян имеют всегда быстрейшие и почти неимоверные успехи. Дух Севера взыскует великих дел, и так да утвердит он новую и блистательную Эпоху, переменяв образ мыслей об униженной и слезящей дщери Израиля!» (Невахович Л. Вопль дщери иудейской. СПб., 1803. С. 48–49).

² Ср.: «Иудей униженный, бывший игрлищем злости и своевольтва, гонимый ужасными волнами раздраженного Рока из одного края земли в другой, — вдруг увидел себя лежаща на берегах России. Он лежит еще бездыханен, как вдруг солнце милосердия уже согревает его; — тут является Богиня — и златыми крылами осеняет злополучного; — он воскресает.» (Невахович Л. Вопль...С. 62). В результате разделов Польши при Екатерине II (в 1772, 1793, 1795 гг.) евреи, населявшие ее восточные регионы, стали подданными Российской империи.

³ Ср.: «...избавленный несчастливец изумляется от толь внезапной благодати Небес, и не находит слов для изъявления чувствуемой им признательности; слезы радости орошают бледное лице его. — Прежнее название, учинившиеся толики презренным и поруганным уже отменяется... и украшается почтенным нарицанием Еврея» (Невахович Л. Вопль...С. 62–63).

В указах Екатерины слово «еврей» вместо «жид» стало использоваться с 7 января 1780 г., см.: ПСЗ I. Т. 20. № 14962; вместе с тем слово «жид» оставалось в употреблении в императорских указах, в основном для обозначения польских евреев. Вопрос об оценочном значении слов «еврей» и «жид» в описываемый период является дискуссионным.

⁴ Ср.: «Невозбранно позволяют ему отправлять древнее свое Богослужение, за которое до селе единственно так угнетаемо было его сердце» (Невахович Л. Вопль... С. 63). Возможность «всем и каждому свободного отправления веры» декларировалась «Плакатом» первого генерал-губернатора Белоруссии графа З. Г. Чернышева (ПСЗ I. Т. XIX. 13 850. 16 августа 1772 г.).

⁵ Имеется в виду сенатский указ от 21 января 1786 г. «Об ограждении прав евреев в России, касательно их подсудности, торговли и промышленности» (ПСЗ I. Т. XXII. 16391. 7 мая 1785 г. В ПСЗ указ приводится не полностью и с неверной датой). Таким образом, автор проекта неверно датирует указ. Одни положения указа (о суде, об участии в местном самоуправлении) были направлены

на интеграцию евреев в российское общество, другие (закрепление за кагалом права распределения податей и выдачи «лицензий» на производство и продажу алкогольной продукции) должны были способствовать развитию еврейской автономии и укреплению власти кагалов. Еще одной целью указа была попытка урегулирования отношений между евреями и остальным населением. В производстве и продаже спиртных напитков в городах евреям было отказано. Помещикам предоставили свободу отдавать винокурение в деревнях на откуп по собственному усмотрению, в том числе и евреям. Евреям было разрешено записываться в купечество только на территории Белорусского наместничества. Кагалом было предоставлено право «беспрепятственно» осуществлять распределение податей и сборов. Запрещалось принудительное переселение еврейских купцов и мещан из деревень в города. Им разрешалось проживать в уездах по паспортам и заниматься там производством и продажей алкоголя по контрактам и с разрешения кагалов. При выборах в органы местного самоуправления иудеи уравнивались в избирательных правах с христианами. Указ также содержал обещания справедливой компенсации за снесенные еврейские дома и обуздания помещиков, притесняющих проживающих на их землях евреев-арендаторов.

⁶ «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» (ПСЗ 1. Т. XXII. 16 188. 21 апреля 1785 г.). Евреи как особая группа населения в указе не упоминались, однако особо оговаривались права «иноверных» и «иностранных» на представительство в органах местного самоуправления и судопроизводство на родном языке.

⁷ Ср.: «Его уравнивают в правах с прочими гражданами сея благополучная страны, Его удостоивают занимать место в судилищах, дабы сам мог решить участь своих собратий по благословенным законам сего, толико кроткого Царствия» (Невахович Л. Вопль... С. 63).

⁸ Еврейские купцы, приезжавшие на ярмарки в Москву и Смоленск, записались в купечество этих городов, воспользовавшись отсутствием специального ограничения на этот счет. 24 декабря 1789 г. по просьбе нескольких смоленских купцов-христиан указом Сената Смоленскому наместническому правлению, евреям было запрещено записываться в смоленское купечество на том основании, «что о свободной их записке в купечество и мещанство по другим городам, кроме белорусских губерний, особого высочайшего повеления нет». Данным прецедентом воспользовалось московское купечество, возбудив дело о правомерности еврейской торговли в Москве (см: «Московское изгнание» евреев 1790 г. / Публ. Д. З. Фельдмана // Вестник Еврейского университета в Москве. 1996. № 1. С. 172–177).

⁹ В соответствии с указом «О предоставлении евреям прав гражданства в Екатеринославском наместничестве и Таврической области» от 23 декабря 1791 г., «евреи не имеют никакого права записываться в купечество во внутренние Российские города» (ПСЗ 1. Т. XXIII. 17 006).

¹⁰ Указом Сената от 3 августа 1800 г. евреям было запрещено записываться в петербургское купечество и мещанство на основании указа 1791 г. (см. выше примечание 9), однако было позволено вести оптовую торговлю исключительно «через приказчиков или комиссионеров из русских купцов, дабы чрез то воспользовался жалованьем или некоторой частью барыша россиянин, а не еврей». Отметим, что Камеральный департамент Санкт-Петербургского городского правления настаивал на полном запрете на торговую деятельность евреев в столице.

¹¹ Вероятнее всего, имеется в виду депутация от евреев Волынской и Подольской губерний, которой в конце 1798 г. было «дозволено» прибыть ко двору. Ранее, в 1797 г., евреям этих губерний было отказано в праве прислать депутатов, поскольку «депутатов к высочайшему двору посылать, и особенно от жидов, высочайше не дозволено», а выборы 1798 г. сопровождались секретным расследованием, не кроется ли в данной инициативе какого-либо «еврейского злонамере-

ния». Были наказаны представители местных властей, «позволившие» подобные собрания, а деньги, собранные евреями на нужды депутации, конфискованы. Неожиданно последовало «высочайшее дозволение» прислать депутатов и возвратить им деньги [См.: Минкина О. Ю. Евреи и власть: депутации 1773–1825 гг. в Российской империи // Исторические записки. 2007. № 10 (128). С. 176–177].

¹² 7 апреля 1802 г. Александр I утвердил доклад Сената о запрете на оптовую торговлю еврейских купцов в Санкт-Петербурге и вне черты оседлости в целом. Единственной причиной, по которой евреи могли приезжать и временно находиться во «внутренних губерниях», могло быть «доправление старых долгов, хождение по тяжёлым делам и для общественных их нужд».

¹³ Сравни: «Александр благотворный обращает человеколюбивый взор свой, взор животворный, небесный — на несчастный и расстроенный дом Иаковля, и величественным жезлом своим помавая, вещает: да исправится!..» (Невахович Л. Вопль... С. 58–59). Согласно повелению Александра I Сенату от 9 ноября 1802 г. был образован особый «Комитет об устройении евреев на пользу государственную и их собственную», названный впоследствии первым Комитетом по благоустройству евреев или Комитетом 1802 года (в историографии: Первый еврейский комитет). В первоначальный состав Комитета вошли Г. Р. Державин, граф В. А. Зубов, граф В. П. Кочубей, граф С. О. Потоцкий, князь А. А. Чарторыйский.

¹⁴ Ср.: «...сей самодержец, имеющий самовластное право располагать участью своих подданных, соизволяет еще вызвать депутатов из них самих, веками и другими народами униженных несчастливцев» (Невахович Л. Вопль... С. 60). Первым еврейским комитетом были привлечены к участию по одному депутату от каждой губернии черты оседлости, а также лично приглашенные членами комитета евреи.

¹⁵ Подобную оценку планировавшихся преобразований высказывали и главы кагалов, представившие весной 1804 г. свои «мнения» Первому еврейскому комитету. Минский кагал прямо обвинял комитет в намерении «лишить евреев настоящего в неизвестной будущности».

¹⁶ В октябре 1804 г. Комитет представил проект Положения для евреев, согласно 34 статье которого евреям не только запрещалась торговля алкоголем в шинках и постоялых дворах в сельской местности, но также само проживание в селах; 9 декабря Положение было утверждено императором (ПСЗ I. Т. XXVIII. 21 547).

¹⁷ Попов Василий Степанович (1745–1822), государственный деятель. В 1809–1812 гг. (формально до 1818 г.) возглавлял Третий еврейский комитет. В начале 1812 г. вместе с остальными членами комитета (министром внутренних дел О. П. Козодавлевым, сенаторами И. А. Алексеевым и Я. А. Дружининым, С. О. Потоцким и бывшим минским губернатором З. Я. Карнеевым) представил императору доклад. Комитет предлагал в связи с напряженной внешнеполитической обстановкой и ухудшением экономического положения населения западных губерний отказаться от принудительного переселения евреев из сельской местности в города и от запрета на продажу евреями алкогольных напитков, а также отменить двойное налогообложение для евреев. Вместе с тем комитет отклонил предложения еврейских депутатов и поверенных по реорганизации еврейского образования и ведении делопроизводства кагалов и деловой переписки на еврейских языках. Доклад не был утвержден императором.

¹⁸ Представители еврейских общин и некоторые губернаторы ходатайствовали об отсрочке выселения евреев их сел. «Вторительный Комитет», по словам автора проекта, фактически был третьим по счету Еврейским комитетом; второй же Комитет, учрежденный Александром I в августе 1806 г., выступил с предложением о трехлетней рассрочке (1808–1810) переселения евреев из сел в города; см. соответствующий указ от 19 октября 1807 г.: ПСЗ I. Т. 29. № 22651. Поскольку

выселение не удалось провести и в эти сроки, 29 декабря 1808 императорским указом было остановлено действие 34 статьи «Положения» 1804 г. «до дальнейшего впредь повеления». Третий Комитет «для изыскания мер, посредством которых <...> переселение могло бы быть произведено в действие», под председательством действительного тайного советника В. С. Попова был учрежден 5 января 1809 г.

¹⁹ ПСЗ 1. Т. XXX. 23 424. 5 января 1809 г.

²⁰ Доклад Комитета, разъяснявший невыгодность для государства переселения евреев из сел в города, был составлен к 17 марта 1812 г. Оpubл.: Доклад о евреях императору Александру Павловичу // Русский архив. 1902. № 2. С. 253–274.

²¹ Выселение евреев из сел Полтавской и Черниговской губерний было инициировано и проведено генерал-губернатором Малороссии Н. Г. Репниным.

²² Имеются в виду указы о выселении евреев из казенных сел Черниговской (ПСЗ 1. Т. XXXVII. 28 821. 29 ноября 1821 г.) и Полтавской (ПСЗ 1. Т. XXXVIII. 29 036. 13 мая 1822 г.) губерний. Выселение мотивировалось ставшим к тому времени традиционным для власти обвинением евреев в разорении крестьян.

²³ Имеется в виду ревизия сенатора Д. О. Баранова по белорусским губерниям в 1822 г. и последовавший на основании доклада Баранова указ Александра I могилевскому и витебскому губернаторам от 11 апреля 1823 г. Был подтвержден запрет на торговлю спиртным и проживание в сельской местности. Евреям также запретили арендовать почтовые станции и «разъезжать» с товаром. Срок окончательного выселения евреев из деревень белорусских губерний был установлен на 1 января 1825 г.

²⁴ ПСЗ 1. Т. XXXVIII. 29 420.

²⁵ В 1824 г. выселение евреев из белорусских деревень было приостановлено на восемь лет в связи с голодом и эпидемиями среди переселенцев.

²⁶ На практике приведение постановлений о выселении евреев зависело в значительной степени от местной администрации. Согласно официальным данным на 1 января 1824 г., в Могилевской губернии было переселено 12 804 еврея, в Витебской — 7651 (См.: Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев... С. 291), всего 20 455 человек, то есть почти в два раза меньше, чем указывает автор публикуемого здесь документа и другие еврейские источники.

²⁷ Плач Еремиев, глава IV стиха 9-го: лучше быша язвенный мечем, нежели погублены гладом. (*Примеч. автора*). В синодальном переводе: «Умершвляемые мечом счастливей умершвляемых голодом» (Плач Иер. 4: 9).

²⁸ Согласно рапорту невелиского уездного лекаря от 4 апреля 1825 г., «в Невеле переселившимися из сел и деревень в город евреями дома наполнены до неимоверной степени... от чего и совершенной нищеты, за всеми его врачеваниями и попечениями кагала, евреи ежедневно умирают, и с 1 января по 1-е апреля умерло уже 136 евреев, а больных ныне находится 106». Аналогичные бедствия постигли евреев Горodka.

²⁹ Имеется в виду комитет, организованный в 1823 г. генерал-губернатором Н. Н. Хованским для организации выселения евреев из сельской местности. Известно, что в этот комитет подавали прошения некие «поверенные от евреев», однако их требования были отклонены (РГИА. Ф. 1286. Оп. 4. Д. 349 б. Л. 9–11 об.). Сходная оценка деятельности губернских комитетов по переселению евреев сохранилась в прошениях евреев Велижа Александру I (Там же. Л. 16).

³⁰ Намек на сотрудничество польской аристократии с наполеоновской армией во время Отечественной войны 1812 г., в то время как евреи поддерживали российские войска. Это привело к обострению давних польско-еврейских противоречий в регионе.

³¹ В данной копии проекта отсутствуют упоминаемые автором приложения.

³² Имеется в виду движение декабристов, начало которому положил Союз спасения, образованный в 1816 г. группой офицеров с целью введения конституционной монархии и уничтожения крепостного права.

³³ Псалтыри Псалом 71-й: «Боже! Дай царю суд Твой и правду Твою сыну цареви, он будет судить народ Твой праведно, и угнетенных твоих правосудно, произрастает народу мир, горы и холмы в правде он будет судить угнетенных в народе, спасет сынов нищего и низложит притеснения, будут благоговеть пред тобою, доколе светит солнце и доколе смотрит луна в роды родов, он сойдет как дождь на скошенный луг, как капли, орошающие землю, процветет во дни его праведник и повсюду мир, пока будет луна, он будет владычествовать от моря до моря и от реки до пределов земли. Падут пред ним дикие, врагов своих положит прах, цари Фареша и жители островов принесут дары, цари Шавы и Савы представят дань, поклонятся ему все цари, все народы будут покорны ему; ибо он избавит вопиющего бедного и угнетенного беспомощного, будет миловать нищего и бедного, и спасет души убогих, испкупит души их от насилия и коварства, и драгоценна будет кровь их пред очем его, они будут благоденствовать и принесут ему злато из Шавы и всегда будут молиться за него и всякий день благословлять его, будет обилие пшеницы на земли, наверху гор колебаться будут его колосья, как ливанский лес, и в городах цвести будут люди, как трава на земле. Имя его будет благословенно во веках, доколе пребывает солнце, расти будет, имя его благословляя... В нем все племена земные, все народы будут ублажать его, благословен Господь Бог Израилев, который творит чудеса един! И благословенно славное имя его вовек, славой его наполнится вся земля». Кончались молитвой Давыда, сына Иессеева (*Примеч. автора*).

³⁴ Ср.: «Благородные Россияне! — деяния ваши необычайны; величие подвигов ваших уменьшает или совсем уничтожает уныние побежденных вами народов. Никому не постыдно быть вам покоренным, вам превышающим самый Рок. Когда вы повелеваете Року, и Рок опускает долу тяжкий и страшный свой жезл; то повелите ему, да престанет он гнать народ Иудейский!» (Невахович Л. Вопль... С. 48—49).

³⁵ Автор Проекта имеет в виду неучастие евреев в заговоре декабристов. Напомним, что подвергнутый ссылке за участие в движении декабристов титулярный советник Григорий Абрамович Перетц к тому времени перешел в лютеранство. Единственный еврей, представший перед Следственным комитетом по подозрению в пособничестве полковнику П. И. Пестелю, Давид Лошак, за отсутствием вины был освобожден в ходе следствия.

³⁶ Оного положения в § 42 между прочим изъяснено сими словами: «Все евреи, в России обитающие, суть свободные и состоят под точнейшим покровительством законов, наравне со всеми другими российскими подданными» (*Примеч. автора*).

³⁷ Высочайшее для управления губерний учреждение о нерешении участи многочисленных душ без депутатов (*Примеч. автора*). «Учреждение для управления губерний Всероссийския империи (ПСЗ 1. Т. XX. 14 392. 7 ноября 1775).

³⁸ Ключвойт — староста крестьян владельческой хозяйственной единицы — «ключач».

³⁹ Книга 1-я Моисеева бытия. Глава XVIII. Стиха 32: «И рече, что Господи еще возаглаголаше единую аще же обрящутся тамо 10-ть и рече: не погублю 10-ти ради» (*Примеч. автора*) Быт. 18: 32 (Бог обещает Аврааму пошадить Содом, если там найдутся хотя бы десять праведников).

⁴⁰ В Высочайшем воинском уставе, глава V, § 9-й, между прочим сказано сими словами: «Понеже лучше есть 10-ти виновных освободить, нежели одного

невинного на смерть приговорить». В Высочайшем манифесте 1763 г. 10 февраля в § 3-м говорится: «Во-первых, учинить большой повальный обыск, а буде в обыску оговоренного одобрять, все или половина обысканных людей, то оговоренного не пытаться, — и тем, что лучше в неизвестности и не имея точного обличения, виновного освободить, нежели невинного наказать» (*Примеч. автора*).

Устав Воинский (ПСЗ I. Т. V. 3006. 30 марта 1716 г.): «Буде же ответчик оной присяги учинить не может, то правда, что за виновного содержан будет. Но понеже к свидетельствованию явные и довольные требуются доказы, того ради судье надлежит в смертных делах пристойным наказанием его наказать опасаться, но толь паче чрезвычайно наказать, понеже лучше есть десять винных освободить, нежели одного невинного к смерти приговорить». 10 февраля 1763 г. был издан не манифест, а именной указ «О порядке производства уголовных дел по воровству, разбою и пристанодержательству» (ПСЗ I. Т. XVI. 11 750). Текст указа также, как и Устава Воинского, немного отличается (но не по смыслу) от приводимой автором проекта цитаты. Ср.: «...Лучше в неизвестности и не имея точного обличения, виновного свободить, нежели невинного истязать».

⁴¹ «...До полумиллиона мужеского пола душ» — эта оценка вполне согласуется с данными исторической статистики: в 1800 в России (без учета 250 тыс. евреев Царства Польского, присоединенного к России в 1815 г.) проживало 570 тыс. евреев, в 1834 г. — 1,5 млн евреев (включая 477 тыс. евреев Царства Польского).

⁴² Данный абзац близок к тексту журнала Первого еврейского комитета, цитируемого в докладе Третьего еврейского комитета (Доклад о евреях императору Александру Павловичу // Русский архив. 1902. № 2. С. 254–255). Текст журнала, в свою очередь, является цитатой из трактата Ш. Л. Монтескье «О духе законов» (Кн. 19, гл. 14). (См.: Эттингер Ш. Россия и евреи. Иерусалим, 1993. С. 226). Таким образом, автор публикуемого документа мог с равной долей вероятности цитировать и Монтескье, и журнал Первого еврейского комитета.

⁴³ ПСЗ I. Т. XL. 30 402.

⁴⁴ См.: Статьи 13 и 17 Положения о устройстве евреев (ПСЗ I. Т. XXVIII. 21 547. 9 декабря 1804 г.)

⁴⁵ См. еврейские предания в книге Баве-каме последний перек, где именно сказано семи словами: «Что закон Государственный есть закон существенный». См. там же, что запрещается привозить товары с утайкою пошлин и проч. (*Примеч. автора*).

Баве-каме (правильнее: Баба Кама, букв.: первые ворота) — трактат Талмуда из раздела Незикин (убытки). Цитируется знаменитое галахическое правило: «dina de-malkhuta — dina» («закон страны — закон [для евреев, которые там проживают]»), повторяющееся в Талмуде несколько раз. Примечательно, что такой же перевод данного изречения: «закон государственный есть закон существенный» (со ссылкой на другой трактат Талмуда: Гиттин) содержится в книге «Мысли израильянина» бывшего письмоводителя еврейской депутации в 1820–1825 гг. Абрама Соломонова (Соломонов А. Мысли израильянина. Вильно, 1846. Ч. 1. С. 49). Ввиду особой важности этого текста для обоснования лояльности традиционного еврея существующему государственному устройству, автор проекта цитирует его дважды. «Перек» (др.-евр. perek) — глава, раздел.

⁴⁶ ПСЗ 2. Т. II. 981. 25 мая 1827 г.

⁴⁷ Имеется в виду Положение о евреях 1804 г.

⁴⁸ Милорадович Михаил Андреевич (1771–1825), генерал от инфантерии (с 1809 г.), граф (с 1813 г.). С 1818 г. военный губернатор Санкт-Петербурга.

⁴⁹ Характеристика Милорадовича в публикуемом проекте коррелирует с записанными в 1840-е гг. историческими преданиями, согласно которым генерал-губернатор «всегда подписывал разрешения евреям жить в Петербурге» и даже позволил им отмечать праздник Суккот в парке Екатерингоф. Совпадает с про-

ектом и мотивировка благосклонного отношения Милорадовича к евреям: «Без них мы не победили бы Наполеона», и его протест против выселения евреев из Санкт-Петербурга. С некоторыми евреями Милорадовича, по-видимому, действительно связывали приятельские отношения. Так, в своих показаниях следственной комиссии по делу декабристов Ф. Н. Глинка упоминал о том, что врач и общественный деятель из Тульчина Моше Элкан «хаживал к Милорадовичу играть в шахматы».

⁵⁰ Сравни: «Веки — народы — обвиняют Иудеев — но почему же не обвиняют они их единообразно? — Обратите внимание на Историю — и — увидите многие противуречия; то обвиняют их в чародействе, то в неверии, то в суеверии... Веки не успели еще открыть нищеты умыслов против них, как уже наступили новые. Подобно звеньям неразрывной цепи соединены оные к утеснению только сего народа» (Невахович Л. Вольф... С. 27–28).

⁵¹ Понятовский Станислав Август (1732–1798), последний польский король (1764–1795). В 1757–1762 гг. польско-саксонский посол в России, фаворит великой княжны Екатерины Алексеевны (будущей императрицы Екатерины II). Избран королем при поддержке Екатерины II и прусского короля Фридриха II. В политике ориентировался на Россию. 25 ноября 1795 г. отрекся от престола; последние годы жил в Санкт-Петербурге.

⁵² Понятовский, насколько нам известно, не выносил никакого специального постановления в отношении ритуальных наветов, однако его отрицательное отношение к подобному рода делам известно и зафиксировано в его дневнике и в других источниках той эпохи.

⁵³ Книги Моисеевы, 3-я Левита, Глава VII, Стиха 26-го: «Всякия кровь да не снесет во всех селениях ваших и от скот, и от птиц». Стиха 27-го: «Всякая душа каже: аще снесть кровь, погибнет душа та от людей своих» (*Примеч. автора*).

⁵⁴ То же. Книга V. Глава 12-я. Стиха 32: «Всяко слово еже аз заповедаю тебе днесь, сие снабди твори да не преложили к сему не отъимеши к сему не отъимеши от него» (*Примеч. автора*).

⁵⁵ Глава XIII. Стих 1-й: «А изе же восстанет в тебе пророк или видел соние и дает тебе знамение или чудо». Стих 2-й: «И придет знамение или чудо, еже рече к тебе, Глаголя: идем да послужим Богам иным иже невесть». Стих 4: «Вослед Господа, Бога с чашею, ходите и того бойтесе и заповеди его сохраните и гласа его послушайте и тому служите и к нему прилепитесе» (*Примеч. автора*).

⁵⁶ В действительности выкресты нередко становились свидетелями обвинения в делах о ритуальных убийствах, а то и инициаторами подобных дел.

⁵⁷ Имеется в виду Гродненское дело 1816–1817 гг. по обвинению члена местного кагала Шолома Ляпина в убийстве малолетней Марианны Адамович.

⁵⁸ Высочайшее повеление Александра I, «чтобы евреи не были обвиняемы в умерщвлении христианских детей без всяких улик по единому предрассудку, якобы сии имеют нужду в христианской крови», было подписано 8 июля 1817 г.

⁵⁹ Имеется в виду т. н. Велижское дело, процесс по обвинению группы евреев г. Велижа в ритуальном убийстве (1823–1835 гг.).

⁶⁰ Книга Моисея Маймена 2-й части XIII Главы в заключении всех тех предварений, коими должно обуздать пришедших превратить ее, сказано так: «дабы они чрез то отстали». Книга Талмуда под заглавием Иевомос, лист 47, на второй стр. Знаменит им же рек: «Что пришедшего превратиться должен, предварительно обузда, спросить: что бы тебя понудило к таковому превращению и т. д.» и если потом пожелает он отстать, пусть отстанет, ибо раввин либо рек, что превращенные должны быть несносные даже для самих израиля<н> (*Примеч. автора*).

«Моисей Маймен» — Моше бен Маймон (Маймонид) (1135–1204) — знаменитый еврейский философ, жил в Египте и Испании. Наиболее известный

его труд — «Путеводитель блуждающих» (1190 г.). Отношение еврейской традиции к Маймониду было двойственным: с одной стороны, признавался его авторитет как знатока Галахи, с другой стороны, — его рационалистическое толкование религиозных текстов вызывало определенные возражения современников и потомков. Многие маскилы признавали Маймонида своим идейным предшественником.

⁶¹ Книги Моисеевы 5 Левит, Глава XVIII.

Стих 11: «Не украдите, не солжите ниже да оклеветает киеждо ближнего».

Стих 12: «Не оклеветает именем моим в неправде и да не оскверните имени святого Бога вашего, Аз Господь Бог Ваш».

Стих 13: «Да не обидите ближнего, да не от мести и да не преложите мзда ни... твоего у тебе до утрия».

Стих 16: «Да не ходит лестию во всем языке и не восстанеша на кровь ближнего твоего, Аз Господь Бог ваш».

Стих 18: «И да не отыщет рука твоя и да не враждующими наемныя Люди и своих и возлюби ближнего своего яко сам себе, аз Господь Бог ваш».

Глава XXIII. Стих 14: «Да не лишите мзды убогого и требующий от братий твоя или от при... иже в оградах твоих».

Стих 17: «Не уклониши суда при... и ...и вдов и да взаимлеши в залог ризы вдовьей» (*Примеч. автора*).

⁶² Иисуса Навина, Глава 9. Стих 19: «И рекли все князи всему сонму: мы кланяемся им Господом Богом Израилевым и ныне невозможем коснуться их».

Пророка Иезекииля, Глава 17.

Стих 15: «И отвержется от него ...лая своя в едином дати ему кони и люди многи едва и править спасется творяй со противныя и.... забыть?? ...»

Стих 19: «Сего ради ... глаголет адоной Господь живу аз еще не... многоже, но ...ли и ...мой его ... дом на главу его».

Талмуд.

Книга Баве-каме. Ст. 113: «Запрещается отнять или грабить что-либо и у язычника, поклоняющегося чужим богам, ежели же что отнято или граблено, то должно оно возвратить». Баве-мецие. Перек Газагов запрещается обманывать людей как в покупках, так и равно в продажах нигде похищать сердца их в чем язычники и израильтяне суть равны (*Примеч. автора*).

Баве-каме см. примеча. 38. Баве-мецие (правильно: Баба Меция, букв. средние ворота) — трактат Талмуда из раздела Незикин (убытки).

⁶³ Пророк Иеремий, Глава 29. Стих 4, 5 и 7: «Так рече Бог Израилев о першленных, их же першли из Иерусалима в Вавилон соградите храмины, и вселитесь и насадите вертограды и ядите плоды их възыщете мира на то же вас тамо и молитесь Господа занятого в мире их будет мир ваш». Синодальный перевод: «так говорит Господь, Бог Израилев, всем пленникам, которых Я переселил из Иерусалима в Вавилон: стройте».

Баве-каме: последний перек установлено, что закон Государственный есть закон существенный.

Перек-овес: Повелено молиться о благоденствии Царя своего (*Примеч. автора*).

Иеремия, 29: 4, 5, 7, синодальный перевод: «так говорит Господь, Бог Израилев, всем пленникам, которых Я переселил из Иерусалима в Вавилон: стройте дома и живите в них, и разводите сады и ешьте плоды их... и заботьтесь о благосостоянии города, и молитесь за него Господу; ибо при благодеянии его и вам будет мир».

Перек-овес (Пиркей авот, Поучения отцов). Название книги дано в ашкеназском (идишском) произношении. Последний трактат четвертого раздела Мишны: Незикин.

⁶⁴ Ср.: «Одно имя Иудей производит уже в произносителе и слушателе онаго некое странное и необычное движение. Имя сие учинилось поносным, презренным, поруганным и неким страшилищем для детей и скудоумных. О Христиане, славящиеся кротостию и милосердием! — имейте к нам жалость! — обратите к нам нежные сердца ваши!... Что? — уже ли мы не достойны лучшего имени? — Есть либ мы и отвергли свой закон, чтоб уравниаться в правах: то сделались ли бы чрез то достойными? Разве еще не услышан глас знаменитого Иудейского писателя Мендельсона, который зывает к последователям Иисуса! «Покажите нам путь и подайте нам в руки средства, чрез которые мы сделаемся лучшими людьми и гражданами; — отступить же от закона нашего с доброю совестью мы не можем; и так какую пользу принесут вам собратия без совести». И разве вы не внемлите убедительным его словам, каковыми он упрасивает земных Владык: «Оставьте нам свободу мыслить и говорить по закону, доставшемся нам в наследие от Праотцев наших. Кто не нарушает общественного благополучия, кто поступает согласно гражданским правам; тому оставьте говорить так, как он мыслит, призывать Бога по своему, или предков его мнению и искать блаженства там, где уповает оное найти». Из чего же заключаете, что Еврейский народ заслуживает презрение? — почему вы с такою решимостью отвергаете оный от сердец ваших» (Невахович Л. Вопль... С. 23—25)

⁶⁵ В § 44 Оного Положения между прочим изображено семи словами: «никто не может притеснять ни даже обеспокоить их в отправлении веры и в общей гражданской жизни ни словом, ни делом» (*Примеч. автора*).

⁶⁶ Скрытая цитата из Малахия 2 : 10. См. также примеч. 67.

⁶⁷ Очевидно, имеется в виду Малахия 2 : 10: «Не один ли у всех нас Отец? Не один ли Бог сотворил нас? Почему же мы вероломно поступаем друг против друга, нарушая тем самым завет отцов наших?» Ср. несколькими строками выше скрытую цитату в тексте проекта: «не Отец ли один и Бог один создал всех нас».

⁶⁸ Талмуд: Гитин. Стр. 61 «И доставляют пропитание нищим язычникам вместе с нищими Израильскими и погребают мертвых язычников наравне с мертвыми израильскими ради мирного жития <среди> сих наций». То же самое изъяснено в книге премудрого Моисея Маймена в 7-м переке (*Примеч. автора*).

«Моисей Маймен» (Маймонид): см. выше примеч. 60.

⁶⁹ И вот молитва, отправляемая ими о здравии и благоденствии императора во всех синагогах, так равно и здесь в положенном их месте, на российском языке золотыми буквами переведенная: «О Ты! Подари благо царям и князьям силу Твоего же царства вечно пребудет навсегда ты пролагай пути в океанах и стези в водах быстротечных, избавляй раба своего Давида от меча убийственна, благослови, спаси, осени и возвеличи всемилостивейшего государя императора нашего Николая Павловича и весь императорский высочайший дом! Да пребудет исполненное славы владычество его вознесенным, Царю Царей! Сохрани, огради его беспредельною милостию Твоею и спаси его от всякого зла, огорчения и вреда. Подчини народы власти его, уничижи врагов его и сотвори пути его во всех предприятиях его благополучными, Царю Царей! Всебесконечною милостию Твоею [всели] в сердце его милость и благоволение к нам и ко всему Израилю и оживи помышлениями сими тако же всех вельмож... умных его, да приклонится сердце его к нам... расположены к нам и все окружающие его. Сотвори дав царствие его и во дни наши восцветет благо Иудино да успокоится... Израиль под скипетром его и да явится спаситель его в Сион. Молимся, да будет тако воля Твоя. Аминь» (*Примеч. автора*).

Собственно авторский текст здесь также совпадает с «Воплем дщери иудейской». Ср.: «Христиане! — вы, которые живете с ними вкупе, вы должны ведать, что для них добродетель так же священная, как и вам; — примечайте токмо! —

Но каким оком вы на них взираете?.. вы ищите в человеке Иудея, — нет, ищите в Иудее человека, и вы, без сомнения, его найдете. — Примечайте только; — вы увидите между ими множество людей, сохраняющих свято слово свое; вы увидите множество милосердных, подающих руку помощи бедным не только своим, но и иноплеменным; вы увидите, что многие из них великодушно прощают обиды, вы увидите в них благодарность, воздержанность и почитание старцев; увидите также, с каким чувствованием обожают они тех людей из иноверцев, которые с ними поступают милостиво, и им благодетельствуют — и с каким благоговением вспоминают они Государя» (Невахович Л. Вопль... С. 34–35).

⁷⁰ Ср.: «Я не сомневаюсь, что между вами находится множество таких, которые, имея сношения по делам с Иудеями, были свидетелями великодушных их поступков и благодарственных чувствований; горе! Горе только то, что никто таковых примечаний не открывает! — А ежели и случилось кому заметить в некоторых из них что нибудь противное, то по сему еще не можете судить обо всех вообще, равно, как я, видев много развратных между Христианами, не могу подобным образом судить обо всех единоверцах их» (Невахович Л. Вопль... С. 35–36).

⁷¹ Греки, бывшие примером целому свету отличнейшими науками и добродетелью, чрез нахождение под притеснительством магометов превратились в странное нечто (*Примеч. автора*).

⁷² См. примеч. 22.

⁷³ См. примеч. 21.

⁷⁴ Имеются в виду указы 30 апреля 1825 г., согласно которым всем евреям, за исключением владельцев недвижимости, было приказано покинуть территории в пятьдесят верст от государственной границы (ПСЗ I. Т. XL. 30 402, 30 404).

⁷⁵ «Высочайше утвержденное положение Комитета министров о воспрещении по великороссийским губерниям употреблять евреев в винокуры» (ПСЗ 2. Т. 1. 86. 26 января 1826 г.). Запрет в указе мотивировался опасностью «совращения» населения этих губерний в иудаизм.

⁷⁶ Ср.: «Дух Севера взыскует великих дел, и так да утвердит он новую и блистательную Эпоху, переменяв образ мыслей об униженной и слезящей дочери Израиля!» (Невахович Л. Вопль... С. 49).

⁷⁷ «Третичный Комитет»: речь идет о четвертом Еврейском комитете, учрежденном 1 мая 1823 г., в состав которого вошли министры внутренних дел, финансов, юстиции, духовных дел и народного просвещения; при Еврейском комитете 14 февраля 1825 г. был учрежден так называемый «директорский комитет», который составили директора департаментов соответствующих министерств и обер-прокурор Сената. Министерство внутренних дел было представлено директором Особенной канцелярии министерства М. Я. фон Фоком. В качестве первоочередной задачи Николай I поставил перед комитетом разработку рекрутского устава.

⁷⁸ В Наказе императрицы Екатерины II, § 62, между прочим сказано теми же словами: «Чем более сообщения имеют между собою народы, тем удобнее переменяют свои обычаи» (*Примеч. автора*).

⁷⁹ Имеется в виду процесс правовой эмансипации евреев в государствах Западной Европы. В 1807–1812 гг. были отменены правовые ограничения для евреев Пруссии, в 1826 г. — Англии. Голландия и Франция сохранили широкие права, предоставленные евреям благодаря французской революции. Однако в целом современное автору правовое положение западноевропейских евреев было далеко от представленной в данном проекте идиллической картины. В упоминаемых в проекте германских государствах евреи считались не гражданами, а «терпимыми» иностранцами, их проживание в ряде городов было затруднено различными ограничениями. Гражданское равноправие евреям этих государств было предоставлено только в 1848–1849 гг.

⁸⁰ Имеются в виду депутаты при первом Еврейском комитете 1802–1804 гг. См. выше примеч. 13.

⁸¹ Имеются в виду еврейские депутаты при комитете по еврейским делам (Komitet Spraw Starozasopnych) при Министерстве народного просвещения Царства Польского. Совещательную коллегию (izba doradcza) при комитете составляли купцы Я. Бергсон, М. Эттингер, С. Познер, Т. Теплиц и математик А. Штерн, а также пять «кандидатов». Деятельность комитета, разработавшего несколько законопроектов, направленных на ассимиляцию евреев, была прервана в связи с польским восстанием 1830–1831 гг. Поводом к упразднению комитета в 1832 г. послужила жалоба «депутатов евреев Царства Польского» российскому наместнику И. Ф. Паскевичу.

⁸² «...Евреи, по нищете их, не имеют сами способов оставить настоящие их жительства, устроиться и обзавестись в новых состояниях, кои избрать они должны. Правительство равным образом не может принять на себя водворение всех их на новых местах» [из указа «О приостановлении переселения евреев и об учреждении особого Комитета для изыскания мер, посредством которых таковое переселение могло бы быть произведено в действие» (ПСЗ 1. Т. XXX. 23435)].

⁸³ См. примеч. 23–24.

⁸⁴ См. примеч. 20–21.

⁸⁵ По Положению 1804 г.: Литовские (Виленская и Гродненская), Белорусские (Могилевская и Минская), Малороссийские (Полтавская и Черниговская), Киевская, Минская, Волынская, Подольская, Астраханская, Кавказская, Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, т. е. не 13, а 15 губерний.

⁸⁶ Имеется в виду Седьмая общероссийская ревизия 1814–1816 гг.

⁸⁷ «Высочайше учрежденный устав цехов» (ПСЗ 1. Т. XXV. 19187. 12 ноября 1799 г.).

⁸⁸ Принявшим иудаизм христианам (к которым правительство необоснованно относило и предателей русской секты субботников, являвшейся самостоятельным религиозным движением) грозила ссылка в Сибирь (ПСЗ 1. Т. XL. 30436. 29 июля 1825 г.).

⁸⁹ О С.-А. Понятовском см. примеч. 52–53.

⁹⁰ Цитируется мнение Государственного Совета «О дозволении производить торговлю на ярмарках всем состояниям» (ПСЗ 1. Т. XXXII. 25 594. 29 мая 1814 г.).

⁹¹ См. ПСЗ 1. Т. XL. 30 386. 16 июня 1825 г. «О выдаче плакатных паспортов евреям».

⁹² Условия проживания евреев в Риге почти полностью зависели от местных властей. Против ограничительных правил, регламентировавших пребывание в Риге иногородних евреев и связанных с ними злоупотреблений местных властей, в мае 1820 г. и сентябре 1821 г. выступали еврейские депутаты. Любопытно сопоставить содержание их прошений с публикуемым документом: по словам депутатов, «единоверцы их, приезжающие в Ригу, стесняются следующими распоряжениями: немедленно по прибытии в сей город должны они просить от полицейского начальства билет на три дня, потом получить от какого-либо тамошнего купца свидетельство, удостоверяющее в его торговой связи с ними, и тогда уже начальство дает вид, с которым торгующие могут оставаться шесть недель, а работники одну неделю. За нарушение сих правил или взыскивается с евреев всякий раз по сто рублей, или в первый раз высылаются они с конвоем, а в другой наказываются палками. Один еврей, находившийся в тяжелой болезни, отправлен был за сие из города закованный в железа. Депутаты просили, чтобы сии стеснительные распоряжения и наказания были отменены». Комитет министров постановил потребовать объяснений от рижского военного губернатора О. Ф. Пауллуччи, который отрицал все обвинения в свой адрес. Дело было пере-

дано на рассмотрение императору. Собственноручная резолюция Александра I гласила: «Я полагаю, полезнее не делать отмены в рижских постановлениях» (РГИА. Ф. 1149. Оп. 2. Д. 11 а. Л. 367–367 об., 371).

⁹³ Гербирг (герберг, нем.) — питейное заведение на подворье с изображением государственного герба у входа, в широком смысле: постоялый двор. «Жидовский герберг» в Риге: постоялый двор И. Б. Бенкена у Иоганновских ворот. Согласно составленному рижским магистратом в 1766 г. «Учреждению, по которому прибывающие в Ригу евреи поступать имеют», они могли останавливаться только в «жидовском герберге». Владелец постоялого двора был обязан следить за соблюдением постоянными правил пребывания в городе. В 1788 г. Сенат своим указом Рижскому наместничеству правлению предписал выделить для евреев столько постоянных дворов, «сколько оных для удобного помещения потребно будет» (См.: Фельдман Д. З. Страницы истории евреев России XVIII–XIX вв. Опыт архивного исследования. М., 2005. С. 176–182). В 1822 г. евреи получили право проживания в Риге, на пяти подворьях (форштадтах) (ПСЗ 1. Т. XXXVIII. 29443. 30 марта 1822 г.). Таким образом, сведения автора проекта об условиях проживания евреев в Риге относятся к более раннему периоду (1770–1780 гг.).

⁹⁴ С 1629 г. Лифляндия находилась под властью Швеции, в 1721 г. вошла в состав Российской империи.

⁹⁵ Канцелярия опекунства иностранных колонистов была учреждена 22 июля 1763 г. (См.: ПСЗ 1. Т. XVI. 11 881. «Инструкция канцелярии опекунства иностранных. Об обязанностях ее при выходе в Россию и поселении иностранцев»).

⁹⁶ Вольное экономическое общество в Санкт-Петербурге было учреждено в 1765 г. Г. Г. Орловым, Р. И. Воронцовым и др. Регулярно объявляло конкурсные задачи, касавшиеся управления земельной собственностью, крепостных отношений, применения наемного труда в сельском хозяйстве, проводило статистико-географические исследования, издавало «Труды Вольного экономического общества» (с 1766 г.), «Еженедельные известия Вольного экономического общества» (1788–1789), «Записки деяний Вольного экономического общества» (1802–1812). В 1915 г. фактически прекратило свою деятельность, формально ликвидировано в 1919 г. Примечательно, что в 1783 г. золотой медалью Вольного экономического общества («За труды воздаяние») был награжден могилевский еврей Яков Гирш, известный также своим проектом реформы еврейского образования (См.: статью Д. З. Фельдмана в настоящем издании).

⁹⁷ «Манифест о позволении иностранцам, кроме жидов, выходить и селиться в России и о свободном возвращении в свое отечество русских людей, бежавших за границу» (ПСЗ 1. Т. XVI. 11 720. 4 декабря 1762 г.)

⁹⁸ «Манифест о дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают, и о дарованных им правах» (ПСЗ 1. Т. XVI. 11 880. 22 июля 1763 г.)

⁹⁹ Цитируется «Устав рекрутской повинности и военной службы евреев» (ПСЗ 2. Т. II. 1330. 26 августа 1827 г.), приложенный к указу «О обращении евреев к отправлению рекрутской повинности в натуре с отменой денежного с них сбора, вместо отправления оной положенного» (ПСЗ 2. Т. II. 1329. 26 августа 1827 г.).

¹⁰⁰ Именно таким был текст монаршей благодарности российскому еврейству за содействие российской армии в войне 1812 г., врученный Нафтали Герцу Шульману императором Александром I в прусском городке Лике 9 января 1813 г. (НМ2/9443.5; оригинал: ГА РФ. Ф. 1165. Оп. 1. Д. 16. Л. 7). Ее абсолютно точное воспроизведение в тексте «Проекта» еще раз подтверждает чрезвычайную

осведомленность автора. [О попытке Шульмана наладить послевоенное сотрудничество еврейских общин с верховной властью в деле организации секретной агентуры см.: Лукин В. «Служба народа еврейского и его кагалов». Евреи и Отечественная война 1812 года // Лехаим 11 (2007): 38–42].

¹⁰¹ Волконский Петр Михайлович (1776–1852), генерал-фельдмаршал, генерал-адъютант, начальник Главного штаба (фактически с 1812 г., официально с 1815 г.). В 1801 г. назначен генерал-адъютантом и помощником начальника императорской Военно-походной канцелярии.

¹⁰² Притом, что текст указа 29 июня 1814 г. не включен ни в ПСЗ, ни в создававшиеся в ходе работы еврейских комитетов рукописные «Своды законов о евреях», пространные цитаты и отсылки к тексту данного указа содержатся в нескольких документах того времени. Ср. с аналогичными цитатами в прошении еврейского депутата Л. Диллона министру полиции С. К. Вязмитинову 20 ноября 1816 г.: «...угодно было его императорскому величеству при объявлении через г-на генерал-адъютанта кн. Волконского прошлого 1814 года июня 29-го дня за границу в Бруксале высочайшего своего благоволения всем еврейским кагалам за усердную и ревностную службу находившихся при Главной квартире его императорского величества депутатов высочайше повелеть при том соизволить призвать тех же самых или таковых же в С.-Петербург» (РГИА. Ф. 1284. Оп. 2. Д. 117. Л. 1). Диллон представил также экземпляр указа, который был возвращен ему по распоряжению Вязмитинова. [Там же. Л. 1 об. 2 (распоряжение министра полиции, помета карандашом на прошении Диллона, расписка Диллона в получении «представленного при сем прошении высочайшего повеления»)]. Очевидно, Диллон представил не копию, а документ с собственноручной подписью императора («в оригинале»). В прошении рижского кагала лифляндскому военному губернатору Ф. О. Паулуччи (ноябрь 1818 г.) также (вероятно, неточно) цитируется указ 29 июня 1814 г.: «повеление, отданное его императорским величеством по еврейским кагалом в Бруксале 29 июня 1814 г. ... Когда в 1814 г. депутация еврейского кагала имела счастье быть представленной его величеству... в тогдашней Главной квартире, то он соизволил в означенном повелении... выразить еврейским кагалам свое милостивейшее расположение и повелеть, чтобы та же депутация или подобная отправилась в Санкт-Петербург, дабы там, во имя проживающих в империи евреев, выждать и получить выражение высочайшей воли и определение относительно их всеподданнейших желаний и просьб касательно своевременного улучшения их положения» (Р. Очерк истории рижских евреев. Период второй. (1768–1818) // Восход. 1885. № 7. С. 79).

¹⁰³ Цитируется высочайше утвержденный доклад министра внутренних дел «Об умножении и усилении выделки сукон» (ПСЗ 1. Т. XXX. 23 132. 30 июня 1808 г.). Нехватка вольнонаемных фабричных рабочих привела к тому, что правительство стремилось обратиться к такой деятельности евреев. Эта тенденция присутствовала уже в Положении о евреях 1804 г. Однако проект привлечения евреев к фабричному труду (поддержанный отдельными маскилами) не принес никаких результатов. См. об этом: Клиер Дж. Д. Россия собирает своих евреев... С. 256–265).

¹⁰⁴ Имеется в виду Положение о евреях 1804 г.

¹⁰⁵ Лицитация (польск. licytacja) — аукцион, публичные торги.

¹⁰⁶ Кагал (др.-евр. kahal — собрание, общество) в широком смысле еврейская община, в более употребительном — форма ее самоуправления в Польше XVI–XVIII вв., а затем и в Российской империи в 1772–1844 гг. Чаще всего термином «кагал» обозначается правление еврейской общины, являвшееся посредником между нею и властями.

¹⁰⁷ Словесные суды — судебные учреждения, созданные в 1754 г. для разбора торговых дел при магистратах и ратушах, с 1775 г. — при городских полицейских частях. В компетенцию словесных судов входили мелкие имущественные споры в купеческой и мещанской среде. Суд состоял из бурмистра и двух купцов, назначавшихся бурмистром и сменявшихся ежегодно. Словесные суды были публичным институтом, не имели исполнительной власти. Если стороны или одна из них не соглашались с решением суда, то суд должен был объявить, что ему «до них дела нет». После этого стороны могли обратиться в магистрат или другой соответствующий суд.

¹⁰⁸ Высочайше утвержденный доклад министра народного просвещения. Об учреждении в Симферополе училищного отделения для образования татарских учителей (ПСЗ 2. Т. II. 90. 14 февраля 1827 г.). При симферопольской гимназии был учрежден особый институт для подготовки татарских учителей из числа детей мусульманского духовенства, где преподавались иностранные языки (в первую очередь, русский) и обычный курс мусульманского духовного училища (медресе). Сами училища, где должны были преподавать эти учителя, содержались на доходы с земель, принадлежавших мечетям, и на дотации из казны. Учреждение училищ мотивировалось в данном постановлении необходимостью улучшить коммуникацию крымских татар с российской администрацией и сблизить их с остальным населением, а также прошениями отдельных «просвещенных» татар Александру I «о доставлении им способов учиться российскому языку и законоведению». Этот опыт привлек внимания автора проекта, вероятнее всего, из-за сходства с маскильскими проектами реформы еврейского образования.

¹⁰⁹ Цитируется Положение для временной комиссии снабжения солью государства (ПСЗ 1. Т. XXXI. 24 353. 19 сентября 1810 г.). «Без различия чинов и состояния» могли назначаться не только комиссионеры для поставок соли, но и сами члены комиссии. Члены комиссии назначались министром финансов и утверждались императором. Комиссионеры выбирались и утверждались членами комиссии на местах.

¹¹⁰ Так в рукописи. Следует читать не «моуре», «герая», а «море гораа» (искаж. др.-евр. *more hogaа*) — в описываемый период, как правило, еврей, имеющий квалификацию раввина и участвующий в деятельности общинных учреждений.

¹¹¹ Правильно «магид» (др.-евр. *magid*) — проповедник.

¹¹² «Бездин» (др.-евр. *beit-din*) — раввинский суд. Написание термина в проекте близко к ашкеназскому (идишскому) произношению: «*beis-din*».

¹¹³ Ратман (от нем. советник) — член магистрата или ратуши — органа городского самоуправления.

¹¹⁴ Здесь автор проекта не совсем точен: Положением о евреях 1804 г. все-таки ставилось аналогичное условие для занятия поста раввина: начиная с 1812 г. раввин не мог быть утвержден, если не мог читать и писать на русском, польском или немецком языке.

¹¹⁵ Имеются в виду таможенные пошлины, взимавшиеся с российских евреев при въезде на территорию Царства Польского.

¹¹⁶ Институт еврейских поверенных в Санкт-Петербурге, по замыслу автора проекта, должен был, по-видимому, сосуществовать с еврейской делегацией при четвертом Еврейском комитете (см. выше), учреждение которой также предполагается в проекте, и продолжить существовать на постоянной основе после окончания работы комитета. Таким образом, делегация при четвертом Еврейском комитете являлась бы временным учреждением наподобие делегации при Первом еврейском комитете (также построенной по принципу регионального представительства), а институт поверенных в проекте имеет больше сходства с делегацией 1812–1825 гг. (на постоянной основе, от всего еврейского населения империи,

без постоянной привязки к какому-либо государственному учреждению). В этой связи следует отметить, что упразднение Министерства духовных дел и народного просвещения в 1824 г. не повлекло за собой немедленного упразднения еврейской депутации, формально являвшейся частью министерства [См.: Минкина О. Ю. Евреи и власть: депутации 1773–1825 гг. в Российской империи // Исторические записки. 2007. № 10 (128). С. 190]. Фигурирующие в проекте евреи «для особых поручений» при Главной квартире армии в военное время (см. выше) также могли иметь и представительские функции (как еврейские депутаты при Главной квартире в 1812–1814 гг.).

¹¹⁷ Содержание статей 30–39 Положения о евреях 1804 г. сводилось к следующему: все евреи были обязаны приписать себя к одному из «состояний» (земледельцы, ремесленники, фабричные рабочие, купцы и мещане), не принадлежащие к данным категориям евреи преследовались по закону как бродяги, переход из одного «состояния» в другое был возможен только с ведома местного начальства, евреи обязаны были принять фамилии и могли фигурировать в документах только под одной фамилией, евреям запрещалась торговля и производство алкоголя в сельской местности, с помещиков и земских исправников, позволяющих такую деятельность евреям, взимались штрафы, самим же евреям, уличенным в нарушении данной статьи, грозили также штрафы и ссылка в Сибирь, все контракты, заключенные евреями с помещиками и долги крестьян евреям объявлялись недействительными.

Список сокращений

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации

РГАДА — Российский государственный архив древних актов

РГИА — Российский государственный исторический архив

СА — Секретный архив

ЦГИАУ — Центральный государственный архив Украины

САНЖР — The Central Archives for the History of the Jewish

People

Указатель имен

- Абрамович Р. — 135
Абрамский Я.-Д. И. — 156, 194
Авдеев, рядовой — 64
Адамович Г. В. — 247
Адамович М. — 323
Айзенштадт С. И. — 156
Алданов М. А. (наст. фам. Ландау) — 7, 237–243, 245–247, 249, 250, 252, 254, 258, 260, 261, 353
Алданова Т. М. (урожд. Зайцева) — 238, 247
Александр I — 265, 267, 271, 272, 274, 279, 280, 283, 290, 319, 320, 323, 328, 330
Александров, полковник — 42
Алексеев И. А. — 319
Алексеев Н. Н. — 239, 243
Алотин Л. П. — 158
Альперович Я. Г. — 157
Альтерман Н. — 165, 180, 183
Альтман Л. М. — 157
Амиран Э. — 180
Амосов Н. Н. — 60, 69
Андреев Л. — 235
Анищенко Е. К. — 74, 86, 87
Анри В. — 561
Ан-ский С. А. — 115
Антонова А. — 38
Арад Ц. — 260
Арлозоров Х. — 167
Аш Шолом — 114, 115
- Байрон Дж. — 250
Балакин, военнослужащий, комсомольский работник — 62, 63
Баллин А. — 132
Баранов Д. О. — 320
Баранов М. — 128, 129, 136
Бараш А. — 255, 257, 258
Басин А. — 181
- Басин, старший лейтенант — 42, 47, 49, 50, 51, 53, 64
Батынин, майор — 61
Баумволь Р. — 183
Белковский Г. А. — 159
Белов В. А. — 203
Беляцкий, капитан — 49
Бен-Гурион Д. — 99, 162, 244
Бененсон Г. — 96, 97
Бененсон П. — 96
Беннет С. — 264, 274
Бергельсон Д. — 135
Бергсон Я. — 327
Бернсторф, граф фон — 131, 132
Бернштейн Э. — 127
Бершадский С. А. — 275, 277
Блаватник Л. — 20
Блантер Г. И. — 154
Блантер Е. (Й.) И. — 153, 154
Блантер И. Б. — 154
Блантер М. И. — 153–155, 194
Болотин И. — 216
Бондфилд М. — 97
Бондюк, рядовой — 45
Боровой К. Н. — 195
Боровой С. Я. — 195
Бородавко, старший лейтенант — 56, 59
Брежнев Л. И. — 14
Бриллиант Э. — 181
Бриль А. И. — 80
Бродский (Йосифон) Д. И. — 159
Брутер, д-р — 252, 257, 259
Бруцкус Б.-Д. — 202, 205
Бруштейн А. — 124
Будницкий О. В. — 8, 11, 136, 352
Букштейн Д. — 160
Букштейн Я. И. — 160
Булгаков М. А. — 177
Бунин И. А. — 242, 259

- Буровая (Астрахан) Ф. Х. — 160, 195
 Бялик Х.-Н. — 115
- Вагнер, ректор гимназии — 82
 Вагнер, солдат вермахта — 14
 Вайнер И. — 32
 Вайнрайх М. — 135
 Вайнштейн Б. С. — 150, 160
 Варнек Е. — 243
 Вейцман Х. — 99
 Вендров З. — 135
 Веревкин А. — 77
 Видзон, военнослужащий — 51
 Виленчук И. Я. — 161, 162
 Вильгельм II — 132
 Винклер, солдат вермахта — 14
 Виршув А. — 181
 Вишняк М. В. — 238–240, 243, 244
 Власов А. А. — 24, 67
 Вовси Т. Е. — 154
 Войтоловский Л. Н. — 204
 Волковьский, полковник — 42
 Волконский П. А. — 308, 329
 Волощенко, капитан — 49
 Вольф, солдат вермахта — 14
 Ворович Ф. — 154
 Воронцов Р. И. — 328
 Ворончонок Т. — 78
 Выгодский Я. — 124, 125, 135
 Вышеславцев Б. П. — 239, 243
 Вяземский П. А. — 275
 Вязмитинов С. К. — 329
- Галили З. — 150, 151, 193, 194
 Гальперин М. — 204, 205
 Гамбетта Л. М. — 111
 Гельманович И. — 275–277
 Гельфанд В. Н. — 13, 21
 Георг V — 99
 Гепштейн С. К. — 149, 162, 235
 Гердер И. — 265, 274
 Герцль Т. — 193, 252
 Гершенсон Я. — 274
 Гессен Ю. И. — 73, 86, 273, 275
 Гильбоа Ш. — 191
- Гиммельфарб М. И. — 163
 Гинзбург П. — 260
 Гинзбург С. М. — 104, 107, 108, 110, 111, 113, 114, 116–117, 120–122
 Гирш Я. — 6, 73–86, 328
 Гиршова Р., жена Я. Гирша — 78
 Гитлер А. — 249
 Глейзер М. М. — 243
 Глукман И. М. (Паамони) — 163
 Голицын А. Н. — 274
 Голицын Н. Н. — 266, 274
 Голодец А. Х. (Гилади) — 164
 Голубев, военнослужащий — 63
 Голубов Н. М. — 107, 120
 Гольдберг А. М. — 164
 Гольдберг Л. — 180
 Гольдин С. — 204
 Гольдман И. И. — 164
 Гомперс С. — 134
 Гончарок М. — 136
 Горбатов А. В. — 55, 60, 68
 Гордон Ш. Л. — 180
 Городиский, подполковник — 57
 Горшков, лейтенант — 45
 Градополов К. В. — 181
 Гранди Д. — 67
 Гребень, М. Г. — 165
 Гриншпун, рядовой — 29
 Гудини Г. — 90
 Гурвиц А. И. (Иш-Гурвиц) — 166
 Гурвиц Д. И. — 166
 Гурвич М. С. — 152
 Гурвич (Гуревич) Х.-Д. — 104, 109, 111–113
- Давыдов Д. В. — 267
 Дембовский М. — 131, 136
 Денисова А. — 62
 Державин Г. Р. — 275, 319
 Джумаев, рядовой — 29
 Дзержинский Ф. Э. — 150, 151, 193
 Дизенгоф М. Я. — 253
 Дизенгоф Ц. — 253
 Диллон Л. — 274, 329

- Динезон Я. — 111, 113, 114
 Дмитренко, парторг — 42
 Дмитриев, полковник — 57, 59
 Днепровский А. — 204
 Должанская Л. — 193
 Дольник С. Б. — 167
 Дон-Аминадо (наст. фам.
 А. П. Шполянский) — 261
 Дорфман Б. — 21
 Дос Пассос Дж. — 14
 Дружинин Я. А. — 319
 Друк Д. — 120
 Дубнов С. М. — 123, 135, 204, 352
 Дунаевская И. М. — 13–16, 21
 Дьюхерст А. — 89, 92
- Евзеров А. Э. (в Палестине: Эй-
 зер) — 252–254
 Екатерина II — 73, 74, 81–83, 85,
 86, 264, 268, 272, 278, 279, 294,
 317, 323, 326
 Есенин С. А. — 50, 53, 181
- Жаботинский В. Е. — 158, 163,
 179, 183
 Жид А. — 259, 260
 Жилинский Я. Г. — 203
 Житловский Х. — 114
 Жолнин, подполковник — 60
 Жуков, капитан — 63
- Завадовский П. В. — 74
 Залкинд В. А. — 244
 Замысловский Г. Г. — 217, 235
 Захер Г. — 90
 Зверс А. — 242, 247, 260
 Зифф Р. (урожд. Маркс) — 90
 Зифф Д. — 103
 Зифф И. — 90, 91, 95, 96, 99, 101,
 103
 Зифф М. — 91, 101–103
 Злацин Б. М. (Зив) — 167
 Зубатов С. В. — 107
 Зубов В. А. — 319
 Зусман Э. — 260
- Идельсон А. И. (Эйлон) — 168, 174
 Измозик В. С. — 193
 Индиченко М. — 27
 Иноземцев Н. Н. — 14, 21
 Исай, майор — 29
 Исламов, рядовой — 30
- Каган А. (Эйб) — 6, 117, 126–136,
 137, 355
 Каганович И.-Л.-Г. М. — 168
 Калинин, лейтенант — 59
 Каменев Л. Б. — 150, 151
 Каменева О. Д. — 151
 Каменецкий С. Л. — 203
 Каминский, лейтенант — 57
 Канкрин Е. Ф. — 275
 Каплан И.-Н. Г. (Хакоэн Ка-
 план) — 169
 Карамзин Н. М. — 267, 272
 Карнеев З. Я. — 319
 Карташевский, военнослужа-
 щий — 53
 Катанян Р. П. — 151, 194
 Катер В. С. — 239, 243
 Каутский К. — 127
 Кауфман А. И. — 170
 Кауфман Д. С. (Самойлов) — 13,
 14, 21
 Каховский М. В. — 75, 79, 84
 Кац Г. З. — 17, 21
 Кац Я. — 275
 Кац, рядовой — 29
 Каценельсон Е. — 204
 Керенский А. Ф. — 97, 239
 Керзон Дж. — 58, 68
 Кесель Л. — 32
 Кислюк Л. — 32
 Клиер Дж. Д. — 130, 136, 273, 320,
 329
 Климко, рядовой — 47
 Ключевский В. О. — 252
 Клявер М. И. — 238–240, 243
 Кнут Д. М. (наст. фам. Фик-
 сман) — 254
 Коваленко, лейтенант — 25
 Ковпак С. А. — 34, 67

- Козодавлев О. П. — 319
Кольцов, старший лейтенант — 37–39, 49, 51–53, 59, 61
Комский Б. Г. — 5, 11, 12, 15–22, 67
Комский З. Г. — 16, 32, 38, 53, 57, 67
Коннов И. П. — 60, 69
Коновалов, младший лейтенант — 61
Кончаловский А. С. — 194
Копылов Б. — 274
Костринский Я. М. — 170
Котт Б. — 38, 39, 62
Кочубей В. П. — 319
Кравец Г. — 30, 32
Крапивин М. Ю. — 191
Красногорский П. А. — 171
Крестинский Н. Н. — 151
Криворучко А. — 51
Кривошеев Г. Ф. — 20
Кричевская Р. — 181
Кропоткин П. А. — 128, 178
Круть, капитан — 64
Крылов И. А. — 183
Кувакин, майор — 62
Кузьмин, военнослужащий — 65
Куповецкий М. — 20
Куракин А. Б. — 274
Курков А. — 103
Курский Д. И. — 151
Кусевицкий С. А. — 256, 257
Кускова Е. Д. — 260
Кушнерев, младший лейтенант — 30
- Ладинский А. П. — 254
Ламдан И. — 241
Ландау А. Е. — 114
Ландау И. Г. — 110
Ларин Ю. — 151
Ласков Д. Ю. — 171, 181
Левин М. О. — 152
Левин Н. М. — 172
Левин, старший лейтенант — 60
Левинсон А. — 255, 257
- Левитан Д. М. — 151, 152, 172, 181
Ледерман И. П. (Ледор) — 173
Лейбович И. — 177
Лейзарович Г. — 85
Ленин В. И. (Ульянов) — 133, 157
Ленский Х. — 177
Леонтьев Я. В. — 193
Лешинский Я. — 135
Либольд, солдат вермахта — 14
Ливонтин И.-Й. И. — 174
Лившиц Л. Л. — 152
Лизунов П. В. — 86
Лимонов Э. — 88, 100
Липкин И. — 241
Литвин А. — 203
Лихтенбойм И. — 260
Лосон Н. — 100
Лоткер А. Я. — 174, 175
Лоткер Г. Я. — 175
Лошак Д. — 321
Лукин В. М. — 6, 262, 329, 352
Лунец, майор — 55, 59
Лунц Г. — 239, 243
Лурье И. — 111–114, 121
Лурье М. С. — 175
Лыков, подполковник — 52
Ляпин Ш. — 323
- Мазовецкая Э. — 162
Майзель Б. — 202, 235
Маймонид (Моше бен Маймон) — 323–325
Макимов, рядовой — 29, 30
Маклаков В. А. — 247–249
Мако А. Э. — 246, 247
Мако С. А. — 246, 247, 249
Малиев Я. — 30
Марек П. С. — 111
Мария, королева Великобритании — 99
Маркс Барнетт — 89
Маркс Майкл — 7, 88–96, 99–103
Маркс Мириам — 101
Маркс Мордехай — 88
Маркс С. — 95–97, 101, 103
Маркс Х. (урожд. Коэн) — 93

- Маркс Э. — 89, 92, 101
 Март М. М. — 176, 181
 Маршалл Л. — 134
 Маршов А. Э. — 177
 Матов И. С. (Саарони) — 177
 Маяковский В. В. — 181, 182
 Меерович Г. Я. — 177
 Меерович С. Г. (Моризель) — 177
 Меир Г. — 99
 Меламед С. М. — 131
 Мельгунов С. П. — 243, 249
 Менделе М.-С. — 113, 115, 152
 Мендельсон М. — 73, 325
 Микеланджело Буонарроти — 245
 Миллер Л. — 128
 Миллер У. — 7, 138, 173, 192, 196, 352
 Милорадович М. А. — 288, 322, 323
 Минкина О. Ю. — 6, 262, 274–276, 319, 331, 352
 Михайлов, рядовой — 30
 Михоэлс С. М. — 154
 Мокобозкий Н. М. (Маккаби) — 179
 Молодавкин, старший лейтенант — 61
 Монтескье Ш.-Л. — 322
 Морозов Б. — 191, 193
 Мошинский Х. Л. — 150
 Муссолини Б. — 27, 67
 Мучник Ю. М. — 254

 Набоков В. В. — 249
 Намир М. — 242
 Невахович Л. — 6, 264–268, 273–275, 317–319, 321, 323, 325, 326
 Николай I — 267, 268, 271–274, 283, 291, 325, 326
 Николсон М. — 99
 Ниттель, солдат вермахта — 14
 Новомейский М. А. — 253
 Норман И. М. (Сумановский) — 179

 Ноткин Н. — 266, 275,
 Нурук М. — 190

 Оглоблин А. — 24
 Озеров, майор — 60
 Окольников Р. — 20, 44–47, 51–55, 57, 61–65
 Олсуфьев А. В. — 83
 Орлов Г. Г. — 328
 Островер Л. И. — 204
 Очиков, рядовой — 29, 30

 Павел I — 86, 264, 276, 279
 Паперна А. И. — 122
 Пархомовская Р. — 195
 Пархомовский М. А. — 260, 261
 Пассек П. Б. — 78, 80, 83, 264
 Пастернак Б. Л. — 181
 Паулуччи О. Ф. — 327, 329
 Пекшев Н. — 37, 38, 40, 49
 Перельман А. Ф. — 117, 122
 Перец И.-Л. — 113, 115
 Пестель П. И. — 321
 Петр I — 82, 294
 Петровский-Штерн Й. — 135, 204
 Петроковский Ш. А. — 180
 Пешкова Е. П. — 150, 182, 184, 193
 Пивовар Е. И. — 191
 Плеве В. К. — 107, 110
 Плеханов Г. В. (псевд. Бельтов) — 252, 254
 Погребецкая М. А. — 238
 Погребецкая М. Ф. (урожд. Вольская) — 7, 237, 238, 242, 245–247, 249, 254
 Погребецкий А. И. — 7, 8, 237–242, 246, 247, 249, 250, 253, 254, 257, 258
 Подобед И. М. — 21
 Познанский М. — 260
 Познер С. — 327
 Понятовский С. А. — 290, 303, 323, 327
 Попов В. С. — 280, 299, 319, 320
 Португейс С. — 135
 Потоцкий С. О. — 319

- Прегель Б. Ю. — 244
 Прегель С. Ю. — 244
 Пристли Дж. Б. — 14
 Пугачев Ш.-З. Я. (Амиав) — 180
 Пушкин А. С. — 102, 257, 274
 Пьер А. — 259, 260
 Пэнн А. И. — 153, 165, 177, 181, 182

 Рабинович А.-З. — 115
 Рабинович А. И. — 182
 Рабинович И. Л. — 150, 183, 193
 Рабинович Л. (Иш Иегуди) — 106, 120
 Равницкий И.-Х. — 113
 Радищев А. Н. — 157
 Райхман А. С. — 183
 Рапорт А. И. — 106–111, 116, 118, 119, 122
 Рапорт Я. Л. — 155, 194
 Рахель (Блувштейн Р.) — 165
 Рейнес Леонид — 20, 21
 Рейнес Лилия — 20
 Репнин Н. Г. — 320
 Рогачевский А. — 6, 88, 273, 353
 Розенфельд Ш. (С. Я.) — 110, 111, 113, 118, 119
 Розовский Ш. — 165
 Рокоссовский К. К. — 55, 68
 Роуз С. — 103
 Рукавишников И. С. — 181
 Рутенберг П. — 162
 Рывкин Меер (Мирон Давидович) — 115
 Рыков А. И. — 150, 193

 Самойлов Д. С. — см. Кауфман Д. С.
 Самохвалов И. — 63
 Самсонов А. В. — 202
 Сапрыкин — 39
 Сарнов Б. — 100
 Сахнин А. Г. — 152, 184
 Свердлов Ф. Д. — 20
 Свет Г. — 242, 244
 Седых А. (наст. фам. Цвибак Я. М.) — 249

 Семенов, рядовой — 27
 Семенцов А. П. — 249
 Симонова А. В. — 191
 Систрин З. Е. — 202, 210, 212, 216, 217, 219, 220, 223, 224, 230, 232, 235
 Систрин С. Е. — 6, 202, 203, 205–235
 Систрина Е. Е. — 207, 230, 235
 Скрибнер Ч. — 248, 259
 Слабина Л. А. — 243
 Слезкин Ю. Л. — 21
 Слоним М. Л. — 239, 243
 Слуцкий Дов-Бер — 115, 135
 Смидович П. Г. — 151
 Солженицын А. И. — 177
 Солодарь И. С. — 153, 154
 Солодарь Ц. С. — 153–155
 Соломон Ф. — 7, 96–100, 102, 103
 Соломон Х. — 97, 102
 Соломонов А. — 322
 Сорин С. А. — 247
 Сорокина М. Ю. — 242
 Спенсер А. — 93, 101
 Спенсер Т. — 92–94
 Сталин И. В. — 12, 26, 37, 59, 60, 148, 155, 157, 249
 Станиславский К. С. — 177
 Стеймацкий Е. М. — 149, 184
 Стрельцов, лейтенант — 60
 Сурис Б. — 14–16, 21
 Сыркин М. Г. — 235

 Тарасов, капитан — 65
 Тартаковский Б. Г. — 15, 16, 21
 Тауберт И. И. — 83
 Теплиц Т. — 327
 Тидхар Д. — 194–197
 Тишкин, майор — 55, 60
 Товбин Б. В. — 150
 Троцкий Л. Д. (наст. фам. Бронштейн) — 134, 137, 151
 Трумпельдор Й. — 161
 Трумэн Г. — 190
 Тув В. — 32
 Тургенев Н. И. — 267
 Туркенич М. — 191

- Тыркалев, старшина — 27
Тэтчер М. — 100
- Узиелов М. А. (Узиели) — 149, 185
Усышкин М. М. — 174
- Федорова Е. — 46, 47, 53
Фейгин Э. Л. — 263, 273
Фельдман Д. З. — 6, 73, 87, 273, 275, 328, 353
Филби К. — 96, 102
Фишер И. А. (Ариэль) — 150, 185
Фишкин А. — 260
Флейшман И. А. (урожд. Погребская) — 238, 243, 257
Флейшман М. — 242, 243, 257
Фоделло К. — 262, 263, 273
Фок М. Я., фон — 263, 264, 273, 326
Форнель, капитан — 27, 28
Французова Г. — 55
Фридберг С. Г. — 275
Фридман Н. — 255
Фришман Д. — 115
Фруг С. Г. — 115
Фруммин, владелец завода — 182
Фрумкин Я. Г. — 249
- Хазан В. И. — 7, 237, 243, 253, 254, 353, 356
Хазиахметов Э. Ш. — 243
Харари М. — 96, 102
Хаскин И. М. — 186
Хемингуэй Э. — 14
Хен И. Э. — 260
Хисамутдинов А. А. — 242
Хованский Н. Н. — 320
Ходнев А. И. — 82, 86
Хонигсман Я. — 21
Хопкинс Х. — 99
- Цвик Л. Б. — 187
Цедербаум А. О. — 105, 113
Ценципер Л. Р. (Рефаэли) — 7, 138, 140, 187
Цетлин М. Л. — 235
- Цинберг И. (С. Л.) — 120
Цымбал В. — 14, 21
- Чарторыйский А. А. — 319
Чемеринский Х. — 119
Червинская Ю. — 20
Черепаха И. — 66
Черников В. — 193
Черниловский З. М. — 12, 21
Чернов В. М. — 251, 253
Чернышев А. А. — 7, 237, 249, 319, 353
Чернышев З. Г. — 74–76, 79, 80
Членов И. — 174
- Шалит Ш. — 165, 195
Шатобриан Р. — 15
Шаховской А. А. — 265, 274
Шашков, повар — 39
Шварц Е. Л. — 155
Шварц, работник Гистадрута — 255, 258
Шевкунов Д. — 29, 30, 32
Шейдеман Ф. — 127, 133, 137
Шленский А. — 165, 180, 181
Шнейдерман А. Э. (Шнери) — 188
Шолом-Алейхем — 108, 113, 115, 118–120, 122, 125, 135, 136
Шор Д. С. — 150, 183
Шохат Д. — 241
Шохтман Б. И. — 189
Шпеер Б. — 266
Штейн, военный служащий — 55
Штемлер И. — 100
Штерн А. — 327
Штиглиц Л. И. — 82
Штраус И. — 131
Шуб Д. — 135, 136, 137
Шукшин, старший сержант — 39
Шульман Н. Г. — 328, 329
Шумелишский М. Г. — 12, 14, 16, 21
- Эйнгорн Д. — 135
Элкан М. — 323

Элькинсон П. А. — 15, 16, 21
Эльяшевич Д. А. — 121, 122, 136
Эпштейн Э. М. (Эйлат) — 190
Эрмант — 215
Эстрайх Г. — 5, 123, 135, 137, 353,
355
Эткинд Е. Г. — 260
Эттингер М. — 327
Эттингер Ш. — 322

Alexeieff A. — 102
Allen K. — 137
Altshuler M. — 21
Aschheim S. E. — 136

Baudelaire Ch. — 103
Bevan J. — 100–103
Blewitt T. E. — 103
Bookbinder P. — 100–102
Briggs A. — 100–103
Brodovitch A. — 102
Bruerton C. — 102
Burlingame R. — 250

Cahan Ab. — см. Каган А. (Эйб)
Cape H. J. — 248, 250
Cassedy S. — 135
Christie A. — 88

Dembovski M. — см. Дембовский
М.

Eliot T. S. — 103
EstraiKh Gennady — см. Эстрайх Г.

Fishman D. E. — 86, 121, 273
Friedman I. — 136

Gide A. — 102
Guershoon C. A. — 261
Guest S. H. — 102

Howard M. S. — 250

Юдович Ш. — 86
Юстиниан, римский император —
157

Ямпольский М. В. — 190
Яффе Л. (Л. Б.) — 121, 122
Яхнович Л. — 135
Яшунский И. В. (Бен-Хаим) —
119, 204

Inditski Y. Y. — 121
Isherwood Ch. — 103

June R. — 257

Khazan V. — см. Хазан В. И.
Krutikov M. — 137

Lederhendler E. — 273
Litvinoff B. — 102
Liulevicius V. G. — 137
Lohr E. — 135, 204

Michels T. — 136
Milton J. — 102
Mirsky D. S. — 102
Moskovich W. — 243

Petrovsky-Shtern Y. — 276
Pouterman J. E. — 102
Pushkin A. S. — см. Пушкин А. С.

Rappaport J. — 120, 121, 136, 137
Rees G. — 100–103
Rogoff H. — 136
Routsky C. — 250

Scheidemann Ph. — см. Шейде-
манн Ф.
Sholem Aleichem — см. Шолом
Алейхем
Shub D. — см. Шуб Д.

Tamarkin Kh. — 122
Tsharni B.-N. — 122

Vishniak M. — см. Вишняк М. В.
Vladeck B. — 122, 137

Winder R. — 100
Wygodski J. — см. Выгодский Я.

Сведения об авторах и публикаторах

Будницкий Олег Витальевич, доктор исторических наук, профессор Национального исследовательского университета Высшая школа экономики, директор Центра истории и социологии Второй мировой войны и ее последствий НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, автор более 200 научных работ, в том числе монографий «Российские евреи между красными и белыми» (2005), «Деньги русской эмиграции: Колчаковское золото. 1918–1957» (2008) и др.

Кельнер Виктор Ефимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Российской национальной библиотеки, сотрудник Центра «Петербургская иудаика» при Европейском университете в Санкт-Петербурге. Автор многочисленных работ по истории российского еврейства и истории российского общественного движения, в том числе фундаментальной биографии С. М. Дубнова: «Миссионер истории: Жизнь и труды Семена Марковича Дубнова» (2008).

Лукин Вениамин, координатор Восточно-Европейского отдела Центрального архива истории еврейского народа в Иерусалиме. Результаты своих исследований в области истории, историографии и археологии российского еврейства публиковал в научных сборниках и периодических изданиях Израиля, России, США и Франции; является одним из авторов книг «Сто еврейских местечек Украины» (СПб., 1997, 2000; Харьков, 1998), «Grandeur and Glory. Remnants of Jewish Art in Galicia» (Jerusalem, 2005).

Миллер Ури, Ph. D., выпускник исторического факультета МГУ, автор многочисленных работ по проблемам построения информационно-поисковых языков и истории спорта, в том числе книги очерков «Спорт в истории евреев и евреи в истории спорта» (2000). Руководитель интернет-проекта (*Jewish* www.ejewish.info). Живет в Иерусалиме.

Минкина Ольга Юрьевна, окончила Петербургский институт иудаики и аспирантуру Европейского университета в С.-Петербурге. Кандидат исторических наук (2009). Тема

диссертации, которую она защитила в Институте истории РАН (Санкт-Петербург), — «Еврейские депутации в Российской империи: 1773–1825 гг.». Автор статей и документальных публикаций по истории российского еврейства конца XVIII — первой половины XIX в.

Рогачевский Андрей Борисович, выпускник филологического факультета МГУ (1988), Ph. D. (1998), преподаватель университета Глазго. Автор книг «Риторические традиции в творчестве А. С. Пушкина» (1994), *A Biographical and Critical Study of the Russian Writer Eduard Limonov* (2003) и *Filming the Unfilmable: Casper Wrede's One Day in the Life of Ivan Denisovich* (2010), а также публикаций по истории и культуре российского еврейства.

Фельдман Дмитрий Захарович, выпускник Московского государственного историко-архивного института (1983), кандидат исторических наук (1996). Главный специалист Российского государственного архива древних актов. Автор нескольких монографий и около 130 статей и документальных публикаций по истории евреев в России XVII–XIX вв.

Френкель Александр Станиславович, директор Еврейского общинного центра Санкт-Петербурга, главный редактор журнала «Народ Книги в мире книг», соредактор сборников научных статей «Из истории еврейской музыки в России» (СПб., 2001; 2006), автор работ по истории еврейской музыки и театра, проблемам книгоиздания и библиографии.

Хазан Владимир, профессор кафедры культуры Центральной и Восточной Европы (Department of Central and Eastern European Cultures) Еврейского университета в Иерусалиме. Автор ряда книг, в том числе «Особенный еврейско-русский воздух» (2001), «Пинхас Рутенберг: от террориста к сионисту»: в 2 т. (2008) и многочисленных статей по проблемам истории и культуры российского еврейства.

Чернышев Андрей Александрович, профессор Московского государственного университета, публикатор литературного наследия М. А. Алданова, в том числе составитель его собраний сочинений в 6 (1996) и 8 (2007) томах.

Эстрайх Геннадий, Ph. D., профессор Нью-Йоркского университета, автор многочисленных работ по истории еврейской

культуры XX в., в том числе монографий: *In Harness: Yiddish Writers' Romance with Communism* (В упряжке: роман идишских писателей с коммунизмом) (2005) и *Yiddish in the Cold War* (Идиш в период холодной войны) (2008).

Abstracts

Boris Komsky

Diary of 1943–45. Edited by Oleg Budnitskii

Sergeant Boris Komsky began his combat path at the Battle of Kursk and ended it in Germany. All this time he kept a diary. Front-line diaries are a rare phenomenon, since it was illegal for a Soviet soldier to keep a diary. The diary depicts the events of the Battle of Kursk from the point of view of its common participant, the author's stay at the hospital after the wounding, his impressions from meeting people of liberated territories. The diary portrays the war's way of life, the everyday life of the reserve regiment where the author served after the wounding. The author's front-line love story occupies a special place in the diary. The diary reflects the events from July 1943 until January 1945.

Dmitri Feldman

The Jew and the Sheep (Yakov Hirsch — the pioneer of sheep breeding in Byelorussia)

The article, based on the documents of the Senate, is devoted to the history of foundation and functioning of one of Russia's first sheep breeding enterprises in Byelorussia at the end of XVIII century. Its founder was a merchant from Silesia, who settled in Mogilev, Yakov Hirsch, known as an author of a project to organize a network of Jewish schools in Russia in 1783. However, his entrepreneurial activity in the sphere of sheep breeding is almost unknown. The article contains statistics on breeds and numbers of animals at the breeding factory, as well as on the wool products produced there. The paper talks of Yakov Hirsch being awarded a golden medal of the Free Economic Society for his achievements in 1783.

Andrei Rogatchevski

Marks, not Marx: On the East European Contribution to the British Retail Trade, Welfare System and National Health Service

Necessity is the mother of invention. Michael Marks showed how to make affluence out of poverty. He became a street trader in the UK after emigrating from the Russian Empire in the 1880s. As he hardly knew any English and could not haggle, Marks sold his goods at a fixed low price. Thus the idea of a consumer paradise for everybody was born. In addition, the internationally renowned Marks & Spencer supermarket chain is indirectly responsible for the creation of the British National Health System, thanks to the M & S's employee

Flora Solomon, yet another Russian Jewish refugee, who became head of the M & S's welfare department.

Alexander Frenkel

The Uprise and Decline of Der fraynd, the First Yiddish Daily in Russia (1903–1914)

The article is dedicated to the dramatic history of *Der fraynd* (St. Petersburg, 1903–1909; Warsaw, 1909–1914). The appearance of this newspaper in January 1903 has broken the longstanding ban for Yiddish periodicals in the Russian Empire and opened the new era in the life of Russian Jewry—the era of the wanton growth of Yiddish press, the flowering of Yiddish secular culture, and the formation of Jewish political parties and mass movements. A special attention is given to the role that this newspaper has played in the appearance of the mass Jewish reading audience in Russia, and in the development of Yiddish language and culture. The article also analyses in detail the crisis of *Der fraynd* after the failure of the 1905 Russian Revolution.

Gennady Estraiikh

Pro-German or Pro-Russian? The New York Forverts during World War I

The majority of editors and contributors of the *Forverts*, the biggest Yiddish daily newspaper, supported Germany during the Great War. They believed that Russia's defeat could help dismantle the tsarist regime and turn Russia into a democratic country. In 1915, Abraham Cahan, editor of the newspaper, visited Germany and some areas of German-occupied Poland. His reports described the German army as a civilizing factor, whereas Russian soldiers, particularly Cossacks, appeared in his articles as «wild barbarians».

Uri Miller

Russian Zionists of the 1920s: a Collective Portrait

The article is devoted to the analysis of the questionnaires collected by Lev Zenziper (Arieh Refaeli), a well known figure of the Russian Zionist movement and its historiographer, from the Russian Zionists who were deported from the USSR mainly in the 1920s and came to Eretz Israel. All 437 questionnaires are stored in the extensive personal fund of Refaeli-Zenziper in the Central Zionist Archive in Jerusalem. The questionnaires were analyzed statistically, which allowed for creating a general representation of the most active «core» of the Zionist movement in Russia. Because most respondents are not familiar to today's readers interested in the subject, brief biographies of the most important activists are included.

***Frontline Letters (From the letters of a Jew — a WWI soldier).
Edited by Viktor Kelner***

The current publication presents previously non-published letters of the Russian Jew, participant in the World War I. These letters have been preserved in archival collections of the Manuscript Department of the Russian National Library. The author of the letters was a young lawyer Samuil Sistrin who served as a volunteer in the Russian army. These letters reflect psychological problems of the Jews who were in service in the Russian field army during one of the key periods of history of the Russian Jewry.

«Interest to you is existed...» (Unrealized projects of M. A. Aldanov's trip to Israel and edition of his writings in Hebrew). Edited by Andrei Chernyshev and Vladimir Khazan

The correspondence between a well-known Russian émigré writer Marc Aldanov (original name: Marc Alexandrovich Landau; 1886–1957) and a couple of Pogrebetsky has been contained A. Tchernyshev's and V. Khazan's publication «“Interest to you is existed...” (Unrealized projects of M. A. Aldanov's trip to Israel and edition of his writings in Hebrew)». Alexander Il'ich Pogrebetsky (1893–1953), a member of the socialist-revolutionary party, self-educated economist, during the Russian Civil War was a director of the National Bank in Irkutsk (Siberia) and then, after the establishing of the Far Eastern (Chita) Republic (April 1920 — November 1922), he became a director of its bank. Since 1920s A. Pogrebetsky and his wife Margarita Faddeevna (née Vol'skaia) settled in Harbin where he managed the financial-economic department of the Chinese Eastern Railway (CER). In 1948 Pogrebetsky family leaved China and have removed to Israel. One of the main theme which is discussed by that in published letters is organization of the M. Aldanov's trip to Israel and translation of his writings in Hebrew and their edition there as well. Unfortunately, the A. Pogrebetsky's death in 1953 destroyed these plans.

«The Lament of the Daughter of Judah» 26 years later. The Project of the Jewish Reform 1829 and Its Author. Edited by Vladimir Lukin and Olga Minkina

V. Lukin and O. Minkina present the publication of the «The Project of Improvement of the upset position of the Jewish People up to one million male and female in Russia living with the some explanations on this subject since time of joining from Poland with different provinces to Russia» (late 1828-early 1829). The project was submitted to the Fourth Jewish Committee or to the Third Department of His Majesty's Own Chancellery. Probably the project was written by Leiba (Lev) Nevakhovich, the first Russian-Jewish writer, author of «The Lament of the Daughter of Judah»

(1803). The newly discovered project is the bright example of the Russian Haskala politic thought. Author proposed the cancelling of exceptional legislation about the Jews or (in worst case) imposing some administrative measures directed to increasing of Jews' status. Also the project includes the overview on the history of the Jews in late 18-early 19 centuries Russian Empire with some allusions on interesting facts unknown from other sources.

Содержание

О. В. Будницкий. От редактора 5

ДНЕВНИКИ

Б. Г. Комский. Дневник 1943—1945 гг.
Вступительная статья, публикация, примечания
О. В. Будницкого 11

ИССЛЕДОВАНИЯ

Д. З. Фельдман. Еврей и овцы
(Яков Гирш — зачинатель овцеводства в Белоруссии) 73

А. Б. Рогачевский. Marks, not Marx:
Марксизм на службе капитализма, или о восточноевропейском
вкладе в формирование британской розничной торговли
и системы социального обеспечения и здравоохранения 88

А. С. Френкель. Восхождение и закат «Дер фрайнд» —
первой в России ежедневной газеты на идише (1903—1914) . . . 104

Г. Эстрайх. За немцев или за русских?
Нью-Йоркский «Форвертс» в Первую мировую войну 123

У. Миллер. Российские сионисты 1920-х гг.:
коллективный портрет 138

ДОКУМЕНТЫ

Фронтовые письма (из писем еврея — солдата Первой
мировой войны). *Публикация, вступительная статья*
и примечания В. Е. Кельнера 201

«...интерес к Вам есть...» (Неосуществленные проекты поездки
М. А. Алданова в Израиль и его издания на иврите).
Публикация А. А. Чернышева (Москва), В. Хазана (Иерусалим).
Вступительная заметка и комментарии В. Хазана 237

«Вопль дочери иудейской» 26 лет спустя.
Проект еврейской реформы 1829 г. и его автор.
Публикация, вступительная статья и примечания
В. М. Лукина и О. Ю. Минкиной 262

Указатель имен 333

Сведения об авторах и публикаторах 342

Abstracts 345

Contents

Oleg Budnitskii. From the Editor 5

DIARIES

Boris Komsky. Diary of 1943–1945. Edited by Oleg Budnitskii. 11

RESEARCH

Dmitri Feldman. The Jew and the Sheep (Yakov Hirsch —
the pioneer of sheep breeding in Byelorussia) 73

Andrei Rogatchevski. Marks, not Marx: On the East European
Contribution to the British Retail Trade, Welfare System
and National Health Service 88

Alexander Frenkel. The Uprise and Decline of Der fraynd,
the First Yiddish Daily in Russia (1903–1914) 104

Gennady Estraikh. Pro-German or Pro-Russian?
The New York Forverts during World War I 123

Uri Miller. Russian Zionists of the 1920-s: a Collective Portrait 138

DOCUMENTS

Frontline Letters (From the letters of a Jew — a WWI soldier).
Edited by Viktor Kelner 201

«Interest to you is existed...» (Unrealized projects of M. A. Aldanov's
trip to Israel and edition of his writings in Hebrew).
Edited by Andrei Chernyshev and Vladimir Khazan. 237

«The Lament of the Daughter of Judah» 26 years later.
The Project of the Jewish Reform 1829 and Its Author.
Edited by Vladimir Lukin and Olga Minkina. 262

Index 333

Contributors to this volume 342

Abstracts 345

Научное издание

Архив еврейской истории
Том 6

Ведущий редактор *Е. А. Кочанова*
Редактор *Л. Г. Анохова*
Художественное оформление *А. Ю. Никулин*
Технический редактор *М. М. Ветрова*
Выпускающий редактор *Е. Д. Щепалова*
Компьютерная верстка *Т. Т. Богданова*
Корректор *Е. Л. Бородина*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать
Формат 60x90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 22.
Тираж   экз. Заказ

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

117393, Москва, ул. Профсоюзная, д. 82
Тел.: 334-81-87 (дирекция), 334-82-42 (отдел реализации)

